

Мифы скандинавов: Из эдд и саг

Е. А. Гербер

MYTHS OF THE NORSEMEN

FROM THE EDDAS AND SAGAS

BY

H. A. GUERBER

AUTHOR OF "THE MYTHS OF GREECE AND ROME" ETC.

LONDON

GEORGE G. HARRAP & COMPANY

15 YORK STREET COVENT GARDEN

1909

Электронная книга проекта Гутенберга Мифы скандинавов: из эдд и саг

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Мифы скандинавов: Из эдд и саг

Автор: Е. А. Гербер

Дата выхода: 4 апреля 2009 г. [Электронная книга № 28497]

Последнее обновление: 4 января 2021 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net/>

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "МИФЫ СКАНДИНАВОВ: ИЗ ЭДД И САГ" ***

Ошибка! Закладка не определена.

Норвежцы высаживаются в Исландии

Оскар Вергеланд

Мифы скандинавов

Из Эдд и саг

Е. А. Гербер,

Автор книги “Мифы Греции и Рима” и др.

Лондон

George G. Harrap & Company

Йорк -стрит, 15, Ковент - Гарден
1909

Ошибка! Закладка не определена.

Напечатано BALLANTYNE & CO. LIMITED

Тависток-стрит, Ковент-Гарден, Лондон **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Содержание

1. ГлаваI. Страница
2. I. [Начало](#) 1
3. II. [Один](#) 16
4. III. [Фригга](#) 42
5. IV. [Тор](#) 59
6. Против [Тира](#) 85
7. VI. [Браги](#) 95
8. VII. [Идун](#) 103
9. VIII. [Niörd](#) 111
10. IX. [Фрей](#) 117
11. X. [Фрея](#) 131
12. XI. [Уллер](#) 139
13. XII. [Форсети](#) 142
14. XIII. [Хеймдалль](#) 146

15. XIV. [ГЕРМОД](#) 154
16. XV. [ВИДАР](#) 158
17. XVI. [VALI](#) 162
18. XVII. [НОРНЫ](#) 166
19. XVIII. [ВАЛЬКИРИИ](#) 173
20. XIX. [ХЕЛЬ](#) 180
21. XX. [ЭГИР](#) 185
22. XXI. [БАЛЬДЕР](#) 197
23. XXII. [ЛОКИ](#) 216
24. XXIII. [ГИГАНТЫ](#) 230
25. XXIV. [ГНОМЫ](#) 239
26. XXV. [ЭЛЬФЫ](#) 246
27. XXVI. [САГА О СИГУРДЕ](#) 251
28. XXVII. [САГА О ФРИТЬОФЕ](#) 298
29. XXVIII. [СУМЕРКИ БОГОВ](#) 329
30. XXIX. [ГРЕЧЕСКАЯ И СЕВЕРНАЯ МИФОЛОГИИ—СРАВНЕНИЕ](#) 342
31. [Указатель поэтических цитат](#) 367
32. [Глоссарий и указатель](#) 369

Ошибка! Закладка не определена.

Ошибка! Закладка не определена.

Список иллюстраций

1. Высадка норвежцев в Исландии (*Оскар Вергеланд*) *Фронτισпис*
2. *На главную страницу*
3. [Великан с пылающим мечом](#) (*Дж. К. Доллман*) 2
4. [Волки, преследующие Сола и Мани](#) (*Дж. К. Доллман*) 8
5. [Один](#) (*сэр Э. Берн-Джонс*) 16
6. [Избранные убиты](#) (*К. Дилиц*) 18
7. [Набег викингов](#) (*Дж. К. Доллман*) 20
8. [Гамельнский крысолов](#) (*Х. Каульбах*) 28
9. [Один](#) (*Б. Э. Фогельберг*) 36
10. [Фригга, Вращающая облака](#) (*Дж. К. Доллман*) 42
11. [Tannhäuser and Frau Venus](#) (*J. Wagrez*) 52
12. [Eástre](#) (*Jacques Reich*) 54
13. [Нимфы Хульдры](#) (*Б. Э. Уорд*) 58
14. [Тор](#) (*Б. Э. Фогельберг*) 60
15. [Сиф](#) (*Дж. К. Доллман*) 64
16. [Тор и гора](#) (*Дж. К. Доллман*) 72
17. [Набег](#) (*А. Мальмстрем*) 88
18. [Узы Фенриса](#) (*Дороти Харди*) 92
19. [Идун](#) (*Б. Э. Уорд*) 100
20. [Локи и Тиасси](#) (*Дороти Харди*) 104
21. [Frey](#) (*Jacques Reich*) 118

22. Фрейя (Н. Дж. О. Бломмер) 132
23. Радужный мост (Х. Хендрич) 146
24. Хеймдалль (Дороти Харди) 148
25. Ярл (Альберт Эдельфельт) 152
26. Норны (К. Эренберг) 166
27. Несчастные (Дороти Харди) 170
28. Дева-лебедь (Гертруда Демейн Хэммонд, R.I.) 174
29. Полет Валькирий (Дж. К. Доллман) 176
30. Брюнхильд и Зигмунд (Дж. Вагрез) 178
31. Дорога в Валгаллу (Северин Нильссон) 182
32. Эгир (Дж. П. Молин) 186
33. Ран (М. Э. Виндж) 190
34. Неккан (Дж. П. Молин) 194
35. Локи и Ходур (К. Г. Кварнстрем) 202
36. Смерть Болдера (Дороти Харди) 206
37. Гермод перед Хелой (Дж. К. Доллман) 210
38. Локи и Свадильфари (Дороти Харди) 222
39. Локи и Сигин (М. Э. Виндж) 228
40. Тор и великаны (М. Э. Виндж) 230
41. Торхаттен 234
42. Вершины Троллей 244
43. Танец эльфов (Н. Дж. О. Бломмер) 246
44. Белые эльфы (Чарльз П. Сейнтон, R.I.) 248
45. Старинные дома с резными столбами 250
46. Оборотни (Дж. К. Доллман) 260
47. "C:\\Users\\James Bond\\Desktop\\К - ПЕРЕВЕДЕНО\\РАЗНОЕ\\героя" (М. Э. Виндж) 264
48. Похоронная процессия (Х. Хендрих) 268
49. Сигурд и Фафнир (К. Дилиц) 274
50. Сигурд находит Брюнхильд (Дж. Вагрез) 278
51. Один и Брюнхильд (К. Дилиц) 280
52. Аслауг (Гертруда Демейн Хаммонд, Р.И.) 282
53. Сигурд и Гуннар (Дж. К. Доллман) 284
54. Смерть Зигфрида (Х. Хендрих) 288
55. Конец Брюнхильды (Дж. Вагрез) 290
56. Ингеборг (М. Э. Винге) 304
57. Фритьоф раскалывает щит Хельге (Кнута Эквалла) 308
58. Ингеборг смотрит, как уходит ее Возлюбленный (Кнут Эквалл) 312
59. Возвращение Фритьофа во Фрамнес (Кнут Эквалл) 316
60. Фритьоф в святилище Бальдра (Кнут Эквалл) 318
61. Фритьоф при дворе Ринга (Кнут Эквалл) 320
62. Фритьоф наблюдает за спящим королем (Кнут Эквалл) 324
63. Один и Фенрис (Дороти Харди) 334
64. Полет Валькирий (Х. Хендрих) 344
65. Путешествие со штормом (Гилберт Байес) 358

Ошибка! Закладка не определена.

Ошибка! Закладка не определена.

Введение

Первостепенная важность грубых фрагментов поэзии, сохранившихся в ранней исландской литературе, теперь никем не оспаривается, но до недавнего времени существовало необычайное безразличие к богатству религиозных традиций и мифических преданий, которые они содержат.

Долгое пренебрежение этими драгоценными записями наших языческих предков не является виной материала, в котором запечатлено все, что сохранилось от их религиозных верований, ибо можно с уверенностью утверждать, что Эдда столь же богата основами национальной романтики и расовым воображением, какими бы грубыми они ни были, как и более изящная и идиллическая мифология Юга. Это также не связано с чем-то слабым в представлении о самих божествах, поскольку, хотя они, возможно, и не достигают больших духовных высот, передовые исследователи исландской литературы соглашаются, что они выделяются грубостью и массивностью, как скандинавские горы. Они демонстрируют “дух победы, превосходящий грубую силу, превосходящий простую материю, дух, который сражается и побеждает”.¹ “Даже если какая-то часть материи их мифов была заимствована у других, все же скандинавы наделили своих богов благородным, честным, великим духом и возвели их на высокий уровень, который принадлежит только им”.² “Фактически, в этих древнескандинавских песнях есть правда, внутренняя вечная правда и величие. **Ошибка! Закладка не определена.** Это величие не просто тела и гигантских размеров, но грубое величие души”.³

Введение христианства на Север принесло с собой влияние классических рас, и это в конечном итоге вытеснило местный гений, так что инопланетная мифология и литература Греции и Рима составляли все большую часть ментального оснащения северных народов по мере того, как местной литературой и традициями пренебрегали.

Несомненно, северная мифология оказала глубокое влияние на наши обычаи, законы и язык, и, следовательно, они послужили источником огромного бессознательного вдохновения для английской литературы. Наиболее отличительными чертами этой мифологии являются особый мрачный юмор, которого нет ни в одной религии другой расы, и мрачная нить трагедии, пронизывающая весь мир, и эти характеристики, затрагивающие обе крайности, широко распространены в английской литературе.

Но сознательного влияния по сравнению с богатым потоком эллинского вдохновения найти практически невозможно, и если мы обратимся к современному искусству, разница станет еще более очевидной.

Это безразличие можно объяснить многими причинами, но в первую очередь оно было вызвано тем фактом, что религиозные верования наших языческих предков не были по-настоящему стойкими. Отсюда успех более или менее продуманной политики раннехристианских миссионеров по смешению языческих верований и объединению их в **Ошибка! Закладка не определена.** новая вера, интересный пример которой можно увидеть в перенесении на христианский праздник Пасхи атрибутов языческой богини Астры, от которой он и получил даже название. Таким образом, северная мифология была остановлена еще до того, как достигла своего полного развития, а прогресс христианства в конечном счете низвел ее до уровня забытых вещей. Однако его всеобъемлющая и разумная схема,

резко контрастирующая с разрозненной мифологией Греции и Рима, легла в основу более или менее рациональной веры, которая подготовила скандинавов к принятию учения христианства и тем самым помогла им самим погибнуть.

Религиозные верования Севера сколь-нибудь точно не отражены в "Старшей Эдде". Действительно, в норвежской литературе сохранилась лишь пародия на веру наших предков. Ранний поэт любил аллегии, и его воображение буйствовало среди концепций его плодотворной музыки. "Его взгляд был прикован к горам до тех пор, пока заснеженные вершины не приобретали человеческие черты и гигант скалы или льда не спускался тяжелой поступью; или он смотрел на великолепие весны или летних полей, пока Фрейя со сверкающим ожерельем не выходила вперед, или Сиф с развевающимися золотыми локонами".⁴

Нам ничего не говорится о жертвоприношениях и религиозных обрядах, а все остальное опущено, что не дает материала для художественной обработки. Таким образом, так называемую северную мифологию можно рассматривать как **Ошибка! Закладка не определена**. драгоценная реликвия начала северной поэзии, а не как отражение религиозных верований скандинавов, и эти литературные фрагменты несут в себе много признаков переходного этапа, на котором легко очевидна путаница старой и новой вер.

Но, несмотря на ограничения, налагаемые долгим забвением, можно частично реконструировать план древних скандинавских верований, и обычный читатель извлечет большую пользу из поучительного исследования Карлейля "Герои и поклонение героям". "Сбивающие с толку, неразрывные джунгли заблуждений, путаницы, лжи и абсурдности, охватывающие всю сферу Жизни!" - называет он их со всеми основаниями. Но далее он с равной правдивостью показывает, что в основе этого грубого поклонения искаженной природе лежала духовная сила, ищущая выражения. На то, что мы исследуем без благоговения, они смотрели с благоговением и, не понимая этого, сразу же обожествляли, как это были склонны делать все дети на всех этапах мировой истории. Поистине, они были героопоклонниками по душе самому Карлейлю, и скептицизму не было места в их простой философии.

Это было зарождение мысли, когда она смотрела на вселенную, наполненную божественностью, и искренне верила. Великодушный народ, тянувшийся в темноте к идеалам, которые были лучше, чем они думали. Рагнарек должен был уничтожить их богов, потому что они отступили от своих более высоких стандартов.

Мы должны поблагодарить любопытный феномен за **Ошибка! Закладка не определена**. сохранение столь значительной части старых знаний, которой мы все еще обладаем. В то время как иностранные влияния искажали норвежский язык, он оставался практически неизменным в Исландии, которая была колонизирована с материка норвежцами, бежавшими туда, спасаясь от гнета Гарольда Прекрасноволосого после его сокрушительной победы при Хафрсфирте. Эти люди принесли с собой поэтический гений, который уже проявил себя, и он пустил свежие корни в этой бесплодной почве. Многие древнескандинавские поэты были уроженцами Исландии, и в начале христианской эры христианский священник Семунд оказал величайшую услугу скандинавской литературе, усердно собрав большое количество языческой поэзии в сборник, известный как "Старшая Эдда", который является главной основой наших нынешних знаний о религии наших норвежских предков. Однако исландская литература оставалась закрытой книгой до конца восемнадцатого века, и с тех пор она очень медленно прокладывала себе путь сквозь зубы безразличия, пока не появились признаки того, что в конце концов она вступит в свои права.

“Знание старой Веры, ” говорит Карлайл, “ приводит нас в более тесную и ясную связь с Прошлым - с нашими собственными владениями в Прошлом. Ибо все Прошрое - это владение Настоящим; в Прошлом всегда было что-то истинное, и это драгоценное владение”.

Веские слова Уильяма Морриса о “Саге о Вельсунгах” также уместно процитировать в качестве введения ко всему этому сборнику "Мифы о **Ошибка! Закладка не определена.** греков — сначала для всей нашей расы, а затем, когда изменение мира завершится”. Ссылка \l "Xb949b7330de6b281f34349e6916fcd6234b96f9" \h" сделали нашу расу не более чем названием того, что было, — и историей тоже, — тогда она должна быть для тех, кто придет после нас, не меньше, чем Сказка о Трое была для нас ”.

1 “Северная мифология”, Кауфманн.

2 Холлидей Спарлинг.

3 Карлайл, “Герои и поклонение героям”.

4 “Северная мифология”, Кауфманн.

Ошибка! Закладка не определена.

Ошибка! Закладка не определена.

Глава I: Начало

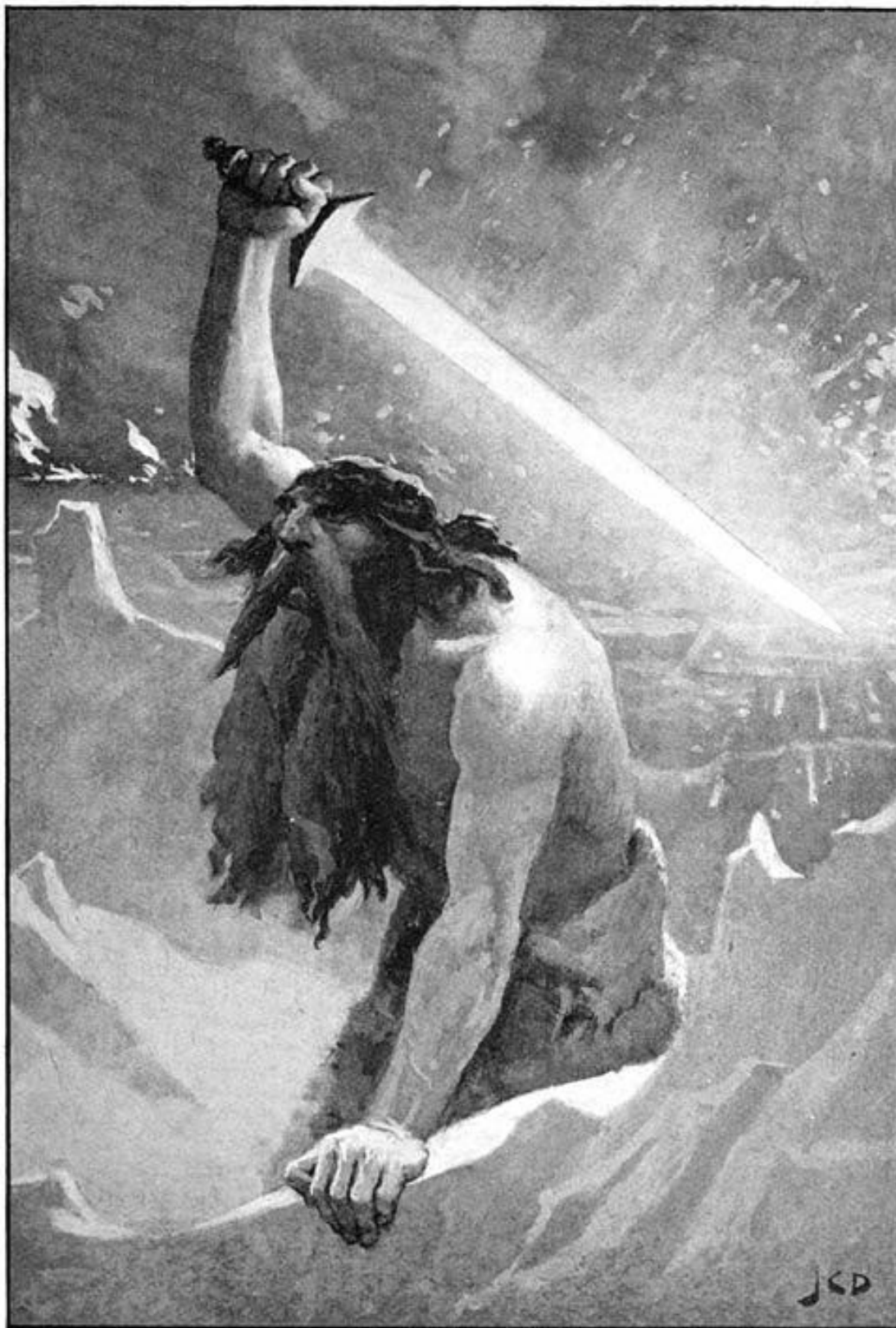
Мифы о сотворении мира

Хотя некоторые авторитетные источники предполагают, что арийские жители Северной Европы родом с иранского нагорья, расположенного в сердце Азии, климат и пейзажи стран, где они в конце концов поселились, оказали большое влияние на формирование их ранних религиозных верований, а также на упорядочение их образа жизни.

Величественные и суровые пейзажи Северной Европы, полуночное солнце, сверкающие лучи северного сияния, океан, постоянно яростно набрасывающийся на огромные скалы и айсберги за Полярным кругом, не могли не произвести на людей такого же яркого впечатления, как почти чудесная растительность, вечный свет, голубые моря и небеса их короткого летнего сезона. Поэтому неудивительно, что исландцы, например, которым мы обязаны наиболее точными свидетельствами этой веры, глядя вокруг, воображали, что мир изначально был создан из странной смеси огня и льда.

Северная мифология величественна и трагична. Его основная тема - вечная борьба благотворных сил Природы против пагубных, и поэтому она не носит изящного и идиллического характера, как религия солнечного Юга, где люди могли греться на вечном солнце, а плоды земли росли у них под рукой.

Вполне естественно, что опасности, связанные с охотой и рыбной ловлей под этим ненастным небом, и страдания, вызванные долгими холодными зимами, когда никогда не светит солнце, заставили наших предков рассматривать холод и лед как злобных духов; и не менее справедливо, что они с особым рвением взывали к благотворному влиянию тепла и света.

Великан с Пылающим мечом

Дж . Си Доллман

Ошибка! Закладка не определена.

Отвечая на вопрос о сотворении мира, северные скальды, или поэты, песни которых сохранились в Эддах и сагах, заявили, что в начале, когда еще не было ни земли, ни моря, ни

воздуха, когда тьма царила над всем, существовало могущественное существо по имени Всеотец, которого они смутно представляли как несотворенного, а также невидимого, и что все, чего он пожелал, сбылось.

На заре времен в центре космоса находилась великая пропасть, называемая Гиннунга-гэп, расселина расщелин, зияющая пропасть, глубины которой не мог постичь ни один глаз, поскольку она была окутана вечными сумерками. К северу от этой обители находилось пространство или мир, известный как Нифль-хейм, дом тумана и тьмы, в центре которого журчал неиссякаемый источник Хвергельмир, кипящий котел, воды которого питали двенадцать великих потоков, известных как Эливагар. Поскольку вода этих потоков быстро уходила от своего источника и встречалась с холодными порывами из зияющего залива, она вскоре затвердела, превратившись в огромные глыбы льда, которые скатывались вниз, в неизмеримые глубины великой бездны, с непрерывным грохотом, подобным раскатам грома.

К югу от этой темной пропасти, прямо напротив Нифль-хейма, царства тумана, находился другой мир под названием Муспелльс-хейм, дом стихии огня, где все было теплым и ярким, и границы которого постоянно охранял Суртр, огненный гигант. Этот великан яростно размахивал своим сверкающим мечом и непрерывно выбрасывал снопы искр, которые с шипением падали на ледяные глыбы на дне пропасти и частично растопляли их своим жаром.

“Великий Суртур со своим пылающим мечом охранял Юг у ворот Маспела, И из мира огня исходили вспышки небесного пламени, Дающего Жизнь”.

Валгалла (Дж. К. Джонс). **Ошибка! Закладка не определена.**

Имир и Аудумла

Когда пар поднимался облаками, он снова сталкивался с преобладающим холодом и превращался в иней, который слой за слоем заполнял огромное центральное пространство. Таким образом, благодаря постоянному действию холода и жары, а также, вероятно, по воле несотворенного и невидимого, гигантское существо по имени Имир или Оргельмир (кипящая глина), олицетворение замерзшего океана, ожило среди ледяных глыб в бездне, и поскольку оно было рождено из инея, его называли Хрим-турс, или ледяной великан.

“В давние времена, Когда жил Имир, Не было ни песка, ни моря, Ни охлаждающей волны; Не было найдено ни земли, Ни небес над ней; Один хаос повсюду, И нигде травы”.

"Эдда Семунда" (т. р. Гендерсона).

Блуждая ощупью в темноте в поисках чего-нибудь съестного, Имир увидел гигантскую корову по имени Аудумла (кормилица), которая была создана тем же агентством, что и он сам, и из тех же материалов. Поспешив к ней, Имир с удовольствием заметил, что из ее вымени текут четыре больших потока молока, которые должны были обеспечить достаточное питание.

Таким образом, все его потребности были удовлетворены; но корова, в свою очередь оглядываясь в поисках пищи, принялась слизывать соль с соседней ледяной глыбы своим шершавым языком. Она продолжала делать это до тех пор, пока сначала не появились волосы бога, а затем вся голова не появилась из своей ледяной оболочки, пока мало-помалу Бури (продюсер) не вышел на свободу полностью.

Пока корова занималась этим, Имир, **Ошибка! Закладка не определена.** великан, уснул, и пока он спал, из пота у него подмышкой родились сын и дочь, а у его ног появились

шестиглавый великан Труджельмир, который вскоре после своего рождения, в свою очередь, произвел на свет великана Бергельмира, от которого произошли все злые ледяные великаны. спустился.

“Под мышкой выросли, Как сказано о Хрим-турсе, девочка и мальчик вместе; Нога в ногу породили мудрого Етуна, шестиглавого сына”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Один, Вили и Ве

Когда эти великаны узнали о существовании бога Бури и его сына Бора (борна), которого он немедленно произвел на свет, они начали войну против них, ибо, поскольку боги и великаны представляли противоположные силы добра и зла, не было никакой надежды на то, что они будут жить вместе в мире. Борьба, очевидно, продолжалась целую вечность, ни одна из сторон не получила решающего преимущества, пока Бор не женился на великанше Бестле, дочери Болторна (шипа зла), которая родила ему трех могущественных сыновей: Одина (духа), Вили (волю) и Ве (святого). Эти трое сыновей немедленно присоединились к своему отцу в его борьбе с враждебными ледяными великанами, и в конце концов им удалось убить своего самого смертоносного врага, великого Имира. Когда он упал бездыханным, кровь хлынула из его ран такими потоками, что вызвала великий потоп, в котором погиб весь его род, за исключением Бергельмира, который спасся на лодке и отправился со своей женой на край света.

“И весь род Имира ты потопил, за исключением одного, Бергельмера: он спасся от Твоего потопа на борту корабля, и из него произошли великаны”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд). **Ошибка! Закладка не определена.**

Здесь он поселился, назвав это место Етунхейм (дом великанов), и здесь он породил новую расу ледяных великанов, которые унаследовали его неприязнь, продолжили вражду и всегда были готовы совершить вылазку из своей пустынной страны и совершить набег на территорию богов.

Боги, в северной мифологии называемые Асами (столпы и сторонники мира), одержав таким образом победу над своими врагами и больше не будучи вовлеченными в бесконечную войну, теперь начали оглядываться вокруг с намерением улучшить пустынный вид вещей и создать пригодный для жизни мир. После должного размышления сыновья Бора скатили огромное тело Имира в зияющую бездну и начали создавать мир из его различных составных частей.

Сотворение Земли

Из плоти они создали Мидгارد (срединный сад), как называлась земля. Он был расположен точно в центре огромного пространства и со всех сторон окружен изгородью из бровей Имира в качестве бастиона. Твердая часть Мидгарда была окружена кровью или потом великана, которые образовали океан, в то время как его кости образовали холмы, его плоские зубы - утесы, а его кудрявые волосы - деревья и всю растительность.

Весьма довольные результатом своих первых усилий по сотворению мира, боги теперь взяли громоздкий череп великана и искусно расположили его в виде сводчатых небес над землей и морем; затем, разбросав его мозги по всему пространству внизу, они создали из них ворсистые облака.

“Из плоти Имира была создана земля, Из его крови - море, Из его костей - холмы”, **Ошибка! Залладка не определена.** Из его волос деревья и растения, Из его черепа небеса И из его бровей Нежные силы Сформировали Мидгард для сынов человеческих; Но из его мозга созданы Все тяжелые облака”.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Чтобы поддерживать небесный свод, боги разместили сильных гномов Нордри, Судри, Аустри, Вестри по его четырем углам, приказав им поддерживать его на своих плечах, и от них четыре стороны компаса получили свои нынешние названия Север, Юг, Восток и Запад. Чтобы дать свет созданному таким образом миру, боги усеяли небесный свод искрами, добытыми из Муспелльс-хейм, светящимися точками, которые устойчиво сияли во мраке, подобно ярким звездам. Однако самые яркие из этих искр предназначались для изготовления солнца и луны, которые помещались в прекрасные золотые колесницы.

“И из пылающего мира, где правит Маспел, Ты послал и извлек огонь, и сотворил светила: Солнце, луну и звезды, которые ты повесил на небесах, Четко разделяя пути ночи и дня”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Когда все эти приготовления были закончены и кони Арвакр (ранний пробуждающий) и Алсвин (быстрый ездок) были запряжены в солнечную колесницу, боги, опасаясь, как бы животные не пострадали от близости к огненной сфере, подложили им под холки огромные шкуры, наполненные воздухом или каким-то охлаждающим веществом. Они также изготовили щит Svalin (охладитель) и разместили его перед машиной, чтобы защитить их от прямых солнечных лучей, которые в противном случае **Ошибка! Залладка не определена.** сожгли их и землю дотла. Лунная повозка была точно так же снабжена резвым скакуном по имени Альсвидер (всескоростной); но не требовалось щита, чтобы защитить его от мягких лучей луны.

Мани и Сол

Колесницы были готовы, кони запряжены и горели нетерпением начать свой ежедневный обход, но кто должен был направить их по верному пути? Боги огляделись по сторонам, и их внимание привлекли два прекрасных отпрыска великана Мундильфари. Он очень гордился своими детьми и назвал их в честь недавно созданных сфер - Мани (луна) и Сол (солнце). Сол, дева-Солнце, была супругой Глаура (сияния), который, вероятно, был одним из сыновей Суртра.

Оказалось, что имена были дарованы счастливо, поскольку брату и сестре было поручено управлять лошадьми их ярких тезок. Получив надлежащий совет от богов, они были перенесены на небо и день за днем выполняли возложенные на них обязанности и вели своих коней по небесным тропам.

“Знай, что Мундильфер высок

Отец луны и солнца;

Век за веком пройдет,

Пока они отмечают месяцы и дни”.

Гавамаль (перевод У. Тейлора).

Затем боги призвали Нотт (ночь), дочь Норви, одного из великанов, и поручили ее заботам темную колесницу, запряженную конем цвета соболя Хрим-факси (морозная грива), с развевающейся гривы которого на землю падали роса и иней.

“Хрим-факси - это соболиный скакун,

С востока, кто приносит ночь,

Таящий в себе бурные радости любви: **Ошибка! Закладка не определена.**

Пока он чавкает пенистым кусочком,

Капли росы разбросаны вокруг

Чтобы украсить долины земли”.

Вафтрудни-мэл (тр. У. Тейлора).

Богиня ночи была трижды замужем, и от первого мужа, Нагльфари, у нее родился сын по имени Ауд; от второго, Аннара, дочь Йорд (земля); а от третьего, бога Деллингера (рассвет), у нее родился еще один сын, лучезарной красоты, и ему дали имя Даг (день).

Волки , преследующие Сола и Мани

Дж . Си Доллман

Как только боги узнали о существовании этого прекрасного существа, они также снабдили его колесницей, запряженной великолепным белым скакуном факси (сияющая грива), из гривы которого во все стороны исходили яркие лучи света, освещающая весь мир и принося свет и радость всем.

“Далее с востока, по восхождению на небеса,

Дэй управлял своим скакуном с сияющей гривой”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Волки Скелл и Хати

Но поскольку зло всегда идет по следам добра, надеясь уничтожить его, древние жители Северных регионов воображали, что и Солнце, и Луну постоянно преследуют свирепые волки Скелль (отвращение) и Хати (ненависть), единственной целью которых было настичь и проглотить блестящие объекты перед ними, чтобы мир снова погрузился в первозданную тьму.

“Волка зовут Скелль

Что светлоликая богиня

За океаном гонится;

Еще одна высота Хати

Он сын Гродвитнира;

Ему будет предшествовать светлая дева небес”.

"Эдда Самуны" (сборник Торпа). Ошибка! Закладка не определена.

Иногда, по их словам, волки настигали и пытались проглотить свою добычу, вызывая таким образом затмение сияющих шаров. Затем перепуганные люди подняли такой оглушительный рев, что волки, напуганные шумом, поспешно бросили их. Спасенные таким образом, Солнце и Луна возобновили свой путь, убегая быстрее, чем раньше, голодные монстры неслись за ними по пятам, с нетерпением ожидая того времени, когда их усилия восторжествуют и наступит конец света. Ибо северные народы верили, что, поскольку их боги возникли в результате союза божественного элемента (Бор) и смертного (Бестла), они были конечны и обречены погибнуть вместе с миром, который они создали.

- Но даже в это раннее утро

Едва виднелся рассвет

Об этой жестокой борьбе, смертельном шоке,

Который все же должен закончиться Рагнареком;

Когда Добро и Зло, Смерть и Жизнь,

Начни сейчас, а потом положи конец их раздорам”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Мани сопровождали также Хиуки, растущая луна, и Бил, убывающая луна, двое детей, которых он похитил с земли, где жестокий отец заставил их носить воду всю ночь. Нашим предкам казалось, что они видели этих детей, настоящих “Джека и Джилл”, с их ведерком, темными очертаниями на фоне луны.

Боги не только назначили Солнце, Луну, День и Ночь для обозначения хода года, но также созвали Вечер, Полночь, Утро, Предутреннюю пору, полдень и Вторую половину дня, чтобы разделить их обязанности, сделав Лето и зиму правителями времен года. Лето, прямой потомок Свасуда (мягкого и милого), унаследовал мягкий нрав своего отца и был любим

всеми, кроме Зимы, его смертельного врага, сына Виндсуала, самого себя **Ошибка! Залладка не определена.**сын неприятного бога Васуда, олицетворения ледяного ветра.

- Его зовут Виндсуал

Кто породил бога зимы;

Наступило лето из Суасура:

Оба пройдут путь лет,

До сумерек богов”.

Вафтрудни-мэл (тр. У. Тейлора).

Холодные ветры постоянно дули с севера, охлаждая всю землю, и северяне воображали, что их приводит в движение великий великан Хре-свелгр (глотатель трупов), который, облаченный в орлиные перья, восседал на крайнем северном краю небес, и что, когда он поднимал руки или крылья, вырывались холодные порывы ветра и безжалостно проносились по лицу земли, уничтожая все сущее своим ледяным дыханием.

- Его зовут Хре-свелгер

Тот, кто сидит за краем небес,

И широко расправляет свои орлиные крылья,

Откуда рождаются стремительные взрывы”.

Вафтрудни-мэл (тр. У. Тейлора).

Гномы и эльфы

В то время как боги были заняты созданием земли и обеспечением ее освещения, во плоти Имира размножилось целое полчище существ, похожих на личинок. Эти неотесанные существа теперь привлекли божественное внимание. Призвав их к себе, боги сначала придали им форму и наделили сверхчеловеческим разумом, а затем разделили их на два больших класса. Те, кто были темными, вероломными и хитрыми по своей природе, были сосланы в Сварт-альфа-хейм, дом черных гномов, расположенный под землей, откуда им никогда не разрешалось выходить в течение дня под страхом превращения в камень. Они были **Ошибка! Залладка не определена.**назывались карликами, троллями, гномами или кобольдами и тратили все свое время и энергию на исследование тайных уголков земли. Они собирали золото, серебро и драгоценные камни, которые прятали в потайных щелях, откуда могли извлекать их по своему желанию. Остальных этих маленьких созданий, включая всех, кто был прекрасен, добр и полезен, боги назвали Феями и Эльфами и отправили их жить в воздушное царство Альф-хейм (дом светлых эльфов), расположенное между небом и землей, откуда они могли спускаться, когда им заблагорассудится, ухаживать за растениями и цветами, резвиться с птицами и бабочками или танцевать в серебристом лунном свете на зелени.

Один, который был ведущим духом во всех этих начинаниях, теперь повелел богам, своим потомкам, следовать за ним на широкую равнину под названием Идаволд, высоко над землей, по другую сторону великого потока Ифинг, воды которого никогда не замерзали.

“Глубокая и мрачная волна Айфинга”

Разделяет древних сынов земли

Из жилища готов:

Разливается могучий поток,

И лед не остановит его хода

Пока вращается колесо Веков”.

Вафтрудни-мэл (тр. У. Тейлора).

В центре священного пространства, которое с начала мира было отведено под их собственную обитель и называлось Асгард (дом богов), двенадцать асов (богов) и двадцать четыре асинджур (богини) собрались по приказу Одина. Затем был проведен великий совет, на котором было постановлено, что в пределах их королевства не должно проливаться никакой крови, но что гармония должна царить там вечно. В качестве дальнейшего результата конференции боги основали кузницу, где они изготавливали все свое оружие **Ошибка! Закладка не определена.** и инструменты, необходимые для строительства великолепных дворцов из драгоценных металлов, в которых они прожили много долгих лет в состоянии такого совершенного счастья, что этот период был назван Золотым веком.

Сотворение человека

Хотя боги с самого начала задумали Мидгард, или Мана-хейм, как обитель человека, поначалу в нем не было человеческих существ, которые могли бы его населить. Однажды Один, Вили и Ве, согласно некоторым источникам, или Один, Хенир (светлый) и Лодур, или Локи (огонь), отправились вместе и шли вдоль берега моря, где они нашли либо два дерева, ясень Аск, и вяз Эмблу, либо два деревянных бруска, грубо обтесанных в форме человека. Сначала боги смотрели на неодушевленное дерево в безмолвном изумлении; затем, поняв, для чего оно может быть использовано, Один наделил эти бревна душами, Хенир - движением и чувствами, а Лодур - кровью и цветущим цветом лица.

Таким образом, наделенные речью и мыслью, способностью любить, надеяться и трудиться, а также жизнью и смертью, вновь созданные мужчина и женщина были оставлены править Мидгардом по своему желанию. Постепенно они заселили его своими потомками, в то время как боги, помня, что призвали их к жизни, проявляли особый интерес ко всему, что они делали, наблюдали за ними и часто удостаивали их помощи и защиты.

Дерево Иггдрасиль

Затем Всеотец создал огромный ясень под названием Иггдрасиль, дерево вселенной, времени или жизни, которое заполнило весь мир, пустив корни не только в самых отдаленных глубинах Нифль-хейма, где журчал источник Хвергельмир, **Ошибка! Закладка не определена.** но и в Мидгарде, недалеко от источника Мимира (океана), и в Асгард, рядом с фонтаном Урдар.

От своих трех огромных корней дерево достигло такой удивительной высоты, что его верхняя ветвь, называемая Лерад (дарующий мир), осеняла чертог Одина, в то время как другие широко раскинувшиеся ветви возвышались над другими мирами. На ветке Лерад восседал орел, а между его глазами сидел сокол Ведфолнир, устремляя свои пронзительные взгляды на небо, землю и Нифль-хейм и сообщая обо всем, что он видел.

Поскольку дерево Иггдрасиль было вечно зеленым, его листья никогда не увядали, оно служило пастбищем не только для козы Одина Хейдрун, которая поставляла небесную медовуху, напиток богов, но и для оленей Дайна, Двалина, Дунейра и Дуратора, с рогов которых на землю падала медвяная роса и давала воду для всех рек мира.

В кипящем котле Хвергельмир, рядом с великим деревом, ужасный дракон по имени Нидхуг постоянно грыз корни, и в его разрушительной работе ему помогали бесчисленные черви, целью которых было убить дерево, зная, что его смерть станет сигналом к низвержению богов.

“Через всю нашу жизнь крадется злобный искуситель,

Жестокая Нидхуг из нижнего мира.

Он ненавидит этот аса-свет, чьи лучи благосклонны

На челе героя и сверкающем мече яркое сияние”.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

Постоянно бегая вверх и вниз по ветвям и стволу дерева, белка Рататоск (буравчиha по веткам), типичная назойливая особа и рассказчица историй, проводила время, повторяя дракону внизу замечания орла наверху, и *наоборот*, в надежде разжечь между ними ссору.

Ошибка! Закладка не определена.

Мост Бифрест

Конечно, было важно поддерживать дерево Иггдрасиль в совершенно здоровом состоянии, и эту обязанность выполняли Норны, или Судьбы, которые ежедневно окропляли его святой водой из источника Урдар. Эта вода, стекая на землю через ветви и листья, снабжала пчел медом.

С обоих краев Нифль-хейма, изгибаясь высоко над Мидгардом, поднимался священный мост Бифрест (Асабру, радуга), построенный из огня, воды и воздуха, чьи дрожащие и меняющиеся оттенки он сохранил, и по которому боги путешествовали туда-сюда, к земле или к колодцу Урдар у подножия ясеня Иггдрасиль, где они ежедневно собирались на совет.

“Боги восстали

И взяли своих лошадей, и отправились в путь

Над мостом Бифрост, где находится стража Хеймдалля,

К пеплу Иггдрасиль и равнине Иды.

Тор пришел пешком, остальные поехали верхом”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Из всех богов только Тор, бог грома, никогда не проходил по мосту, опасаясь, что его тяжелая поступь или жар его молний разрушат его. Бог Хеймдалль нес там стражу днем и ночью. Он был вооружен острым мечом и нес трубу, называемую Джаллар-хорн, в которую он обычно дул тихим звуком, возвещая приход или уход богов, но в которой раздавался ужасный звук, когда наступал Рагнарек, и ледяные великаны и Суртр объединялись, чтобы уничтожить мир.

“Сурт приходит с юга

С мерцающим пламенем;

Сияет от его меча

Вал-солнце бога. **Ошибка! Закладка не определена.**

Каменистые холмы сбиты вместе,

Великанши шатаются;

Люди идут по пути Хель,

И небеса расколоты”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Ваны

Итак, хотя первоначальными обитателями небес были асы, они не были единственными божествами северных рас, которые также признавали могущество богов моря и ветра, ванов, обитавших в Вана-хейме и правивших своими царствами по своему усмотрению. В незапамятные времена, еще до того, как были построены золотые дворцы в Асгарде, между асами и ванами возник спор, и они прибегли к оружию, используя камни, горы и айсберги в качестве ракет в схватке. Но вскоре, обнаружив, что только в единстве заключается сила, они уладили свои разногласия и заключили мир, а для ратификации договора обменялись заложниками.

Именно так Ван, Ньерд, поселился в Асгарде со своими двумя детьми, Фреем и Фрейей, в то время как Аса, Хоенир, родной брат Одина, поселился в Ванхейме. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава II: Один

Отец Богов и Людей

Один, Уотан или Воден, был высшим и святейшим богом северных рас. Он был всепроникающим духом вселенной, олицетворением воздуха, богом вселенской мудрости и победы, вождем и защитником принцев и героев. Поскольку предполагалось, что все боги произошли от него, его прозвали Всеотцем, и как старший и главный среди них он занимал самое высокое место в Асгарде. Известное под именем Хлидскиалф, это кресло было не только величественным тронном, но и могучей сторожевой башней, откуда он мог обозревать весь мир и одним взглядом видеть все, что происходило среди богов, великанов, эльфов, карликов и людей.

“Он ускакал из Небесного чертога

В Лидскиалф и насытиться на его троне,

Гора, с которой его глаз обозревает мир.

И далеко от Небес он повернул свои сияющие шары

Посмотреть на Мидгард, и на землю, и на людей.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Один

Сэр Э. Берн-Джонс

С разрешения Фредерика Холлиера

Личный облик Одина

Никто, кроме Одина, его жены и королевы Фригг, не имел чести занимать это место, и когда они занимали его, то обычно смотрели на юг и запад, цель всех надежд и путешествий северных народов. Один обычно изображался как высокий, энергичный мужчина, около пятидесяти лет, либо с темными вьющимися волосами, либо с длинной седой бородой и лысой головой. Он был одет в серый костюм с синим капюшоном, а его мускулистое тело было окутано широкой голубой мантией в серые крапинки — эмблемой неба с его пушистыми облаками. В своей руке Один обычно носил непогрешимое **Ошибка! Закладка не определена.**копье Гунгнир, которое было настолько священным, что клятва, произнесенная на его острие, никогда не могла быть нарушена, а на пальце или руке он носил чудесное кольцо Драупнир, эмблему плодотворности, драгоценную вне всякого сравнения. Восседаая на своем троне или вооруженный для битвы, для участия в которой он часто спускался на землю, Один носил свой орлиный шлем; но когда он мирно бродил по земле в человеческом обличье, чтобы посмотреть, что делают люди, он обычно надевал широкополую шляпу, низко надвинутую на лоб, чтобы скрыть тот факт, что у него был только один глаз.

Два ворона, Хугин (мысль) и Мунин (воспоминание), уселись ему на плечи, когда он восседал на своем троне, и каждое утро он отправлял их в широкий мир, с тревогой ожидая их возвращения с наступлением темноты, когда они нашептали ему на ухо новости обо всем, что видели и слышали. Таким образом, он был хорошо информирован обо всем, что происходило на земле.

“Хугин и Мунин”

Летать каждый день

Над просторной землей.

Я боюсь за Хугина

Чтобы он не возвращался,

Еще больше я беспокоюсь за Мунина”.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

У его ног скорчились два волка или охотничьи гончие, Джери и Фреки, животные, которые поэтому считались для него священными и при встрече служили добрым предзнаменованием. Один всегда кормил этих волков собственными руками из мяса, поставленного перед ним. Он вообще не требовал для себя никакой пищи и редко пробовал что-либо, кроме священного меда.

“ Джери и Фреки ”

Привычка к войне насыщает,

Торжествующий создатель хозяев; **Ошибка! Закладка не определена.**

Но только на вине

Прославленный в оружии

Один, вечно живущий”.

"Сказание о Гримнуре" (м. р. Торпа).

Восседая на своем троне, Один положил ноги на золотую подставку для ног, творение богов, вся мебель и утварь которых были сделаны либо из этого драгоценного металла, либо из серебра.

Избранный Убит

К. Дилитц

С разрешения Берлинской фотографической компании, ул. Нью-Бонд, 133, W.

Помимо великолепного зала Гладсхейм, где стояли двенадцать кресел, занимаемых богами, когда они собирались на совет, и Валаскиальфа, где находился его трон, Хлидскиальф, у Одина был третий дворец в Асгарде, расположенный посреди чудесной рощи Гласир, чьи мерцающие листья были из красного золота.

Валгалла

В этом дворце, называемом Валгалла (зал избранных убитых), было пятьсот сорок дверей, достаточно широких, чтобы пропустить в ряд восемьсот воинов, а над главными воротами были изображены голова вепря и орел, чей пронзительный взгляд проникал в самые дальние уголки мира. Стены этого чудесного здания были сделаны из сверкающих копий, настолько хорошо отполированных, что они освещали зал. Крыша была сделана из золотых щитов, а скамьи украшены прекрасными доспехами - дарами бога своим гостям. Здесь за длинными столами было достаточно места для эйнхериев, воинов, павших в битве, которые пользовались особым расположением Одина.

“Легко быть известным - это,

Теми, кто приходит к Одину,

Особняк, судя по его виду.

Крыша его выложена копьями,

Зал его щитами украшен,

Его скамьи усыпаны корсетами”.

Легенда о Гримнуре (книга Торпа). Ошибка! Закладка не определена.

Древние северные народы, считавшие войну самым почетным занятием и храбрость величайшей добродетелью, поклонялись Одину главным образом как богу битвы и победы. Они верили, что всякий раз, когда надвигалась битва, он посылал своих особых служанок, девушек-защитниц, боевых дев или исполнительниц желаний, называемых Валькириями (выбирающими убитых), которые выбирали из мертвых воинов половину их числа, которых они везли на своих быстрых конях по дрожащему радужному мосту Бифрест в Валгаллу. Встреченные сыновьями Одина, Хермодом и Браги, герои были препровождены к подножию трона Одина, где получили похвалу за свою доблесть. Когда в Асгард таким образом приводили какого-нибудь особого любимца бога, Вальфатер (отец убитых), как называли Одина, когда он руководил воинами, иногда поднимался со своего трона и лично приветствовал его у больших входных ворот.

Праздник героев

Помимо славы такого отличия и ежедневного наслаждения любимым присутствием Одина, в Валгалле воинов ждали и другие, более материальные удовольствия. Для них было организовано щедрое угощение за длинными столами, где прекрасные белорукие девы, Валькирии, сняв свои доспехи и облачившись в белоснежные одежды, прислуживали им с неусыпным вниманием. Эти девушки, которых, согласно некоторым источникам, было

девять, принесли героям большие рога, полные восхитительного меда, и поставили перед ними огромные порции кабаньего мяса, которым они от души попиrowали. Обычным северным напитком было пиво или эль, но наши предки считали этот напиток слишком грубым для небесной сферы. Поэтому они воображали, что Вальфатер щедро снабжал свой стол медовухой или гидромелем, которые ежедневно подавались в большом изобилии

Ошибка! Залка не определена.его козой Хейдрун, которая постоянно обгладывала нежные листья и веточки на Лераде, самой верхней ветви Иггдрасиля.

“Опрометчивая война и опасная битва - их радость;

И незрелый, и красный от великолепных ран,

Их выбор - безмятежная смерть: отсюда вывод

Право пировать и осушать чаши бессмертия,

В чертоге Одина, чей пылающий свод отдается эхом

Добродушный рев тех теней , которые падают

В отчаянной борьбе или в результате какой-нибудь отважной попытки.

Свобода (Джеймс Томсон).

Набег википгов

Дж . Си Доллман

По договоренности с Художником

Мясо, которым пировали Эйпхерии, было мясом божественного кабана Сехримнира, чудесного зверя, которого повар Андхримнир ежедневно убивал и варил в большом котле Эльдримнир; но хотя гости Одина обладали истинно северными аппетитами и наедались досыта, мяса всегда было вдоволь для всех.

“Андхримнир готовит”

В Эльдримнире

Сейримнир;

Это самое вкусное мясо;

Но мало кто знает

Чем питаются эйнхерии.

Сказание о Гримнире (версия Андерсона).

Более того, запасы были неистощимы, потому что кабан всегда оживал до следующего приема пищи. Это чудесное пополнение запасов в кладовой было не единственным чудесным событием в Валгалле, поскольку рассказывают, что воины, наевшись и напившись до отвала, всегда бравировались за оружием, вооружались и выезжали на большой двор, где сражались друг с другом, повторяя ратные подвиги, которыми они славились на земле, и безрассудно нанося ужасные раны, которые, однако, **Ошибка! Закладка не определена.** были чудесным образом и полностью исцелены, как только прозвучал сигнал к обеду.

“Все избранные гости Одина

Ежедневно заниматься военным ремеслом;

С полей праздничной битвы

Быстро скачут они в сверкающих объятиях,

И весело, на совете богов,

Выпейте глоток игристого эля

И съесть хваленую плоть Сехримни.

Вафтрудни-мэл (тр. У. Тейлора).

Целые и счастливые при звуке рога и не держащие друг на друга зла за нанесенные и полученные жестокие удары, Эйнхерии весело скакали обратно в Валгаллу, чтобы возобновить свои пиршества в присутствии любимого Одина, в то время как белорукие валькирии с развевающимися волосами грациозно скользили вокруг, постоянно наполняя свои рога или любимые сосуды для питья черепами своих врагов, в то время как скальды пели о войне и волнующих набегах викингов.

“И весь день они там рубятся и обтесываются

Среди пыли, и стонов, и отрубленных конечностей, и крови;

Но ночью все возвращаются в чертог Одина

Невредимые и свежие: такой жребий уготован им на небесах”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Сражаясь и пируя таким образом, герои, как говорили, проводили свои дни в совершенном блаженстве, в то время как Один восхищался их силой и численностью, которые, однако, как он предвидел, не помогут предотвратить его падение, когда наступит день последней битвы.

Поскольку подобные удовольствия были самыми высокими, какие только могла себе представить фантазия северного воина, было вполне естественно, что все воины любили Одина и с раннего возраста посвящали себя служению ему. Они поклялись умереть с оружием в руках, если это возможно, и даже ранили себя **Ошибка! Закладка не определена.** собственными копьями, когда смерть приближалась, если им не повезло избежать смерти на поле боя и им угрожала “соломенная смерть”, как они называли смерть от старости или болезни.

“Тогда к Одину - быстро и верно”

Вырезает он прекрасные руны,—

Руны Смерти глубоко врезались в его руку и грудь.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

В награду за эту преданность Один с особой заботой следил за своими любимцами, даря им подарки, волшебный меч, копье или коня, и делал их непобедимыми до тех пор, пока не наступал их последний час, когда он сам появлялся, чтобы забрать или уничтожить подаренное им, и Валькирии уносили героев в Валгаллу.

- Он отдал Хермоду

Шлем и доспехи,

И от него Зигмунд

Получен меч”.

История Хиндлы (tr. Торпа).

Слейпнир

Когда Один принимал активное участие в войне, он обычно ездил верхом на своем восьмифутовом сером коне Слейпнире и нес белый щит. Его сверкающее копье, занесенное над головами сражающихся, было сигналом к началу схватки, и он врывался в середину рядов, выкрикивая свой боевой клич: “Вы все в руках Одина!”

“ И Один надел

Его ослепительный панцирь и золотой шлем,

И повел нас на Слейпнире.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Время от времени он пускал в ход свой волшебный лук, из которого выпускал сразу десять стрел, и каждая неизменно поражала врага. Предполагалось, что Один также должен был вдохновлять своих любимых воинов знаменитой “яростью берсерка” (обнаженной саркой или рубашкой), которая позволяла им, хотя и обнаженным, безоружным и израненным, совершать неслыханные подвиги доблести и силы и передвигаться как зачарованные.

Поскольку характеристики Одина, подобно всепроникающим элементам, были многочисленны, то же самое можно сказать и о его именах, которых у него было не менее двухсот, почти все описывающие какой-либо этап его деятельности. Он считался древним богом моряков и ветра.

“Могучий Один,
Мы склоняем к тебе сердца скандинавов!
Направь нашу лаю, всемогущий Водан,
Над бушующим Балтийским морем”.

Вейл.

Дикая охота

Один, как бог ветра, изображался несущимся по воздуху на своем восьмифутовом коне, от которого произошла древнейшая северная загадка, которая звучит следующим образом: *“Кто эти двое, которые скачут к Существо? У них вместе три глаза, десять ног и один хвост, и так они путешествуют по землям.”* И поскольку считалось, что души умерших уносятся прочь на крыльях бури, Одину поклонялись как предводителю всех бестелесных духов. В этом образе он был наиболее известен как Дикий Охотник, и когда люди слышали порывы и рев ветра, они громко кричали в суеверном страхе, воображая, что слышат и видят, как он проезжает мимо со своей свитой, все верхом на фыркающих лошадях и в сопровождении лающих гончих. И прохождение Дикой Охоты, известной как Охота Водена, Неистовое Воинство, Гончие Гавриила или Асгардрея, также считалось предзнаменованием такого несчастья, как мор или война. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Рейн течет ярко, но волны его скоро затянутся

Должен услышать голос войны,

И лязг копий среди наших холмов,

И трубный звук издалека;

И храбрые должны лежать на окровавленной земле,

Ибо Охотник прошел мимо!”

Дикий охотник (миссис Хеманс).

Далее считалось, что если кто-нибудь из них окажется настолько святотатственным, что присоединится к дикому улюлюканью в насмешку, его немедленно схватят и унесут прочь вместе с исчезающим воинством, в то время как те, кто присоединится к улюлюканью с явной доброй верой, будут вознаграждены внезапным подарком в виде лошадиной ноги, брошенной в них сверху, которая, если ее бережно сохранить до завтра, превратится в кусок золота.

Даже после введения христианства невежественные северяне все еще боялись надвигающейся бури, заявляя, что это Дикая Охота, проносящаяся по небу.

“И часто будет начинаться,

Ибо над головой несутся гончие Габриэля,

Обречены вместе со своим нечестивым повелителем летающим оленем

Вечно преследовать по реальной земле.

Сонет (Вордсворт).

Иногда после него оставалась маленькая черная собачка, которая съезживалась и скулила у соседнего очага, и ее приходилось держать целый год и тщательно ухаживать за ней, если только не удавалось изгнать или отпугнуть нечистую силу. Обычный рецепт, тот же, что и для "Избавления от подменышей", состоял в том, чтобы варить пиво в яичной скорлупе, и предполагалось, что это представление настолько напугает призрачного пса, что он будет летать, поджав хвост, восклицая, что, хотя ему столько же лет, сколько Беме́ру, или богемскому лесу, он никогда прежде не видел такого жуткого зрелища. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Мне столько же лет, сколько

Как в Бехмерском мире,

И есть в моей жизни

Такого пивоварения еще не видел”.

Старая поговорка (перевод Торпа)

Объект этой призрачной охоты сильно различался и был либо призрачным кабаном, либо дикой лошастью, либо белогрудыми девами, которых ловили и уносили связанными только раз в семь лет, либо лесными нимфами, называемыми Моховыми девами, которые, как считалось, олицетворяли осенние листья, сорванные с деревьев и унесенные зимним штормом.

В средние века, когда вера в старые языческие божества была частично забыта, предводителем Дикой Охоты был уже не Один, а Карл Великий, Фридрих Барбаросса, король Артур или какой-нибудь нарушитель субботы, вроде оруженосца Роденштейна или Ганса фон Хакельберга, который в наказание за свои грехи был обречен вечно охотиться в воздушных царствах.

Поскольку самые свирепые ветры дули осенью и зимой, предполагалось, что Один предпочитает охотиться в это время года, особенно в период между Рождеством и Двенадцатой ночью, и крестьяне всегда заботились о том, чтобы оставить последний сноп или меру зерна в полях, чтобы оно послужило кормом для его лошади.

Эта охота, конечно, была известна под разными названиями в разных странах Северной Европы; но поскольку все рассказы о ней похожи друг на друга, они, очевидно, восходят к одной и той же старой языческой вере, и по сей день невежественные жители Севера воображают, что собачий лай в ненастную ночь - безошибочное предзнаменование смерти.

“Все еще, все еще будет длиться ужасная погоня,

Пока само время не придет к концу;

Днем они прочесывают пещерное пространство земли,

В полночный колдовской час вознесись.

Ошибка! Закладка не определена.

- Это рог, и собака, и конь

Это часто слышит запоздалый крестьянин;

Потрясенный, он часто крестится,

Когда дикий грохот достигает его ушей.

“Бодрствующий священник часто роняет слезу

Из-за человеческой гордости, из-за человеческого горя,

Когда на своей полуночной мессе он слышит

Адский крик ”Привет, хо!”

Сэр Вальтер Скотт.

"Дикая охота", или "Бушующее воинство Германии", в Англии называлась Herlathing в честь мифического короля Герлы, ее предполагаемого лидера; в Северной Франции она носила имя *Месне д'Эллекен*, от Хель, богини смерти; а в средние века она была известна как "Охота Каина" или "Охота Ирода", эти последние названия были даны потому, что предполагалось, что лидеры не могли обрести покой из-за незаконных убийств Авеля, Иоанна Крестителя и Святых Невинных.

В Центральной Франции Дикого Охотника, которого мы уже видели в других странах как Одина, Карла Великого, Барбароссу, Роденштейна, фон Хакельберга, короля Артура, Хеля, одного из шведских королей Гавриила, Каина или Ирода, также называют Великим охотником Фонтенбло (*le Grand Veneur de Fontainebleau*), и люди заявляют, что накануне убийства Генриха IV, а также незадолго до начала великой Французской революции, были отчетливо слышны его крики, когда он проносился по городу. небо.

Среди северных народов обычно считалось, что душа покидает тело в виде мыши, которая выползает изо рта трупа и убегает, а также, как говорили, заползает в рот людей в состоянии транса и вылезает из него. Пока душа отсутствовала, никакие усилия или лекарства не могли вернуть пациента к жизни; но как только она возвращалась, оживление возвращалось. **Ошибка! Закладка не определена.**

Крысолов

Поскольку Один был предводителем всех бестелесных духов, в средние века его отождествляли с Гамельнским Крысоловом. Согласно средневековым легендам, Гамельн был настолько наводнен крысами, что жизнь стала невыносимой, и любому, кто избавит город от этих грызунов, была предложена большая награда. Волынщик в разноцветных одеждах предложил взять на себя это поручение, и, когда условия были приняты, он начал играть по улицам таким образом, что все крысы, как одна, были выманиваемы из своих нор, пока они не образовали огромную процессию. В напряжении было что-то такое, что заставляло их следовать за собой, пока, наконец, они не достигли реки Везер, и все утонули в ее приливе.

И прежде чем труба издала три пронзительных звука,

Вы слышали, как будто армия роптала;

И бормотание переросло в ворчание;

И ворчание переросло в могучий рокот;

И из домов повыползли крысы.

Большие крысы, маленькие крысы, худые крысы, мускулистые крысы,

Коричневые крысы, черные крысы, серые крысы, рыжевато-коричневые крысы,
Серьезные старые труженики, веселые молодые резвуньи,
Отцы, матери, дяди, двоюродные братья,
Задрав хвосты и покалывая усы,
Семьи десятками и дюжинами,
Братья, сестры, мужья, жены—
Последовали за Дудочником, спасая свои жизни.
От улицы к улице он трубил, продвигаясь вперед,
И шаг за шагом они следовали за танцующим,
Пока они не подошли к реке Везер,
Куда все погрузились и погибли!”

Роберт Браунинг.

Поскольку все крысы были мертвы, и не было никаких шансов, что они вернуться, чтобы досаждать им, жители Гамелина отказались выплачивать награду и приказали дудочнику сделать все, что в его силах. Он поймал их на слове, и несколько **Ошибка! Закладка не определена.** мгновения спустя странные звуки волшебной флейты раздались снова, и на этот раз дети выбежали из домов и весело последовали за дудочником.

Послышался шорох , похожий на суету
Веселых толп, просто играющих в качку и суету;
Топали маленькие ножки, стучали деревянные башмачки,
Маленькие ручки хлопают, маленькие язычки болтают,
И, подобно птицам на фермерском дворе, когда рассыпается ячмень,
Оттуда выбежали все дети.
Все маленькие мальчики и девочки,
С румяными щеками и льняными кудрями,
И сверкающие глаза и зубы, как жемчуг,
Спотыкаясь и вприпрыжку, весело побежал следом
Чудесная музыка с криками и смехом”.

Роберт Браунинг.

Гамельнский Крысолов

Х. Каульбах

С разрешения Берлинской фотографической компании, ул. Нью-Бонд, 133, W.

Горожане были бессильны предотвратить трагедию, и пока они стояли как зачарованные, волынщик вывел детей из города к Коппельбергу, холму на окраине города, который чудесным образом открылся, чтобы принять процессию, и снова закрылся только тогда, когда последний ребенок скрылся из виду. От этой легенды, вероятно, произошла

пословица “расплатиться с волынщиком”. Детей больше никогда не видели в Гамельне, и в память об этом общественном бедствии все официальные указы были датированы спустя столько лет после визита Крысолова.

“Они издали указ, согласно которому адвокаты никогда не
Следует полагать, что их записи датированы должным образом
Если после дня месяца и года,
Эти слова появились не так удачно,
- И так долго после того, что здесь произошло
Двадцать второго июля,
Тысяча триста семьдесятшестой:"
И тем лучше в памяти зафиксировать
Место последнего пристанища детей,
Они называли это улицей Крысоловов —
Где кто -нибудь играет на свирели или таборе
Был уверен, что в будущем потеряет свою работу”.

Роберт Браунинг. Ошибка! Закладка не определена.

В этом мифе Один - волынщик, пронзительные звуки флейты символизируют свист ветра, крысы олицетворяют души умерших, которые радостно следуют за ним, а пустотелая гора, в которую он ведет детей, типична для могилы.

Епископ Хатто

Еще одна немецкая легенда, обязанная своим существованием этой вере, - история епископа Хатто, скупого прелата, который, раздраженный криками бедняков во время голода, приказал сжечь их заживо в заброшенном амбаре, подобно крысам, на которых, по его словам, они были похожи, вместо того, чтобы отдать им немного драгоценного зерна, которое он припас для себя.

- Полагаю, это превосходный костер! - воскликнул он,
- И страна мне очень обязана
За то , что избавил от него в эти несчастные времена
О крысах, которые едят только кукурузу”.

Роберт Саути.

Вскоре после совершения этого ужасного преступления слуги епископа доложили о приближении огромного полчища крыс. По-видимому, это были души убитых крестьян, принявшие облик крыс, с которыми их сравнивал епископ. Его попытки спастись были тщетны, и крысы преследовали его даже на середине Рейна, до каменной башни, в которой он укрывался от их клыков. Они подплыли к башне, прогрызли себе путь сквозь каменные стены и, хлынув сразу со всех сторон, нашли епископа и сожрали его живьем.

- И в окна, и в дверь,
И сквозь стены они беспорядочно льются,
И спускается с потолка, и поднимается сквозь пол,
Справа и слева, сзади и спереди, **Ошибка! Закладка не определена.**
Изнутри и снаружи, сверху и снизу,
И все сразу идут к епископу.
Они точили свои зубы о камни;
А теперь они собирают кости епископа;
Они обглодали плоть со всех конечностей,
Ибо они были посланы вершить над ним суд!”

Роберт Саути.

Красное зарево заката над Крысиной башней близ Бингена на Рейне считается отражением адского огня, в котором медленно поджаривается нечестивый епископ в наказание за свое чудовищное преступление.

Ирмин

В некоторых частях Германии Один считался идентичным саксонскому богу Ирмину, чья статуя Ирминсул близ Падерборна была разрушена Карлом Великим в 772 году. Говорили, что у Ирмина была тяжелая медная колесница, на которой он ехал по небу по пути, который мы знаем как Млечный Путь, но который древние германцы называли Путем Ирмина. Эта колесница, чей грохочущий звук иногда воспринимался ушами смертных как гром, никогда не покидала неба, где ее до сих пор можно увидеть в созвездии Большой Медведицы, которое также известно на Севере как Повозка Одина или Чарльза.

“Повозка, которая катится на высоких колесах

Его кружащий курс, и на Орионе ждет;

Единственная звезда, которая никогда не купается в океанской волне”.

"Илиада" Гомера (пер. Дерби).

Мимир здоров

Чтобы обрести великую мудрость, которой он так знаменит, Один на заре времен посетил источник Мимира (Мемор, воспоминание), “источник всего остроумия и мудрости”, в жидких глубинах которого ясно отражалось даже будущее, и попросил старика, охранявшего его, **Ошибка! Закладка не определена.** позволить ему глотнуть. Но Мимир, который хорошо знал цену такой милости (поскольку его источник считался истоком памяти), отказался от этой милости, если только Один не согласится отдать взамен один из своих глаз.

Бог не колебался, так высоко он ценил напиток, но немедленно вырвал один из своих глаз, который Мимир хранил в залог, погрузив его глубоко в свой фонтан, где он засиял мягким блеском, оставив Одину только один глаз, который считается символом солнца.

“Всю нашу жизнь мы стремимся к солнцу;

Этот пылающий лоб - око Одина.

Его второй глаз, луна, светит не так ярко;

Он заложил его в фонтан Мимера,

Чтобы он мог принести оттуда целебную воду,

Каждое утро для укрепления этого глаза”.

Oehlenschläger (Howitt's tr.).

Напившись из источника Мимира, Один обрел знания, которых так жаждал, и он никогда не сожалел о принесенной жертве, но в память о том дне отломил ветку священного дерева Иггдрасиль, которое осеняло источник, и вылепил из нее свое любимое копье Гунгнир.

“Бесстрашный бог

Потянулся напиться до блеска,

Куда он ушел в бесконечном

Оплата в мгновение ока.

Из мирового пепла

Прежде чем уйти, Вотан сломал сук;

Вместо копья посох

Он с силой оторвался от стебля.

"Сумерки богов" Вагнера (тр. Формана).

Но хотя Один теперь был всеведущим, он был печален и угнетен, ибо обрел понимание будущего, **Ошибка! Закладка не определена.**и осознал преходящую природу всех вещей и даже судьбу богов, которые были обречены на уход. Это знание так подействовало на него, что с тех пор у него всегда было меланхоличное и созерцательное выражение лица.

Чтобы проверить ценность полученной таким образом мудрости, Один отправился в гости к самому ученому из всех великанов, Вафтрудниру, и вступил с ним в состязание на остроумие, в котором ставкой была не что иное, как голова проигравшего.

“Один быстро поднялся и пошел

Соревноваться в рунических знаниях

С мудрым и коварным Джутом.

В королевский зал Вафтрудни

Пришел могущественный король заклинаний”.

Вафтрудни-мэл (тр. У. Тейлора).

Один и Вафтруднир

В этот раз Один по совету Фригг переоделся Странником, и когда его спросили, как его зовут, ответил, что это Ганград. Немедленно началось состязание в остроумии, Вафтруднир расспрашивал своего гостя о лошадях, которые День и ночь носились по небу, о реке Ифинг, отделяющей Етун-хейм от Асгарда, а также о Вигриде, поле, на котором должна была состояться последняя битва.

На все эти вопросы были даны подробные ответы Одним, который, когда Вафтруднир закончил, в свою очередь начал допрос и получил столь же подробные ответы о происхождении неба и земли, сотворении богов, их ссоре с ванами, занятиях героев в Валгалле, обязанностях норн и правителях, которые должны были заменить асов, когда все они погибнут вместе с созданным ими миром. Но когда в заключение Один склонился к великану и тихо спросил, какие слова Всеотец прошептал своему мертвому сыну Бальдру, когда тот лежал на погребальном костре, Вафтруднир **Ошибка! Залочка не определена**.внезапно узнал своего божественного посетителя. В смятении отшатнувшись, он заявил, что никто, кроме самого Одина, не может ответить на этот вопрос, и что теперь ему совершенно ясно, что он безумно боролся в состязании мудрости и остроумия с царем богов и полностью заслужил наказание за неудачу - потерю головы.

- Не человек смертной расы

Знает слова , которые ты произнес

Твоему сыну в былые дни.

Я слышу приближающуюся поступь смерти;

Скоро он уничтожит рунические знания,

И знание о появлении богов,

От его злополучной души, которая стремилась

С самим собой Одина борьба за остроумие,

Мудрейший из мудрых, что дышат:

Нашей ставкой была жизнь, и ты победил”.

Вафтрудни-мэл (тр. У. Тейлора).

Как и в случае со многими северными мифами, которые часто фрагментарны и неясны, этот миф заканчивается здесь, и ни один из скальдов не сообщает нам, действительно ли Один убил своего соперника и каков был ответ на его последний вопрос; но мифологи рискнули предположить, что слово, прошептанное Одним на ухо Бальдру, чтобы утешить его в безвременной кончине, должно было быть “воскрешение”.

Изобретение рун

Помимо того, что Один был богом мудрости, он был богом и изобретателем рун, самого раннего алфавита, используемого северными народами, символы которого, обозначающие тайну, сначала использовались для гадания, хотя в более поздние времена они служили для надписей и записей. Точно так же, как мудрость могла быть получена только ценой жертвы, сам Один рассказывает, что он девять дней и ночей висел на священном дереве Иггдрасиль,

вглядываясь в неизмеримые глубины **Ошибка! Закладка не определена.** Нифль-хейм, погрузившись в глубокие раздумья, и поранил себя копьем, прежде чем получил знание, которое искал.

“Я знаю, что меня повесили

На раскачиваемом ветром дереве

Целых девять ночей,

Раненный копьем,

И Одину предложил

Сам с собой;

На том дереве

О котором никто не знает

Из какого корня оно прорастает”.

Руническая песнь Одина (перевод Торпа).

Когда он полностью овладел этим знанием, Один вырезал магические руны на своем копье Гунгнир, на зубах своего коня Слейпнира, на когтях медведя и на бесчисленном множестве других живых и неодушевленных предметов. И из-за того, что он так долго висел над бездной, с тех пор его всегда считали божеством-покровителем всех, кто был приговорен к повешению или погиб от петли.

Получив дар мудрости и руны, которые давали ему власть над всеми вещами, Один также возжелал дара красноречия и поэзии, которые он приобрел способом, о котором мы расскажем в следующей главе.

Гейрред и Агнар

Один, как уже говорилось, проявлял большой интерес к делам смертных и, как нам сказали, особенно любил наблюдать за красивыми маленькими сыновьями короля Храудинга, Гейрредом и Агнаром, когда им было около восьми и десяти лет соответственно. Однажды эти маленькие мальчики отправились на рыбалку, и внезапно поднялся шторм, который унес их лодку далеко в море, где ее в конце концов выбросило на остров, на котором жила кажущаяся пожилой пара, которые на самом деле были переодетыми Одином и Фригг. Они **Ошибка! Закладка не определена.** приняли эти формы, чтобы удовлетворить внезапную страсть к тесному обществу своих *протеже*. Мальчиков тепло встретили и по-доброму обращались с ними, Один выбрал Гейрреда своим любимцем и научил его владеть оружием, в то время как Фригг ласкала маленького Агнара. Мальчики оставались на острове со своими добрыми защитниками всю долгую, холодную зиму; но когда пришла весна, и небо стало голубым, а море спокойным, они сели в лодку, которую предоставил им Один, и отправились к своему родному берегу. Легкий ветерок помог им вскоре добраться туда; но когда лодка приблизилась к берегу, Гейрред быстро выпрыгнул и оттолкнул ее далеко в воду, приказав своему брату уплыть во власть злого духа. В тот же миг ветер переменился, и Агнара действительно унесло прочь, а его брат поспешил во дворец своего отца с лживой историей о том, что случилось с его братом. Его радостно приняли как воскресшего из мертвых, и в свое время он сменил своего отца на троне.

Прошли годы, в течение которых внимание Одина привлекали другие высокие соображения, когда однажды, когда божественная чета восседала на троне Хлидскиалф, Один внезапно вспомнил зимнее пребывание на необитаемом острове и приказал своей жене заметить, насколько могущественным стал его ученик, и насмеялся над ней за то, что ее любимый Агнар женился на великанше и остался бедным и никчемным. Фригг спокойно ответила, что лучше быть бедной, чем жестокосердной, и обвинила Гейрреда в недостатке гостеприимства — одном из самых тяжких преступлений в глазах северянина. Она даже зашла так далеко, что заявила, что, несмотря на все свое богатство, он часто плохо обращался со своими гостями.

Когда Один услышал это обвинение, он заявил, что он **Ошибка! Закладка не определена.** докажет ложность обвинения, приняв облик Странника и испытав щедрость Гейрреда. Закутанный в свое облачное одеяние, в широкополой шляпе и с посохом паломника, -

“Странник называет меня миром,

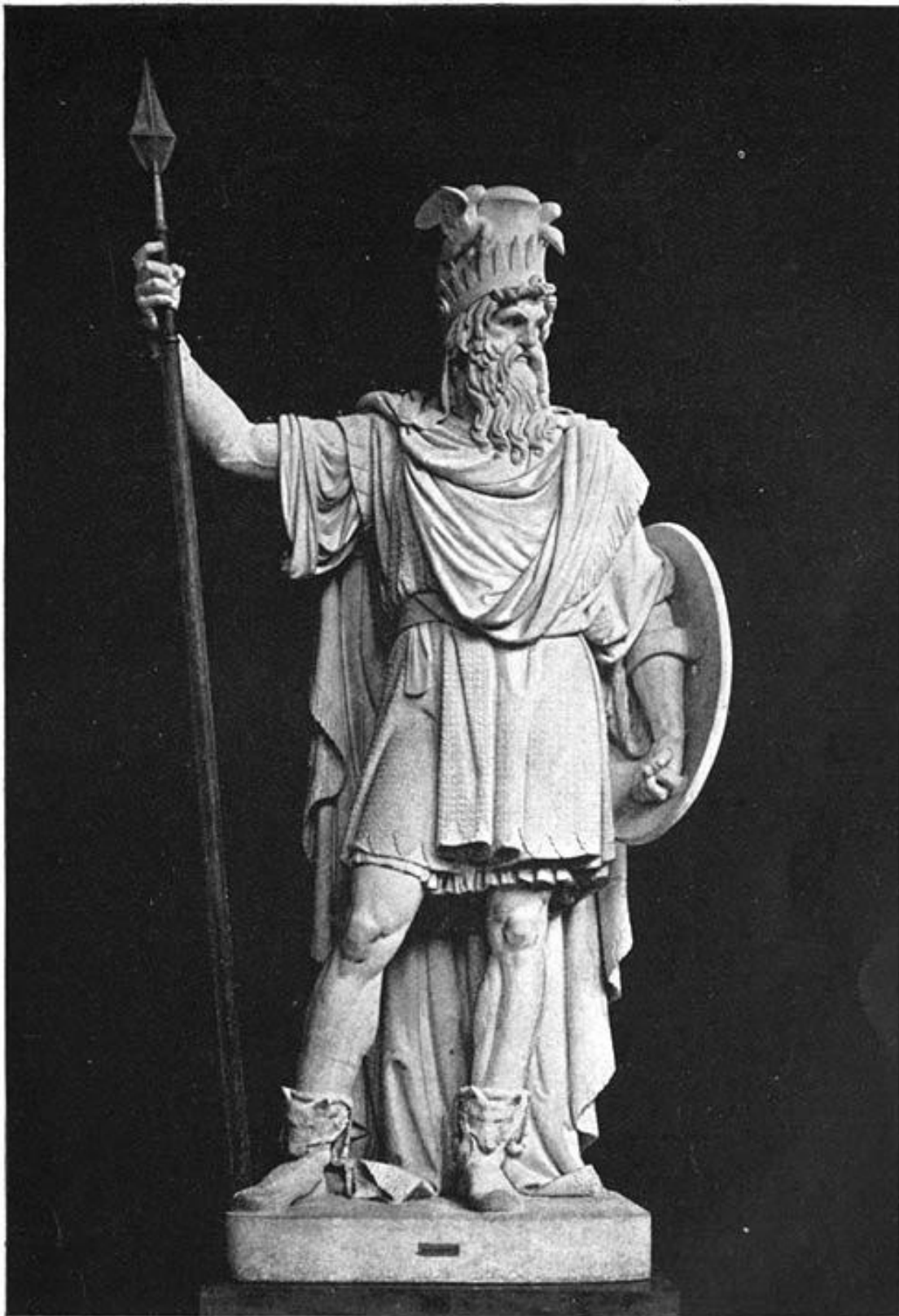
Далеко занесли меня мои стопы,

На обратной стороне земли

Я был безграничен”, —

Вагнер (опера Формана).

Один немедленно отправился окольным путем, в то время как Фригг, чтобы перехитрить его, немедленно отправила быстрого гонца предупредить Гейрреда, чтобы он остерегался человека в широкой мантии и широкополой шляпе, поскольку он был злым чародеем, который может причинить ему зло.

Один

Б. Э. Фогельберг

Поэтому, когда Один предстал перед королевским дворцом, его потащили к Гейрреду и грубо допросили. Он представился как Гримнир, но отказался сказать, откуда он пришел и чего хотел, и поскольку эта скрытность подтвердила подозрения, зародившиеся в голове Гейрреда, он дал волю своей любви к жестокости и приказал связать незнакомца между двух

костров таким образом, чтобы пламя играло вокруг него, не касаясь его, и так он оставался восемь дней и ночей в упрямом молчании, без пищи. Теперь Агнар тайно вернулся во дворец своего брата, где занимал должность прислуги, и однажды ночью, когда все было тихо, из сострадания к страданиям несчастного пленника он поднес к его губам рог с элем. Если бы не это, Одину нечего было бы пить — самое серьезное из всех испытаний для бога.

В конце восьмого дня, пока Гейрред, восседая на своем троне, злорадствовал над страданиями своего пленника, Один начал петь — сначала тихо, затем все громче и громче, пока зал не наполнился его торжествующим **Ошибка! Закладка не определена.** ноты - пророчество о том, что король, который так долго пользовался благосклонностью бога, вскоре погибнет по собственной воле. меч.

“Павшие от меча”

Теперь у Игга будет;

Твоя жизнь теперь на исходе:

Разгневаны на тебя Дисирь:

Одного ты сейчас увидишь:

Приблизься ко мне, если сможешь.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Когда затихли последние ноты, цепи упали с его рук, пламя замерцало и погасло, и Один предстал посреди зала, уже не в человеческом облике, а во всей силе и красоте бога.

Услышав зловещее пророчество, Гейрред поспешно обнажил свой меч, намереваясь убить дерзкого певца; но когда он увидел внезапное превращение, то в смятении вздрогнул, споткнулся, упал на острое лезвие и погиб, как только что предсказал Один. Обратившись к Агнару, который, согласно некоторым источникам, был сыном короля, а не его братом, поскольку эти старые истории часто странно путают, Один повелел ему взойти на трон в награду за его человечность, и, кроме того, чтобы отплатить ему за своевременный глоток эля, он пообещал благословить его всевозможным процветанием.

В другой раз Один странствовал по земле и отсутствовал так долго, что боги начали думать, что больше не увидят его в Асгарде. Это побудило его братьев Вили и Ве, которых некоторые мифологи считают другими олицетворениями его самого, узурпировать его власть и трон и даже, как нам говорят, жениться на его жене Фригге.

- Замолчи, Фригг!

Ты дочь Йоргина

И когда-либо любила мужчин, **Ошибка! Закладка не определена.**

Говорят, что со времен Ве и Вили,

Ты, жена Видрира, сделала

Обоих к груди твоей прими”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Первомайские гуляния

Но после возвращения Одина узурпаторы исчезли навсегда; и в ознаменование исчезновения ложного Одина, который правил семь месяцев и не принес миру ничего, кроме несчастья, и возвращения благожелательного божества, язычники-норманны раньше отмечали ежегодные праздники, которые долгое время сохранялись как первомайские ликования. До самого недавнего времени в этот день в Швеции всегда проводилось грандиозное шествие, известное как Майская скачка, во время которой украшенный цветами майский король (Один) забрасывал цветами закутанную в меха Зиму (свою сменщицу), пока не обратил ее в позорное бегство. В Англии также первое мая отмечалось как праздничное событие, в котором видные роли играли "Майские танцы у шеста", "Майские королевы", "Горничная Мэриан" и "Джек в зеленом".

Как олицетворение небес, Один, конечно же, был возлюбленным и супругом земли, а поскольку для них земля имела тройственный аспект, северяне изображали его многоженцем и дали ему несколько жен. Первой среди них была Йорд (Эрда), первобытная земля, дочь Ночи или великанши Фиоргин. Она родила ему его знаменитого сына Тора, бога грома. Второй и главной женой была Фригга, олицетворение цивилизованного мира. Она подарила ему Бальдра, кроткого бога весны, Хермода и, согласно некоторым источникам, Тира. Третьей женой была Ринда, олицетворение твердой и замерзшей земли, которая неохотно уступает его теплым объятиям, но в конце концов рождает Вали, эмблему растительности.

Также говорят, что Один женился на Саге или Лаге, **Ошибка! Закладка не определена.** богине истории (отсюда наш глагол "говорить"), и ежедневно посещал ее в хрустальном зале Соквабека, у подножия прохладной, вечно текущей реки, чтобы пить ее воды и слушать ее песни о былых временах и исчезнувших расах.

"Высота Соквабека - четвертое жилище;

Над ним струятся прохладные волны;

Рад выпить там за Одина и Сагу

Каждый день из "золотых чаш".

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Другими его женами были Грид, мать Видара; Гунлод, мать Браги; Скади; и девять великанш, которые одновременно родили Хеймдалля — все они играют более или менее важные роли в различных мифах Севера.

Исторический Один

Помимо этого древнего Одина, существовал более современный, полуисторический персонаж с тем же именем, которому приписывались все добродетели, могущество и приключения его предшественника. Он был вождем асов, жителей Малой Азии, которые под сильным давлением римлян и угрозой уничтожения или рабства покинули свою родину около 70 г. до н.э. и мигрировали в Европу. Говорят, что этот Один завоевал Россию, Германию, Данию, Норвегию и Швецию, оставив по сыну на троне каждой завоеванной страны. Он также построил город Оденсе. В Швеции его приветствовал король Гильфи, который выделил ему часть королевства и позволил основать город Сигтуна, где он построил храм и ввел новую систему богослужения. Традиция далее гласит, что по мере приближения

своего конца этот мифический Один собрал своих последователей, публично нанес себе девять ударов копьем в грудь — церемония, называемая “вырезание Гейр одса”, — и сказал им, что собирается вернуться в свою родную землю Асгард, свой старый дом, где он будет ждать их прихода, чтобы разделить с ним жизнь, полную пиров, выпивки и сражений.

Согласно другому сообщению, Гильфи, услышав о могуществе асов, жителей Асгарда, и желая убедиться, правдивы ли эти сообщения, отправился на юг. В назначенное время он прибыл во дворец Одина, где его ожидали, и где был введен в заблуждение видением Хара, Иафн-хара и Триди, трех божеств, восседавших на троне одно над другим. Привратник, Ганглер, ответил на все его вопросы и дал ему длинное объяснение северной мифологии, которая записана в Младшей Эдде, а затем, закончив свои наставления, внезапно исчез вместе с дворцом под оглушительный шум.

Согласно другим очень древним поэмам, сыновья Одина, Вельдегг, Бельдегг, Зиги, Скульд, Семинг и Ингви, стали королями Восточной Саксонии, Западной Саксонии, Франконии, Дании, Норвегии и Швеции, и от них произошли саксы, Хенгист и Хорса, а также королевские семьи Северных земель. Еще одна версия гласит, что у Одина и Фригг было семь сыновей, которые основали англосаксонскую гептархию. Со временем этого таинственного короля перепутали с Одином, поклонение которому он ввел, и все его деяния были приписаны этому богу.

Одину поклонялись во многих храмах, но особенно в великом храме в Упсале, где проводились самые торжественные празднества и где приносились жертвы. В жертву обычно приносили лошадь, но во времена острой нужды приносились человеческие жертвы, однажды даже царя принесли в жертву, чтобы предотвратить массовый голод.

“Храм Упсала, где находится Северный

Видел чертоги Валхала, прекрасно виденные здесь, на земле”.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон). Ошибка! Закладка не определена.

Первый тост на каждом празднике здесь произносили в его честь, и, помимо первого мая, один день в каждой неделе считался для него священным, и от его саксонского имени Воден он получил название Woden's day, откуда и произошло английское слово “среда”. У людей было принято собираться в его святилище по праздничным случаям, чтобы послушать песни скальдов, которые были вознаграждены за свое менестрельство золотыми браслетами, которые сворачивались на концах и назывались “змеями Одина”.

В настоящее время сохранилось лишь несколько остатков древнего северного искусства, и хотя грубые статуи Одина когда-то были довольно распространены, все они исчезли, поскольку были сделаны из дерева - скоропортящегося материала, который в руках миссионеров, и особенно Олафа Святого, северного иконоборца, вскоре превратился в пепел.

“Там, в Храме, вырезанном из дерева,

Изображение великого Одина стояло”.

Сага о короле Олафе (Лонгфелло).

Предполагается, что сам Один дал своему народу свод законов, регулирующий их поведение, в поэме под названием “Хавамал”, или “Высокая песнь”, которая является частью “Эдды”. В этом стихотворении он учил человека подверженности ошибкам, необходимости

мужества, умеренности, независимости и правдивости, уважению к старости, гостеприимству, милосердию и довольству, а также давал инструкции по погребению умерших.

“Дома пусть человек будет весел,

И по отношению к приглашенному либералу;

Он должен быть мудрым человеком,

Хорошей памятью и грамотной речью;

Если он пожелает много знаний,

Он должен часто говорить о том, что хорошо”.

Гавамаль (tr. Торпа). **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава III: Фригга

Царица богов

Фригга, или Фригг, дочь Фиоргина и сестра Йорда, согласно некоторым мифологам, другими рассматривается как дочь Йорда и Одина, за которых она в конце концов вышла замуж. Эта свадьба вызвала такое всеобщее ликование в Асгарде, где богиню очень любили, что с тех пор было принято отмечать ее годовщину пиром и песнями, а поскольку богиня была объявлена покровительницей брака, ее здоровье всегда предлагалось вместе с здоровьем Одина и Тора на свадебных пирах.

Фригга кружит Облака

Дж . Си Доллман

Фригга была богиней атмосферы, или, скорее, облаков, и как таковая изображалась в белоснежных или темных одеждах, в зависимости от ее несколько меняющегося настроения. Она была королевой богов, и только ей выпала честь восседать на троне Хлидскиалфа рядом со своим августейшим мужем. Оттуда она тоже могла обозревать весь мир и видеть, что происходит, и, согласно вере наших предков, она обладала знанием будущего, которое, однако, никто никогда не мог заставить ее раскрыть, доказывая тем самым, что северные женщины могут хранить тайну в неприкосновенности.

“Из меня произошли боги;

И все, что должно произойти, я знаю, но запрети

В моей собственной груди, и я не должен никому открыться”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Ее обычно представляли как высокую, красивую и статную женщину, увенчанную перьями цапли, символом молчания или забвения, и одетую в белоснежные одежды, стянутые на талии золотым поясом, с которого свисала связка ключей - отличительный знак **Ошибка! Закладка не определена.** северной домохозяйки, чьей особой покровительницей она, как говорили, была. Хотя она часто появлялась рядом со своим мужем, Фригг предпочитала оставаться в своем собственном дворце, называемом Фенсалир, чертог туманов или моря, где она усердно работала за своим колесом или прялкой, прядя золотую нить или сплетая длинную паутину из ярких облаков.

Для выполнения этой работы она использовала чудесную, украшенную драгоценными камнями прялку, которая ночью ярко сияла в небе в виде созвездия, известного на Севере как Прялка Фригги, в то время как жители Юга называли те же звезды Поясом Ориона.

В свой чертог Фенсалир милостивая богиня пригласила мужей и жен, которые вели добродетельную жизнь на земле, чтобы они могли наслаждаться обществом друг друга даже после смерти и никогда больше не были вынуждены расставаться.

- Там, в долине, стоит Фенсалир, дом

Фрей, почитаемой матери богов,

И показывает его освещенные окна и открытые двери”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Поэтому Фригга считалась богиней супружеской и материнской любви, и ей особенно поклонялись женатые любовники и нежные родители. Однако эта возвышенная должность не полностью занимала ее мысли, поскольку, как нам рассказывают, она очень любила одеваться, и всякий раз, когда она появлялась перед собравшимися богами, ее наряд был богатым и шел ей, а драгоценности подобраны с большим вкусом.

Украденное Золото

Любовь Фригги к украшениям однажды привела ее в печальное заблуждение, поскольку в своем страстном желании обладать каким-нибудь новым украшением она тайно украла кусочек золота со статуи, изображающей ее мужа, которая только что была установлена **Ошибка! Закладка не определена.** в его храме. Украденный металл был доверен гномам с

инструкциями изготовить для нее чудесное ожерелье. Это, когда было закончено, было настолько блистательным, что значительно усилило ее очарование и даже усилило любовь Одина к ней. Но когда он обнаружил кражу золота, он в гневе призвал гномов и приказал им показать, кто посмел прикоснуться к его статуе. Не желая предавать царицу богов, гномы упрямо молчали, и, видя, что от них невозможно добиться никакой информации, Один приказал установить статую над воротами храма и принялся за разработку рун, которые наделили бы ее даром речи и позволили бы изобличить вора. Когда Фригг услышала эти новости, она задрожала от страха и стала умолять свою любимую служанку Фуллу изобрести какое-нибудь средство защитить ее от гнева Всеотца. Фулла, которая всегда была готова услужить своей госпоже, немедленно удалилась и вскоре вернулась в сопровождении отвратительного карлика, который пообещал помешать статуе говорить, если Фригга только соизволит милостиво улыбнуться ему. Получив это благословение, карлик поспешил в храм, погрузил стражников в глубокий сон и, пока они были без сознания, снял статую с пьедестала и разбил ее на куски, чтобы она никогда не смогла выдать кражу Фригг, несмотря на все усилия Одина наделить ее даром речи.

Один, обнаружив на следующий день это святотатство, действительно был очень разгневан; настолько разгневан, что покинул Асгард и бесследно исчез, унеся с собой все благословения, которыми он обычно осыпал богов и людей. Согласно некоторым источникам, его братья, как мы уже видели, воспользовались его отсутствием, чтобы принять его облик и завладеть его троном и женой; но хотя они выглядели в точности как он **Ошибка! Залка не определена**.они не смогли восстановить утраченные благословения и позволили ледяным великанам, или джотанам, вторгнуться на землю и крепко заковать ее в свои холодные оковы. Эти злые великаны щипали листья и почки до тех пор, пока они все не сморщились, ободрали деревья догола, окутали землю огромным белым покрывалом и окутали ее непроницаемым туманом.

Но по прошествии семи томительных месяцев истинный Один смиловился и вернулся, и когда он увидел все содеянное зло, он прогнал узурпаторов, заставил ледяных великанов ослабить хватку земли и освободить ее от ледяных оков, и снова осыпал ее всеми своими благословениями, подбадривая светом своей улыбки.

Один перехитрил

Как уже было замечено, Один, хотя и был богом остроумия и мудрости, иногда не мог сравниться со своей женой Фригг, которая, будучи женственной, была уверена, что добьется своего каким-нибудь способом. Однажды августейшая пара сидела на Хлидскиальфе, с интересом наблюдая за винилерами и вандалами, которые готовились к битве, которая должна была решить, какой народ отныне будет иметь превосходство. Один с удовлетворением смотрел на вандалов, которые громко молились ему о победе; но Фригг с большим вниманием наблюдала за движениями Победителей, потому что они умоляли ее о помощи. Поэтому она повернулась к Одину и ласково спросила, кому он намерен отдать предпочтение завтра; он, желая уклониться от ее вопроса, заявил, что не будет решать, поскольку пора ложиться спать, но отдаст победу тем, на кого его взгляд первым остановится утром.

Этот ответ был хитро просчитан, поскольку Один знал, что его ложе развернуто так, что, проснувшись, он столкнется с вандалами, и он намеревался выглянуть наружу **Ошибка! Залка не определена**.оттуда, вместо того чтобы ждать, пока он взойдет на свой трон. Но, несмотря на столь хитроумный замысел, этот план был расстроен Фригг, которая, разгадав его намерение, дождалась, пока он крепко уснет, а затем бесшумно повернула его ложе так,

чтобы он оказался лицом к ее любимцам. Затем она послала весточку Винилерам, чтобы те облачили своих женщин в доспехи и на рассвете отправили их в боевом порядке, с длинными волосами, тщательно зачесанными на щеки и грудь.

“Возьми ты своих женщин,

Девушки и жены:

Выше твоих лодыжек

Кружева на белых боевых штанах;

У тебя на груди

Связать жесткие почтовые сети;

На твоих губах

Хитро заплетайте длинные косы;—

Итак, боевые звери с окладистыми бородами

Король Один сочтет тебя своим,

Вдали от серого морского пляжа

На рассвете вы приветствуете его”.

Сага о Длиннобородых (Чарльз Кингсли).

Эти инструкции были выполнены со скрупулезной точностью, и когда Один проснулся на следующее утро, его первый осознанный взгляд упал на их вооруженное войско, и он удивленно воскликнул: “Что это за Длиннобородые?” (В немецком древним словом, обозначавшим длинные бороды, было *Langobarden*, которое использовалось для обозначения лангобардов.) Фригг, услышав это восклицание, которое она предвидела, немедленно торжествующе воскликнула, что Всеотец дал им новое имя и в знак уважения обязан следовать обычаю Северян и преподнести подарок при крещении.

“Имя, которое ты дал им,

Не позорит ни тебя, ни их,

Что ж, они могут это носить. **Ошибка! Закладка не определена.**

Дай им победу,

Они первыми приветствовали тебя;

Дай им победу,

Мой товарищ по ярму!”

Сага о Длиннобородых (Чарльз Кингсли).

Один, видя, что его так ловко перехитрили, не стал возражать, и в память о победе, которой удостоила их его милость, Победители сохранили имя, данное им царем богов, который с тех пор присматривал за ними с особой заботой, даровав им множество благословений, среди прочего дом на солнечном Юге, на плодородных равнинах Ломбардии.

Полно

У Фригг в качестве ее особых прислужниц было несколько прекрасных дев, среди которых была Фулла (Volla), ее сестра, согласно некоторым источникам, которой она доверила свою шкатулку с драгоценностями. Фулла всегда следила за туалетом своей госпожи, имела честь надевать ее золотые туфельки, сопровождала ее повсюду, была ее наперсницей и часто советовала ей, как лучше всего помочь смертным, которые умоляли ее о помощи. Фулла действительно была очень красива, у нее были длинные золотистые волосы, которые она свободно распускала по плечам, удерживаемые только золотым обручем или повязкой на голову. Поскольку ее волосы были украшены золотым зерном, этот обруч символизировал переплетение снопа. Фулла была также известна как Абундия, или Абундантия, в некоторых частях Германии, где она считалась символом полноты земли.

Хлин, вторая служанка Фригг, была богиней утешения, посланной осушать поцелуями слезы скорбящих и лить бальзам в сердца, истерзанные горем. Она также всегда прислушивалась к молитвам смертных, передавая их своей госпоже и время от времени советуя ей, как лучше всего ответить на них и даровать желаемое облегчение. **Ошибка! Закладка не определена.**

Гна

Гна был быстрым посланцем Фригг. Верхом на своем быстром скакуне Хофварпнире (метатель копыт) она с поразительной быстротой путешествовала по огню и воздуху, по суше и морю, и поэтому считалась олицетворением освежающего бриза. Мечась таким образом взад и вперед, Гна видела все, что происходило на земле, и рассказала своей госпоже все, что та знала. Однажды, проезжая над Хуналандом, она увидела короля Рерира, прямого потомка Одина, скорбно сидящего на берегу и оплакивающего свою бездетность. Царица небес, которая также была богиней деторождения, услышав это, взяла яблоко (символ плодородия) из своего личного хранилища, отдала его Гне и велела ей отнести его царю. С быстротой стихии, которую она олицетворяла, Гна метнулась прочь и, пролетая над головой Рерира, с лучезарной улыбкой уронила яблоко ему на колени.

-Что это там пролетает, так быстро пролетая мимо?

Ее ответ с облаков, как бы проносящийся мимо:

- Я не летаю и не вожу машину, но быстро спешу,

Стремительный взмах копыт сквозь облака, туман и небо”.

Асгард и боги (Вагнер-Макдауэлл).

Король на мгновение задумался о значении этого внезапного явления и подарка, а затем поспешил домой, его сердце сильно забилося от надежды, и дал яблоко своей жене, чтобы она съела его. В положенный срок, к его великой радости, она родила ему сына, Вельсунга, великого северного героя, который стал настолько знаменит, что дал свое имя всему своему роду.

Lofn, Vjofn и Syn

Помимо троих вышеупомянутых, в свите Фригг были и другие сопровождающие. Жила-была кроткая и милостивая дева Лофн (хвала или любовь), чьей обязанностью было устранять все препятствия с пути влюбленных. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Моя лили талл, судя по ее осанке в седле,

Затем я повел его через храм, продолжая
К алтарному кругу, где среди священников
Клятвы Лофн, которые она давала, не трепля языком.

Рассказы северных викингов (Р.. Б. Андерсон).

Обязанностью Вйофна было склонять упрямые сердца к любви, поддерживать мир и согласие среди человечества и примирять ссорящихся мужей и жен. Син (истина) охранял дверь дворца Фригг, отказываясь открывать ее тем, кому не разрешалось входить. Когда она однажды закрыла дверь перед потенциальным злоумышленником, никакая апелляция не помогла бы изменить ее решение. Поэтому она председательствовала на всех трибуналах и судебных процессах, и всякий раз, когда на что-то нужно было наложить вето, обычной формулой было заявить, что Син против этого.

Гефджон

Гефджон также была одной из служанок во дворце Фригг, и ей были доверены все те, кто умер незамужними, которых она приняла и сделала счастливыми навсегда.

Согласно некоторым источникам, Гефджон сама не осталась девственницей, а вышла замуж за одного из великанов, от которого у нее родилось четверо сыновей. Эта же традиция продолжает утверждать, что Один послал ее раньше себя навестить Гильфи, короля Швеции, и просить о какой-нибудь земле, которую она могла бы назвать своей. Короля позабавила ее просьба, и он пообещал ей столько земли, сколько она сможет вспахать за один день и ночь. Гефджон, ничуть не обескураженная, превратила своих четырех сыновей в волов, запрягла их в плуг и начала прокладывать борозду такой ширины и глубины, что король и его придворные были поражены. Но Гефджон продолжала свою работу, не выказывая никаких признаков усталости, и когда она вспахала со всех сторон большой участок земли, насильно вырвала его и заставила свою **Ошибка! Закладка не определена.**волы оттащили его в море, где она закрепила его и назвала Силанд.

“Гефджон выиграл у Гильфи,
Богатый накопленными сокровищами,
Земля, которую она присоединила к Дании.
Четыре головы и восемь глаз,
В то время как по ним стекал горячий пот,
Быки тащили отбросную массу
Которые образовали этот очаровательный остров.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Что касается впадины, которую она оставила позади себя, то она быстро наполнилась водой и образовала озеро, сначала называвшееся Логрум (море), но теперь известное как Мелар, каждое углубление которого соответствует мысам Зеланда. Затем Гефьонн вышла замуж за Скульда, одного из сыновей Одина, и стала прародительницей королевской датской расы Скульдунгов, жившей в городе Хлейдра или Летра, который она основала и который стал главным местом жертвоприношений датчан-язычников.

Эйра, Вара, Вер и Снотра

Эйра, также служанка Фригг, считалась самым искусным врачом. Она собирала по всей земле лекарственные растения для лечения ран и болезней, и в ее обязанности входило обучать этой науке женщин, которые были единственными, кто практиковал медицину среди древних народов Севера.

“Эйра перевязывает зияющие раны”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Вара слышала все клятвы и наказывала лжесвидетелей, а тех, кто верно сдерживал свое слово, награждала. Затем были также Вер (вера), которая знала все, что должно было произойти во всем мире, и Снотра, богиня добродетели, которая овладела всеми знаниями.

При такой плеяде слуг неудивительно, что **Ошибка! Закладка не определена.** что Фригга считалась могущественным божеством; но, несмотря на видное место, которое она занимала в религии Севера, у нее не было специального храма или усыпальницы, и ей мало поклонялись, кроме как в компании с Одним.

Holda

Хотя Фригга не была известна под этим именем в Южной Германии, там поклонялись другим богиням, чьи атрибуты были настолько точь-в-точь похожи на ее, что они, очевидно, были одинаковыми, хотя в разных провинциях носили очень разные имена. Среди них была прекрасная богиня Хольда (Хульда или фрау Холле), которая милостиво раздавала много богатых подарков. Поскольку фрау Холле распоряжалась погодой, люди обычно заявляли, что, когда падали снежинки, фрау Холле перетряхивала свою постель, а когда шел дождь, что она стирала свою одежду, часто указывая на белые облака как на свое белье, которое она выставила для отбеливания. Когда по небу проплывали длинные серые полосы облаков, говорили, что она ткет, потому что считалось, что она также очень прилежная ткачиха, прядильщица и домработница. Говорят, что она подарила человечеству лен и научила их им пользоваться, а в Тироле рассказывают следующую историю о том, как она преподнесла этот бесценный дар:

Открытие льна

Жил-был крестьянин, который ежедневно оставлял свою жену и детей в долине, чтобы отвести своих овец на пастбище в гору; и когда он наблюдал за своим стадом, пасущимся на склоне горы, у него часто была возможность пустить в ход свой арбалет и подстрелить серну, мяса которой хватило бы в его кладовой на много дней.

Однажды, преследуя прекрасное животное, он увидел, как оно исчезло за валуном, и когда он добрался до места, то был поражен, увидев дверной проем в соседнем **Ошибка! Закладка не определена.** в азарте погони он взбирался все выше и выше, пока не оказался на вершине горы, где блестел вечный снег.

Tannhauser and Frau Venus

Дж. Вагнер

Фото, Braun, Clément & Co.

Пастух смело прошел через открытую дверь и вскоре оказался в чудесной, украшенной драгоценными камнями пещере, увешанной сталактитами, в центре которой стояла прекрасная женщина, одетая в серебристые одежды, в сопровождении множества прелестных дев, увенчанных альпийскими розами. От удивления пастух опустился на колени и, как во сне, услышал, как величественная центральная фигура велела ему выбрать все, что он увидит, и унести с собой. Хотя пастух был ослеплен сиянием драгоценных камней вокруг

себя, его взгляд постоянно возвращался к маленькому букетику голубых цветов, который милостивое видение держало в руке, и теперь он робко обратился с просьбой, чтобы он стал его. Улыбаясь от удовольствия, Хольда, ибо это была она, подарила его ему, сказав, что он сделал мудрый выбор и будет жить до тех пор, пока цветы не поникнут и не увянут. Затем, дав пастуху порцию семян, которые она велела ему посеять на его поле, богиня велела ему убираться; и когда прогремел гром и земля задрожала, бедняга снова оказался на склоне горы и медленно побрел домой к своей жене, которой он рассказал о своем приключении и показал прекрасные голубые цветы и порцию семян.

Женщина горько упрекала своего мужа за то, что он не принес несколько драгоценных камней, которые он так пылко описывал, вместо цветов и семян; тем не менее мужчина продолжил сеять последние и, к своему удивлению, обнаружил, что этой меры хватит на несколько акров.

Вскоре начали появляться маленькие зеленые ростки, и однажды лунной ночью, когда крестьянин по своему обыкновению смотрел на них, ибо чувствовал странное влечение **Ошибка! Закладка не определена.** на поле, которое он засеял, и часто задерживался там, гадая, какое зерно вырастет, он увидел туманную фигуру, парящую над полем с протянутыми руками, словно для благословения. Наконец поле расцвело, и бесчисленные маленькие голубые цветочки раскрыли свои чашечки навстречу золотому солнцу. Когда цветы увяли и семена созрели, Хольда пришла еще раз, чтобы научить крестьянина и его жену собирать лен — ибо так оно и было — и из него прясть, ткать и отбеливать полотно. Поскольку жители окрестностей охотно покупали и лен, и льняное семя, крестьянин и его жена вскоре действительно очень разбогатели, и пока он пахал, сеял и собирал урожай, она пряла, ткала и отбеливала лен. Этот человек дожил до глубокой старости и видел, как вокруг него растут его внуки и правнуки. Все это время его бережно хранимый букет оставался таким же свежим, как и тогда, когда он впервые принес его домой, но однажды он увидел, что за ночь цветы поникли и отмирают.

Зная, что это предвещает и что он тоже должен умереть, крестьянин снова взобрался на гору, к леднику, и снова нашел дверь, которую он часто тщетно искал. Он вошел в ледяной портал, и больше его никогда не видели и не слышали о нем, поскольку, согласно легенде, богиня взяла его под свою опеку и повелела жить в ее пещере, где исполнялось каждое его желание.

Tannhäuser

Согласно средневековой традиции, Хольда жила в пещере в Херцельберге, в Тюрингии, где она была известна как фрау Венера, и считалась чародейкой, которая заманивала смертных в свое царство, где удерживала их навсегда, погружая их чувства во всевозможные чувственные удовольствия. Самой известной из ее жертв был Тангейзер, который после того, как он некоторое время жил под **Ошибка! Закладка не определена.** ее чар, испытал отвращение, которое ослабило ее оковы над его духом и вызвало тревожные мысли о его душе. Он вырвался из-под ее власти и поспешил в Рим, чтобы исповедаться в своих грехах и просить отпущения грехов. Но когда папа услышал о его связи с одной из языческих богинь, которые, по учению священников, были не чем иным, как демонами, он заявил, что рыцарь не может больше надеяться на прощение, чем увидеть, как на его посохе распускаются бутоны.

“Не попался ли ты в сети сатаны?

Посвятил ли ты свою душу ее гибели?

Одолжил ли ты свои губы Адской Чародейке,
Осушить проклятие из ее вонючей чаши?
Тогда знай, что скорее от увядшего посоха
То, что я держу в руке, прорастет зелеными листьями,
Чем от бренда in hell-fire scorched rebloom, выжженного адским огнем
Цветы спасения”.

Tannhäuser (Owen Meredith).

Эстр

Jacques Reich

Раздавленный горем при этом заявлении, Тангейзер бежал, и, несмотря на мольбы своего верного друга Экхардта, прошло совсем немного времени, прежде чем он вернулся в

Херзельберг, где исчез в пещере. Однако не успел он исчезнуть, как прибыли посланцы папы Римского, объявившие, что он помилован, ибо увядший посох чудесным образом расцвел, доказав всем тем самым, что нет греха слишком тяжкого, чтобы его можно было простить, при условии, что раскаяние было искренним.

“Измотанный путешествиями, взмокший от спешки,

Летающий столб, а в руке он нес

Увядший посох, усыпанный зелеными листьями;

Кто, — за ним следовала толпа молодежи и стариков,

Который пел, чтобы оглушить звуком жаворонка на небесах,

’ Чудо! чудо из Рима!

Слава Богу, который делает зелеными голые ветви!" —

Выскочил в середину и, сгорая от нетерпения получить ответ, спросил

Новости о рыцаре Тангейзере”.

Tannhäuser (Owen Meredith). **Ошибка! Закладка не определена.**

Хольда также была владелицей волшебного фонтана под названием Квикборн, который соперничал со знаменитым фонтаном молодости, и колесницы, в которой она переезжала с места на место, осматривая свои владения. Это транспортное средство однажды получило повреждения, и богиня велела колесному мастеру отремонтировать его, а когда он закончил, велела ему оставить себе несколько фишек в качестве платы. Человек был возмущен таким мизерным вознаграждением и оставил себе лишь очень небольшое из этого числа; но, к своему удивлению, на следующий день он обнаружил, что они заменены на золото.

“Фрика, твоя жена...”

Таким образом она управляет своей упряжью баранов.

Эй! как она вертится

Золотой хлыст;

Несчастные звери

Безудержно блеять;

Она дико гремит своими колесами;

В ее взгляде горит гнев.

Вагнер (опера Формана).

Эстра, богиня весны

Саксонская богиня Эстра, или Остара, богиня весны, чье имя сохранилось в английском слове Easter, также идентична Фригге, поскольку она тоже считается богиней земли или, скорее, возрождения природы после долгой смерти зимы. Эта милостивая богиня была так горячо любима древними германцами, что даже после введения христианства они сохранили о ней столь приятные воспоминания, что отказались низводить ее до ранга

демона, подобно многим другим своим божествам, и присвоили ее имя своему великому христианскому празднику. Издавна было принято отмечать этот день обменом подарками в виде крашенных яиц, поскольку яйцо символизирует начало жизни; поэтому ранние христиане продолжали соблюдать это правило, заявляя, однако, что яйцо также символизирует Воскресение. В различных частях Германии, **Ошибка! Закладка не определена.** до сих пор можно увидеть каменные алтари, которые известны как пасхальные камни, потому что они были посвящены прекрасной богине Остаре. Молодые люди увенчали их цветами, которые весело танцевали вокруг них при свете больших костров — разновидность популярных игр, практиковавшихся до середины нынешнего столетия, несмотря на доносы священников и неоднократно издававшиеся указы против них.

Берта, Белая леди

В других частях Германии Фригга, Хольда или Остара известна под именем Брехта, Берта или Белая Леди. Она наиболее известна под этим титулом в Тюрингии, где, как предполагалось, она обитала в поллой горе, присматривая за хаймхенами, душами нерожденных детей и тех, кто умер некрещеными. Здесь Берта присматривала за сельским хозяйством, ухаживая за растениями, которые тщательно поливал ее младенческий отряд, поскольку предполагалось, что каждый младенец будет носить с собой маленькую баночку специально для этой цели. Пока богиню должным образом уважали и ее убежище оставалось неприкосновенным, она оставалась там, где была; но традиция гласит, что однажды она покинула страну со своим младенцем, тащившим плуг, и поселилась в другом месте, чтобы продолжать свое доброе служение. Берта - легендарная прародительница нескольких знатных семейств, и предполагается, что она такая же, как трудолюбивая королева с тем же именем, мифическая мать Карла Великого, эпоха которого вошла в поговорку, поскольку, говоря о Золотом веке во Франции и Германии, принято говорить “в те дни, когда Берта пряла”.

Поскольку предполагается, что у этой Берты из-за постоянного нажатия на педаль колеса развилась очень большая и плоская ступня, она часто изображается в средневековом искусстве как женщина с растопыренной ступней, и поэтому известна как *королева педаук*.

Ошибка! Закладка не определена.

Как прародительница императорского дома Германии, Белая Дама должна появляться во дворце перед смертью или несчастьем в семье, и это суеверие все еще настолько распространено в Германии, что в газетах 1884 года был опубликован официальный отчет часового, который заявил, что видел, как она промелькнула мимо него в одном из дворцовых коридоров.

Поскольку Берта была известна своим прядением, она, естественно, считалась особой покровительницей этой отрасли женского труда и, как говорили, с наступлением темноты в течение двенадцати ночей с Рождества по 6 января порхала по улицам каждой деревни, заглядывая в каждое окно, чтобы проверить, как прядут в доме.

Девушки, чья работа была выполнена тщательно, были вознаграждены подарком из ее собственных золотых нитей или прялкой, полной особо тонкого льна; но где бы ни находили нерадивую пряхильщицу, ее колесо ломалось, лен пачкался, и если она не оказывала почтения богине, съедая побольше лепешек, испеченных в это время года, ее жестоко наказывали.

В Мекленбурге эта же богиня известна как фрау Года, или Водэ, женская форма Уотана или Одина, и ее появление всегда считалось предвестником великого процветания.

Предполагается также, что она великая охотница и возглавляет Дикую Охоту верхом на белом коне, а ее слуги превращаются в гончих и всевозможных диких зверей.

В Голландии ее называли Вру-эльде, и от нее Млечный Путь известен голландцам как *Вру-эльден-страат*; в то время как в некоторых частях Северной Германии ее называли Нертус (Мать-Земля). Ее священная колесница хранилась на острове, предположительно Рюгене, где священники тщательно охраняли ее до тех пор, пока она не явилась, чтобы совершить ежегодное путешествие по своим владениям, чтобы благословить землю. Богиня, ее лицо полностью скрыто густой вуалью, **Ошибка! Закладка не определена.** затем села в эту повозку, запряженную двумя коровами, и ее почтительно сопровождали ее жрецы. Когда она прошла, люди отдали дань уважения, прекратив все военные действия и отложив оружие. Они облачились в праздничные одежды и не затевали ссор до тех пор, пока богиня снова не удалилась в свое святилище. Затем и кар, и богиня искупались в тайном озере (Шварце-Зее на Рюгене), которое поглотило рабов, помогавших при купании, и жрецы снова возобновили наблюдение за святилищем и рощей Нертус, или Хлодин, в ожидании ее следующего появления.

Нимфы Хульдры

Б. Э. Уорд

В Скандинавии эта богиня была также известна как Хульдра и могла похвастаться свитой сопровождающих ее лесных нимф, которые иногда искали общества смертных, чтобы насладиться танцем на деревенской лужайке. Однако их всегда можно было узнать по кончику коровьего хвоста, который торчал из-под их длинных белоснежных одежд. Эти хульдры были особыми защитниками скота на склонах гор, и, как говорили, временами удивляли одинокого путника изумительной красотой мелодий, которые они пели, чтобы скрасить часы, проведенные за работой. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава IV: Тор

Громовержец

Согласно некоторым мифологам, Тор, или Донар, является сыном Йорда (Эрды) и Одина, но другие утверждают, что его матерью была Фригг, королева богов. Этот ребенок был очень примечателен своими огромными размерами и силой, и очень скоро после своего рождения поразил собравшихся богов, игриво подняв и бросив около десяти больших тюков медвежьих шкур. Хотя в целом Тор был добродушен, иногда он впадал в ужасную ярость, и поскольку в это время он был очень опасен, его мать, не в силах контролировать его, отослала его из дома и доверила заботам Вингнира (крылатого) и Хлоры (тепла). Эти приемные родители, которые также считаются олицетворением листовой молнии, вскоре сумели обуздать своего беспокойного подопечного и воспитали его так мудро, что боги с благодарностью вспоминали об их добрых услугах. Сам Тор, понимая, чем он им обязан, взял имена Вингтор и Хлорриди, под которыми он также известен.

“Плачь дальше, Винги-Тор,

С танцем кольчуг и разбитыми боевыми щитами”.

Сигурд Вельсунг (Уильям Моррис).

Достигнув своего полного роста и разумного возраста, Тор был допущен в Асгард среди других богов, где занял одно из двенадцати мест в большом зале суда. Ему также было дано царство Фруд-ванг или Фруд-хейм, где он построил чудесный дворец под названием Бильскирнир (молния), самый просторный во всем Асгарде. Он содержал пятьсот сорок залов для размещения рабов, которые после смерти были приглашены в его дом, где они получили равные права **Ошибка! Закладка не определена.** обращение со своими хозяевами в Валгалле, поскольку Тор был богом-покровителем крестьян и низших классов.

“Пятьсот залов

И еще сорок,

Я Думаю, что

Поклонился Билскирнир.

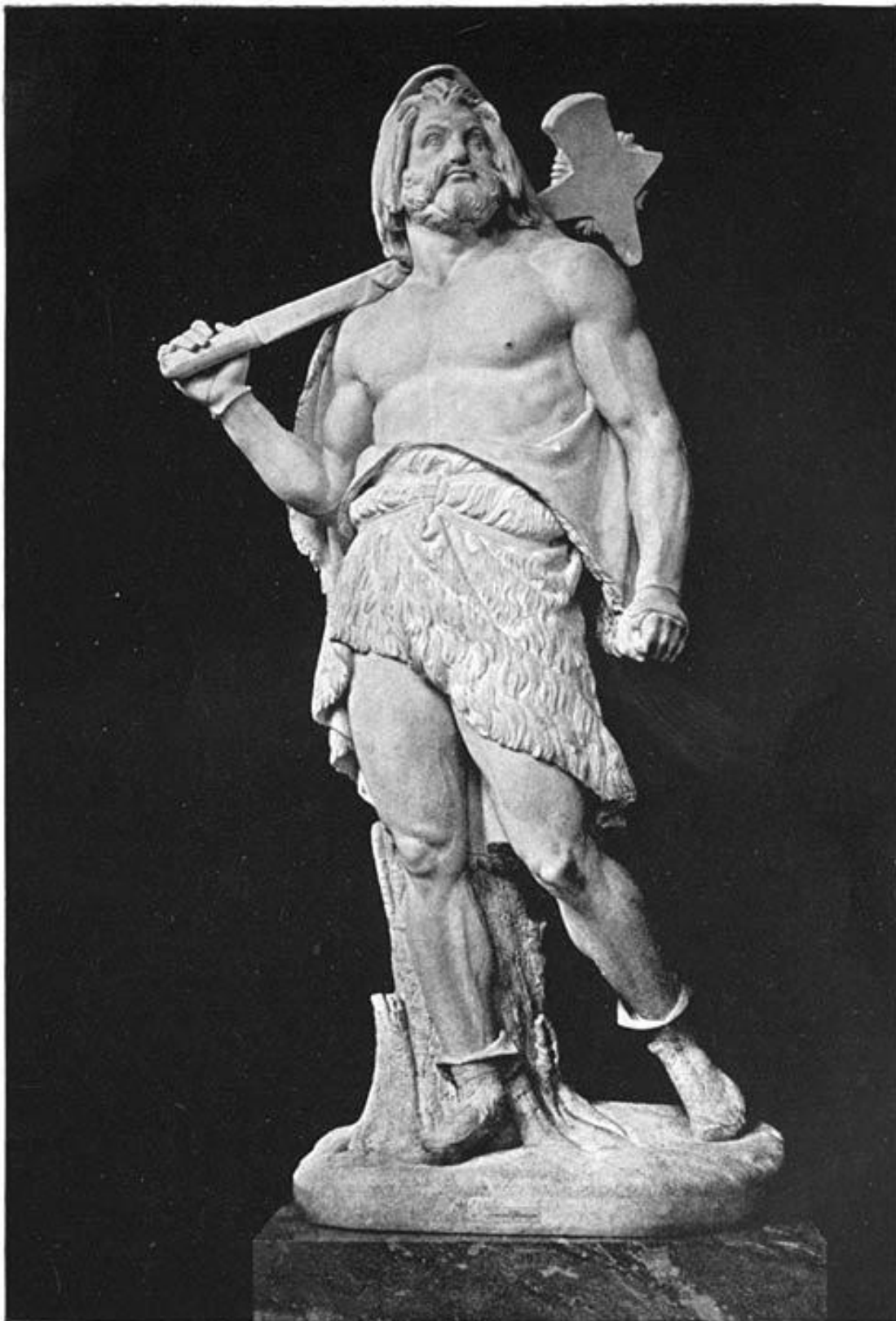
Домов с крышами

Я никого не знаю

Мой сын превосходит всех”.

Эдда Семунда (Перси).

Поскольку он был богом грома, Тору одному никогда не разрешалось проходить по чудесному мосту Бифрест, чтобы он не поджег его жаром своего присутствия; и когда он захотел присоединиться к своим братьям-богам у источника Урдар, в тени священного дерева Иггдрасиль, ему пришлось пробираться туда пешком, переходя вброд реки Кормт и Ормт, а также два потока Керлауг, к месту встречи.

Тор

Б. Э. Фогельберг

Тор, которого почитали как высшего бога Норвегии, занял второе место в трилогии среди всех остальных стран и был назван “старый Тор”, потому что некоторые мифологи предполагают, что он принадлежал к более древней династии богов, а не из-за его фактического возраста, поскольку он был представлен и описан как мужчина в расцвете сил,

высокий и хорошо сложенный, с мускулистыми конечностями и щетинистыми рыжими волосами и бородой, из которых в моменты гнева дождем летели искры.

“Во-первых, Тор с опущенным лбом,

В рыжую бороду, тихо бормоча:

Мечущие яростные молнии из светящихся глазных яблок,

Наступает, пока каждая колесница вращается

Отдается эхом в раскатах грома,

Как удар его страшного молота

Заставляет Землю и Небеса раскачиваться,

Облака расходятся вверх, в то время как Земля сотрясается вниз”.

Валгалла (Дж. К. Джонс). Ошибка! Закладка не определена.

Северные народы также украсили его короной, на каждом конце которой была либо сверкающая звезда, либо постоянно горящее пламя, так что его голова всегда была окружена своего рода огненным ореолом, его собственной стихией.

Молот Тора

Тор был гордым обладателем волшебного молота под названием Мьелльнир (сокрушающий), которым он с разрушительной силой метал в своих врагов, ледяных великанов, и который обладал чудесным свойством всегда возвращаться в его руку, как бы далеко он ее ни швырял.

- Я Громовержец!

Здесь, в моих Северных Землях,

Моя опора и крепость,

Царствую я вечно!

“Здесь, среди айсбергов

Правлю I нациями;

Это мой молоток,

Мьелльнир могучий;

Великаны и колдуны

Не могу этого выдержать!”

Сага о короле Олафе (Лонгфелло).

Поскольку этот огромный молот, эмблема молний, обычно раскалялся докрасна, у бога была железная перчатка под названием Иарн-грейпер, которая позволяла ему крепко сжимать ее. Он мог метать Мьелльнир на большое расстояние, и его сила, которая всегда была

поразительной, удваивалась, когда он носил свой волшебный пояс под названием Мегингьерд.

“Это мой пояс:

Всякий раз, когда я беру его в руки,

Силы удвоились!”

Сага о короле Олафе (Лонгфелло).

Молот Тора считался настолько священным у древних северных народов, что они имели обыкновение делать знак молота, поскольку христиане позже научили их делать крестное знамение, чтобы отгонять все злые влияния и получать благословения. Такой же знак был нанесен и над новорожденным младенцем, когда ему на голову вылили воду и дали имя. Молоток использовался для вбивания пограничных кольев, вынимать которые считалось святотатством, для освящения порога нового дома, для церемонии бракосочетания и, наконец, он сыграл определенную роль в освящении погребального костра, на котором сжигались тела героев вместе с их оружием и конями, а в некоторых случаях и с их женами и иждивенцами.

В Швеции Тор, как и Один, должен был носить широкополую шляпу, и поэтому грозовые облака в этой стране известны как шляпа Тора, название, также данное одной из главных гор Норвегии. Говорили, что грохот и раскаты грома были звуком его колесницы, ибо он единственный среди богов никогда не ездил верхом, а шел пешком или ехал в медной колеснице, запряженной двумя козлами, Тангниостром (зубодробителем) и Тангрисниром (скрежещущим зубами), из зубов и копыт которых постоянно вылетали искры.

“Ты приблизился к следующему, о воин Тор!

Держа на плече свой молот, в запряженной тобой колеснице,

Покачивая длинношерстных козлов серебряными поводьями”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Когда бог таким образом переезжал с места на место, его называли Аку-тор, или Тор-колесничий, а в Южной Германии люди, полагавшие, что одной медной колесницы недостаточно, чтобы издавать весь слышимый ими шум, заявляли, что она нагружена медными котлами, которые гремели и лязгали, и поэтому часто с непочтительной фамильярностью называли его продавцом котлов. **Ошибка! Закладка не определена.**

Семья Тора

Тор был дважды женат; сначала на великанше Ярнсаксе (железный камень), которая родила ему двух сыновей, Магни (сила) и Моди (мужество), обоим суждено было пережить своего отца и сумерки богов и править новым миром, который должен был восстать подобно фениксу из пепла первого. Его второй женой была Сиф, золотоволосая, которая также родила ему двоих детей, Лоррайд, и дочь по имени Фруд, молодую великаншу, известную своими габаритами и силой. Верный хорошо известному контрасту, за Трудом ухаживал карлик Алвис, к которому она была весьма благосклонна; и однажды вечером, когда этот поклонник, который, будучи карликом, не мог выносить дневного света, явился в Асгард просить ее руки, собравшиеся боги не отказались от своего согласия. Однако едва они выразили свое одобрение, как внезапно появился отсутствовавший Тор и, бросив

презрительный взгляд на тщедушного влюбленного, заявил, что ему придется доказать, что его знания искупают его маленький рост, прежде чем он сможет завоевать свою невесту.

Чтобы проверить умственные способности Алвиса, Тор затем допросил его на языке богов, ванов, эльфов и гномов, искусно продлив свой допрос до восхода солнца, когда первый луч света, упавший на несчастного гнома, заставил его окаменеть. Там он стоял, непреходящий пример могущества богов, чтобы служить предупреждением всем другим гномам, которые могли бы осмелиться испытать его.

“Никогда не бывал в лоне человеческом

Неужели я нашел так много

Слова старого времени.

Ты с тончайшим коварством

Неужели меня еще не одурачили?

Над землей стоишь ты, карлик

С каждым днем искусство побеждает,

Яркий солнечный свет заливают зал”.

Эдда Семунда (версия Ховитта). Ошибка! Закладка не определена.

Сиф, Золотоволосая

Сив, жена Тора, очень гордилась великолепной копной длинных золотистых волос, которые покрывали ее с головы до ног подобно сверкающей вуали; и поскольку она тоже была символом земли, говорили, что ее волосы символизируют высокую траву или золотые зерна, покрывающие уборочные поля Севера. Тор очень гордился прекрасными волосами своей жены; поэтому представьте себе его смятение, когда, проснувшись однажды утром, он обнаружил, что она острижена наголо и лишена украшений, как земля после сбора зерна, и не остается ничего, кроме жнивья! В своем гневе Тор вскочил на ноги, поклявшись, что накажет виновника этого безобразия, в котором он немедленно и справедливо предположил Локи, главного заговорщика, всегда ожидающего совершения какого-нибудь злого дела. Схватив свой молот, Тор отправился на поиски Локи, который попытался ускользнуть от разгневанного бога, изменив свой облик. Но все это было напрасно; Вскоре Тор догнал его и без дальнейших церемоний схватил его за горло и почти задушил, прежде чем тот уступил его умоляющим знакам и ослабил свою мощную хватку. Когда Локи смог перевести дух, он попросил прощения, но все его мольбы были напрасны, пока он не пообещал добыть для Сиф новую шевелюру, такую же красивую, как первая, и такую же пышную по росту.

- А оттуда я привезу тебе новые локоны

Из золота, пока не погас дневной свет,

Чтобы она была подобна весеннему полю,

В одежде с желтыми цветами”.

Гномы, Эленшлегер (пер. Пиготта).

Сиф и Тор

Дж . Си Доллман

Тогда Тор согласился отпустить предателя; поэтому Локи быстро спустился в недра земли, где находился Сварт-альфа-хейм, чтобы умолять Двалина **Ошибка! Закладка не**

определена.изготовить не только драгоценные волосы, но и подарок Одину и Фрею, гнев которых он хотел обезоружить.

Его просьба была принята благосклонно, и гном смастерил копье Гунгнир, которое никогда не попадало в цель, и корабль Скидбладнир, который, всегда поддерживаемый попутным ветром, мог плыть по воздуху так же хорошо, как и по воде, и который обладал еще одним волшебным свойством, заключавшимся в том, что, хотя на нем могли поместиться боги и все их кони, его можно было свернуть в самый маленький компас и положить в карман. Наконец, он сплел тончайшую золотую нить, из которой сделал волосы, необходимые для Сиф, заявив, что как только они коснутся ее головы, то быстро отрастут и станут такими же, как ее собственные.

“Хотя теперь они кажутся мертвыми, пусть они коснутся только ее головы,

Каждый волос должен наполниться жизненной влагой;

Отныне ни злоба, ни чары не возобладают

У Сиф такие косы, что она плохо работает.

Гномы, Эленшлегер (пер. Пиготта).

Локи был так доволен этими доказательствами мастерства гномов, что объявил сына Ивальда самым умным из кузнецов — слова, которые подслушал Брок, другой гном, который воскликнул, что уверен, что его брат Синдри сможет изготовить три предмета, которые превзойдут те, что были у Локи, не только по внутренней ценности, но и по магическим свойствам. Локи немедленно бросил вызов гному, чтобы тот продемонстрировал свое мастерство, поставив свою голову против головы Брока на результат этого предприятия.

Синдри, осведомленный о пари, принял предложение Брока раздуть мехи, предупредив его, однако, что он должен работать настойчиво и ни на минуту не ослаблять своих усилий, если хочет добиться успеха; затем он бросил немного золота в огонь и вышел, чтобы попросить о благосклонности **Ошибка! Закладка не определена.** скрытые силы. Во время его отсутствия Брок усердно раздувал мехи, в то время как Локи, надеясь заставить его сделать паузу, превратился в овода и жестоко ужалил его в руку. Несмотря на боль, гном продолжал дуть, и когда Синдри вернулся, он вытащил из огня огромного дикого кабана, названного Гуллинбурсти из-за его золотистой щетины, которая обладала способностью излучать свет, когда летела по небу, поскольку могла перемещаться по воздуху с поразительной скоростью.

“А теперь, как ни странно, из ревущего огня

Пришла золотоволосая Гуллинберст,

Служить заряжающим богу солнца Фрею,

Конечно, из всех диких кабанов этот первый.

Гномы, Эленшлегер (пер. Пиготта).

Эта первая часть работы была успешно завершена, Синдри подбросил в огонь еще немного золота и велел своему брату возобновить раздувание, а сам снова отправился за магической помощью. На этот раз Локи, все еще замаскированный под овода, ужалил гнома в щеку; но, несмотря на боль, Брок продолжал работать, и когда Синдри вернулся, он с триумфом извлек из пламени волшебное кольцо Драупнир, эмблему плодородия, из которого каждую девятую ночь выпадало восемь таких же колец.

- Они обработали его и повернули с поразительным мастерством,

Пока они не наделили его редким достоинством,

Что каждую трижды третью ночь с его края падал

Восемь колец, как их родительская ярмарка.

Гномы, Эленшлегер (пер. Пиготта).

Теперь в пламя был брошен кусок железа, и с новой осторожностью, чтобы не лишиться их успеха из-за невнимательности, Синдри отключился, оставив Брока раздувать мехи, как и раньше. Теперь Локи был в отчаянии и приготовился к последнему усилию. На этот раз, все еще в обличье овода, он ужалил карлика выше глаза **Ошибка! Закладка не определена.** пока кровь не потекла таким потоком, что он не мог видеть, что делает.

Поспешно подняв на секунду руку, Брок отвел в сторону струю крови; но каким бы кратким ни было прерывание, оно нанесло непоправимый вред, и когда Синдри вытащил свою работу из огня, он издал возглас разочарования, потому что молоток, который он смастерил, был коротким в ручке.

Затем карлик поднес руку ко лбу, призывая к сообразительности,

Прежде чем железо было выбито,

И они обнаружили, что рукоятка на дюйм была слишком короткой,

Но тогда менять это было уже слишком поздно”.

Гномы, Эленшлегер (пер. Пиготта).

Несмотря на это несчастье, Брок был уверен в выигрыше пари и без колебаний предстал перед богами в Асгарде, где подарил Одину кольцо Драупнир, Фрею вепря Гуллин-бурсти, а Тору молот Мьелльнир, силе которого никто не мог противостоять.

Локи, в свою очередь, подарил копье Гунгнир Одину, корабль Скидбладнир Фрею и золотые волосы Тору; но хотя последние немедленно выросли на голове Сив и были единодушно признаны прекраснее, чем когда-либо были ее собственные локоны, боги решили, что Брок выиграл пари на том основании, что молот Мьелльнир в руках Тора окажется бесценным против ледяных великанов в последний день.

“И во главе их шел Тор,

Держащий на плече свой молот, который знают великаны”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Чтобы спасти свою голову, Локи опрометчиво сбежал, но был настигнут Тором, который вернул его обратно и передал Броку, сказав ему, однако, что **Ошибка! Закладка не определена.** хотя голова Локи принадлежит ему по праву, он не должен прикасаться к своей шее. Лишенный возможности полностью отомстить, гном решил наказать Локи, зашив ему губы, и поскольку его меч не мог их проткнуть, он позаимствовал для этой цели шило своего брата. Однако Локи, некоторое время молча терпевший насмешки богов, сумел перерезать веревку и вскоре после этого стал таким же словоохотливым, как всегда.

Несмотря на свой грозный молот, Тор не внушал страха как зловредный бог бури, который разрушал мирные усадьбы и губил урожай внезапными ливнями с градом и разрывами

облаков. Северяне воображали, что он швыряет его только в ледяных великанов и скалистые стены, превращая последние в порошок, чтобы удобрить землю и заставить ее приносить обильные плоды земледельцам.

В Германии, где восточные штормы всегда холодны и губительны, в то время как западные приносят теплые дожди и мягкую погоду, предполагалось, что Тор всегда путешествует с запада на восток, чтобы вести войну против злых духов, которые хотели бы упасть в обморок, окутав страну непроницаемой пеленой тумана и сковав ее ледяными оковами.

Путешествие Тора в Йотун-хейм

Поскольку великаны из Етунхейма постоянно насылали холодные порывы ветра, которые срывали нежные бутоны и препятствовали росту цветов, Тор однажды решил пойти и заставить их вести себя лучше. В сопровождении Локи он отправился в путь на своей колеснице, и, проехав целый день, боги с наступлением темноты прибыли к границам мира великанов, где, увидев крестьянскую хижину, решили остановиться, чтобы отдохнуть и подкрепиться.

Их хозяин был гостеприимным, но очень бедным, и Тор, видя, что он едва ли сможет обеспечить их **Ошибка! Закладка не определена.**необходимой пищей, чтобы удовлетворить его отнюдь не малый аппетит, зарезал обеих своих коз, которых он приготовил и приготовил к употреблению, пригласив своего хозяина и семью свободно отведать предоставленной таким образом пищи, но предупредив их, чтобы они бросили все кости, не ломая их, в шкуры козлят. козы, которых он разложил на полу.

Крестьянин и его семья с аппетитом поели, но его сын Тьялфи, подбадриваемый озорным Локи, отважился сломать одну из костей и высосать костный мозг, думая, что его неповиновение не будет обнаружено. Однако на следующий день Тор, готовый к отъезду, ударил по козлиным шкурам своим молотом Мьелльниром, и сразу же козы вскочили такими же живыми, как и раньше, за исключением того, что одна казалась несколько хромой. Поняв, что его приказы были проигнорированы, Тор в гневе убил бы всю семью. Однако преступник признал свою вину, и крестьянин предложил возместить ущерб, отдав разгневанному богу не только своего сына Тьялфи, но и дочь Роскву, чтобы они вечно служили ему.

Поручив мужчине хорошенько заботиться о козах, которых он оставил там до своего возвращения, и приказав молодым крестьянам сопровождать его, Тор отправился с Локи пешком и, пройдя весь день, с наступлением темноты оказался в унылой и бесплодной местности, которая была окутана почти непроницаемым серым туманом. После некоторого поиска Тор разглядел сквозь туман неясные очертания того, что выглядело как дом странной формы. Его открытый портал был таким широким и высоким, что, казалось, занимал всю одну сторону дома. Войдя и не обнаружив ни огня, ни света, Тор и его спутники устало повалились на пол, чтобы уснуть, но вскоре были потревожены странным шумом и продолжительной дрожью земли под ними. Опасаясь, что главная крыша **Ошибка! Закладка не определена.**может обрушиться во время этого землетрясения, Тор и его спутники укрылись в крыле здания, где вскоре крепко уснули. На рассвете бог и его спутники вышли из дому, но не успели они уйти далеко, как увидели распростертую фигуру спящего великана и поняли, что странные звуки, нарушавшие их покой, производил его храп. В этот момент великан проснулся, встал, потянулся, огляделся в поисках пропавшего имущества и секундой позже подобрал предмет, который Тор и его спутники приняли в темноте за дом. Затем они с изумлением поняли, что это была не что иное, как огромная рукавица, и что крыло, в котором

они все спали, было отдельным местом для большого пальца великана! Узнав, что Тор и его спутники находятся на пути в Утгард, как также называлось царство великанов, великан Скримир предложил быть их проводником; и, пройдя с ними весь день, он привел их с наступлением темноты к месту, где он предложил отдохнуть. Однако, прежде чем приготовиться ко сну, он предложил им провизию из своего кошелька. Но, несмотря на напряженные усилия, ни Тор, ни его спутники не могли развязать узлы, которые завязал Скримир.

“Стринги Скримира”

Казалось тебе трудным,

Когда ты не мог достать еду,

Когда, в полном здравии, умираешь с голоду”.

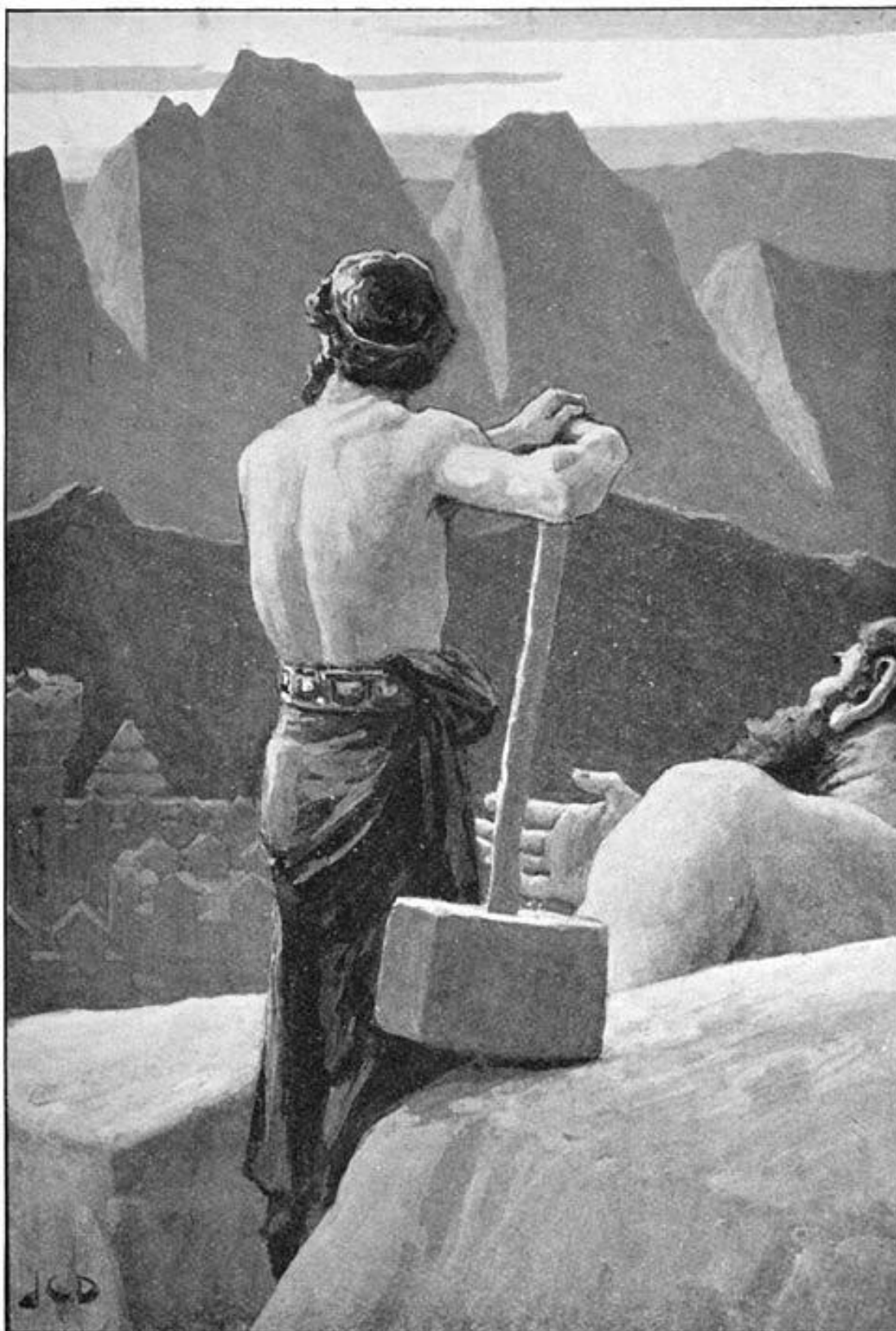
“Эдда Семунда” (т. р. Торпа).

Утгард-локи

Разозлившись из-за его храпа, который не давал им уснуть, Тор трижды нанес ему страшные удары своим молотом. Эти удары, вместо того чтобы уничтожить монстра, просто вызвали сонные комментарии о том, что на его лицо упал лист, **Ошибка! Закладка не определена.** кусочек коры или веточка из птичьего гнезда над головой. Рано утром Скримир покинул Тора и его спутников, указав кратчайшую дорогу к Утгарду - замку локи, который был построен из огромных ледяных глыб, с огромными сверкающими сосульками в качестве колонн. Боги, проскользнув между прутьями великих ворот, смело предстали перед царем великанов Утгардом-локи, который, узнав их, немедленно притворился, что очень удивлен их маленькими размерами, и выразил желание лично увидеть, на что они способны, поскольку он часто слышал, как превозносили их доблесть.

Локи, который постился дольше, чем ему хотелось бы, немедленно заявил, что готов поесть на спор с кем угодно. Поэтому король приказал принести в зал большое деревянное корыто, полное мяса, и, поставив Локи на один конец, а своего повара Логи на другой, велел им посмотреть, кто победит. Хотя Локи творил чудеса и вскоре добрался до середины корыта, он обнаружил, что, в то время как он дочиста обглодал кости, его противник сожрал и их, и корыто.

Презрительно улыбаясь, Утгард-локи сказал, что очевидно, что они мало что могут сделать в очереди за едой, и это так уязвило Тора, что он заявил, что если Локи не может есть, как прожорливый повар, то он уверен, что сможет осушить самый большой сосуд в доме, такова была его неутолимая жажда. Немедленно был принесен рог, и, поскольку Утгард-локи объявил, что те, кто хорошо пьет, осушают его одним глотком, те, кто испытывает умеренную жажду, - двумя, а те, кто пьет мало, - тремя, Тор приложился губами к краю. Но, хотя он пил так много, что, казалось, вот-вот лопнет, жидкость все равно доходила почти до края, когда он поднял голову. Вторая и третья попытки опорожнить этот рог оказались столь же безуспешными. Затем Тьялфи предложил пробежаться наперегонки, но молодой парень по имени Хуги, которому противостоял, вскоре опередил его, хотя Тьялфи бежал на удивление быстро.

Тор и гора

Дж . Си Доллман

Затем Тор предложил продемонстрировать свою силу, поднимая тяжести, и ему было предложено поднять кошку великана. Воспользовавшись возможностью затянуть пояс

Мегин-гьерда, что значительно увеличило его силу, он потянул и напрягся, но смог оторвать от пола только одну из его лап.

“Силен великий Тор, без сомнения, когда Мегингардер

Он крепко сжимает свои твердые, как скала, чресла.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

Последняя попытка с его стороны сразиться со старой нянькой Утгарда-локи Элли, единственным противником, которого сочли достойным такого тщедушного парня, закончилась так же катастрофически, и боги, признав, что потерпели поражение, были гостеприимно приняты. На следующее утро их сопровождали к границам Утгарда, где великан вежливо сообщил им, что надеется, что они никогда больше не обратятся к нему, поскольку он был вынужден применить против них магию. Затем он продолжил объяснять, что он был великаном Скримиром, и что если бы он не принял меры предосторожности и не подставил гору между своей головой и ударами Тора, пока тот, казалось бы, спал, он был бы убит, поскольку глубокие расщелины в склоне горы, на которые он указал, свидетельствовали о силе бога. Затем он сообщил им, что противником Локи был Логи (дикий огонь); что Тьялфи бежал наперегонки с Хуги (мыслью), быстрее которого не существует бегуна; что рог для питья Тора был связан с океаном, где его глубокие вдохи вызвали ощутимый отлив; что кошка на самом деле была ужасной змеей Мидгарда, опоясывающей мир, которую Тор почти вытащил из моря; и что Элли, его кормилица, была старостью, перед которой никто не может устоять. Закончив эти **Ошибка! Закладка не определена.** и предупредив их никогда не возвращаться, иначе он будет защищаться подобными иллюзиями, Утгард-локи исчез, и хотя Тор сердито размахивал своим молотом и хотел разрушить его замок, его окутал такой туман, что его нельзя было разглядеть, и бог грома был вынужден вернуться в Фруд-ванг, не дав запланированного спасительного урока за расу гигантов.

“Сильнорукий Тор”

Венд часто выступал против Йотунхейма,

Но, несмотря на его небесный пояс, несмотря на его перчатки,

Утгард-Локи все еще сохраняет свой трон;

Зло, само по себе являющееся силой, никогда не поддается принуждению”.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

Тор и Хрунгнир

Сам Один однажды мчался по воздуху на своем восьмифутовом скакуне Слейпнире, когда привлек внимание великана Хрунгнира, который предложил устроить состязание, заявив, что его скакун Гульфакси может соперничать со Слейпниром в скорости. В пылу гонки Хрунгнир не замечал направления, в котором они ехали, пока в тщетной надежде обогнать Одина не погнался своего скакуна к самым воротам Валгаллы. Узнав тогда, где он находится, великан побледнел от страха, ибо понял, что подвергал опасности свою жизнь, отважившись проникнуть в цитадель богов, своих исконных врагов.

Однако асы были слишком благородны, чтобы поставить в невыгодное положение даже врага, и, вместо того чтобы причинить ему вред, они пригласили его в свои пиршественные залы, где он обильно потчевал себя божественным медом, поставленным перед ним. Вскоре

он так разволновался, что начал хвастаться своей силой, заявляя, что однажды придет и завладеет Асгардом, который уничтожит вместе с богами, за исключением **Ошибка!** **Закладка не определена.** только Фрейи и Сиф, на которых он смотрел с восхищенной ухмылкой.

Боги, зная, что он ни в чем не виноват, позволили ему говорить спокойно; но Тор, как раз в это время вернувшийся домой из одного из своих путешествий и услышавший его угрозу забрать возлюбленную Сиф, пришел в страшную ярость. Он яростно размахивал своим молотом, намереваясь уничтожить хвастуна. Однако этого боги не допустили, и они быстро встали между разгневанным Громовержцем и своим гостем, умоляя Тора уважать священные права гостеприимства и не осквернять их покоем пролитием крови.

Тору, наконец, удалось обуздать свой гнев, но он потребовал, чтобы Хрунгнир назначил время и место для хольмганга, как обычно назывался поединок северян. Получив такой вызов, Хрунгнир пообещал встретиться с Тором в Гриоттунагарде, на границах своего королевства, через три дня и отбыл, несколько протрезвев от пережитого страха. Когда его собратья-великаны слышали, как опрометчиво он поступил, они жестоко упрекнули его; но они вместе посоветовались, чтобы извлечь максимум пользы из плохой ситуации. Хрунгнир сказал им, что у него будет привилегия сопровождать оруженосца, с которым Тьялфи будет сражаться, поэтому они приступили к постройке существа из глины длиной девять миль и пропорционально шириной, которого они называли Мокеркиалфи (туманный болотник). Поскольку они не смогли найти человеческого сердца, достаточно большого, чтобы поместиться в грудь этого монстра, они раздобыли сердце кобылы, которая, однако, продолжала трепетать от дурных предчувствий. Настал день дуэли. Хрунгнир и его оруженосец лежали на земле, ожидая прибытия своих противников. У великана были не только кремневое сердце и череп, но также щит и дубинка из того же материала, и поэтому он считал себя почти непобедимым. Тьялфи опередил своего **Ошибка! Закладка не определена.**, и вскоре после этого раздался ужасный грохот и тряска, которые заставили гиганта опасаться, что его враг вынырнет из-под земли и нападет на него снизу. Поэтому он последовал подсказке Тьялфи и встал на свой щит.

Однако мгновение спустя он увидел свою ошибку, потому что, в то время как Тьялфи атаковал Мокеркиалфи лопатой, Тор ворвался на сцену и со всего размаха обрушил свой молот на голову своего противника. Хрунгнир, чтобы отразить удар, подставил свою каменную дубинку, которая разлетелась на куски, которые разлетелись по всей земле, снабдив впоследствии все найденные кремни, и один осколок глубоко вонзился в лоб Тора. Когда бог в обмороке рухнул на землю, его молот обрушился на голову Хрунгнира, который замертво упал рядом с ним в таком положении, что одна из его тяжелых ног оказалась перекинута через лежащего бога.

“Теперь ты напоминаешь мне

Как я с Хрунгниром сражался,

Этот доблестный джотан,

Чья голова была полностью из камня;

И все же я заставил его упасть

И утону передо мной”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Тьялфи, который тем временем расправился с огромным глиняным великаном с его трусливым кобыльим сердцем, теперь бросился на помощь своему хозяину, но его усилия были тщетны, и другие боги, которых он быстро призвал, не смогли поднять удерживающую ногу. Пока они стояли там, беспомощно размышляя, что им делать дальше, подошел маленький сын Тора Магни. Согласно разным источникам, ему было тогда всего три дня или три года, но он быстро схватил великана за ногу и без посторонней помощи освободил своего отца, заявив, что если бы его только призвали раньше, он бы легко **Ошибка!**

Закладка не определена.расправился и с великаном, и со сквайром. Это проявление силы заставило богов сильно удивиться и помогло им осознать истинность различных предсказаний, которые все до единого заявляли, что их потомки будут могущественнее их, переживут их и, в свою очередь, будут править новыми небесами и землей.

Чтобы вознаградить своего сына за своевременную помощь, Тор подарил ему скакуна Гульлфакси (златогривого), наследником которого он стал по праву завоевания, и с тех пор Магни всегда ездил на этом чудесном коне, который почти равнялся знаменитому Слейпниру в скорости и выносливости.

Гроа, Колдунья

После тщетных попыток вытащить каменный осколок из своего лба, Тор печально вернулся домой во Фруд-ванг, где любовные усилия Сиф также не увенчались успехом. Поэтому она решила послать за Гроа (создающей зелень), колдуньей, известной своими способностями в медицине и эффективностью своих заклинаний. Гроа немедленно выразила готовность оказать все, что в ее силах, богу, который так часто приносил ей пользу, и торжественно начала произносить могущественные руны, под воздействием которых Тор почувствовал, что камень становится все более и более рыхлым. Его восторг от перспективы скорейшего освобождения вызвал у Тора желание немедленно вознаградить волшебницу, и, зная, что ничто не может доставить матери большего удовольствия, чем перспектива увидеть давно потерянного ребенка, он рассказал ей, что недавно пересек Эливагар, или ледяные потоки, чтобы спасти ее маленького сына Орвандила (герма) от жестокой власти ледяных великанов, и ему удалось унести его в корзине. Но, поскольку маленький плут упорно совал один из своих босых пальцев в дырку в корзине, он был обморожен, и Тор, случайно отломив его, **Ошибка! Закладка не определена.**подбросил его в небо, чтобы он засиял как звезда, известная на Севере как “Палец Орвандила”.

Обрадованная этими новостями, пророчица сделала паузу в своих заклинаниях, чтобы выразить свою радость, но, забыв, на чем она остановилась, она не смогла продолжить свое заклинание, и кремневый камень остался воткнутым в лоб Тора, откуда его никогда нельзя было извлечь.

Конечно, поскольку молот Тора всегда сослужил ему хорошую службу, это было самое ценное из всех его владений, и его смятение было очень велико, когда однажды утром он проснулся и обнаружил, что его нет. Его крик гнева и разочарования вскоре привлек Локи на его сторону, и Тор поведал ему тайну своей потери, заявив, что если великаны услышат об этом, они вскоре попытаются штурмовать Асгард и уничтожить богов.

Гнев охватил Тора, когда его сон рассеялся,

И он обнаружил, что его верный молоток пропал;

Он хлопнул себя по лбу, затряс бородой,

Сын земли " оглянется вокруг;

И это было первое слово, которое он произнес:

- Теперь послушай, что я тебе скажу, Локи;

Которого не знает ни один человек на земле,

И на небесах тоже: моего молотка больше нет”.

Квида Трима (пер. Герберта).

Тор и Трим

Локи заявил, что попытается найти вора и вернуть молот, если Фрейя одолжит ему свои соколиные перья, и немедленно поспешил в Фолькванг, чтобы позаимствовать их. Его поручение увенчалось успехом, и, приняв облик птицы, он совершил свой перелет через реку Ифинг и над бесплодными участками Етунхейма, где, как он подозревал, вор будет найден. Там он увидел Трима, принца ледяных великанов и бога разрушительной грозы, сидящего **Ошибка! Залладка не определена.** в одиночестве на склоне холма. Искусно расспросив его, он вскоре узнал, что Трим украл молот и закопал его глубоко под землей. Более того, он обнаружил, что было мало надежды на его восстановление, если Фрейю не приведут к нему в наряде невесты.

- У меня при себе молот Громовержца

Находится на глубине восьми саженой под землей;

С ним никто не вернется домой

Пока он не приведет ко мне Фрейю, чтобы разделить со мной постель.

Квида Трима (пер. Герберта).

Возмущенный самонадеянностью великана, Локи вернулся во Фруд-ванг, но Тор заявил, что было бы неплохо навестить Фрейю и попытаться убедить ее пожертвовать собой ради общего блага. Но когда асы рассказали богине красоты, чего они от нее хотят, она пришла в такую ярость, что даже ее ожерелье лопнуло. Она сказала им, что никогда не бросила бы своего любимого мужа ни ради какого бога, не говоря уже о том, чтобы выйти замуж за ненавистного великана и поселиться в Етунхейме, где все было до крайности уныло и где она скоро умрет от тоски по зеленым полям и цветущим лугам, по которым любила бродить. Видя, что дальнейшие уговоры бесполезны, Локи и Тор вернулись домой и там обдумали другой план возвращения молота. По совету Хеймдалля, который, однако, был принят лишь с крайней неохотой, Тор позаимствовал и надел одежду Фрейи вместе с ее ожерельем, а сам закутался в плотную вуаль. Локи, переодевшись служанкой, затем сел с ним в колесницу, запряженную козлами, и странно одетая пара отправилась в Етун-хейм, где они намеревались сыграть соответствующие роли богини красоты и ее спутницы. **Ошибка! Залладка не определена.**

“Домой везли

Затем козлы,

И прицепленный к машине;

Они должны спешить—

Горы рухнули,

Земля была объята пламенем:

Сын Одина

Поехал в Етун-хейм.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Трим приветствовал своих гостей у дверей дворца, вне себя от радости при мысли, что вот-вот получит в бесспорное владение богиню красоты, по которой он так долго и напрасно вздыхал. Он быстро повел их в банкетный зал, где Тор, избранный невестой, отличился тем, что съел быка, восемь огромных лососей и все пирожные и сладости, приготовленные для женщин, запивая эти разнообразные яства содержимым двух бочонков медовухи.

Жених-великан с изумлением наблюдал за этими гастрономическими подвигами, после чего Локи, чтобы успокоить его, доверительно прошептал, что невеста была так сильно влюблена в него, что не могла отведать ни кусочка пищи более восьми дней. Затем Трим попытался поцеловать невесту, но отпрянул, потрясенный огнем ее взгляда, который Локи объяснил как горящий любовью. Сестра великана, потребовавшая обычных подарков, даже не была замечена; поэтому Локи снова прошептал удивленному Триму, что любовь делает людей рассеянными. Опыренный страстью и медовухой, которую он тоже выпил в изобилии, жених приказал своим слугам принести священный молот для освящения брака, и как только его принесли, он сам положил его на колени мнимой Фрейи. В следующее мгновение мощная рука сомкнулась на короткой рукояти, и вскоре великан, его сестра, **Ошибка! Закладка не определена.** и все приглашенные гости были убиты ужасным Тором.

“Принеси молоток, чтобы помочь горничной;

У нее на коленях лежал громила,

И крепко возьмемся за руки и уйдем.

Душа Громовержца улыбнулась в его груди;

Когда молоток тяжело лег ему на колени,

Трим первый, король турси, он убил,

И перебил всю команду гигантов.

Квида Трима (пер. Герберта).

Оставив после себя дымящуюся грудку руин, боги быстро отправились обратно в Асгард, где позаимствованные одежды были возвращены Фрейе, к большому облегчению Тора, и асы обрадовались возвращению драгоценного молота. Когда в следующий раз Один взглянул на эту часть Етунхейма со своего трона Хлидскиалф, он увидел руины, покрытые нежными зелеными побегами, ибо Тор, победив своего врага, завладел его землей, которая отныне больше не будет оставаться бесплодной и пустынной, а будет приносить плоды в изобилии.

Тор и Гейрред

Однажды Локи позаимствовал у Фрейи соколиный наряд и улетел в поисках приключений в другую часть Етунхейма, где устроился на крыше дома Гейррода. Вскоре он привлек внимание этого великана, который приказал одному из своих слуг поймать птицу. Забавляясь неуклюжими попытками парня обезопасить его, Локи порхал с места на место, двигаясь

только в тот момент, когда гигант собирался схватить его, когда, неверно рассчитав расстояние, он внезапно оказался пленником.

Привлеченный яркими глазами птицы, Гейрред присмотрелся к ней повнимательнее и пришел к выводу, что это переодетый бог, **Ошибка! Залладка не определена.**и, обнаружив, что не может заставить ее говорить, он запер ее в клетке, где держал целых три месяца без еды и питья. Победенный, наконец, голодом и жаждой, Локи раскрыл свою личность и добился освобождения, пообещав, что уговорит Тора посетить Гейрреда без его молота, пояса или волшебной перчатки. Затем Локи улетел обратно в Асгард и сказал Тору, что его по-королевски развлекли и что его хозяин выразил сильное желание увидеть могущественного бога грома, о котором он слышал такие чудесные истории. Польщенный этой искусной речью, Тор согласился на дружеское путешествие в Етун-хейм, и два бога отправились в путь, оставив три чудесных оружия дома. Однако они не ушли далеко, прежде чем подошли к дому великанши Грид, одной из многочисленных жен Одина. Увидев Тора безоружным, она предупредила его, чтобы он остерегался предательства, и одолжила ему свой собственный пояс, посох и перчатку. Через некоторое время после того, как Тор и Локи покинули ее, они подошли к реке Веймер, которую Громовержец, привыкший переходить вброд, приготовился перейти вброд, приказав Локи и Тьялфи крепко держаться за его пояс.

Однако на середине потока внезапный разрыв облаков и прилив настигли их; вода начала подниматься и реветь, и хотя Тор тяжело опирался на свой посох, он был почти унесен силой бушующего течения.

“Не волнуйся, Веймер,

С тех пор, как я хочу перейти вброд

В царство великанов!

Знай, если ты наберешь силу,

Затем усиливается моя аса-мощь

Такой же высокий, как небеса.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Теперь Тор узнал о присутствии выше по течению дочери Гейрреда Гиалп и справедливо заподозрил, что **Ошибка! Залладка не определена.**она была причиной шторма, он поднял огромный валун и запустил им в нее, пробормотав, что лучшее место для перекрытия реки - у ее истока. Метательный снаряд возымел желаемый эффект, великанша убежала, вода схлынула, и Тор, измученный, но невредимый, выбрался на противоположный берег за небольшой кустарник, рябину или сорбет. С тех пор это стало известно как “спасение Тора”, и ему приписывались оккультные силы. Немного отдохнув, Тор и его спутники продолжили свой путь; но, прибыв в дом Гейрреда, бог был так измучен, что устало опустился на единственный попавшийся стул. Однако, к своему удивлению, он почувствовал, что стул поднимается под ним, и, опасаясь, что его раздавит о стропила, он уперся позаимствованным посохом в потолок и изо всех сил опустил стул. Затем последовал ужасный треск, внезапные крики и стоны боли; и когда Тор пришел на разведку, оказалось, что дочери великана, Гиалп и Грейп, проскользнули под его кресло с намерением предательски убить его, и они получили справедливое возмездие, и обе лежали раздавленные насмерть.

“Однажды я нанял

Моя аса-мощь

В царстве великанов,

Когда Gialp и Greip,

Дочери Гейррода,

Хотел вознести меня на небеса”.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Теперь появился Гейрред и вызвал Тора на испытание силы и мастерства, но, не дожидаясь условленного сигнала, он швырнул в него раскаленный докрасна клин. Тор, сообразительный и опытный кэтчер, поймал снаряд железной перчаткой великанши и швырнул его обратно в своего противника. Сила бога была такова, что снаряд прошел не только сквозь колонну, за которой укрылся великан, но и сквозь него самого и **Ошибка! Закладка не определена.** стену дома и зарылся глубоко в землю снаружи.

Затем Тор подошел к труп великана, который от удара его оружия превратился в камень, и установил его на видном месте, как памятник своей силе и победе, которую он одержал над своими грозными врагами, горными великанами.

Поклонение Тору

Именем Тора названы многие места, которые он обычно посещал, такие как главная гавань Фарерских островов, и семьи, которые утверждают, что произошли от него. Оно все еще сохранилось в таких названиях, как Тандерхилл в Суррее, и в фамилиях Торберн и Торвальдсен, но наиболее заметно в названии одного из дней недели, дня Тора или четверга.

“По всей земле

Все-таки это день Тора!”

Сага о короле Олафе (Лонгфелло).

Тор считался в высшей степени благожелательным божеством, и именно по этой причине ему так широко поклонялись, и храмы для его почитания возникли в Мозэри, Хладере, Годее, Готланде, Упсале и других местах, где люди никогда не упускали случая призвать его к благоприятному году на Святках, его главном празднике. По этому случаю было принято сжигать большое дубовое бревно, его священное дерево, как символ тепла и света лета, которые прогонят тьму и холод зимы.

Невесты неизменно носили красный, любимый цвет Тора, который считался символом любви, и по той же причине обручальные кольца на Севере почти всегда украшались красным камнем. **Ошибка! Закладка не определена.**

Храмы и статуи Тора, как и Одина, были сделаны из дерева, и большее их количество было разрушено во время правления короля Олафа Святого. Согласно древним хроникам, этот монарх насильно обращал в христианство своих подданных. Особенно он был разгневан на жителей одной провинции за то, что они поклонялись грубому изображению Тора, которое

они украсили золотыми украшениями и перед которым каждый вечер ставили еду, заявляя, что бог съел ее, поскольку утром от нее не осталось и следа.

Когда в 1030 году к народу обратились с призывом отказаться от этого идола в пользу истинного Бога, он пообещал согласиться, если завтра будет облачно; но когда после целой ночи, проведенной Олафом в горячей молитве, наступил облачный день, упрямые люди заявили, что они еще не убеждены в силе его Бога и поверят, только если на следующий день засияет солнце.

И снова Олаф провел ночь в молитве, но на рассвете, к его великому огорчению, небо затянули тучи. Тем не менее, он собрал людей возле статуи Тора и, тайно приказав своему главному слуге разбить идола своим боевым топором, если люди отвернутся хотя бы на мгновение, он начал обращаться к ним. Внезапно, пока все слушали его, Олаф указал на горизонт, где солнце медленно пробивалось сквозь облака, и воскликнул: “Узрите нашего Бога!” Люди все до единого обернулись, чтобы посмотреть, что он имеет в виду, и служитель воспользовался этой возможностью, чтобы напасть на идола, который легко поддался его ударам, и полчища мышей и других паразитов поспешно разбежались из его полого нутра. Видя теперь, что пища, поданная их богу, была съедена только вредными животными, люди перестали почитать Тора и определенно приняли веру, которую так долго и тщетно внушал им король Олаф. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава V: Тир

Бог войны

Тир Тиу, или Зиу, был сыном Одина, и, согласно разным мифологам, его матерью была Фригга, королева богов, или прекрасная великанша, имя которой неизвестно, но которая была олицетворением бушующего моря. Он - бог воинской чести и одно из двенадцати главных божеств Асгарда. Хотя у него, по-видимому, не было там особого жилища, ему всегда были рады в Вингольфе или Валгалле, и он занимал один из двенадцати тронов в большом зале совета Гладсхейма.

“Зал Гладс-хейм, построенный из золота;

Где по кругу расставлены двенадцать золотых стульев,

И посередине еще один, более высокий, Трон Одина”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Как Бога мужества и войны, Тир часто взывал к различным народам Севера, которые взывали к нему, а также к Одину, чтобы добиться победы. То, что он стоит рядом с Одинем и Тором, подтверждается тем, что его имя Тиу было присвоено одному из дней недели, дню Тиу, который в современном английском языке стал вторником. Под именем Зиу Тир был главным божеством швабов, которые первоначально называли свою столицу, современный Аугсбург, Зюсбургом. Этот народ, почитавший бога по-своему, имел обыкновение поклоняться ему под эмблемой меча, его отличительного атрибута, и в его честь устраивал великие танцы с мечами, где исполнялись различные фигуры. Иногда участники, выстраиваясь в две длинные шеренги, скрещивали свои мечи острием вверх и бросали вызов самому смелому из них, чтобы тот перепрыгнул через них с размаху. В других случаях воины плотно соединяли

кончики своих мечей **Ошибка! Закладка не определена.** в форме розы или колеса, и когда эта фигура была завершена, они приглашали своего вождя встать на пупок, образованный таким образом из плоских, блестящих стальных лезвий, а затем с триумфом проносили его на нем через лагерь. Кроме того, острие меча считалось настолько священным, что на нем вошло в обычай произносить клятвы.

”...Подойдите сюда, джентльмены,

И снова возложи свои руки на мой меч;

Никогда не говорить об этом, что ты слышал,

Поклянись моим мечом.

Гамлет (Шекспир).

Отличительной чертой поклонения этому богу у франков и некоторых других северных народов было то, что жрецы, называемые друидами или годи, приносили человеческие жертвы на его алтарях, обычно вырезая кровавого или распростертого орла на своих жертвах, то есть делая глубокие надрезы по обе стороны позвоночника, выворачивая ослабленные таким образом ребра наизнанку и вырывая внутренности через проделанное таким образом отверстие. Конечно, так обращались только с военнопленными, и у североевропейских народов считалось делом чести переносить эту пытку без единого стога. Эти жертвоприношения приносились на грубых каменных алтарях, называемых дольменами, которые до сих пор можно увидеть в Северной Европе. Поскольку Тир считался богом—покровителем меча, считалось необходимым выгравировать знак или руну, представляющую его, на лезвии каждого меча - соблюдение, которое Эдда предписывала всем тем, кто желал одержать победу.

“Знаки-руны, которые ты должен знать,

Если победа (*сигр*) будет у тебя,

И на рукояти твоего меча начерти их;

Немного о главах,

Некоторые настороже,

И дважды назови имя Тира.

История Сигдрифы (история Торпа). **Ошибка! Закладка не определена.**

Тир был идентичен саксонскому богу Саксноту (от *sax*- меч) и Эру, Херу или Черу, главному божеству черусков, которые также считали его богом солнца и считали его сияющий клинок меча эмблемой его лучей.

“Этот самый меч - луч света

Похищенный с Солнца!”

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Меч Тира

Согласно древней легенде, меч Черу, выкованный теми же гномами, сыновьями Ивальда, которые также изготовили копье Одина, считался очень священным для его народа, заботам которого он его доверил, заявив, что те, кто им владеет, обязательно одержат победу над своими врагами. Но хотя его тщательно охраняли в храме, где он был повешен так, чтобы отражать первые лучи утреннего солнца, однажды ночью он внезапно и таинственно исчез. Вала, друидесса или пророчица, с которой посоветовались жрецы, открыла, что норны постановили, что тот, кто владеет им, завоюет мир и придет с ним на смерть; но, несмотря на все мольбы, она отказалась сказать, кто взял его или где его можно найти. Через некоторое время после этого случая высокий и исполненный достоинства незнакомец прибыл в Кельн, где пировал римский префект Вителлий, и отвлек его от его любимых лакомств. В присутствии римских солдат он вручил ему меч, сказав, что это принесет ему славу, и, наконец, провозгласил его императором. Клич был подхвачен собравшимися легионами, и Вителлий, не прилагая никаких личных усилий для завоевания этой чести, оказался избранным императором Рима.

Однако новый правитель был настолько поглощен потаканием своему вкусу к еде и напиткам, что почти не обращал внимания на божественное оружие. Однажды, неторопливо направляясь в Рим, он небрежно оставил его висеть в прихожей своего павильона. Немецкий солдат воспользовался этой возможностью, чтобы заменить его своим собственным ржавым клинком, и одурманенный император не заметил этого обмена. Прибыв в Рим, он узнал, что восточные легионы провозгласили Веспасиана императором и что уже тогда он направлялся домой, чтобы предъявить права на трон.

Набег

А. Мальмстрем

Разыскивая священное оружие, чтобы защитить свои права, Вителлий обнаружил кражу и, охваченный суеверными страхами, даже не пытался бороться. Он уполз в темный угол своего

дворца, откуда разъяренный народ с позором потащил его к подножию Капитолийского холма. Там пророчество исполнилось должным образом, ибо германский солдат, примкнувший к противоположной фракции, появившийся в этот момент, отрубил Вителлию голову священным мечом.

Германский солдат теперь переходил из одного легиона в другой и побывал во многих странах; но где бы ни появлялись он и его меч, победа была обеспечена. Завоевав большие почести и отличия, этот человек, состарившись, ушел с действительной службы на берега Дуная, где тайно закопал свое драгоценное оружие, построив свою хижину над местом его упокоения, чтобы охранять его до конца своих дней. Когда он лежал на смертном одре, его умоляли открыть, где он это спрятал, но он упорно отказывался это сделать, говоря, что это найдет человек, которому суждено завоевать мир, но что он не сможет избежать проклятия. Шли годы. Волна за волной волна варварского нашествия захлестывала эту часть страны, и последними пришли ужасные гунны под предводительством Аттилы, “Бича Божьего”. Когда он проходил **Ошибка! Закладка не определена.**, он увидел крестьянина, печально осматривающего ногу своей коровы, которая была поранена каким-то острым предметом, спрятанным в высокой траве, и когда были предприняты поиски, он обнаружил зарытый предмет. меч был найден торчащим из земли.

Аттила, увидев прекрасную работу и прекрасную сохранность этого оружия, немедленно воскликнул, что это меч Черу, и, размахивая им над головой, объявил, что завоюет весь мир. Гунны вели битву за битвой, которые, согласно Саге, повсюду одерживали победы, пока Аттила, устав от войн, не обосновался в Венгрии, взяв в жены прекрасную бургундскую принцессу Ильдику, отца которой он убил. Эта принцесса, возмущенная убийством своего родственника и желающая отомстить за это, воспользовалась состоянием опьянения короля в первую брачную ночь, чтобы завладеть божественным мечом, которым она убила его в его постели, еще раз исполнив пророчество, произнесенное много лет назад.

Волшебный меч снова надолго исчез, чтобы быть обнаруженным еще раз, в последний раз, герцогом Альва, генералом Карла V. Вскоре после этого он одержал победу при Мюльберге (1547). Франки имели обыкновение ежегодно устраивать боевые игры в честь меча; но говорят, что когда языческие боги были отвергнуты в пользу христианства, священники передали многие из их атрибутов святым, и что этот меч стал собственностью архангела Святого Михаила, который с тех пор владеет им.

Древние северяне также считали, что Тир, чье имя было синонимом храбрости и мудрости, имел в своем распоряжении белоруких Валькирий, слуг Одина, и они думали, что именно он назначил воинов, которых они должны были отправить в Валгаллу, чтобы помочь богам в последний день. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Бог, посланный Тиром

Гондул и Скогул

Чтобы выбрать короля

Из рода Ингве,

Жить с Одином

В просторном Валхале”.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

История Фенриса

О Тире обычно говорили и представляли его одноруким, точно так же, как Одина называли одноглазым. Разные авторитетные источники предлагают различные объяснения; одни утверждают, что это произошло потому, что он мог принести победу только одной стороне; другие - потому, что у меча только одно лезвие. Как бы то ни было, древние предпочитали объяснять этот факт следующим образом:

Локи тайно женился в Етун-хейме на отвратительной великанше Ангур-бода (приносящей страдания), которая родила ему троих чудовищных детей — волка Фенриса, Хель, разноцветную богиню смерти, и Ермунганда, ужасного змея. Он держал существование этих чудовищ в секрете так долго, как мог; но они быстро выросли настолько, что больше не могли оставаться взаперти в пещере, где их обнаружили. Один со своего трона в Хлидскиалфе вскоре узнал об их существовании, а также о тревожащей быстроте, с которой они увеличивались в размерах. Опасаясь, что чудовища, набрав еще больше силы, вторгнутся в Асгард и уничтожат богов, Всеотец решил избавиться от них и, отправившись в Етун-хейм, он швырнул Хель в глубины Нифл-хейма, сказав ей, что она может править девятью мрачными мирами мертвых. Затем он бросил Ермунганда в море, где тот достиг таких огромных размеров, что, наконец, облетел землю и смог укунить свой собственный хвост. **Ошибка! Закладка не определена.**

“В темные глубины срединного океана брошен,

С каждым днем вырастающий до гигантских размеров,

Вскоре змей заполонил весь мир,

С хвостом во рту, по кругу;

По-прежнему оставался невредимым

По воле Одина.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Не слишком довольный тем, что змей достиг таких устрашающих размеров в своей новой стихии, Один решил отвести Фенриса в Асгард, где он надеялся добрым обращением сделать его мягким и сговорчивым. Но боги все до единого в ужасе сжались, увидев волка, и никто не осмелился приблизиться, чтобы дать ему еды, кроме Тира, которого ничто не пугало. Видя, что Фенрис с каждым днем увеличивается в размерах, силе, прожорливости и свирепости, боги собрались на совет, чтобы обсудить, как им лучше избавиться от него. Они единодушно решили, что, поскольку убийство его осквернило бы их покой, они крепко свяжут его, чтобы он не смог причинить им вреда.

С этой целью они раздобыли прочную цепь по имени Лединг, а затем в шутку предложили Фенрису обвязать ее вокруг себя в качестве испытания его хваленой силы. Уверенный в своей способности освободиться, Фенрис терпеливо позволил им крепко связать себя, а когда все отошли в сторону, могучим усилием он потянулся и легко разорвал цепь на части.

Скрывая свое огорчение, боги громко восхваляли его силу, но затем они создали гораздо более прочные оковы, Дрому, которые после некоторых уговоров волк позволил им закрепить вокруг себя, как и прежде. И снова короткой, острой борьбы было достаточно, чтобы разорвать эту связь, и на Севере вошло в поговорку использование образных

выражений “вырваться из Лединга” и “вырваться из Дромы” всякий раз, когда приходится преодолевать большие трудности. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Дважды асы пытались связать,

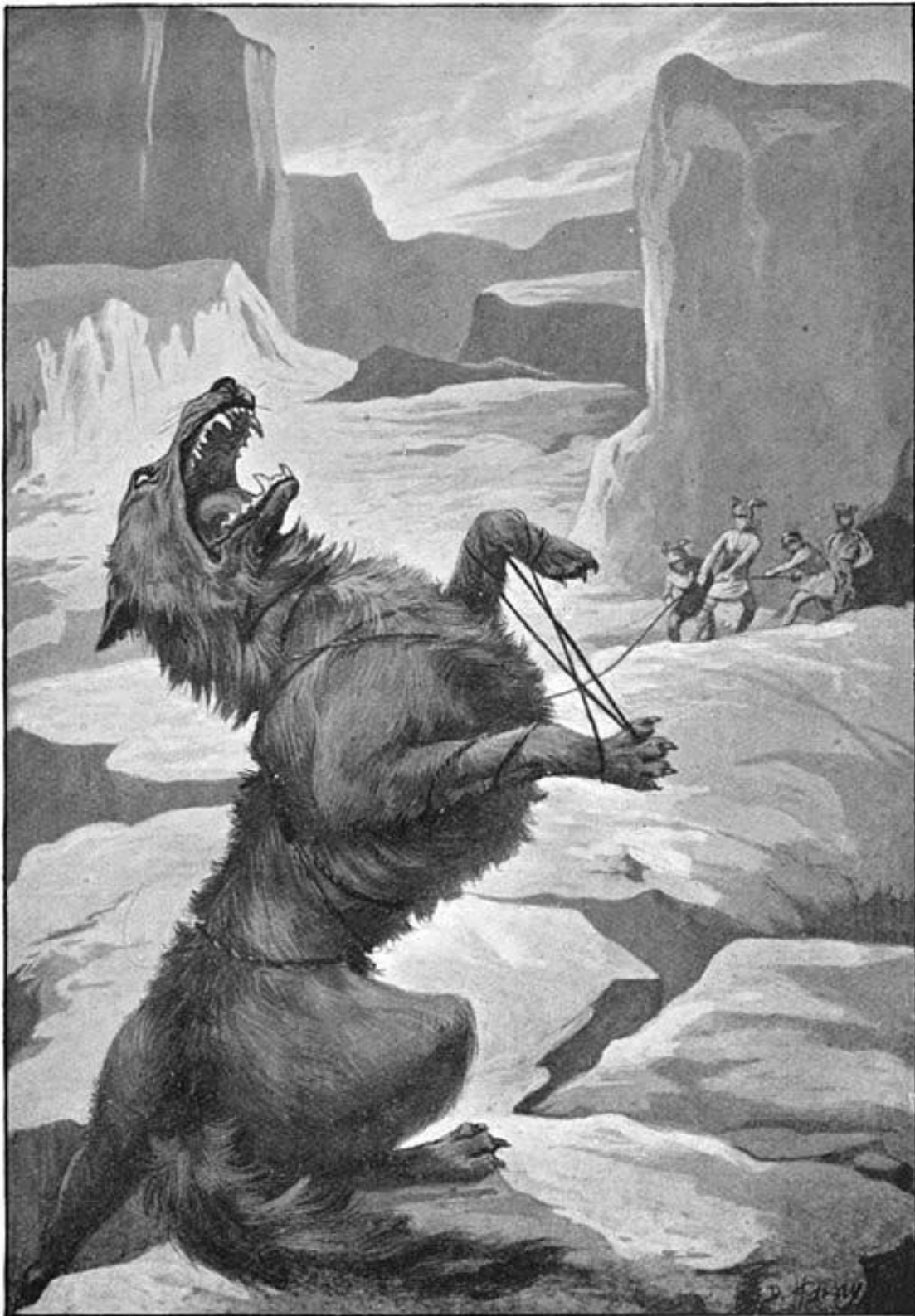
Дважды они оковы бессильные находили;

Железо или латунь бесполезны,

Ничто, кроме магии, не могло одержать верх.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Боги, поняв теперь, что обычные узы, какими бы крепкими они ни были, никогда не одолеют великую силу волка Фенрира, повелели Скирниру, слуге Фрейра, спуститься в Сварт-альф-хейм и приказали гномам создать узы, которые ничто не сможет разорвать.

Узы Фенриса

Дороти Харди

С помощью магических искусств темные эльфы изготовили тонкую шелковую веревку из таких неосязаемых материалов, как звук кошачьих шагов, борода женщины, корни горы, тоска медведя, голос рыб и птичья слюна, и когда она была закончена, они отдали ее

Скирниру, заверив его, что никакая сила не сможет разорвать ее, и что чем больше она будет натянута, тем прочнее станет.

“Глейпнир, наконец-то,

Отлитый Темными эльфами,

В Сварт-альф-хейме, с помощью сильных заклинаний,

К Одину был принесен Скирниром:

Мягкая, как шелк, легкая, как воздух,

Но все еще обладающий крайне редкой магической силой.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Вооруженные этой связью, называемой Глейпнир, боги отправились с Фенрисом на остров Лингви, расположенный посреди озера Амсвартнир, и снова предложили испытать его на прочность. Но хотя Фенрис стал еще сильнее, он не доверял этой связи, которая казалась такой слабой. Поэтому он отказался позволить связать себя, если только кто-нибудь из асов не согласится засунуть руку ему в рот и оставить ее там в качестве залога доброй воли и того, что против него не будут использованы никакие магические искусства. **Ошибка! Закладка не определена.**

Боги с ужасом выслушали это решение, и все отступили, кроме Тира, который, видя, что остальные не осмеливаются подчиниться этому условию, смело шагнул вперед и просунул руку между челюстями чудовища. Теперь боги надежно закрепили Глейпнир вокруг шеи и лап Фенриса, и когда они увидели, что все его попытки освободиться были бесплодны, они закричали и радостно засмеялись. Тир, однако, не мог разделить их радости, потому что волк, оказавшись в плену, откусил руку бога у запястья, которое с тех пор известно как волчий сустав.

Локи.

- Помолчи, Тир!

Ты никогда не смог бы успокоиться

Ссора между двумя;

И твоей правой руки тоже

Я должен упомянуть марку,

Которую Фенрис у тебя отнял.

Тир.

Мне не хватает руки,

Но ты с честной славой;

Печально отсутствие ни того, ни другого.

И волку не по себе:

Он в узах должен пребывать

До разрушения богов”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Лишенный правой руки, Тир был вынужден использовать искаленную руку вместо щита и орудовать мечом левой рукой; но его ловкость была такова, что он убивал своих врагов, как и прежде.

Боги, несмотря на сопротивление волка, протянули конец оков Гелгия через скальный выступ и прикрепили его к валуну Твити, который был глубоко врыт в землю. Широко раскрыв свои устрашающие челюсти, Фенрис издал такие ужасные вопли, что боги, чтобы заставить замолчать **Ошибка! Закладка не определена.**его, воткнули ему в рот меч рукоятью в нижнюю челюсть, а острием в небо. Затем кровь начала литься такими потоками, что образовала большую реку, называемую Фон. Волку было суждено оставаться таким крепко скованным до последнего дня, когда он разорвет свои путы и будет свободен, чтобы отомстить за причиненные ему обиды.

“Волк Фенрир,

Освобожденный от цепи,

Обогнет землю”.

Предсмертная песнь Хакона (перевод У. Тейлора).

В то время как некоторые мифологи видят в этом мифе символ преступления, сдерживаемого и ставшего безвредным благодаря силе закона, другие видят подземный огонь, который, удерживаемый в рамках, никому не может причинить вреда, но который беспрепятственно наполняет мир разрушением и горем. Точно так же, как второй глаз Одина, как говорят, покоится в колодце Мимира, так и вторая рука Тира (меч) находится в челюстях Фенриса. От двух видов оружия ему пользы не больше, чем от неба двум солнцам.

Поклонение Тюрю отмечается в различных местах (таких как Тюбинген в Германии), которые носят более или менее измененные формы его имени. Это название также было дано акониту, растению, известному в северных странах как “шлем Тира”. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава VI: Браги

Происхождение поэзии

Во время спора между асами и ванами, когда был заключен мир, в собрание была внесена ваза, в которую обе стороны торжественно плюнули. Из этой слюны боги создали Квасира, существо, известное своей мудростью и добротой, которое ходило по миру, отвечая на все задаваемые ему вопросы, таким образом обучая и принося пользу человечеству. Гномы, услышав о великой мудрости Квасира, возжелали ее, и однажды, застав его спящим, двое из них, Фьялар и Галар, предательски убили его и слили всю его кровь до капли в три сосуда — котел Од-хроэрир (вдохновение) и чаши Сон (искупление) и Боден (подношение). Должным образом смешав эту кровь с медом, они изготовили из нее своего рода напиток, настолько вдохновляющий, что любой, кто попробовал его, немедленно становился поэтом и мог петь с очарованием, которое, несомненно, покоряло все сердца.

Теперь, хотя гномы сварили этот чудесный мед для собственного употребления, они даже не попробовали его, а спрятали в тайном месте, отправившись на поиски дальнейших приключений. Они ушли не очень далеко, когда обнаружили великана Джиллинга, тоже крепко спящего, лежащим на крутом берегу, и они злонамеренно скатили его в воду, где он и погиб. Затем, поспешив к своему жилищу, некоторые взобрались на крышу, неся огромный жернов, в то время как другие, войдя, сказали великанше, что ее муж мертв. Это известие сильно огорчило бедняжку, и она выбежала из дома, чтобы посмотреть на останки Гиллинга. Когда она проходила через дверь, злые гномы опустили жернов ей на голову и убили ее. Согласно другому сообщению, гномы пригласили **Ошибка! Закладка не определена**.порыбачить с ними, и им удалось убить его, отправив на дырявом судне, которое затонуло под его весом.

Совершенное таким образом двойное преступление недолго оставалось безнаказанным, поскольку брат Гиллинга, Суттунг, быстро отправился на поиски гномов, полный решимости отомстить за него. Схватив их своими могучими руками, великан отнес их на отмель далеко в море, где они наверняка погибли бы во время следующего прилива, если бы им не удалось спасти свои жизни, пообещав доставить великану недавно сваренный ими мед. Поэтому, как только Суттунг высадил их на берег, они отдали ему драгоценный состав, который он доверил своей дочери Гунлод, приказав ей охранять его день и ночь и не позволять ни богам, ни смертным даже попробовать. Чтобы лучше выполнить это приказание, Гунлод отнесла три сосуда в полую гору, где она присматривала за ними с самой скрупулезной осторожностью, и при этом она не подозревала, что Один обнаружил их укрытие благодаря острым глазам своих всегда бдительных воронов Хугина и Мунина.

Поиски Сквозняка

Поскольку Один овладел руническими знаниями и попробовал воды источника Мимира, он уже был мудрейшим из богов; но, узнав о силе напитка вдохновения, изготовленного из крови Квасира, он очень захотел завладеть волшебной жидкостью. Поэтому с этой целью он надел свою широкополую шляпу, закутался в плащ цвета облаков и отправился в Етунхейм. По пути к жилищу великана он проходил мимо поля, где девять уродливых рабов заготавливали сено. Один на мгновение остановился, наблюдая за их работой, и, заметив, что их косы действительно казались очень тупыми, он **Ошибка! Закладка не определена**.предложил заточить их, предложение, которое рабы охотно приняли.

Достав из-за пазухи точильный камень, Один принялся затачивать девять кос, искусно придав им такую остроту, что обрадованные рабы взмолились, чтобы им дали этот камень. С добродушным согласием Один перебросил точильный камень через стену; но когда девять рабов одновременно бросились вперед, чтобы поймать его, они поранили друг друга своими острыми косами. Разгневанные своей беспечностью, они вступили в бой и не останавливались до тех пор, пока все не были смертельно ранены или мертвы.

Совершенно не смущенный этой трагедией, Один продолжил свой путь и вскоре после этого пришел в дом великана Бауги, брата Суттунга, который принял его очень гостеприимно. В ходе разговора Бауги сообщил ему, что он был очень смущен, так как было время сбора урожая и все его работники только что были найдены мертвыми на сенокосе.

Один, который в этот раз назвал себя Больверком (злодей), немедленно предложил свои услуги великану, пообещав выполнить столько же работы, сколько девять рабов, и усердно трудиться все лето в обмен на один-единственный глоток волшебного меда Суттунга, когда закончится напряженный сезон. Эта сделка была немедленно заключена, и новый слуга

Бауги, Больверк, работал не покладая рук все лето, более чем выполнив свой контракт и благополучно собрав все зерно до того, как начались осенние дожди. Когда наступили первые дни зимы, Больверк предстал перед своим хозяином, требуя награды. Но Бауги колебался и возражал, говоря, что он не осмеливается открыто просить своего брата Суттунга о глотке вдохновения, но попытается получить его хитростью. Затем Больверк и Бауги вместе отправились к горе, где **Ошибка! Закладка не определена.** Жил Гунлод, и поскольку они не смогли найти другого способа проникнуть в тайную пещеру, Один достал свой верный шнек, называемый Рати, и изо всех сил приказал великану проделать отверстие, через которое он мог бы проползти внутрь.

Бауги молча повиновался и после нескольких минут работы вытащил инструмент, сказав, что он пронзил гору насквозь и что Одину не составит труда проскользнуть сквозь нее. Но бог, не поверив этому утверждению, просто дунул в дыру, и когда пыль и щепки полетели ему в лицо, он строго приказал Бауги возобновить свое занудство и больше не пытаться обмануть его. Великан сделал, как ему было сказано, и когда он снова достал свой инструмент, Один убедился, что отверстие действительно закончено. Превратившись в змею, он пролез с такой поразительной быстротой, что сумел увернуться от острого шнека, который Бауги предательски сунул в дыру вслед за ним, намереваясь убить его.

“Рот Рати, который я вызвал

Чтобы освободить место,

И грызть скалу;

Надо мной и подо мной

Таковы были обычаи етуна:

Таким образом, я подвергал свою голову опасности”.

Гавамаль (пер. Торпа).

Изнасилование Сквозняком

Достигнув внутренней части горы, Один вновь принял свой обычный богоподобный облик и звездную мантию, а затем предстал в увешанной сталактитами пещере перед прекрасной Гунлод. Он намеревался завоевать ее любовь, чтобы побудить ее отпить по глотку из каждого сосуда, вверенного ее попечению.

Покоренная его страстным ухаживанием, Гунлод согласилась стать его женой, и после того, как он провел с ней целых три дня в этом уединении, она достала сосуды **Ошибка! Закладка не определена.** из их тайного убежища и сказала ему, что он может сделать глоток из каждого.

“И полученный напиток

О драгоценном медовухе,

Взято из Од-хроэрира”.

Руническая песнь Одина (перевод Торпа).

Один хорошо воспользовался этим разрешением и выпил так много, что полностью осушил все три сосуда. Затем, получив все, что хотел, он вышел из пещеры и, надев свои орлиные

перья, поднялся высоко в синеву и, на мгновение зависнув над вершиной горы, устремился к Асгарду.

Он был еще далеко от царства богов, когда заметил преследователя, и действительно, Суттунг, также принявший облик орла, быстро преследовал его с намерением заставить отдать украденный мед. Поэтому Один летел все быстрее и быстрее, напрягая все нервы, чтобы добраться до Асгарда прежде, чем враг настигнет его, и когда он приближался, боги с тревогой наблюдали за гонкой.

Видя, что Один лишь с трудом сможет спастись, асы поспешно собрали все горючие материалы, которые смогли найти, и, когда он пролетал над крепостными стенами их жилища, они подожгли массу топлива, так что пламя, поднявшись высоко, опалило крылья Суттунга, когда он последовал за богом, и он упал в самую гущу огня, где сгорел заживо.,,

Что же касается Одина, то он полетел туда, где боги приготовили сосуды для украденного меда, и выпил напиток вдохновения с такой поспешностью, что несколько капель упали и разлились по земле. Там они стали уделом рифмоплетов и поэтов, боги приберегали основной напиток для собственного употребления и лишь изредка удостоивали попробовать **Ошибка! Закладка не определена.**какого-нибудь избранного смертного, который сразу после этого завоевал всемирную известность своими вдохновенными песнями.

“Хорошо продуманной формы

Я нашел хорошее применение:

Мудрых мало что подводит;

Для Од-хрозэрира

Теперь подошел

В земные жилища людей”.

Гавамаль (пер. Торпа).

Идун

Б. Э. Уорд

Поскольку люди и боги были обязаны бесценным даром Одину, они всегда были готовы выразить ему свою благодарность, и они не только называли его по имени, но и поклонялись ему как покровителю красноречия, поэзии и песен, а также всех скальдов.

Бог музыки

Хотя Один таким образом приобрел поэтический дар, сам он редко пользовался им. Это было предназначено для его сына Браги, сына Гунлода, который должен был стать богом поэзии и музыки и очаровывать мир своими песнями.

“Белобородый бард, ag'd

Браги, его золотая арфа

Скользит — и все же мягче

Крадет день”.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

Как только Браги родился в увешанной сталактитами пещере, где Один завоевал расположение Гунлода, гномы подарили ему волшебную золотую арфу и, посадив его на один из своих собственных сосудов, отправили в большой мир. Когда лодка мягко вышла из подземной тьмы и переплыла порог Наина, царства карлика смерти, Браги, прекрасный и непорочный юный бог, который до тех пор не подавал признаков жизни, внезапно сел и, схватив золотую арфу, стоявшую рядом с ним, начал петь **Ошибка! Закладка не определена.** чудесную песнь жизни, которая временами возвышалась до небеса, а затем опустился в ужасное царство Хель, богини смерти.

“Пепел Иггдрасиля - это

Из всех деревьев самое превосходное -

И из всех кораблей Скидбладнир;

Об асах, Одине,

И о лошадях - Слейпнир;

Раздвоение мостов,

И из скальдов - Браги.

"Сказание о Гримнире" (т. р. Торпа).

Пока он играл, судно мягко плыло по залитой солнцем воде и вскоре коснулось берега. Затем Браги отправился дальше пешком, пробираясь через голый и безмолвный лес, играя на ходу. При звуках его нежной музыки на деревьях начали распускаться почки, а трава под ногами усыпалась бесчисленными цветами.

Здесь он встретил Идун, дочь Ивальда, прекрасную богиню бессмертной юности, которой гномы позволяли время от времени посещать землю, когда при ее приближении природа неизменно принимала свой самый прекрасный и нежный вид.

Можно было только ожидать, что два таких существа почувствуют влечение друг к другу, и Браги вскоре взял эту прекрасную богиню в жены. Вместе они поспешили в Асгард, где обоим тепло встретили и где Один, начертив руны на языке Браги, постановил, что он должен стать небесным менестрелем и сочинителем песен в честь богов и героев, которых он принимал в Валгалле.

Поклонение Браги

Поскольку Браги был богом поэзии, красноречия и песен, северные народы также называли поэзию его именем, а скальдов обоего пола часто называли мужчинами-брага **Ошибка!** **Закладка не определена.** или женщинами-брага. Браги пользовался большим почетом у всех северных народов, и поэтому за его здоровье всегда пили в торжественных случаях, но особенно на поминках и святочных торжествах.

Когда пришло время произносить этот тост, который подавался в чашках в форме корабля и назывался Брагафул, над ним впервые был нанесен священный знак молота. Затем новый правитель или глава семьи торжественно клялся совершить какое-нибудь великое доблестное деяние, которое он был обязан совершить в течение года, если только не хотел, чтобы его считали лишенным чести. Следуя его примеру, все гости тогда имели обыкновение давать подобные клятвы и заявлять, что они будут делать; и поскольку некоторые из них, из-за предыдущих выпивок, слишком свободно говорили о своих намерениях в этих случаях, этот обычай, по-видимому, связывает имя бога с вульгарным, но очень выразительным английским глаголом “хвастаться”.

В искусстве Браги обычно изображается в виде пожилого мужчины с длинными седыми волосами и бородой, держащего золотую арфу, из которой его пальцы могли извлекать такие волшебные звуки. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава VII: Идун

Яблоки молодости

Идун, олицетворение весны или бессмертной юности, которая, согласно некоторым мифологам, не имела рождения и никогда не испытывала смерти, была тепло встречена богами, когда она появилась в Асгарде вместе с Браги. Чтобы еще больше завоевать их расположение, она пообещала им ежедневно пробовать чудесные яблоки, которые хранила в своей шкатулке и которые обладали способностью даровать бессмертную молодость и красоту всем, кто их отведаст.

“Золотые яблоки”

Из своего сада

Я дал тебе в приданое молодость,

Ел тебе их каждый день.

Вагнер (опера Формана).

Благодаря этому волшебному фрукту скандинавские боги, которые, поскольку происходили из смешанной расы, не все были бессмертными, предотвратили приближение старости и болезней и оставались энергичными, красивыми и молодыми на протяжении бесчисленных веков. Поэтому эти яблоки считались действительно очень ценными, и Идун бережно хранила их в своей волшебной шкатулке. Сколько бы она ни вытаскивала, столько же всегда оставалось для раздачи на пиру богов, которых одних она достаивала отведать, хотя карлики и великаны жаждали заполучить эти плоды.

“Светлая Идуна, бессмертная Дева!

Стоя у портала Валгаллы,

В ее шкатулке хранится богатое сокровище

Из редких позолоченных яблок;

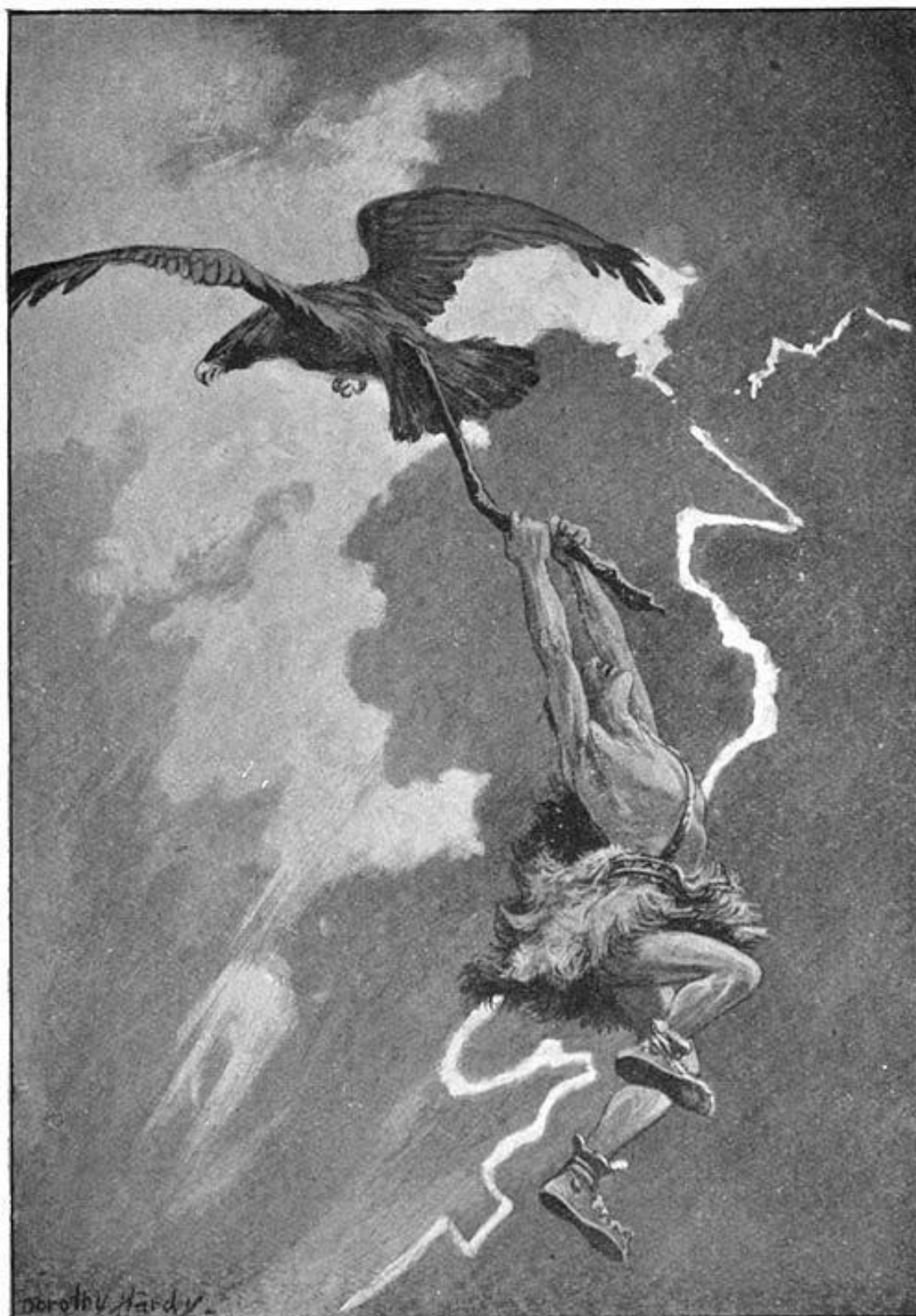
Эти редкие яблоки, не земные,

Стареющие асы дают новое рождение”.

Валгалла (Дж. К. Джонс). Ошибка! Закладка не определена.

История Тиасси

Однажды Один, Хенир и Локи отправились в одну из своих обычных экскурсий на землю и, после долгих блужданий, оказались в пустынном районе, где не смогли найти ни одного гостеприимного жилища. Уставшие и очень голодные, боги, увидев стадо быков, убили одного из животных и, разожгв костер, присели возле него отдохнуть, ожидая, пока приготовится их мясо.

Локи и Тиасси

Дороти Харди

Однако, к их удивлению, несмотря на ревящее пламя, туша оставалась совсем сырой. Понимая, что, должно быть, действует какая-то магия, они огляделись по сторонам, чтобы выяснить, что может помешать их приготовлению пищи, как вдруг заметили орла, сидящего на дереве над ними. Видя, что он вызывает подозрение у путников, птица обратилась к ним и

призналась, что именно он помешал огню выполнять свою обычную работу, но он предложил снять заклятие, если они дадут ему столько еды, сколько он сможет съесть. Боги согласились сделать это, после чего орел, спикировав вниз, раздул пламя своими огромными крыльями, и вскоре мясо было приготовлено. Затем орел приготовился утащить три четверти быка в качестве своей доли, но это оказалось слишком много для Локи, который схватил большой кол, лежавший под рукой, и начал терзать прожорливую птицу, забыв, что она искусна в магических искусствах. К его великому ужасу, один конец кола крепко вонзился в спину орла, другой - в его руки, и он обнаружил, что его тащат по камням и сквозь заросли шиповника, иногда по воздуху, его руки почти вырваны из суставов. Напрасно он взывал о пощаде и умолял орла отпустить его; птица летела дальше, пока он не пообещал любой выкуп, который его похититель мог бы запросить в обмен на его освобождение. **Ошибка! Закладка не определена.**

Кажущийся орел, который был штормовым великаном Тиасси, наконец согласился освободить Локи при одном условии. Он заставил его поклясться самой торжественной из клятв, что тот выманит Идун из Асгарда, чтобы Тиасси смог завладеть ею и ее волшебным плодом.

Наконец освобожденный, Локи вернулся к Одину и Хениру, которым, однако, он был очень осторожен, чтобы не доверять условие, на котором он получил свободу; и когда они вернулись в Асгард, он начал планировать, как ему выманить Идун за пределы обители богов. Несколько дней спустя, когда Браги отсутствовал в одном из своих путешествий менестреля, Локи разыскал Идун в рощах Бруннакера, где она поселилась, и, искусно описав несколько яблок, которые росли неподалеку и которые, как он лживо заявил, были точь-в-точь как у нее, он выманил ее из Асгарда хрустальным блюдом, полным фруктов, которые она намеревалась сравнить с теми, что он перевозносил. Однако не успела Идун покинуть Асгард, как обманщик Локи покинул ее, и прежде чем она смогла вернуться в убежище небесной обители, с севера на своих орлиных крыльях налетел штормовой великан Тиасси и, подхватив ее своими жестокими когтями, быстро унес в свой бесплодный и пустынный дом Трим-хейм.

- Назван Тримхейм шестой,

Там, где жил Тиасси,

Этот всемогущий Етун.

"Сказание о Гримнире" (т. р. Торпа).

Оторванная от своих любимых спутников, Идун тосковала, побледнела и опечалилась, но упорно отказывалась дать Тиасси хоть малейший кусочек своего волшебного плода, который, как он хорошо знал, сделает его красивым и вернет ему силу и молодость. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Все беды, которые выпадают на долю

В чертоге Одина

Можно проследить до базы Локи.

Из портала Валгаллы

Это был тот, кого приманила чистая Идуна,—

Чей гроб прекрасный
Держал яблоки редкими
Которые делают богов бессмертными, —
И замурован в башне Тиасси.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Время шло. Боги, думая, что Идун сопровождала своего мужа и скоро вернется, сначала не обратили внимания на ее отъезд, но мало-помалу благотворное действие последнего угощения яблоками прошло. Они начали чувствовать приближение старости и увидели, что их молодость и красота исчезают; поэтому, встревожившись, они начали искать пропавшую богиню.

Тщательное расследование выявило тот факт, что в последний раз ее видели в компании Локи, и когда Один строго призвал его к ответу, он был вынужден признать, что предал ее во власть штормового гиганта.

“Судя по его насмешливому, презрительному выражению лица,

Вскоре в Валхале это было замечено

Это было искусство предателя Локи

Который разделил Идун

К мрачной башне

И сила Джотанов.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Возвращение Идун

Теперь отношение богов стало очень угрожающим, и Локи стало ясно, что, если он не найдет средства вернуть богиню, и это произойдет в ближайшее время, его жизнь окажется в значительной опасности.

Поэтому он заверил разгневанных богов, что не оставит камня на камне в своих усилиях добиться **Ошибка! Закладка не определена.** и, позаимствовав соколиное оперение Фрейи, он улетел в Трим-хейм, где нашел Идун одинокой, печально оплакивающей свое изгнание из Асгарда и своего возлюбленного Браги. Превратив прекрасную богиню, по одним сведениям, в орех, а по другим - в ласточку, Локи крепко сжал ее когтями, а затем быстро вернулся в Асгард, надеясь, что доберется до убежища за его высокими стенами до того, как Тиасси вернется с рыбалки в Северных морях, куда он отправился.

Тем временем боги собрались на крепостных стенах небесного города и ожидали возвращения Локи с гораздо большей тревогой, чем они испытывали к Одину, когда он отправился на поиски Од-хрозрира. Помня об успехе своей уловки в тот раз, они собрали большие кучи топлива, которые были готовы поджечь в любой момент.

Внезапно они увидели приближающегося Локи, но заметили вслед за ним огромного орла. Это был великан Тиасси, который внезапно вернулся в Трим-хейм и обнаружил, что его пленницу унес сокол, в котором он без труда узнал одного из богов. Поспешно надев свои

орлиные перья, он немедленно бросился в погоню и быстро настигал свою добычу. Приближаясь к стенам Асгарда, Локи удвоил свои усилия, и прежде чем Тиасси догнал его, он достиг цели и в изнеможении упал среди богов. Не теряя ни минуты, они подожгли накопленное топливо, и когда преследующий Тиасси в свою очередь перелез через стены, пламя и дым сбросили его на землю искалеченным и наполовину оглушенным, став легкой добычей богов, которые безжалостно обрушились на него и убили.

Асы были вне себя от радости по поводу выздоровления Идун и поспешили отведать драгоценных яблок, которые она благополучно привезла обратно. Чувствуя, что с каждым съеденным куском они возвращаются **Ошибка! Закладка не определена.**ГИПЕРССЫЛКА \l "X19a211ed7eaaa0578a930ace816b3e2fd6064cb1" \h, они добродушно заявляли, что неудивительно, если даже гигантам хочется отведать яблок вечной молодости. Поэтому они поклялись, что поместят глаза Тиасси в виде созвездия на небесах, чтобы смягчить любое чувство гнева, которое могли испытать его родственники, узнав, что он был убит.

“Я поднимаю глаза

Сына Альвальди

В безмятежность небес:

Это величайшие знаки

О моих деяниях”.

История Харбарда (сборник Торпа).

Богиня весны

Физическое объяснение этого мифа очевидно. Идун, эмблему растительности, насильно уносят осенью, когда Браги отсутствует и пение птиц прекращается. Холодный зимний ветер, Тиасси, удерживает ее на замерзшем, бесплодном севере, где она не может процветать, пока Локи, южный ветер, не принесет семя или ласточку, которые оба являются предшественниками возвращающейся весны. Молодость, красота и сила, даруемые Идун, символизируют весеннее возрождение природы после зимнего сна, когда цвет и энергия возвращаются земле, которая стала морщинистой и серой.

Идун попадает в Нижний мир

Поскольку исчезновение Идун (растительности) происходило ежегодно, мы могли бы ожидать появления других мифов, связанных с этим поразительным явлением, и есть еще один любимый древними скальдами миф, который, к сожалению, дошел до нас лишь во фрагментарном и очень неполном виде. Согласно этому рассказу, Идун однажды сидела на ветвях священного ясеня Иггдрасиль **Ошибка! Закладка не определена.**когда, внезапно ослабев, она ослабила хватку и упала на землю внизу, в самые нижние глубины Нифль-хейма. Там она лежала, бледная и неподвижная, глядя неподвижными, полными ужаса глазами на ужасные виды царства Хель, и при этом сильно дрожала, как человек, охваченный пронизывающим холодом.

“В долинах обитает

Предвидящий Дис,

Из книги Иггдрасиля

Пепел опустился вниз,
Из расы альфенов,
Идун по имени,
Самый младший из сыновей Ивальди
Дети постарше.
Она плохо переносила
Ее происхождение
Под ветвями инея
Багажник закрыт.
Она не была бы счастлива
С дочерью Норви,
Привыкли к более приятным вещам
Живи дома”.

Песня воронов Одина (пер. Торпа).

Видя, что она не возвращается, Один приказал Браги, Хеймдаллю и еще одному из богов отправиться на ее поиски, дав им белую волчью шкуру, чтобы завернуть ее в нее, чтобы она не страдала от холода, и приказав им приложить все усилия, чтобы вывести ее из оцепенения, которое, по его предвидению, овладело ею.

- Они дали ей волчью шкуру,
В которое она сама облачилась”.

Песня воронов Одина (пер. Торпа).

Идун пассивно позволила богам завернуть ее в теплую волчью шкуру, но она упорно отказывалась говорить или двигаться, и по ее странному поведению ее муж с грустью заподозрил, что у нее было видение великих бед. Слезы непрерывно текли по ее бледным щекам, и Браги, подавленный ее горем, в конце концов приказал другим богам вернуться в Асгард без него, поклявшись, что останется рядом со своей женой до тех пор, пока она не будет готова покинуть мрачное царство Хель. Вид ее горя так сильно угнетал его, что у него не хватило духу для своих обычных веселых песен, и струны его арфы замолчали, пока он оставался в подземном мире.

“Этот голос подобен зефиру, стелющемуся над потоком медовухи,
Как музыка Браги, струны его арфы переливаются”.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

В этом мифе падение Идун с Иггдрасиля символизирует осеннее опадание листьев, которые вяло и беспомощно лежат на холодной голой земле, пока не скроются из виду под снегом, представленным волчьей шкурой, которую Один, небо, ниспосылает, чтобы согреть их; а

прекращение пения птиц дополнительно символизируется безмолвной арфой Браги.

Ошибка! Закладка не определена.

Ошибка! Закладка не определена.

Глава VIII: Ньерд

Заложник у богов

Мы уже видели, как асы и ваны обменялись заложниками после ужасной войны, которую они вели друг против друга, и что в то время как Хенир, брат Одина, переехал жить в Вана-хейм, Ньерд с двумя своими детьми, Фреем и Фрейей, определенно поселился в Асгарде.

“В ванхейме

Мудрые силы его создали,

И богам заложника отдал.

"Сказание о Вафтруднире" (т. р. Торпа).

Как правителю ветров и прибрежного моря, Ньерду был предоставлен дворец Ноатун, недалеко от морского берега, где, как нам говорят, он умирлял ужасные бури, вызванные Эгиром, богом морских глубин.

“Ньерд, бог бурь, которого знают рыбаки;

Он родился не на Небесах — он был в Ван-хейме сзади,

С людьми, но живет заложником у богов;

Он знает каждую отмель и каждый каменистый ручей

Окаймленный темными соснами и песками, где кричат морские птицы”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Он также распространил свое особое покровительство на торговлю и рыболовство, двумя этими занятиями можно было заниматься с пользой только в короткие летние месяцы, олицетворением которых он в какой-то мере считался.

Бог лета

Ньерд представлен в искусстве как очень красивый бог в расцвете сил, одетый в короткую зеленую тунику, с короной из ракушек и морских водорослей на голове или в шляпе с коричневыми полями, украшенной перьями орла или цапли. Как **Ошибка! Закладка не определена.** олицетворение лета, его призывали утихомирить бушующие штормы, которые опустошали побережье в зимние месяцы. Его также умоляли ускорить наступление весеннего тепла и тем самым потушить зимние пожары.

Поскольку земледелием занимались только в летние месяцы и в основном вдоль фьордов или морских заливов, к Ньерду также обращались за благоприятными урожаями, поскольку, как говорили, он радовался процветанию тех, кто доверял ему.

Первой женой Ньерда, согласно некоторым источникам, была его сестра Нертус, Мать-Земля, которая в Германии отождествлялась с Фриггой, как мы видели, но в Скандинавии считалась отдельным божеством. Ньерд, однако, был вынужден расстаться с ней, когда его вызвали в Асгард, где он занял одно из двенадцати мест в большом зале совета и присутствовал на всех собраниях богов, удаляясь в Ноатун только тогда, когда асы не нуждались в его услугах.

“Ноатун - одиннадцатый;

Там у Ньерда есть

Себе жилище построил,

Князь людей;

Невиновный в грехе,

Он правит храмом высокого роста.

"Сказание о Гримнуре" (т. р. Торпа).

В своем доме на берегу моря Ньерд с удовольствием наблюдал за порхающими туда-сюда чайками и за грациозными движениями лебедей, его любимых птиц, которые считались для него священными. Он также провел много часов, любуясь прыжками нежных тюленей, которые приходили погреться на солнышке у его ног.

Скади, богиня Зимы

Вскоре после возвращения Идун из Трим-хейма и смерти Тиасси в пределах Асгарда собравшиеся **Ошибка! Закладка не определена.** боги были очень удивлены и встревожены, увидев, что Скади, дочь великана, однажды появилась среди них, чтобы потребовать компенсации за смерть своего отца. Хотя Скади была дочерью уродливого старого Хрим-тура, богиня зимы была действительно очень красива в своих серебристых доспехах, со сверкающим копьем, остроконечными стрелами, в коротком белом охотничьем платье, белых меховых гетрах и широких снегоступах; и боги не могли не признать справедливость ее притязаний, а потому предложили обычную награду в качестве искупления. Скади, однако, была так зла, что сначала отказалась от этого компромисса и строго потребовала жизнь за жизнь, пока Локи, желая унять ее гнев и думая, что если бы он только мог заставить ее холодные губы растянуться в улыбке, остальное было бы легко, не начал разыгрывать всевозможные шалости. Привязав козла к себе невидимой веревкой, он проделал серию ужимок, которые козел воспроизвел; и зрелище было настолько гротескным, что все боги буквально закричали от веселья, и даже Скади была вынуждена улыбнуться.

Воспользовавшись этим смягченным настроением, боги указали на небосвод, где глаза ее отца сияли, как сияющие звезды в северном полушарии. Они сказали ей, что поместили их туда, чтобы оказать ему всяческие почести, и в заключение добавили, что она может выбрать в мужа любого из богов, присутствующих на собрании, при условии, что ей будет угодно судить об их привлекательности по их обнаженным ногам.

С завязанными глазами, так что она могла видеть только ступни богов, стоящих по кругу вокруг нее, Скади огляделась, и ее взгляд упал на пару ступней прекрасной формы. Она была уверена, что они должны принадлежать Бальдру, богу света, чье яркое лицо очаровало ее, и она выбрала их владельца.

Однако, когда повязку сняли, она обнаружила, что **Ошибка! Закладка не определена.**к ее огорчению, она выбрала Ньерда, которому и поклялась в верности; но, несмотря на разочарование, она провела счастливый медовый месяц в Асгарде, где все, казалось, были рады оказать ей честь. После этого Ньерд отвез свою невесту домой, в Ноатун, где монотонный шум волн, крики чаек и морских котиков так нарушили сон Скади, что в конце концов она заявила, что больше не может там оставаться, и умоляла мужа отвезти ее обратно в ее родной Трим-хейм.

“Уснуть я не мог

На моем диване на берегу моря,

Для криков морских птиц.

Тут я просыпаюсь,

Когда он выходит из волны,

Каждое утро мяуканье.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Ньерд, желая доставить удовольствие своей молодой жене, согласился отвезти ее в Трим-хейм и проводить там с ней девять ночей из каждых двенадцати, при условии, что оставшиеся три она проведет с ним в Ноатуне; но когда он добрался до горного края, шелест ветра в соснах, грохот лавин, треск льда, рев водопадов и вой волков показались ему такими же невыносимыми, какими шум моря казался его жене, и он не мог не радоваться. каждый раз, когда заканчивался период его изгнания и он снова оказывался в Ноатуне.

“Я устал от гор;

Я пробыл там недолго,

Всего девять ночей;

Волчий вой

Мне показалось, это прозвучало нехорошо

Под песню лебедей”.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон). **Ошибка! Закладка не определена.**

Расставание Ньерда и Скади

В течение некоторого времени Ньерд и Скади, олицетворяющие лето и зиму, чередовались таким образом: жена проводила три коротких летних месяца у моря, а он неохотно оставался с ней в Трим-хейме в течение девяти долгих зимних месяцев. Но, придя, наконец, к выводу, что их вкусы никогда не совпадут, они решили расстаться навсегда и разошлись по домам, где каждый мог заняться любимым делом.

- Это называется Трим-хейм,

Где жил Тьясс,

Этот ручей-могучий великан;

Но Скади теперь живет,
Чистая невеста богов,
В старом особняке ее отца.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Теперь Скади возобновила свое любимое занятие охотой, снова покинув свои владения только для того, чтобы выйти замуж за полуисторического Одина, от которого она родила сына по имени Семинг, первого короля Норвегии и предполагаемого основателя королевского рода, долгое время правившего этой страной.

Однако, согласно другим источникам, Скади в конце концов вышла замуж за Уллера, бога зимы. Поскольку Скади была искусным стрелком, ее изображают с луком и стрелами, и, как богиню охоты, ее обычно сопровождает одна из волкоподобных эскимосских собак, столь распространенных на Севере. Скади вызывали охотники и зимние путешественники, чьи сани она вела по снегу и льду, помогая им таким образом безопасно добраться до места назначения.

Гнев Скади против богов, убивших ее отца, грозового великана, является символом негибкой жесткости окутанной льдом земли, которая, смягченная по ссылке, наконец, игривой игрой Локи (огненной молнии), улыбается и разрешает объятия Ньерда (лета). Однако его любовь не может удерживать ее более трех месяцев в году (что в мифе обозначается ночами), поскольку она всегда втайне тоскует по зимним штормам и своим привычным занятиям в горах.

Поклонение Ньерду

Предполагалось, что Ньерд благословляет суда, заходящие в порт и выходящие из него, а его храмы располагались на берегу моря; там обычно произносились клятвы его именем, и за его здоровье пили на каждом пиру, где его неизменно называли вместе с именем его сына Фрейра.

Поскольку предполагалось, что все водные растения принадлежат ему, морская губка была известна на Севере как “перчатка Ньерда”, название, которое сохранялось до недавнего времени, когда то же самое растение в народе переименовали в “руку Девы”. **Ошибка!**
Закладка не определена.

Ошибка! Закладка не определена.

Глава IX: Фрей

Бог Сказочной страны

Фрей, или Фро, как его называли в Германии, был сыном Ньерда и Нертус, или Ньерда и Скади, и родился в Ванхейме. Поэтому он принадлежал к расе ванов, божеств воды и воздуха, но был тепло принят в Асгарде, когда прибыл туда в качестве заложника вместе со своим отцом. Поскольку у северных народов было принято дарить ребенку какой-нибудь ценный подарок, когда у него прорезывался первый зуб, асы подарили младенцу Фрею прекрасное царство Альф-хейм, или Волшебную Страну, родину Светлых эльфов.

“Альф-хайм, боги Фрею

Давал в былые времена

В подарок на зуб”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Здесь Фрей, бог золотого солнечного света и теплых летних ливней, поселился в своей обители, очарованный обществом эльфов и феек, которые беспрекословно подчинялись каждому его приказу и по его знаку порхали туда-сюда, делая все добро, что было в их силах, ибо они были в высшей степени благодетельными духами.

Фрей также получил от богов чудесный меч (эмблему солнечных лучей), который обладал способностью успешно сражаться сам по себе, как только его доставали из ножен. Фрей использовал это оружие в основном против ледяных великанов, которых он ненавидел почти так же сильно, как и Тор, и из-за того, что он носил это сверкающее оружие, его иногда путали с богом меча Тиром или Сакснотом.

“Молотом с короткой рукоятью сражается побеждающий Тор;

Сделан собственный меч Фрея, но длиной в локоть.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон). **Ошибка! Закладка не определена.**

Гномы из Сварт-альфа-хейма подарили Фрею золотисто-щетиניстого кабана Гуллин-бурсти ("золотисто-щетиный"), олицетворяющего солнце. Сияющая щетина этого животного считалась символом либо солнечных лучей, либо золотого зерна, которое по его приказу развевалось над уборочными полями Мидгарда, либо земледелия; предполагалось, что кабан (разрывая землю своим острым бивнем) первым научил человечество пахать.

“Там был Фрей и сидел

О кабана с золотой щетиной, который, как говорится, первый

Вспахал коричневую землю и сделал ее зеленой для Фрея.

Влюбленные Гудрун (Уильям Моррис).

Фрей иногда ездил верхом на этом чудесном кабана, скорость которого была очень велика, а иногда запрягал его в свою золотую колесницу, в которой, как говорили, были фрукты и цветы, которые он щедро разбрасывал по всему лицу земли.

Фрей

Jacques Reich

Более того, Фрей был гордым обладателем не только бесстрашного коня Блудуг-хофи, который по его приказу мчался сквозь огонь и воду, но и волшебного корабля Скидбладнир, олицетворения облаков. Это судно, плывущее по суше и морю, всегда поддерживалось попутными ветрами и было настолько эластичным, что, хотя оно могло принимать достаточно

большие размеры, чтобы перевозить богов, их коней и все их снаряжение, его также можно было сложить как салфетку и засунуть в карман.

“Сыновья Ивальди”

Уходили в далекие времена

Скидбладнир для придания формы,

Из кораблей лучший,

Для светлого Фрея,

Добрый сын Ньерда.

Легенда о Гримнире (книга Торпа). Ошибка! Закладка не определена.

Ухаживание за Гердой

В одной из легенд Эдды рассказывается, что Фрей однажды отважился взойти на трон Одина Хлидскиалф, с возвышения которого его взор обозревал обширную землю. Посмотрев на замерзший Север, он увидел прекрасную молодую девушку, вошедшую в дом ледяного великана Гимира, и когда она подняла руку, чтобы открыть щеколду, ее сияющая красота озарила море и небо.

Мгновение спустя это прелестное создание, которого звали Герда и которое считается олицетворением сверкающего северного сияния, исчезло в доме своего отца, а Фрей задумчиво побрел обратно в Альфхейм, его сердце сжималось от желания сделать эту прекрасную девушку своей женой. Будучи по уши влюбленным, он был до крайности меланхоличен и рассеян и начал вести себя так странно, что его отец Ньерд сильно встревожился за его здоровье и приказал своему любимому слуге Скирниру выяснить причину этой внезапной перемены. После долгих уговоров Скирнир наконец добился от Фрея рассказа о своем восхождении на Хлидскиалф и о прекрасном видении, которое он увидел. Он признался в своей любви, а также в полном отчаянии, поскольку Герда была дочерью Гимира и Ангур-боды и родственницей убитого великана Тиасси, он опасался, что она никогда не отнесется к его ухаживаниям благосклонно.

“Во дворе Гимера я видел, как она двигалась,

Девушка, которая воспламеняет мою грудь любовью;

Ее белоснежные руки и прекрасная грудь

Сияло прекрасное, зажигающее море и воздух.

Она дороже моих желаний, больше

Чем ты была девственницей юности прежде;

Но боги и эльфы, я это хорошо понимаю,

Запрети нам жить вместе”.

“Песнь Скирнера” (пер. Герберта).

Скирнир, однако, утешительно ответил, что он может **Ошибка! Закладка не определена.**не видит причин, по которым его хозяин должен уныло смотреть на это дело, и он предложил

поехать и посвататься к девушке от его имени, при условии, что Фрей одолжит ему своего коня для путешествия и подарит свой сверкающий меч в награду.

Вне себя от радости от перспективы завоевать прекрасную Герду, Фрей охотно вручил Скирниру сверкающий меч и разрешил ему воспользоваться своим конем. Но он быстро впал в состояние задумчивости, которое стало обычным для него с тех пор, как он влюбился, и поэтому не заметил, что Скирнир все еще парит рядом с ним, и не заметил, как тот хитро украл отражение своего лица с поверхности ручья, возле которого он сидел, и заточил его в свой рог для питья с намерением “вылить его в чашу Герды и его красотой завоевать сердце великанши для господина”, за которым он собирался ухаживать. Получив этот портрет, одиннадцать золотых яблок и волшебное кольцо Драупнир, Скирнир отправился в Етунхейм, чтобы выполнить свое поручение. Подходя к жилищу Гимира, он услышал громкий и настойчивый вой его сторожевых собак, которые были олицетворением зимних ветров. Пастух, охранявший свое стадо поблизости, сказал ему в ответ на его вопрос, что приблизиться к дому будет невозможно из-за окружавшего его огненного барьера; но Скирнир, зная, что Блудуг-хофи прорвется сквозь любой огонь, просто пришпорил своего коня и, невредимый подъехав к двери великана, вскоре предстал перед прекрасной Гердой.

Чтобы склонить прекрасную девушку благосклонно отнестись к предложениям своего господина, Скирнир показал ей украденный портрет и протянул золотые яблоки и волшебное кольцо, которые, однако, она надменно отказалась принять, заявив, что у ее отца достаточно золота и его в обреш. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Я не беру, я, этого чудесного кольца,

Хотя это из кучи Бальдера ты приносишь

В шалаше Гимера мне не хватает золота;

Мне хватит приданого моего отца.

“Песнь Скирнера” (пер. Герберта).

Возмущенный ее презрением, Скирнир пригрозил обезглавить ее своим волшебным мечом, но поскольку это несколько не испугало девушку, и она спокойно бросила ему вызов, он прибегнул к магическому искусству. Вырезав руны на своей палке, он сказал ей, что, если она не сдастся до того, как действие заклинания закончится, она будет обречена либо на вечное безбрачие, либо выйти замуж за какого-нибудь престарелого ледяного великана, которого она никогда не сможет полюбить.

Напуганная ужасающим описанием своего безрадостного будущего в случае, если она будет упорствовать в своем отказе, Герда, наконец, согласилась стать женой Фрея и отпустила Скирнира, пообещав встретиться со своим будущим супругом на девятую ночь в стране Бури, зеленой роще, где она развеет его печаль и сделает счастливым.

“Бурри - это высокое место любви;

Прошло девять ночей в той известной роще

Отважу доблестного мальчика Ниорда

Прими от Герды поцелуй радости”.

Песня Скирнера (пер. Герберта).

Обрадованный своим успехом, Скирнир поспешил обратно в Альф-хейм, куда Фрей с нетерпением прибыл, чтобы узнать о результатах его путешествия. Когда он узнал, что Герда согласилась стать его женой, его лицо просияло от радости; но когда Скирнир сообщил ему, что ему придется ждать девять ночей, прежде чем он сможет увидеть свою обещанную невесту, он печально отвернулся, заявив, что это время будет казаться бесконечным.

Ошибка! Закладка не определена.

“Длинна одна ночь, а еще длиннее две;

Но как ради троих вынести мою боль?

Месяц восторга пролетает быстрее

Больше половины ночи выдавать желаемое за действительное”.

Песня Скирнера (пер. Герберта).

Однако, несмотря на это любовное уныние, время ожидания подошло к концу, и Фрей радостно поспешил в зеленую рощу, где, верный своему назначению, он нашел Герду, и она стала его счастливой женой и гордо восседала на его троне рядом с ним.

“У жены Фрея была ГЭРБ;

Она была дочерью Гимира,

Из Йотунов произошел”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Согласно некоторым мифологам, Герда - олицетворение не северного сияния, а земли, которая, твердая, холодная и неуступчивая, сопротивляется предложениям бога весны украсить ее и принести плоды (яблоки и кольцо), бросает вызов сверкающим солнечным лучам (меч Фрея) и соглашается принять его поцелуй только тогда, когда узнает, что в противном случае она будет обречена на вечное бесплодие или полностью перейдет во власть гигантов (льда и снега). Девять ночей ожидания типичны для девяти зимних месяцев, в конце которых земля становится невестой солнца, в рощах, где деревья распускают листья и расцветают.

Нам говорят, что Фрей и Герда стали родителями сына по имени Фьолнир, чье рождение утешило Герду в потере ее брата Бели. Последний напал на Фрея и был им убит, хотя бог солнца, лишенный своего несравненного меча, был вынужден защищаться оленьим рогом, который он поспешно сорвал со стены своего жилища.

Помимо верного Скирнира, у Фрея было еще двое **Ошибка! Закладка не определена.**, супружеская пара, Бейгвир и Бейла, олицетворения мельничных отбросов и навоза, которые использовались в сельском хозяйстве для внесения удобрений, поэтому считались верными слугами Фрея, несмотря на их неприятные качества.

Исторический Фрей

Снорро-Стурлесон в своей “Хеймскрингле”, или хронике древних королей Норвегии, утверждает, что Фрей был историческим персонажем, носившим имя Ингви-Фрей и правившим в Упсале после смерти полуисторических Одина и Ньерда. При его правлении люди наслаждались таким процветанием и миром, что объявили, что их король должен быть богом. Поэтому они начали называть его таковым, доведя свое восторженное восхищение до

такой степени, что, когда он умер, священники, не осмеливаясь раскрыть этот факт, похоронили его в большом кургане вместо того, чтобы сжечь его тело, как было принято до тех пор. Затем они сообщили людям, что Фрей, чье имя было северным синонимом слова “мастер”, “ушел в курган”, выражение, которое в конечном итоге стало выражением северян, обозначающим смерть.

Только три года спустя люди, которые продолжали платить налоги королю, высыпая золотые, серебряные и медные монеты в курган через три разных отверстия, обнаружили, что Фрей мертв. Поскольку их мир и процветание оставались нетронутыми, они постановили, что его тело никогда не должно быть сожжено, и таким образом ввели обычай захоронения в курганах, который со временем вытеснил погребальный костер во многих местах. Один из трех курганов близ Гамла-Упсалы до сих пор носит имя этого бога. Его статуи были установлены в тамошнем великом храме, и его имя должным образом упоминалось во всех торжественных клятвах, обычной формулой которых было: “Да помогут мне Фрейр, Ньерд и Всемогущий Аса” (Один). **Ошибка! Закладка не определена.**

Поклонение Фрею

В храмах Фрея, самые знаменитые из которых находились в Тронхейме в Норвегии и в Твере в Исландии, никогда не допускалось ношение оружия. В этих храмах ему приносили в жертву быков или лошадей, при этом в кровь жертвы макали тяжелое золотое кольцо, прежде чем торжественно произносить на нем вышеупомянутую клятву.

Статуи Фрея, как и статуи всех других северных божеств, представляли собой грубо отесанные деревянные блоки, и последнее из этих священных изображений, по-видимому, было уничтожено Олавом Святым, который, как мы видели, насильно обратил в свою веру многих своих подданных. Помимо того, что Фрей был богом солнечного света, плодородия, мира и процветания, он считался покровителем лошадей и всадников, а также освободителем всех пленников.

“Фрей - лучший

Из всех вождей

Среди богов.

Он не вызывает слез

Служанкам или матерям:

Его желание - ослабить оковы

Из тех, кто закован в цепи.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Святочный праздник

Один месяц каждого года, месяц Йоль, или месяц Тора, считался священным как для Фрея, так и для Тора, и начинался в самую длинную ночь в году, которая носила название Материнской Ночи. Этот месяц был временем пиров и ликования, поскольку предвещал возвращение солнца. Праздник назывался Йоль (колесо), потому что предполагалось, что солнце напоминает колесо, быстро вращающееся по небу. Это сходство породило необычный обычай в Англии, Германии и на берегах Мозеля. До тех пор, пока в последние

годы **Ошибка! Закладка не определена.**люди ежегодно собирались на горе, чтобы поджечь огромное деревянное колесо, обвитое соломой, которое, все охваченное пламенем, затем катилось вниз по склону и с шипением погружалось в воду.

“У некоторых других гнилые Колеса, все изношенные и отброшенные в сторону,

Которые, покрытые со всех сторон соломой и паклей, они плотно прячут;

И поднялись на вершину какой-то горы, будучи все в огненном свете,

Они с силой швыряют его вниз, когда ночью появляется дарк;

Во многом напоминающий солнце, которое должно упасть с Небес,

Это кажется странным и чудовищным зрелищем, внушающим страх им всем;

Но они полагают, что все их проказы точно так же отправлены в ад,

И что теперь они живут здесь, вдали от бед и опасностей, в безопасности”.

Наогеоргус.

Все северные народы считали святочный праздник величайшим в году и имели обыкновение отмечать его танцами, пиршествами и выпивкой, называя каждого бога по имени. Первые христианские миссионеры, видя чрезвычайную популярность этого праздника, сочли за лучшее поощрять выпивку за здоровье Господа и его двенадцати апостолов, когда они только начали обращать северных язычников. В честь Фрея по этому случаю было съедено мясо кабана. Увенчанная лавром и розмарином голова животного была внесена в банкетный зал с большой церемонией - обычай, соблюдавшийся долгое время, о чем свидетельствуют следующие строки:

“Caput Apri defero

Reddens laudes Domino.

Голову кабана в руке несу я,

С гирляндами геи и розмарина;

Я молюсь, чтобы вы все весело спели,

Qui estis in convivio.”

Кэрл из королевского колледжа в Оксфорде.

Отец семейства возложил руку на священное блюдо, которое называлось “кабан искупления”, поклявшись, что будет верен своей семье и **Ошибка! Закладка не определена.**выполнит все свои обязательства — пример, которому последовали все присутствующие, от высших до низших. Это блюдо мог изготовить только человек с незапятнанной репутацией и испытанной храбростью, ибо кабанья голова была священной эмблемой, которая, как предполагалось, внушала каждому страх. По этой причине голова кабана часто использовалась в качестве украшения шлемов северных королей и героев, чья храбрость не вызывала сомнений.

Поскольку имя Фрея Фро фонетически совпадает со словом, обозначающим радость в немецком языке, он считался покровителем всех радостей, и к нему неизменно обращались супружеские пары, желавшие жить в гармонии. Те, кому удавалось делать это в течение

определенного периода времени, публично вознаграждались куском кабаньего мяса, которое в более поздние времена англичане и венцы заменили ломтиком бекона или ветчины.

“Ты должен поклясться, согласно обычаю исповеди,

Если вы когда-либо совершали брачный проступок,

Будь ты женатым мужчиной или женой:

Если у вас возникают драки или раздоры на почве разногласий;

Или иным образом, в постели или за столом,

Оскорбляли друг друга делом или словом;

Или, поскольку приходской служащий сказал "аминь",

Вы жалеете, что снова не вышли замуж;

Или через год и один день

Ни в коем случае не раскаивался,

Но оставаясь верным в мыслях и желаниях,

Как когда вы соединяете руки в требовании.

При соблюдении этих условий, со всеми опасениями,

По собственному желанию ты будешь свободно клясться,

Вы получите целый окорок с беконом,

И несите это отсюда с любовью и добрыми пожеланиями:

Благодаря этому наш обычай в Данмоу хорошо известен—

Хотя удовольствие доставим мы сами, бекон - ваш.

Популярные предметы старины бренда.

В деревне Данмоу в Эссексе до сих пор соблюдается древний обычай. В Вене ветчина или флитч **Ошибка! Закладка не определена.**ломтик бекона вывешивался над городскими воротами, откуда, как ожидалось, успешный кандидат принесет его после того, как убедит судей, что он жил в мире со своей женой, но не находился под властью нижних юбок. Говорят, что в Вене эта ветчина долгое время оставалась невостребованной, пока, наконец, достойный бургер не предстал перед судьями с письменными показаниями своей жены под присягой о том, что они женаты двенадцать лет и никогда не ссорились, — заявление, которое подтвердили все их соседи. Судьи, удовлетворенные представленными им доказательствами, сказали кандидату, что приз принадлежит ему и что ему нужно только взобраться по приставленной под ним лестнице и опустить ее вниз. Обрадованный тем, что ему достался такой вкусный окорок, мужчина быстро взобрался по стремянке; но когда он уже собирался потянуться за призом, то заметил, что окорок, выставленный на полуденное солнце, начал таять и капля жира грозила упасть на его воскресный пиджак. Поспешно ретируясь, он снял пальто, шутливо заметив, что жена сильно отругает его, если он его

испачкает, - признание, которое заставило прохожих покатиться со смеху и стоило ему окорока.

Еще одним святочным обычаем было сжигание огромного бревна, которого должно было хватить на всю ночь, иначе это считалось действительно очень плохим предзнаменованием. Обугленные остатки этого бревна были тщательно собраны и бережно сохранены с целью поджога бревна следующего года.

“С брендом last yeeres

Зажгите новый блок, и

За успехи в расходовании средств,

На своих псалтирях играй,

Эта сладкая удача может

Приходи, пока за бревном ухаживают.

Геспериды (Херрик). **Ошибка! Закладка не определена.**

Этот праздник был настолько популярен в Скандинавии, где его отмечали в январе, что король Олаф, видя, как дорог он северному сердцу, перенес большую часть его обрядов на Рождество, тем самым многое сделав для примирения невежественных людей со сменой религии.

Предполагается, что Фрей как бог мира и процветания появлялся на земле много раз и правил шведами под именем Ингви-Фрей, откуда его потомков называли инглингами. Он также правил датчанами под именем Фридлиф. Говорят, что в Дании он женился на прекрасной девушке Фрейгерде, которую спас от дракона. От нее у него был сын по имени Фроди, который в свое время стал его преемником на посту короля.

Фроди правил Данией в те дни, когда “во всем мире царил мир”, то есть, то есть, как раз в то время, когда Христос родился в Вифлееме Иудейском; и поскольку все его подданные жили в дружбе, он был широко известен как Мирный Фроди.

Как море стало соленым

Рассказывают, что однажды Фроди получил от Хенги-киаптра пару волшебных жерновов, называемых Гротти, которые были настолько тяжелыми, что ни один из его слуг, ни даже самые сильные воины не могли их повернуть. Король знал, что мельница заколдована и может молот все, что он пожелает, поэтому ему действительно очень хотелось запустить ее в работу, и во время визита в Швецию он увидел и купил в рабство двух великанш Мению и Фению, чьи мощные мускулы и телосложение привлекли его внимание.

По возвращении домой Мирный Фроди повел своих новых слуг на мельницу и приказал им повернуть жернова и выточить золото, мир и процветание, и они немедленно **Ошибка! Закладка не определена.** исполнили его желание. Женщины с радостью трудились час за часом, пока казна короля не переполнилась золотом, а на всей его земле не воцарились процветание и мир.

“Давайте перемелем богатство в пену!

Давайте размолотим его, счастливого

В большом количестве вещества,
На нашем радостном Кверне”.

Гротта-Савнгр (пер. Лонгфелло).

Но когда Мения и Фения хотели немного отдохнуть, король, чья жадность была возбуждена, велел им продолжать работу. Несмотря на их мольбы, он заставлял их трудиться час за часом, давая им на отдых ровно столько времени, сколько требовалось для исполнения куплета из песни, пока великанши, выведенные из себя его жестокостью, наконец не решили отомстить. Однажды ночью, когда Фроди спал, они изменили свою песню, и вместо процветания и мира они мрачно начали перемалывать вооруженное войско, чем вынудили викинга Майсингера высадиться с большим отрядом войск. Пока заклинание действовало, датчане продолжали спать, и поэтому они были совершенно застигнуты врасплох войском викингов, которое перебило их всех.

“Должна прийти армия

Немедленно сюда,

И сжечь город

Для принца.

Гротта Савнгр (роман Лонгфелло).

Майзингер взял волшебные жернова Гротти и двух рабынь и поместил их на борт своего судна, приказав женщинам молоть соль, которая в то время была очень ценным товаром торговли. Женщины повиновались, и их жернова завертелись, в изобилии перемалывая соль; но викинг, такой же жестокий, как Фроди, не давал беднякам **Ошибка! Закладка не определена.** женщинам покоя, за что его и его последователей постигло суровое наказание. Волшебные жернова перемололи такое огромное количество соли, что в конце концов ее вес потопил корабль и всех, кто был на борту.

Тяжелые камни погрузились в море в заливе Пентленд-Ферт или у северо-западного побережья Норвегии, образовав глубокую круглую яму, и вода, устремляясь в воронку и булькая в отверстиях в центре камней, образовала огромный водоворот, известный как Мальстрем. Что касается соли, то она вскоре растаяла; но великанши перемололи ее в таком огромном количестве, что она пропитала все воды моря, которые с тех пор стали очень солеными. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава X: Фрейя

Богиня любви

Фрейя, прекрасная северная богиня красоты и любви, была сестрой Фрея и дочерью Ньерда и Нертус, или Скади. Она была самой красивой и любимой из всех богинь, и если в Германии ее отождествляли с Фриггой, то в Норвегии, Швеции, Дании и Исландии она считалась отдельным божеством. Фрейя, родившаяся в Вана-хейме, была также известна как Ванадис, богиня ванов, или как Ванабрида.

Когда она достигла Асгарда, боги были так очарованы ее красотой и грацией, что даровали ей королевство Фолькванг и большой зал Сессимнир (вместительный), где, как они заверили ее, она могла легко разместить всех своих гостей.

“Это называется фолкванг,

На что Фрейя имеет право

Чтобы избавиться от кресел в зале.

Каждый день убитых

Она выбирает половину,

И оставляет половину Одину.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Королева Валькирий

Хотя Фрейя была богиней любви, она не была только мягкой и любящей удовольствия, поскольку древние северные расы верили, что у нее были очень воинственные вкусы, и что как Вальфрея она часто водила Валькирий на поля сражений, выбирая и заявляя права на половину убитых героев. Поэтому ее часто изображали в доспехах и шлеме, со щитом и копьем, при этом только нижняя часть ее тела была облачена в обычное струящееся женское одеяние.

Фрейя доставила избранных убитых в Фолькванг, где их должным образом развлекли. Там же она **Ошибка! Закладка не определена.**приветствовала всех чистых дев и верных жен, чтобы они могли наслаждаться обществом своих возлюбленных и мужей после смерти. Радости ее обитатели были настолько заманчивы для героических северных женщин, что они часто бросались в бой, когда их любимые были убиты, надеясь, что их постигнет та же участь; или они падали от их мечей, или добровольно сгорали на том же погребальном костре, что и останки их возлюбленных.

Фрейя

Н . Дж . О. Бломмер

Поскольку считалось, что Фрейя благосклонно прислушивается к молитвам влюбленных, они часто призывали ее, и в ее честь было принято слагать любовные песни, которые исполнялись по всем праздничным случаям, само ее имя в Германии использовалось как глагол “добиваться”.

Фрейя и Одур

Фрейю, золотоволосую и голубоглазую богиню, также иногда считали олицетворением земли. Поэтому она вышла замуж за Одур, символа летнего солнца, которого она нежно любила и от которого у нее родились две дочери, Хносс и Герсеми. Эти девушки были так прекрасны, что все прекрасное и драгоценное называлось их именами.

В то время как Одур удовлетворенно сидел рядом с ней, Фрейя улыбалась и была совершенно счастлива; но, увы! в душе бог был бродягой, и, устав от общества своей жены, он внезапно покинул дом и странствовал далеко по белу свету. Фрейя, печальная и покинутая, обильно плакала, и ее слезы падали на твердые камни, которые размягчались при их соприкосновении. Нам говорят даже, что они стекали к самому центру камней, где превращались в золото. Несколько слез упали в море и превратились в полупрозрачный янтарь.

Устав от своего вдовьего положения и страстного желания еще раз заключить своего возлюбленного в объятия, Фрейя, наконец, отправилась на его поиски, пройдя через множество повсюду столько слез, что золото можно найти во всех частях земли.

“И Фрейя в следующий раз приблизилась с золотыми слезами;

Клянусь всеми, она самая прекрасная Богиня на Небесах

Самая почитаемая после Фрейи, жены Одина.

Ее давным - давно забрал блуждающий Одер

Спаривался, но оставил ее скитаться по далеким землям;

С тех пор она ищет его и плачет золотыми слезами.

У нее много имен; Ванадис на земле

Они называют ее Фрейей на Небесах.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Далеко на солнечном Юге, под цветущими миртами, Фрейя наконец нашла Одур, и к ней вернулась ее любовь, она снова была счастлива, улыбалась и сияла, как невеста. Возможно, именно потому, что Фрейя нашла своего мужа под цветущим миртом, северные невесты и по сей день предпочитают миртовые венки традиционным оранжевым венкам других стран.

Держась за руки, Одур и Фрейя снова осторожно возвращались домой, и в свете их счастья зазеленела трава, распустились цветы и запели птицы, ибо вся Природа так же искренне сочувствовала радости Фрейи, как скорбела вместе с ней, когда она была в печали.

“Из утренней страны,

По сугробам,

Пришла прекрасная Фрейя

Приближаюсь к победе.

Белыми были вересковые пустоши,

И застыл перед ней;

Зелеными были вересковые пустоши,

И цветущий позади нее.

Из ее золотых локонов **Ошибка! Закладка не определена.**

Встряхивая весенними цветами,

Сняла с себя одежду

Сотрясая южный ветер,

Среди берез

Пробуждая дроссели,

И превращать всех в целомудренных домохозяек

Тоскуют по дому своих героев,

Любящий и дарующий любовь,

Дошла она до того, что забила гол”.

Сага о Длиннобородых (Чарльз Кингсли).

Самые красивые растения и цветы на Севере назывались волосами Фрейи или глазной росой Фрейи, а бабочку называли курицей Фрейи. Предполагалось также, что эта богиня питала особую привязанность к феям, за которыми она любила наблюдать, танцуя в лунных лучах, и для которых она приберегала свои самые изысканные цветы и сладчайший мед. Одур, муж Фрейи, помимо того, что считался олицетворением солнца, также считался символом страсти или опьяняющих любовных утех; поэтому древние заявляли, что неудивительно, что его жена не могла быть счастлива без него.

Ожерелье Фрейи

Будучи богиней красоты, Фрейя, естественно, очень любила туалет, сверкающие украшения и драгоценные самоцветы. Однажды, когда она была в Сварт-альфа-хейме, подземном царстве, она увидела, как четыре гнома мастерят самое чудесное ожерелье, которое она когда-либо видела. Почти вне себя от желания обладать этим сокровищем, которое называлось Брисинга-мен и было символом звезд или плодородия земли, Фрейя умоляла гномов отдать его ей; но они упрямо отказывались сделать это, если она не пообещает даровать им свою благосклонность. Получив ожерелье по такой цене, Фрейя поспешила надеть его, и его красота настолько усилила ее очарование, что она носила его ночью **Ошибка! Закладка не определена.** и днем, и лишь изредка ее удавалось убедить одолжить его другим божествам. Тор, однако, носил это ожерелье, когда олицетворял Фрейю в Етун-хейме, и Локи возжелал его и украл бы, если бы не бдительность Хеймдалля.

Фрейя также была гордой обладательницей одеяния сокола, или соколиных перьев, которые позволяли владельцу порхать по воздуху как птице; и это одеяние было настолько бесценным, что Локи дважды одалживал его, и им пользовалась сама Фрейя, когда отправлялась на поиски пропавшего Одур.

“Однажды Фрейя

Сокол крылья взял, и сквозь пространство улетел;

На север и на юг она искала свою

Горячо любимый Одур”.

Сага о Фритьофе, Тегнер (перевод Стивенса).

Поскольку Фрейя также считалась богиней плодородия, ее иногда изображали разъезжающей со своим братом Фреем в колеснице, запряженной кабаном с золотистой щетиной, щедрыми руками разбрасывающей фрукты и цветы, чтобы порадовать сердца человечества. Однако у нее была собственная колесница, в которой она обычно путешествовала. На нем были нарисованы кошки, ее любимые животные, символы ласковой нежности и чувственности или олицетворения плодovitости.

Затем появился темнобородый Ньерд, а за ним

Фрейя в тонком одеянии, тонком до щиколоток

Играющие серые кошки”.

Влюбленные Гудрун (Уильям Моррис).

Фрей и Фрейя были в таком большом почете по всему Северу, что их имена в измененных формах до сих пор используются как “хозяин” и “госпожа”, а один из дней недели

англоговорящая раса называет днем Фрейи, или пятницей. Храмов Фрейи действительно было очень много, и они долгое время поддерживались ее **Ошибка! Закладка не определена.**верующие, последний из которых в Магдебурге, Германия, был разрушен по приказу Карла Великого.

История Оттара и Ангантыра

Северяне имели обыкновение призывать Фрейю не только для успеха в любви, процветания и преумножения, но и, иногда, для помощи и защиты. Этого она удостоивала всех, кто верно служил ей, как показано в истории Оттара и Ангантайра, двух мужчин, которые, после некоторого спора о своих правах на определенную часть собственности, довели свою ссору до Конца. Это народное собрание постановило, что победителем должен быть объявлен человек, который сможет доказать, что у него самая длинная линия благородных предков, и был назначен специальный день для изучения генеалогии каждого претендента.

Оттар, неспособный вспомнить имена более чем нескольких своих прародителей, принес жертвы Фрейе, умоляя ее о помощи. Богиня милостиво услышала его молитву и, появившись перед ним, превратила его в кабана и ускакала на его спине в жилище колдуньи Хиндлы, самой известной ведьмы. Угрозами и мольбами Фрейя вынудила старуху проследить генеалогию Оттара до Одина и назвать каждого человека по очереди с кратким описанием его достижений. Затем, опасаясь, что память ее почитателя не сможет сохранить так много деталей, Фрейя еще раз заставила Хиндлу сварить зелье памяти, которое она дала ему выпить.

“Он будет пить

Восхитительные глотки.

Я молюсь Всем богам

В пользу Оттара.

"Эдда Семунда" (сборник Торпа). **Ошибка! Закладка не определена.**

Подготовленный таким образом, Оттар предстал перед Тварью в назначенный день и, бойко пересказав свою родословную, назвал столько предков, сколько Ангантайр не мог вспомнить, что ему без труда досталось имущество, которого он так жаждал.

“Долг - действовать ”

Так что юный принц

Его отцовское наследие может иметь

В честь своих сородичей.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Мужья Фрейи

Фрейя была так прекрасна, что все боги, великаны и карлики жаждали ее любви и, в свою очередь, пытались заполучить ее в жены. Но Фрейя презирала уродливых великанов и отказалась даже от Трима, когда Локи и Тор уговорили принять его. Она не была столь упряма, когда дело касалось самих богов, если верить различным мифологам, поскольку, как олицетворение земли, она, как говорят, вышла замуж за Одина (небо), Фрейра

(плодотворный дождь), Одура (солнечный свет) и т.д., пока не стало казаться, что она заслужила обвинение, выдвинутое против нее архидемоном Локи в том, что она любила всех богов по очереди и вышла за них замуж.

Поклонение Фрейе

В торжественных случаях было принято пить за здоровье Фрейи вместе с другими богами, и когда на Севере было введено христианство, этот тост был перенесен на Деву Марию или святую Гертруду; сама Фрейя, как и все языческие божества, была объявлена демоном или ведьмой и сослана на горные вершины Норвегии, Швеции или Германии, где Брокен указан как ее особая обитель и общее место свидания ее демонической свиты в Вальпургиеву ночь.

Ошибка! Закладка не определена.

ХОР ВЕДЬМ.

“К Брокену стекаются ведьмы —

Веселая встреча—веселая часть —как они скачут галопом и ездят верхом,

Желтая стерня и стебель качаются,

И молодая зеленая кукуруза жива-весела,

С проплывающими мимо фигурами и тенями.

На самые высокие высоты они взлетают,

Где сэр Юриан восседает на высоком...

Повсюду и около,

С шумом и воплями,

Устраивает сводящий с ума разгром,

Над запасом, над камнем;

Визг, смех и стон,

Прежде чем они взорвутся”.

"Фауст" Гете (тр. Анстера).

Поскольку ласточка, кукушка и кошка считались священными для Фрейи в языческие времена, предполагалось, что эти существа обладают демоническими атрибутами, и по сей день ведьм всегда изображают рядом с угольно-черными кошками. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XI: Уллер

Бог зимы

Уллер, бог зимы, был сыном Сив и пасынком Тора. Его отец, который никогда не упоминается в северных сагах, должно быть, был одним из страшных ледяных великанов, потому что

Уллер любил холод и с удовольствием путешествовал по стране на своих широких снегоступах или сверкающих коньках. Этот бог также наслаждался охотой и преследовал свою дичь по северным лесам, почти не заботясь о льду и снеге, от которых его хорошо защищали толстые меха, в которые он всегда был одет.

Как бог охоты и стрельбы из лука, он представлен с колчаном, полным стрел, и огромным луком, а поскольку тис дает лучшую древесину для изготовления этого оружия, говорят, что это было его любимое дерево. Чтобы всегда иметь под рукой запас подходящей древесины, готовой к употреблению, Уллер поселился в Идалире, тисовой долине, где всегда было очень сыро.

- Это называется Идалир,

Где у Уллр есть

Сам себе жилище построил”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Как бог зимы Уллер, или Оллер, как его еще называли, считался вторым после Одина, чье место он узурпировал во время своего отсутствия в зимние месяцы года. В течение этого периода он осуществлял полную власть над Асгардом и Мидгардом и даже, по мнению некоторых авторитетных источников, овладел Фригг, женой Одина, о чем повествуется в мифе о Вили и Ве. Но поскольку Уллер был очень скуп и никогда не дарил человечеству никаких даров, они с радостью приветствовали возвращение Одина, который прогнал своего преемника, вынудив его найти убежище **Ошибка! Закладка не определена.** либо на замерзшем Севере, либо на вершинах Альп. Здесь, если верить поэтам, он построил летний домик, в котором уединялся до тех пор, пока, зная, что Один снова ушел, он снова не осмелился появиться в долинах.

Уллер также считался богом смерти и, как предполагалось, участвовал в Дикой Охоте, а иногда даже возглавлял ее. Он особенно известен своей быстротой движений, а поскольку снегоступы, используемые в северных регионах, иногда делаются из кости и загибаются спереди, как нос корабля, часто сообщалось, что Уллер начертал магические руны на куске кости, превратив его в сосуд, который переносил его по суше или морю по желанию.

Поскольку снегоступы имеют форму щита, а лед, которым он ежегодно покрывал землю, действует как щит, защищающий ее от повреждений зимой, Уллера прозвали богом-щитом, и к нему обращались все, кто собирался вступить в дуэль или в отчаянную схватку.

Во времена христианства его место в народном поклонении занял святой Губерт, охотник, который также считался покровителем первого месяца года, который начинался 22 ноября и был посвящен ему, когда солнце проходило через созвездие Стрельца, лучника.

На англосаксонском языке Уллер был известен как Вулдер; но в некоторых частях Германии его звали Холлер и считали мужем прекрасной богини Хольды, чьи поля он покрыл толстым слоем снега, чтобы с приходом весны они были более плодородными.

Скандинавы говорили, что Уллер женился на Скади, разведенной жене Ньерда, женском олицетворении зимы и холода, и их вкусы были настолько близки, что они жили в совершенной гармонии друг с другом. **Ошибка! Закладка не определена.**

Поклонение Уллеру

Уллеру на Севере были посвящены многочисленные храмы, и на его алтарях, как и на алтарях всех других богов, лежало священное кольцо, на котором произносились клятвы. Говорили, что это кольцо обладает способностью сжиматься с такой силой, что может отрубить палец любому преднамеренному лжесвидетелю. Люди посещали святилище Уллера, особенно в ноябре и декабре, чтобы умолять его ниспослать толстый снежный покров на их земли в залог хорошего урожая; и поскольку предполагалось, что он посылает великолепные вспышки северного сияния, которые озаряют Северное небо долгой ночью, его считали почти родственником Бальдра, олицетворения света.

Согласно другим источникам, Уллер был особым другом Бальдра, главным образом потому, что он тоже проводил часть года в мрачных глубинах Нифль-хейма с Хель, богиней смерти. Предполагалось, что Уллер должен был ежегодно подвергаться изгнанию туда в летние месяцы, когда он был вынужден уступить свою власть над землей Одину, богу лета, и туда Бальдер пришел, чтобы присоединиться к нему в середине лета, в день его исчезновения из Асгарда, ибо тогда дни начали становиться короче, и власть света (Бальдра) постепенно уступала постоянно вторгающейся власти тьмы (Ходура). **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XII: Форсети

Бог Справедливости и Истины

Сын Бальдра, бога света, и Нанны, богини безупречной чистоты, Форсети был самым мудрым, красноречивым и кротким из всех богов. Когда о его присутствии в Асгарде стало известно, боги наградили его местом в зале совета, постановили, что он должен быть покровителем справедливости, и дали ему в качестве обители сияющий дворец Глитнир. У этого жилища была серебряная крыша, поддерживаемая золотыми столбами, и оно сияло так ярко, что его можно было увидеть с большого расстояния.

“Глитнер - десятый;

Он держится на золоте,

А также с серебряной отделкой.

Там обитает Форсети

На протяжении всего времени,

И все раздоры утихнут”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Здесь, на возвышенном троне, день за днем восседал законодатель Форсети, улаживая разногласия между богами и людьми, терпеливо выслушивая обе стороны по каждому вопросу и, наконец, вынося приговоры, настолько справедливые, что никто никогда не придирался к его указам. Красноречие и сила убеждения этого бога были таковы, что ему всегда удавалось тронуть сердца своих слушателей и никогда не удавалось примирить даже самых злейших врагов. Все, кто покидал его присутствие, после этого были уверены, что будут жить в мире, ибо никто не осмеливался нарушить однажды данную ему клятву, чтобы не навлечь на себя его справедливый гнев и не быть немедленно пораженными до смерти.

“Форсет, высокородный сын Болдера,

Услышал клятву мою;

Бей насмерть, Форсет, если ты победишь меня

Чтобы сломить мою репутацию.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон). Ошибка! Закладка не определена.

Как бог справедливости и вечного закона, Форсети, как предполагалось, председательствовал на каждом судебном собрании; к нему неизменно обращались все, кто собирался предстать перед судом, и говорили, что он редко отказывал в помощи достойным.

История Гельгоlanda

Рассказывают, что фризы, чтобы облегчить отправление правосудия на всей своей земле, поручили двенадцати своим самым мудрым людям, асегейрам, или старейшинам, собрать законы различных семей и племен, составляющих их нацию, и составить из них кодекс, который должен был стать основой единообразных законов. Старейшины, кропотливо выполнив свою задачу по сбору этой разнообразной информации, сели на небольшое судно, чтобы поискать какое-нибудь уединенное место, где они могли бы спокойно провести свои обсуждения. Но не успели они отчалить от берега, как поднялась буря, которая унесла их судно далеко в море, сначала этим курсом, потом другим, пока они полностью не потеряли ориентировку. В отчаянии двенадцать юристов обратились к Форсети, умоляя его помочь им снова добраться до суши, и едва молитва была закончена, как они, к своему крайнему удивлению, обнаружили, что на судне находится тринадцатый пассажир.

Схватив руль, новичок бесшумно развернул судно, направляя его к тому месту, где волны били сильнее всего, и за невероятно короткий промежуток времени они подошли к острову, где рулевой жестом приказал им сойти на берег. В благоговейном молчании двенадцать человек повиновались; и их удивление возросло еще больше, когда они увидели, как незнакомец взмахнул своим боевым топором, и из того места на лужайке, куда он упал, хлынул прозрачный ручей. Подражая незнакомцу, все молча выпили этой воды; затем они сели в кружок, поражаясь, потому что новоприбывший в чем-то походил на каждого из них, но все же сильно отличался от любого из них общим видом и выражением лица.

Внезапно тишина была нарушена, и незнакомец заговорил тихим голосом, который становился все тверже и громче по мере того, как он излагал свод законов, сочетавший в себе все положительные моменты различных существующих постановлений, собранных Асегейром. Закончив свою речь, оратор исчез так же внезапно и таинственно, как появился, и двенадцать юристов, обретя дар речи, одновременно воскликнули, что сам Форсети был среди них и составил свод законов, по которому отныне следует судить фризов. В ознаменование явления бога они объявили остров, на котором стояли, святым и произнесли торжественное проклятие любому, кто осмелился бы осквернить его святость ссорой или кровопролитием. Соответственно, этот остров, известный как земля Форсети или Гельголанд (святая земля), пользовался большим уважением у всех северных народов, и даже самые смелые викинги воздерживались от набегов на его берега, чтобы не потерпеть кораблекрушения или не встретить позорную смерть в наказание за свое преступление.

На этом священном острове часто проводились торжественные судебные собрания, юристы всегда черпали воду и пили ее в молчании в память о визите Форсети. Более того, воды его источника считались настолько святыми, что все, кто пил из них, считались священными, и

даже скот, отведавший их, не мог быть убит. Поскольку, как говорили, Форсети проводил свои судебные заседания весной, летом и осенью, но никогда зимой, во всех северных странах вошло в обычай вершить правосудие в это время года, и люди заявляли, что только когда ясно засияет свет **Ошибка! Закладка не определена.** на небесах справедливость может стать очевидной для всех, и что было бы совершенно невозможно вынести справедливый вердикт в темное зимнее время года. Форсети редко упоминается, кроме как в связи с Бальдром. Он, по-видимому, не принимал участия в заключительной битве, в которой все остальные боги сыграли столь заметную роль.

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XIII: Хеймдалль

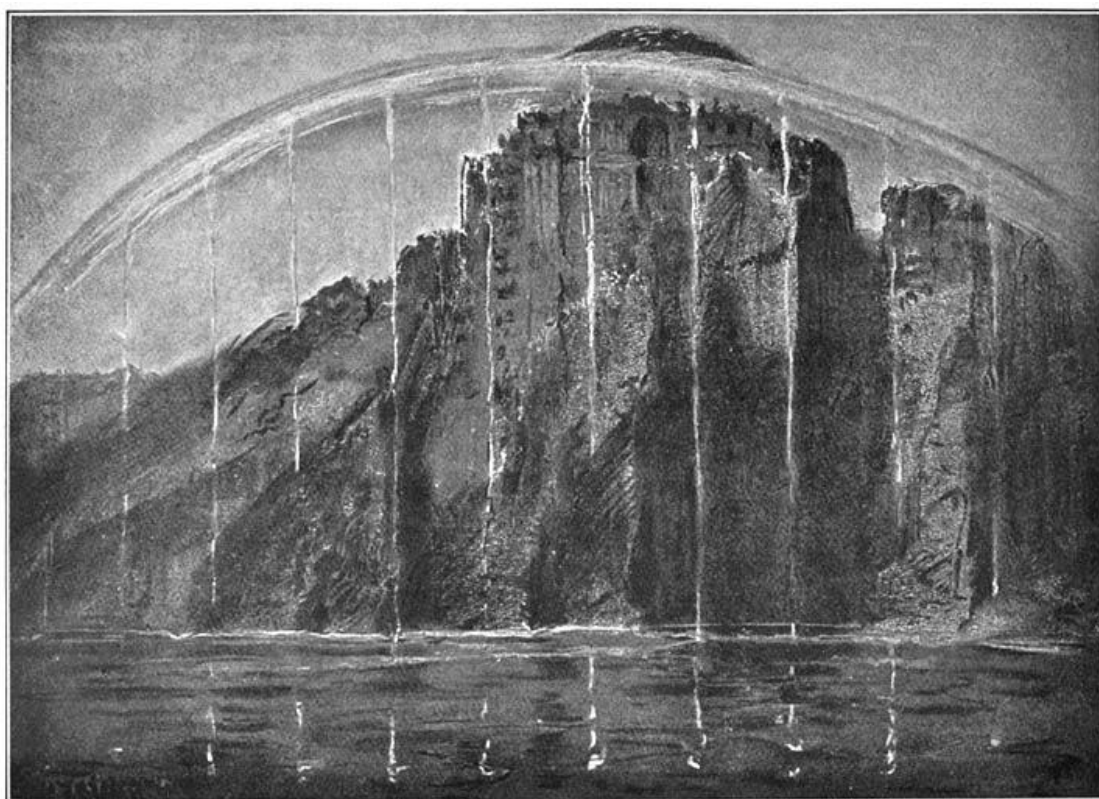
Страж богов

Однажды во время прогулки по морскому берегу Один увидел девять прекрасных великанш, дев волн, Гиалп, Грейп, Эгию, Авгию, Ульфрун, Аургияфу, Синдур, Атлу и Ярнсаксу, крепко спавших на белом песке. Бог неба был так очарован этими прекрасными созданиями, что, как рассказывают Эдды, он женился на всех девяти из них, и они соединились в один и тот же момент, чтобы произвести на свет сына, получившего имя Хеймдалль.

“Рожден я был от девяти матерей,

Я сын девяти сестер”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Радужный мост

Х. Хендрич

С разрешения “Illustrante Zeitung” (Й. Й. Вебер, Лейпциг)

Девять матерей продолжали кормить своего младенца силой земли, влагой моря и солнечным теплом, и эта особая диета оказалась настолько укрепляющей, что новый бог полностью вырос за удивительно короткий промежуток времени и поспешил присоединиться к своему отцу в Асгарде. Он застал богов гордо созерцающими радужный мост Бифрест, который они только что построили из огня, воздуха и воды, трех материалов, которые все еще отчетливо видны на его длинной арке, где светятся три основных цвета: красный, символизирующий огонь, синий - воздух, а зеленый - прохладные глубины моря.

Хранитель радуги

Этот мост соединял небо и землю и заканчивался в тени могучего мирового дерева Иггдрасиль, рядом с фонтаном, который охранял Мимир, и единственным недостатком, мешавшим полностью насладиться великолепным зрелищем, был страх, что ледяные великаны **Ошибка! Залочка не определена.** пройдут по нему и таким образом получат доступ в Асгард.

Боги обсуждали целесообразность назначения надежного хранителя и приветствовали новобранца как человека, хорошо подходящего для выполнения обременительных обязанностей службы.

Хеймдалль с радостью взял на себя ответственность и с тех пор днем и ночью неусыпно следил за радужной дорогой, ведущей в Асгард.

“Бифрест на востоке сиял ярчайшей зеленью;

На его вершине, в белоснежном блеске,

Хеймдаля видели на его посту”.

Oehlenschläger (Pigott's tr.).

Чтобы дать возможность своему сторожу издали обнаружить приближение любого врага, собравшиеся боги наделили его такими острыми чувствами, что, как говорят, он мог слышать, как растет трава на склоне холма, и как шелестит шерсть на спине овцы; видеть на расстоянии ста миль ночью так же ясно, как днем; и при всем этом ему требовалось меньше сна, чем птице.

“Монгстские дрожащие гиганты, широко известные

Чем тот, кто неподвижно сидит на высоте,

Страж небес с недремлющим оком”.

Рассказ о Скурнере (т. р. Герберта).

Хеймдаллю также был подарен сверкающий меч и чудесная труба, называемая Джаллар-рог, в которую боги повелели ему трубить всякий раз, когда он увидит приближение их врагов, заявив, что ее звук поднимет все создания на небесах, земле и в Нифль-хейме. Его последний ужасный взрыв возвестит о наступлении того дня, когда состоится финальная битва. **Ошибка! Залочка не определена.**

“На битву призваны боги

Клянусь древними

Гьяллар-горн.

Громкие удары Хеймдалля,

Его звук разносится в воздухе”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Чтобы всегда держать этот инструмент, символизовавший полумесяц, под рукой, Хеймдалль либо вешал его на ветку Иггдрасиля у себя над головой, либо опускал в воды источника Мимира. На последнем он лежал бок о бок с глазом Одина, который был эмблемой полной луны.

Хеймдалль

Дороти Харди

Дворец Хеймдалля, называемый Химинбьерг, находился на самой высокой точке моста, и здесь боги часто посещали его, чтобы выпить восхитительного меда, который он ставил перед ними.

- Это Химминбьерг называется

Где, говорят, Хеймдаль

Имеет жилище и власть.

Там пьет хранитель богов,

В мирных старых залах,

Порадуйтесь хорошему медовухе.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Хеймдалль всегда изображался в сверкающих белых доспехах, и поэтому его называли светлым богом. Он также был известен как светлый, невинный и грациозный бог, и все эти имена он полностью заслуживал, потому что он был так же хорош, как и красив, и все боги любили его. Связанный по материнской линии с морем, он иногда причислялся к ванам; и поскольку древние северяне, особенно исландцы, для которых окружающее море казалось самым важным элементом, воображали, что все сущее возникло из него, они приписывали ему всеобъемлющее знание и воображали его особенно мудрым. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Из Асов самых ярких —

Он все предвидел

Как и другие ваны.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Хеймдалля еще больше отличали его золотые зубы, которые сверкали, когда он улыбался, и за это он получил фамилию Гуллитани (золотозубый). Он также был гордым обладателем быстрого златогривого скакуна по кличке Чайка-топ, который носил его взад и вперед по дрожащему радужному мосту. Он пересекал ее много раз в день, но особенно рано утром, когда в качестве вестника дня носил фамилию Хеймделлингер.

“Рано вставать в Бифресте

Сын Ран Ульфрун,

Могучий хорнблауэр

Из Химинбьерга”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Локи и Фрейя

Из-за чрезвычайной остроты слуха Хеймдалля однажды ночью потревожил звук мягких, кошачьих шагов в направлении дворца Фрейи, Фолькванга. Устремив свой орлиный взор в темноту, Хеймдалль понял, что звук издавал Локи, который, незаметно проникнув во дворец в облике мухи, приблизился к постели Фрейи и пытался украсть ее сверкающее золотое ожерелье Брисинга-мен, эмблему плодородия земли.

Хеймдалль увидел, что богиня отдыхает во сне таким образом, что никто не мог расстегнуть ожерелье, не разбудив ее. Локи несколько мгновений нерешительно стоял у кровати, а затем начал быстро бормотать руны, которые позволяли богам менять свою форму по своему желанию. Когда он это сделал, **Ошибка! Закладка не определена.** Хеймдалль увидел, как он съежился, пока не принял размер и форму блохи, когда он заполз под постельное белье и укусил Фрейю за бок, заставив ее изменить положение, не пробудившись ото сна.

Теперь застежка была на виду, и Локи, осторожно расстегнув ее, достал желанное сокровище и немедленно отправился красться с ним прочь. Хеймдалль немедленно пустился в погоню за полуночным вором и, быстро настигнув его, выхватил свой меч из ножен с намерением отрубить ему голову, когда бог превратился в мерцающее голубое пламя. Быстро, как мысль, Хеймдалль превратился в облако и ниспослал проливной дождь, чтобы погасить огонь; но Локи так же быстро изменил свой облик, превратившись в

огромного белого медведя, и широко раскрыл пасть, чтобы проглотить воду. Хеймдалль, ничуть не обескураженный, затем также принял облик медведя и яростно атаковал; но битва грозила закончиться катастрофически для Локи, последний превратился в тюленя, и Хеймдалль, подражая ему, вступил в последнюю схватку, которая закончилась тем, что Локи был вынужден отдать ожерелье, которое было должным образом возвращено Фрейе.

В этом мифе Локи является символом засухи или пагубных последствий слишком сильного солнечного жара, который приходит, чтобы лишить землю (Фрейю) ее самого дорогого украшения (Брисинга-мен). Хеймдалль - олицетворение ласкового дождя и росы, которые после непродолжительной борьбы с его врагом, засухой, в конце концов побеждают его и вынуждают отказаться от своей добычи.

Имена Хеймдалля

У Хеймдалля есть несколько других имен, среди которых мы находим имена Халлинскайда и Ирмина, поскольку иногда он занимает место Одина и отождествляется с этим богом, как **Ошибка! Закладка не определена.** а также с другими богами меча, Эром, Херу, Черу и Тюрор, которые все известны своим сверкающим оружием. Однако наиболее широко он известен как хранитель радуги и бог небес, а также плодотворных дождей и росы, которые приносят освежение земле.

Хеймдалль также разделил с Браги честь приветствовать героев в Валгалле и под именем Ригер считался божественным отцом различных классов, составляющих человеческую расу, как показано в следующей истории:

История Ригера

“Священные дети,

Великие и малые,

Сыны Хеймдалля!”

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Однажды Хеймдалль покинул свое жилище в Асгарде, чтобы странствовать по земле, как это обычно делали боги. Он ушел недалеко, прежде чем пришел к бедной хижине на берегу моря, где нашел Ая (прадеда) и Эдду (прабабушку), бедную, но достойную пару, которые гостеприимно пригласили его разделить их скудную трапезу из каши. Хеймдалль, назвавшийся Ригером, с радостью принял это приглашение и пробыл с парой целых три дня, многому их научив. По истечении этого времени он отправился в свое путешествие. Через некоторое время после его визита Эдда родила темнокожего коренастого мальчика, которого она назвала Тралл.

Вскоре Тралл проявил незаурядную физическую силу и большую склонность ко всякой тяжелой работе; а когда он вырос, то взял в жены Тир, девушку крепкого телосложения с загорелыми руками и плоскими ступнями, которая, как и ее муж, трудилась рано и допоздна. У этой пары родилось много детей, и от них произошли все крепостные или рабы Северных Земель. **Ошибка! Закладка не определена.**

- У них были дети

Жили и были счастливы;

Они устанавливали заборы,

Обогатил пашню,

Ухаживал за свиньями,

Пасли коз,

Копал торф”.

Rígsmál (Du Chaillu's version).

Покинув бедную хижину на бесплодном морском побережье, Риджер направился в глубь страны, где вскоре добрался до возделанных полей и бережливого фермерского дома. Войдя в это уютное жилище, он нашел Афи (дедушку) и Амму (бабушку), которые гостеприимно пригласили его присесть с ними и разделить простую, но обильную еду, приготовленную для них за ужином.

Ярл

Альберт Эдельфельт

Ригер принял приглашение и пробыл три дня у своих хозяев, делаясь с ними всевозможными полезными знаниями. После его ухода из их дома Амма родила голубоглазого крепыша, которого назвала Карлом. Повзрослев, он проявил большое мастерство в сельском

хозяйстве и со временем женился на пышнотелой и бережливой жене по имени Снор, которая родила ему много детей, от которых происходит раса земледельцев.

- Он действительно вырос

И хорошо процветать;

Он ломал волов,

Изготавливал плуги;

Деревянные дома,

Сделал амбары,

Изготавливал тележки,

И управлял плугом”.

Rígsmál (Du Chaillu's version).

Покинув дом этой второй пары, Риджер продолжил свой путь, пока не подошел к холму, на котором возвышался величественный замок. Здесь он был принят **Ошибка! Закладка не определена.** Фадир (отец) и Модир (мать), которые, будучи хорошо воспитанными и роскошно одетыми, радушно приняли его и поставили перед ним изысканное мясо и богатые вина.

Ригер пробыл с этой парой три дня, после чего вернулся в Химинбьорг, чтобы возобновить свою должность стража Аза-бриджа; и вскоре хозяйка замка родила красивого, стройного маленького сына, которого она назвала Ярлом. Этот ребенок рано проявил большой вкус к охоте и всевозможным боевым упражнениям, научился понимать руны и жил, совершая великие доблестные поступки, которые прославили его имя и добавили славы его расе. Достигнув зрелости, ярл женился на Эрне, аристократичной девушке с тонкой талией, которая мудро управляла его домом и родила ему много детей, которым всем суждено было править, младший из которых, Конур, стал первым королем Дании. Этот миф хорошо иллюстрирует ярко выраженное классовое чувство среди северных рас.

“Вверх вырос

Сыновья ярла;

Они тормозят лошадей,

Погнутые щиты,

Заглаженные валы,

Потряс ясеневыми копьями

Но Кон, молодой,

Знал руны,

Вечные руны

И руны жизни.

Rígsmál (Du Chaillu's version). **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XIV: Хермод

Проворный Бог

Другим из сыновей Одина был Хермод, его особый слуга, яркий и красивый молодой бог, который был одарен огромной быстротой движений и поэтому был обозначен как быстрый или проворный бог.

- Но был один, первый из всех богов

За скорость, и Хермодом звали его на Небесах;

Самым опытным он был.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Из-за этого важного атрибута Хермод обычно использовался богами в качестве посланника, и по простому знаку Одина он всегда был готов поспешить в любую часть творения. В знак особого расположения Всеотец подарил ему великолепный доспех и шлем, которые он часто надевал, готовясь принять участие в войне, а иногда Один доверял его попечению драгоценное копье Гунгнир, приказывая ему метать его над головами сражающихся, собирающихся вступить в битву, чтобы их пыл разгорелся до убийственной ярости.

“Давайте помолимся Одину

Проникнуть В наши умы, чтобы проникнуть;

Он дает и дарует

Золото тем, кто этого заслуживает.

Он отдал Хермоду

Шлем и доспехи.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Хермод обожал сражения, его часто называли “доблестным в битве” и путали с богом вселенной Ирмином. Говорят, что он иногда сопровождал Валькирий в их путешествии на землю, и **Ошибка! Закладка не определена.** часто сопровождал воинов в Валгаллу, поэтому его считали лидером героически погибших.

“ К нему обратились Гермодер и Браге:

"Мы встречаем тебя и приветствуем от всех,

Богам ты известен своей доблестью,

И они приглашают тебя гостем в свой чертог”.

Оуэн Мередит.

Отличительным атрибутом Хермода, помимо его доспехов и шлема, был жезл под названием Гамбантейн, эмблема его должности, который он носил с собой, куда бы ни шел.

Гермод и Прорицатель

Однажды, подавленный смутными страхами за будущее и неспособный получить от норн удовлетворительные ответы на свои вопросы, Один велел Хермоду надеть доспехи и оседлать Слейпнира, на котором ему одному, кроме Одина, было позволено ездить, и поспешить в страну финнов. Предполагалось, что этот народ, живший в замерзших районах полюса, помимо способности вызывать холодные штормы, которые налетали с Севера, принося с собой много льда и снега, обладал великими оккультными способностями.

Самым известным из этих финских магов был Росстиоф (конокрад), который имел обыкновение заманивать путешественников в свои владения с помощью магических искусств, чтобы грабить и убивать их; и он обладал способностью предсказывать будущее, хотя всегда делал это очень неохотно.

Хермод, “быстрый”, быстро поскакал на север, получив указание искать этого Финна, и вместо своего собственного жезла он нес рунический посох Одина, который Всеотец дал ему для того, чтобы рассеивать любые препятствия, которые Росстиоф мог бы создать, чтобы помешать его продвижению. Таким образом, несмотря на призрачных монстров и **Ошибка! Закладка не определена.** невидимые ловушки, Хермоду удалось благополучно добраться до жилища мага, и когда гигант напал на него, он смог с легкостью овладеть им, и он связал его по рукам и ногам, заявив, что не отпустит его, пока тот не пообещает раскрыть все, что он хотел знать.

Росстиоф, видя, что надежды на побег нет, поклялся сделать так, как пожелает его похититель, и, когда его выпустили на свободу, он сразу же начал бормотать заклинания, при одном звуке которых солнце пряталось за облаками, земля дрожала, а штормовые ветры были, как стая голодных волков.

Указав на горизонт, волшебник велел Хермоду посмотреть, и быстрый бог увидел вдалеке огромный поток крови, заливавший землю красным. Пока он с удивлением смотрел на этот ручей, внезапно появилась красивая женщина, а мгновение спустя рядом с ней стоял маленький мальчик. К изумлению бога, этот ребенок рос с такой поразительной быстротой, что вскоре достиг своего полного роста, и Хермод далее заметил, что он яростно размахивал луком и стрелами.

Теперь Росстиоф начал объяснять знамения, вызванные его искусством, и он объявил, что поток крови предвещает убийство одного из сыновей Одина, но что, если отец богов добьется расположения Ринды в стране рутенов (Россия), она родит ему сына, который достигнет полного роста за несколько часов и отомстит за смерть своего брата.

“Кожура, которая родит сына,

В западных залах:

Он убьет сына Одина,

От роду - одна ночь.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Хермод внимательно выслушал слова Росстиофа **Ошибка! Закладка не определена.** и по возвращении в Асгард он сообщил обо всем, что видел и слышал, Едину, опасения которого подтвердились, и который, таким образом, определенно установил, что он был обречен потерять сына насильственной смертью. Однако он утешал себя мыслью, что другой из его

потомков отомстит за преступление и таким образом получит удовлетворение, которого когда-либо требовал истинный северянин.

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XV: Видар

Безмолвный Бог

Рассказывают, что Один когда-то любил прекрасную великаншу Грид, которая жила в пещере в пустыне, и что, ухаживая за ней, он убедил ее стать его женой. Потомком этого союза Одина (разума) и Грида (материи) был Видар, сын столь же сильный, сколь и молчаливый, которого древние считали олицетворением первобытного леса или нетленных сил Природы.

Поскольку боги через Хеймдалля были тесно связаны с морем, они также были связаны тесными узами с лесами и Природой в целом через Видара, прозванного “безмолвным”, которому было суждено пережить их разрушение и править возрожденной землей. Этот бог обитал в Ландвиди (обширная земля), дворце, украшенном зелеными ветвями и свежими цветами, расположенном посреди непроходимого первобытного леса, где царили глубокая тишина и уединение, которые он любил.

“Заросший кустарником”

И с высокой травой

На обширных землях Видара.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Эта древнескандинавская концепция безмолвного Видара действительно очень величественна и поэтична и была вдохновлена суровыми северными пейзажами. “Кто когда-либо бродил по таким лесам, протяженностью во много миль, на бескрайних просторах, без пути, без цели, среди их чудовищных теней, их священного мрака, не преисполняясь глубокого почтения к возвышенному величию Природы, превыше всякого человеческого вмешательства, не ощущая величия идеи, которая составляет основу сущности Видара?”

Ошибка! Закладка не определена.

Башмак Видара

Видар изображается высоким, хорошо сложенным и красивым, одетым в доспехи, опоясанным мечом с широким лезвием и обутом в большие железные или кожаные башмаки. Согласно некоторым мифологам, этой своеобразной обувью он был обязан своей матери Гриду, которая, зная, что в последний день ему придется сражаться с огнем, создала ее как защиту от огненной стихии, подобно тому, как ее железная перчатка защищала Тора в его встрече с Гейрредом. Но другие авторитетные источники утверждают, что эта обувь была сделана из обрезков кожи, которые северные сапожники либо отдали, либо выбросили. Поскольку было важно, чтобы обувь была большой и достаточно прочной, чтобы в последний день противостоять острым зубам волка Фенрира, среди северных сапожников было предметом религиозных обрядов раздавать как можно больше обрезков кожи.

Пророчество Норны

Когда Видар присоединился к своим сверстникам в Валгалле, они радостно приветствовали его, ибо знали, что его великая сила сослужит им хорошую службу в трудную минуту. После того, как они с любовью угостили его золотым медом, Всеотец велел ему следовать к источнику Урдар, где норны всегда были заняты плетением своей паутины. На вопрос Одина о его будущем и судьбе Видара три сестры ответили пророчеством; каждая произнесла предложение:

“Рано начали.”

“Еще круче.”

“Один день закончен.”

К этому их мать, Вирд, первобытная богиня судьбы, добавила: *“С радостью от очередной победы”*. Эти загадочные ответы остались бы совершенно непонятными, если бы богиня не объяснила, что **Ошибка! Закладка не определена.** время идет, и все должно измениться, но даже если отец погибнет в последней битве, его сын Видар станет его мстителем и будет жить, чтобы править возрожденным миром, победив всех своих врагов.

“Там сидит сын Одина

Сын на спине лошади;

Он отомстит за своего отца.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Пока Вирд говорил, листья мирового древа затрепетали, словно от дуновения ветерка, орел на самой верхней ветке захлопал крыльями, а змея Нидхуг на мгновение приостановила свою разрушительную работу у корней дерева. Грид, присоединившись к отцу и сыну, возрадовалась вместе с Одином, когда услышала, что их сыну суждено пережить старших богов и править новыми небом и землей.

“Там обитают Видар и Вейл

На священных престолах богов,

Когда погаснет огонь Сурта.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Видар, однако, не произнес ни слова, а медленно побрел обратно в свой дворец Ландвиди, в сердце первобытного леса, и там, сидя на своем троне, он долго размышлял о вечности, будущем и бесконечности. Если он и разгадывал их секреты, то никогда не раскрывал их, ибо древние утверждали, что он был “тих, как могила” — молчание, которое указывало на то, что ни один человек не знает, что ждет его в грядущей жизни.

Видар был не только олицетворением нетленности Природы, но и символом воскресения и обновления, демонстрируя вечную истину о том, что новые побеги и цветы прорастут взамен тех, что пришли в упадок.

Обувь, которую он носил, должна была стать его защитой от **Ошибка! Закладка не определена.** волка Фенриса, который, уничтожив Одина, направит свой гнев против него и широко разинет свои ужасные пасти, чтобы поглотить его. Но старые норманны заявили, что

Видар упрется ногой, защищенной таким образом, в нижнюю челюсть чудовища, и, схватив верхнюю, будет бороться с ним, пока не разорвет его надвое.

Поскольку в мифах о Видаре упоминается только один ботинок, некоторые мифологи предполагают, что у него была только одна нога, и он был олицетворением водяного смерча, который внезапно поднимался в последний день, чтобы погасить дикий огонь, олицетворяемый ужасным волком Фенрисом. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XVI: Вали

Ухаживание за Риндой

Биллинг, король рутенов, был крайне встревожен, когда услышал, что огромные силы вот-вот вторгнутся в его королевство, ибо он был слишком стар, чтобы сражаться, как раньше, а его единственное дитя, дочь по имени Ринда, хотя и достигла брачного возраста, упрямо отказывалась выбрать мужа из числа своих многочисленных поклонников и таким образом оказать своему отцу помощь, в которой он так печально нуждался.

Пока Биллинг безутешно размышлял в своем зале, в его дворец внезапно вошел незнакомец. Подняв глаза, король увидел мужчину средних лет, закутанного в широкий плащ, в широкополой шляпе, надвинутой на лоб, чтобы скрыть тот факт, что у него был всего один глаз. Незнакомец вежливо поинтересовался причиной его явного уныния, и поскольку в его поведении было что-то такое, что внушало доверие, король рассказал ему все, а в конце разговора вызвался командовать армией русинов в борьбе с их врагом.

Его услуги были с радостью приняты, и вскоре Один — ибо это был он — одержал знаменательную победу и, вернувшись с триумфом, попросил разрешения взять в жены дочь короля Ринду. Несмотря на преклонный возраст жениха, Биллинг надеялся, что его дочь благосклонно выслушает ухажера, который казался очень выдающимся, и он немедленно выразил свое согласие. Итак, Один, все еще неизвестный, предстал перед принцессой, но она с презрением отвергла его предложение и грубо надавала ему пощечин, когда он попытался поцеловать ее.

Вынужденный отступить, Один, тем не менее, не отказался от своей цели сделать Ринду своей женой, поскольку благодаря пророчеству Росстиофа он знал, что никто, кроме нее **Ошибка! Закладка не определена.** сможет произвести на свет предназначенного ему мстителя за его убитого сына. Поэтому его следующим шагом было принять облик кузнеца, в этом обличье он вернулся в Биллингс-холл и, изготовив дорогие украшения из серебра и золота, так искусно умножил количество этих драгоценных безделушек, что король радостно согласился, когда тот спросил, может ли он оказать любезность принцессе. Кузнец, Ростер, как он себя назвал, был, однако, отвергнут Риндой так же бесцеремонно, как и удачливый генерал; но хотя в ухе у него снова защекало от силы ее удара, он был более чем когда-либо полон решимости сделать ее своей женой.

В следующий раз, когда Один предстал перед капризной девицей, он был переодет лихим воином, ибо, по его мнению, молодой воин мог бы, возможно, тронуть сердце девушки; но когда он снова попытался поцеловать ее, она оттолкнула его так внезапно, что он споткнулся и упал на одно колено.

“Много прекрасных девушек

Когда это правильно известно,
По отношению к мужчинам непостоянна;
Это я испытал,
Когда эта скромная девушка, которую я
Стремился к победе;
Оскорбления любого рода
Эта коварная девчонка
Навалился на меня;
И от этой девицы я ничего не добился.

Эдда Самунда (т. р. Торпа).

Это третье оскорбление так разъярило Одина, что он вытащил из-за пазухи свой волшебный рунический посох, направил его на Ринду и произнес такое ужасное заклинание, что она упала обратно в объятия своих слуг неподвижной и, по-видимому, безжизненной.

Когда принцесса снова ожила, ее жених исчез, но король с большим ужасом обнаружил, что **Ошибка! Закладка не определена.** что она полностью лишилась рассудка и сошла с ума от меланхолии. Напрасно были вызваны все врачи и испробованы все их лекарства; девушка оставалась пассивной и печальной, а ее расстроенный отец почти потерял надежду, когда появилась пожилая женщина, назвавшаяся Веча, или Вак, и предложила взяться за лечение принцессы. Кажущаяся старой женщина, которая была переодетым Одином, сначала прописала пациенту ванночку для ног; но поскольку это, по-видимому, не возымело какого-либо заметного эффекта, она предложила попробовать более радикальное лечение. Для этого, заявила Веча, пациентка должна быть вверена ее исключительному уходу, надежно связана, чтобы она не могла оказать ни малейшего сопротивления. Биллинг, стремясь спасти своего ребенка, был готов согласиться на что угодно; и, получив таким образом полную власть над Риндой, Один вынудил ее выйти за него замуж, освободив от уз и заклęcia только тогда, когда она честно пообещала стать его женой.

Рождение Вали

Пророчество Росстиофа теперь исполнилось, ибо Ринда должным образом родила сына по имени Вали (Али, Бус или Бив), олицетворение удлиняющихся дней, который рос с такой удивительной быстротой, что в течение одного дня достиг своего полного роста. Не дожидаясь даже того, чтобы умыться или причесаться, этот молодой бог поспешил в Асгард с луком и стрелами в руках, чтобы отомстить за смерть Бальдра его убийце, Ходуру, слепому богу тьмы.

“ Но смотри! мститель, Вали, приди,
Рожденный с запада, в утробе Ринды,
Истинный сын Одина! родился в один день!
Он не остановится и не останется на земле
Расчесать ему локоны, помыть руки,

Его тело должно отдохнуть, оно должно жаждать покоя, **Ошибка! Закладка не определена.**

До тех пор, пока его миссия не будет завершена,

И смерть Балдера отомстит за встречу”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

В этом мифе Ринда, олицетворяющая замерзшую корку земли, сопротивляется теплым ухаживаниям солнца, Одина, который тщетно указывает, что весна - время воинских подвигов, и предлагает украшения золотого лета. Она уступает только тогда, когда после душа (ванночки для ног) наступает оттепель. Покоренная тогда непреодолимой мощью солнца, земля уступает его объятиям, освобождается от чар (льда), которые сделали ее твердой и холодной, и рождает Вали-кормильца, или Буса-крестьянина, который выходит из своей темной хижины, когда наступают приятные дни. Таким образом, убийство Ходура Вали символизирует “прорыв нового света после зимней тьмы”.

Вали, который считался одним из двенадцати божеств, занимающих места в большом зале Гладсхейма, делил со своим отцом жилище под названием Валаскиалф, и ему было суждено еще до рождения пережить последнюю битву и сумерки богов и править вместе с Видаром возрожденной землей.

Поклонение Вали

Вали - бог вечного света, как Видар - нетленной материи; и поскольку лучи света часто называли стрелами, его всегда представляли и почитали как лучника. По этой причине его месяц в норвежских календарях обозначается знаком лука и называется Лайос-бери, приносящий свет. Поскольку он приходится на период с середины января по февраль, ранние христиане посвятили этот месяц святому Валентину, который также был искусным лучником и, как и Вали, считался предвестником светлых дней, пробуждателем нежных чувств и покровителем всех влюбленных. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XVII: Норны

Три Судьбы

Северные богини судьбы, которых называли Норнами, никоим образом не подчинялись другим богам, которые не могли ни подвергнуть сомнению их решения, ни влиять на них. Это были три сестры, вероятно, потомки великана Норви, от которого произошел Нотт (ночь). Как только Золотой век закончился, и грех начал проникать даже в небесные жилища Асгарда, норны появились под великим ясенем Иггдрасиль и поселились у источника Урдар. Согласно некоторым мифологам, их миссия состояла в том, чтобы предупредить богов о грядущем зле, призвать их правильно использовать настоящее и преподать им полезные уроки из прошлого.

Норны

C. Ehrenberg

С разрешения Берлинской фотографической компании, ул. Нью-Бонд, 133, W.

Эти три сестры, которых звали Урд, Верданди и Скульд, были олицетворениями прошлого, настоящего и будущего. Их основными занятиями были плетение паутины судьбы, ежедневное поливание священного дерева водой из источника Урдар и обмазывание его корней свежей глиной, чтобы оно оставалось свежим и вечно зеленым.

- Оттуда выходят служанки

Которые много знают;

Трое из зала

Под деревом;

Тот, кого они назвали, *Был*,

И будучи следующим,

Третьим *Будет*.

Вельуспа (перевод Хендерсона).

Некоторые авторитетные источники далее утверждают, что норны следили за золотыми яблоками, которые висели на ветвях древа жизни, опыта и знаний, не позволяя никому, кроме Идун, срывать плоды, которыми боги обновляли свою молодость. **Ошибка! Залочка не определена.**

Норны также кормили и нежно заботились о двух лебедях, которые плавали по зеркальной поверхности фонтана Урдар, и предполагается, что от этой пары птиц произошли все лебеди на земле. Говорят, что временами норны надевали лебединые перья, чтобы посетить землю, или резвились подобно русалкам вдоль побережья и в различных озерах и реках, время от времени появляясь перед смертными, чтобы предсказать будущее или дать им мудрый совет.

Паутина норн

Норны иногда плели паутину таких размеров, что, пока один из ткачей стоял на высокой горе на крайнем востоке, другой заходил далеко в западное море. Нити их гав напоминали веревки и сильно различались по оттенку в зависимости от характера предстоящих событий, а черная нить, тянущаяся с севера на юг, неизменно считалась предзнаменованием смерти. Пока эти сестры гоняли челнок туда-сюда, они распевали торжественную песню. Казалось, они ткут не в соответствии со своими собственными желаниями, а слепо, словно неохотно выполняя желания Орлога, вечного закона вселенной, более древней и высшей силы, у которой, по-видимому, нет ни начала, ни конца.

Две норны, Урд и Верданди, считались действительно очень благодетельными, в то время как третья, как говорят, безжалостно разрушала их работу и часто, когда она была почти закончена, сердито рвала ее в клочья, развеивая остатки по небесному ветру. Как олицетворения времени, норны были представлены в виде сестер разного возраста и характеров, Урд (Wurd, weird) казалась очень старой и дряхлой, постоянно оглядывалась назад, как будто поглощенная созерцанием прошлых событий и людей; Верданди, вторая сестра, молодая, активная и бесстрашная, смотрела прямо перед собой, в то время как Скульд, тип из **Ошибка! Залочка не определена.** будущее, как правило, представлялось тщательно скрытым, с головой, повернутой в сторону, противоположную тому, куда смотрела Урд, и держащей книгу или свиток, которые еще не были открыты или развернуты.

Боги ежедневно посещали этих Норн, которые любили советоваться с ними; и даже сам Один часто приезжал к источнику Урдар, чтобы попросить их о помощи, поскольку они обычно отвечали на его вопросы, храня молчание только о его собственной судьбе и судьбе его собратьев-богов.

“Скачал он долго и скачал быстро.

Сначала под великим Древом Жизни,
У священного Источника искал он
Урдар, Норна Прошлого;
Но ее зрячий глаз
Теперь никакое знание не могло бы помочь.
Поперек страницы Верданди упало
Темные оттенки, которые всегда предвещают беды;
Тени , которые висели вокруг Асгарда
Их зловещая тьма рассеялась над ним;
Секрет там не был написан
Может спасти Валхал, чистую и справедливую.
Последняя младшая из трех сестер,
Скульд, Норна Будущего,
Умолял заговорить, молча стоял рядом,—
Она отвела заплаканный взгляд.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Другие Духи -Хранители

Помимо трех главных норн, было много других, гораздо менее важных, которые, по-видимому, были духами-хранителями человечества, которым они часто являлись, одаривая своих любимцев всевозможными подарками и редко отсутствуя при рожденьях, бракосочетаниях и смертях.

“О, многочисленна их родня, и кто расскажет им все?

Есть те, кто правит людьми, и звезды, которые восходят и нисходят.

Сигурд Вельсунг (Уильям Моррис). **Ошибка! Закладка не определена.**

История Норнагесты

Однажды три сестры посетили Данию и вошли в дом дворянина, когда на свет появился его первенец. Войдя в комнату, где лежала мать, первая Норна пообещала, что ребенок будет красивым и храбрым, а вторая — что он будет процветающим и великим скальдом - предсказания, которые наполнили сердца родителей радостью. Тем временем весть о происходящем распространилась по всему дому, и соседи заполнили квартиру до такой степени, что давление любопытствующей толпы привело к тому, что третью Норну грубо столкнули со стула.

Разгневанная этим оскорблением, Скульд гордо поднялась и заявила, что дары ее сестры бесполезны, поскольку она постановит, что ребенок должен жить только до тех пор, пока горит свеча у кровати. Эти зловещие слова наполнили сердце матери ужасом, и она с

трепетом крепче прижала своего младенца к груди, потому что свеча почти догорела и ее угасание нельзя было долго откладывать. Старшая Норн, однако, не собиралась допустить, чтобы ее предсказание таким образом оказалось напрасным; но поскольку она не могла заставить сестру взять свои слова обратно, она быстро схватила свечу, погасила огонек и, отдав дымящийся огрызок матери ребенка, велела ей бережно хранить его и никогда больше не зажигать, пока ее сыну не надоеет жизнь.

“В особняке была ночь:

Пришли норны,

Кто должен быть у принца

Жизнь определяет”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Мальчика назвали Норнагеста, в честь Норн, и он вырос таким красивым, храбрым и **Ошибка! Закладка не определена.** талантливym, какого только могла пожелать любая мать. Когда он стал достаточно взрослым, чтобы осознать серьезность оказанного доверия, мать рассказала ему историю о визите Норн и вложила в его руки огарок свечи, которым он дорожил много лет, поместив его для сохранности в оправу своей арфы. Когда его родители умерли, Норнагеста скитался с места на место, принимая участие и отличаясь в каждом сражении, распевая свои героические песни, куда бы он ни пошел. Поскольку он обладал восторженным и поэтическим темпераментом, он не скоро устал от жизни, и в то время как другие герои покрылись морщинами и состарились, он оставался молодым сердцем и энергичным телосложением. Поэтому он был свидетелем волнующих деяний героических эпох, был верным спутником древних воинов и, прожив триста лет, увидел, как вера в старых языческих богов постепенно вытесняется учениями христианских миссионеров. Наконец Норнагеста прибыл ко двору короля Олафа Трюгвессона, который, по своему обычаю, обратил его почти силой и заставил принять крещение. Затем, желая убедить свой народ, что время суеверий прошло, король заставил престарелого скальда достать и зажечь свечу, которую он так тщательно хранил более трех столетий.

Болезни

Дороти Харди

Несмотря на свое недавнее обращение, Норнагеста с тревогой наблюдал за мерцающим пламенем, и когда, наконец, оно погасло, он безжизненно опустил на землю, доказав тем самым, что, несмотря на только что полученное крещение, он все еще верил в предсказание Норн.

В средние века и даже позже норны фигурируют во многих историях или мифах, появляясь в образе фей или ведьм, как, например, в сказке “Спящая красавица” и трагедии Шекспира “Макбет”.

”первая ведьма.

Когда мы втроем встретимся снова,

В громе, молнии или под дождем?

Ошибка! Закладка не определена.

2-я ведьма.

Когда с харлиберли будет покончено,

Когда битва проиграна и выиграна:

3-я ведьма.

Это будет до захода солнца.

Макбет (Шекспир).

Вала

Иногда норны носили имя Вала, или пророчицы, поскольку они обладали силой предсказания — силой, которая была в большом почете у всех северных рас, которые верили, что она присуща только женскому полу. Предсказания Вала никогда не подвергались сомнению, и говорят, что римский полководец Друзас был так напуган появлением Веледы, одной из этих пророчиц, которая предупредила его не пересекать Эльбу, что он фактически начал отступление. Она предсказала его приближающуюся смерть, которая действительно произошла вскоре после этого в результате падения с лошади.

Эти пророчицы, которые также были известны как Идис, Дисес или Хагедис, совершали богослужения в лесных святилищах и в священных рощах и всегда сопровождали армии вторжения. Выезжая впереди или в середине войска, они яростно подгоняли воинов к победе, а когда битва заканчивалась, они часто вырезали кровавого орла на телах пленников. Кровь собирали в большие чаны, в которые дисы погружали свои обнаженные руки до плеч, прежде чем присоединиться к дикому танцу, которым завершалась церемония.

Неудивительно, что этих женщин очень боялись. Чтобы умиловить их, приносились жертвы, и только в более поздние времена их низвели до ранга ведьм и отправили присоединиться к воинству демонов в Брокене, или Блоксберге, в Вальпургиеву ночь.

Помимо норн или Дисес, которые также считались божествами-защитниками, северяне приписывали каждому человеку духа-хранителя по имени Филги, который **Ошибка!**

Закладка не определена. сопровождал его всю жизнь, будь то в человеческом или животном облике, и был невидим для всех, кроме немногих посвященных, за исключением момента смерти.

Аллегорическое значение норн и их паутины судьбы слишком очевидно, чтобы нуждаться в объяснении; тем не менее некоторые мифологи считают их демонами воздуха и утверждают, что их паутиной была гав облаков, и что полосы тумана, которые они натягивали от скалы к дереву и от горы к горе, были безжалостно разорваны внезапно поднявшимся ветром. Более того, некоторые авторитетные источники заявляют, что Скульд, третья норна, иногда была Валькирией, а в других случаях олицетворяла богиню смерти, ужасную Хель. **Ошибка!**

Закладка не определена.

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XVIII: Валькирии

Боевые Девы

Особые прислужницы Одина, Валькирии, или боевые девы, были либо его дочерьми, как Брюнхильд, либо отпрысками смертных королей, девами, которым выпала честь оставаться бессмертными и неуязвимыми до тех пор, пока они беспрекословно повиновались богу и оставались девственницами. Они и их кони были олицетворением облаков, их сверкающим оружием были вспышки молний. Древние воображали, что они спустились на землю по приказу Вальфатера, чтобы выбрать среди павших в битве героев, достойных вкушать радости Валгаллы и достаточно храбрых, чтобы оказать помощь богам, когда должна разыгаться великая битва.

“Там, на каком-нибудь поле битвы, где люди быстро падают,

Они скачут верхом на своих лошадях, по уши в крови,
И выбери самых храбрых воинов на смерть,
Которого они забирают с собой ночью на Небеса
Порадовать богов и устроить пир в чертоге Одина.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Эти девушки изображались молодыми и прекрасными, с ослепительно белыми руками и распущенными золотистыми волосами. На них были серебряные или золотые шлемы и кроваво-красные доспехи, и, сверкая копьями и щитами, они смело мчались сквозь толпу на своих отважных белых конях. Эти кони пронеслись галопом через воздушные царства и над трепещущим Бифрестом, неся не только своих прекрасных наездниц, но и павших героев, которые, получив поцелуй смерти Валькирий, были, таким образом, немедленно перенесены в Валгаллу.

Облачные Кони

Поскольку кони Валькирий были олицетворением облаков, естественно было представить, что иней и роса падала на землю с их сверкающих грив, когда они быстро носились туда-сюда по воздуху. Поэтому они пользовались большим почетом и почитанием, поскольку люди приписывали их благотворному влиянию плодородие земли, сладость долин и горных склонов, великолепие сосен и питательность лугов.

Дева - Лебедь

Гертруда Демейн Хэммонд, Р.И.

Те , кто выбирает Убитых

Миссия Валькирий заключалась не только в сражениях на полях сражений на земле, но и в том, что они часто путешествовали по морю, вытаскивая умирающих викингов с их тонущих кораблей-драконов. Иногда они останавливались на берегу, чтобы поманить их туда, как безошибочное предупреждение о том, что предстоящая битва будет для них последней, и такое, которое каждый герой Северных Земель принимал с радостью.

Они медленно двинулись к волнующейся стороне;

И формы, по мере того как они становились все более четкими,

Казалось, что каждый едет верхом на высоком бледном коне,

И тенистый гребень позади,

И поманивать слабой рукой

С темного скалистого берега,

И наставлять сверкающее копье.

Затем на его дух снизошла тишина,

Перед этим неземным поездом;

Ибо он хорошо знал дочерей Валгаллы,

Тот, кто выбирает из убитых!”

Песня валькирий (миссис Хеманс).

Их Численность и обязанности

Согласно разным мифологам, число валькирий сильно различается и составляет от трех до шестнадцати, однако большинство авторитетных источников называют только девять.

Валькирии считались божествами воздуха; их также называли норнами, или исполнительницами желаний. Говорили, что Фрейя и Скульд повели их на битву. **Ошибка! Закладка не определена.**

- Она видела Валькирий

Пришел издалека,

Готов к поездке

К коленам божьим;

Скульд держала щит,

Следующим был Скаугул,

Гуннер, Хильдр, Гаундул,

И Гейр-скаугул.

Так теперь говорится

Норны-воины”.

"Эдда Семунда" (т. р. Гендерсона).

У Валькирий, как мы видели, были важные обязанности в Валгалле, когда, отложив в сторону свое окровавленное оружие, они разливали небесный мед для Эйнхериев. Этот напиток восхитил души новоприбывших, и они приветствовали прекрасных дев так же тепло, как тогда, когда впервые увидели их на поле боя и поняли, что те пришли, чтобы перенести их туда, где они мечтают оказаться.

“Сейчас в тени наступают высокие формы,
И их бледные руки блестят, как снежинки в лунном свете;
Они манят, они шепчут: ‘О! сильные, Вооруженные Доблестью,
Бледные гости ждут тебя — медовая пена в Валгалле”.

Сага о Финне (Хьюитт).

Вэйланд и Валькирии

Предполагалось, что Валькирии совершали частые полеты на землю в лебедином оперении, которое они сбрасывали, подходя к уединенному ручью, чтобы искупаться. Любой смертный, застигший их врасплох таким образом и сохранивший их оперение, мог помешать им покинуть землю и даже заставить этих гордых дев спариться с ним, если бы таково было его желание.

Рассказывается, что трое валькирий, Олрун, Алвит и Сванхвит, однажды резвились в водах, когда внезапно на них наткнулись три брата Эгиль, Слагфинн и Велунд, или Вэйланд кузнец, и, завладев **Ошибка! Закладка не определена.** их лебединым оперением, молодые люди заставили их остаться на земле и стать их женами. Задержанные таким образом Валькирии оставались со своими мужьями девять лет, но по истечении этого срока, восстановив свое оперение или сняв заклятие каким-либо другим способом, они совершили побег.

- Там они и остались

Прошло семь зим;

Но все восьмое

Были охвачены тоской;

И в девятом

Судьба разлучила их.

Девушки тосковали

Для темного леса,

Молодой Алвит,

Судьба, которую нужно исполнить”.

Лежание в Велунне (книга Торпа).

Братья очень сильно переживали потерю своих жен, и двое из них, Эгиль и Слагфинн, надев снегоступы, отправились на поиски своих любимых, пропавших в холодных и туманных

районах Севера. Третий брат, Велунд, однако, остался дома, зная, что все поиски будут безрезультатны, и он находил утешение в созерцании кольца, которое Алвит подарила ему в знак любви, и тешил себя постоянной надеждой, что она вернется. Поскольку он был очень искусным кузнецом и мог изготавливать самые изысканные украшения из серебра и золота, а также волшебное оружие, которое не мог сломать ни один удар, теперь он тратил свой досуг на изготовление семисот колец, точно таких же, как то, которое подарила ему жена. Закончив, он связал их вместе; но однажды ночью, вернувшись домой с охоты, он обнаружил, что кто-то унес одно кольцо, оставив остальные, и его надежды получили новое вдохновение, поскольку он сказал себе, что его жена была там и скоро вернется навсегда.

Полет валькирий

Дж . Си Доллман

По договоренности с Художником

Ошибка! Закладка не определена.

Однако в ту же ночь он был застигнут врасплох во сне, связан и взят в плен Нидудом, королем Швеции, который завладел его мечом, отборным оружием, наделенным магической силой, которое он приберег для собственного использования, и любовным кольцом из чистого рейнского золота, которое он подарил своей единственной дочери Бодвильд. Что касается самого несчастного Велунда, то его отвели пленником на соседний остров, где после перелома сухожилий, чтобы он не сбежал, король поручил ему непрерывную работу по изготовлению оружия и украшений для своего использования. Он также заставил его построить сложный лабиринт, и по сей день лабиринт в Исландии известен как “дом Велунда”.

Ярость и отчаяние Велунда возрастали с каждым новым оскорблением, нанесенным ему Нидудом, и день и ночь он думал о том, как бы ему отомстить. Не забыл он и позаботиться о своем побеге, и во время перерывов в работе смастерил пару крыльев, похожих на те, что использовала его жена в бытность Валькирией, которые он намеревался надеть, как только свершится его месть. Однажды король пришел навестить своего пленника и принес ему

украденный меч, чтобы тот мог починить его; но Велунд ловко заменил его другим оружием, настолько похожим на волшебный меч, что обманул короля, когда тот снова пришел за ним. Несколько дней спустя Велунд заманил сыновей короля в свою кузницу и убил их, после чего хитроумно выковал сосуды для питья из их черепов и драгоценные камни из их глаз и зубов, подарив все это их родителям и сестре.

- Но их черепа

Под волосами

Он в серебряной оправе,

И Нидуду отдал;

И из их глаз

Драгоценные камни, которые он сформировал, **Ошибка! Закладка не определена.**

Который принадлежит Нидуду

Он послал коварную жену.

Но о зубах

Из двух

Нагрудные украшения, которые он делал,

И к Бодвильду отправил”.

Лежание в Велунне (книга Торпа).

Королевская семья не подозревала, откуда они взялись, и поэтому эти подарки были с радостью приняты. Что же касается бедных юношей, то считалось, что их унесло течением в море и они утонули.

Брюнхильд и Зигмунд

Дж. Вагрез

Фото, Braun, Clément & Co.

Через некоторое время после этого Бодвильд, желая починить свое кольцо, также посетила хижину кузнеца, где, ожидая, она, ничего не подозревая, приняла волшебное снадобье, которое погрузило ее в сон и оставило во власти Велунда. Свершив свой последний акт мести, Велунд немедленно надел крылья, которые он приготовил для этого дня, и, схватив свой меч и кольцо, медленно поднялся в воздух. Направив свой полет ко дворцу, он уселся там вне досягаемости и объявил Нидуду о своих преступлениях. Король, вне себя от ярости,

призвал Эгиля, брата Велунда, который тоже попал в его власть, и приказал ему использовать свое чудесное мастерство лучника, чтобы сбить наглую птицу. Повинуясь сигналу Велунда, Эгил нацелился на выступ под его крылом, где был спрятан пузырь, полный крови юных принцев, и кузнец с триумфом улетел, не причинив вреда, заявив, что Один отдаст свой меч Зигмунду — предсказание, которое должным образом исполнилось.

Затем Велунд отправился в Альф-хейм, где, если верить легенде, нашел свою любимую жену и снова жил с ней счастливо до сумерек богов.

Но даже в Альф-хейме этот умный кузнец продолжал заниматься своим ремеслом, и различные непробиваемые доспехи, **Ошибка! Закладка не определена.**которые, как говорят, он выковал, описаны в более поздних героических поэмах. Сообщается, что помимо Бальмунга и Жуайеза, знаменитых мечей Зигмунда и Карла Великого, он изготовил имитацию для своего сына Хайме и множество других замечательных клинков.

“Это помощник в Подражании

Из всех свердов он король,

И мы сделали это,

Горько, потому что это высоко”.

Англосаксонская поэзия (т. р. Конибири).

Существует бесчисленное множество других историй о девах-лебедях или Валькириях, которые, как говорят, вступали в связь со смертными; но самая популярная из всех - это история Брюнхильд, жены Сигурда, потомка Зигмунда и самого знаменитого из северных героев.

Уильям Моррис в книге “Земля к востоку от Солнца и к западу от Луны” приводит увлекательную версию другой из этих скандинавских легенд. Эта история - одна из самых очаровательных в сборнике “Земной рай”.

Брюнхильд

Историю Брюнхильд можно найти во многих формах. Некоторые версии описывают героиню как дочь короля, которого Один взял служить в свой отряд Валькирий, другие - как предводительницу валькирий и дочь самого Одина. В рассказе Рихарда Вагнера “Кольцо Нибелунга” великий музыкант представляет особенно привлекательную, хотя и более современную концепцию главной Девы-Воительницы и ее неповиновения приказу Одина, посланного призвать юного Зигмунда вместе с его возлюбленной Зиглинд в Чертоги Благословенных. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XIX: Хель

Отпрыск Локи

Хель, богиня смерти, была дочерью Локи, бога зла, и великанши Ангурбоды, предвестницы бед. Она появилась на свет в темной пещере в Етунхейме вместе со змеем Ермунгандром и ужасным волком Фенрисом, которые считаются символами боли, греха и смерти.

“Теперь приходит Локи, причина всех бед!

Люди и асы до сих пор проклинали его.
Долго будут оплакивать боги,
Даже до тех пор, пока не пройдет Время,
Его основное мошенничество на холме Асгарда.
В то время как в глубине Йотунхейма большинство пало,
Это Фенрир, Змей и Ужасная Хель,
Боль, Грех и Смерть, трое его детей,
Воспитывал и лелеял; через них он
Мучителем мира будет он”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

В свое время Одному стало известно об ужасном выводке, который лелеял Локи, и он решил, как мы уже видели, изгнать их с лица земли. Поэтому змея была брошена в море, где, как предполагалось, его извивания вызывали самые ужасные бури; волк Фенрис был закован в цепи благодаря неустрашимому Тиру; а Хель, или Хела, богиня смерти, была брошена в глубины Нифль-хейма, где Один дал ей власть над девятью мирами.

“Хела, которую ты бросил в Нифльхейм,
И пусть она правит девятью неосвещенными мирами,
Королева и империя над всеми мертвыми.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Королевство Хель в Нифль-хейме

В это царство, которое должно было находиться под **Ошибка! Закладка не определена.** на землю, можно было попасть только после мучительного путешествия по самым неровным дорогам в холодных, темных регионах крайнего Севера. Врата находились так далеко от всякого человеческого жилья, что даже Хермоду быстрому, восседавшему на Слейпнире, пришлось проделать девять долгих ночей пути, прежде чем он достиг реки Джелль. Это была граница Нифль-хейма, через которую был перекинут мост из хрусталя, украшенный золотой аркой, подвешенный на единственном волоске и постоянно охраняемый мрачным скелетом Модгуд, который заставлял каждого духа платить дань кровью, прежде чем она позволяла ему пройти.

“Стеклянный мост висел на волоске
Выброшенный в реку ужасную,—
Гиель, граница Хель.
Теперь здесь стояла дева Модгуд,
Ожидаящий, чтобы взять дань кровью,—
Ужасная на вид дева,

Без плоти, с легким саваном и пеленой”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Духи обычно проезжали по этому мосту верхом на лошадях или в повозках, которые были сожжены на погребальном костре вместе с умершими для этой цели, и северные народы были очень осторожны, надевая на ноги умерших особенно прочную пару обуви, называемую Хелл-шу, чтобы они не пострадали во время долгого путешествия по неровным дорогам. Вскоре после того, как миновали мост Джаллар, дух достиг Железного Леса, где не было ничего, кроме голых деревьев с железными листьями, и, пройдя через него, достиг врат Хель, возле которых нес вахту свирепый, окровавленный пес Гарм, съевшийся в темной дыре, известной как пещера Гнипа. Ярость этого чудовища можно было унять, только предложив Хель-кек, который никогда не подводил тех, кто когда-либо раздавал хлеб нуждающимся.

“Громкие заливы Гарма”

Перед пещерой Гнипа.

“Эдда Семунда” (т.р. Торпа). **Ошибка! Закладка не определена.**

За воротами, среди сильного холода и непроницаемой тьмы, было слышно, как бурлит великий котел Хвергельмир, как катятся ледники в Эливагаре и других потоках Хель, среди которых были Лейптер, которым приносились торжественные клятвы, и Слип, в мутных водах которого постоянно перекачивались обнаженные мечи.

Дорога в Валгаллу

Северин Нильссон

Дальше, в этом ужасном месте, находился Эльвиднер (страдание), чертог богини Хель, чьим блюдом был Голод. Ее ножом была Жадность. “Праздность была именем ее мужчины, Лениость - ее служанки, Разрушение ее порога, Скорбь ее постели и Пожар ее занавесок”.

- Эльвиднер был домом Хелы.

Окованный железом, с массивной стеной;

Ужасно, что дворец высокий!

Голод был для нее пустым столом;

Отходы - ее нож; ее постель - острый Уход;
Жгучая Тоска разлилась своим пиршеством;
Каждого гостя украшали выбеленные кости;
Чума и Голод пели свои руны,
Смешанный с суровыми мелодиями Отчаяния.
Страдание и агония
Ты будешь в обители Хель!”

Валгалла (Дж. К. Джонс).

У этой богини было много различных обителей для гостей, которые ежедневно приходили к ней, ибо она принимала не только клятвопреступников и преступников всех мастей, но и тех, кому посчастливилось умереть без пролития крови. В ее царство также отправлялись те, кто умирал от старости или болезней — способ смерти, который презрительно назывался “соломенной смертью”, поскольку кровати людей обычно были из этого материала.

“Закаленный морозом,
Устраивают бурю и треплют себе нервы, сыновья тех
Чьим единственным ужасом была бескровная смерть”.

Томсон. Ошибка! Закладка не определена.

Представления о будущей Жизни

Хотя Хель доброжелательно относилась к невинным и наслаждалась состоянием негативного блаженства, неудивительно, что жители Севера боялись даже мысли о посещении ее унылой обители. И в то время как мужчины предпочитали пометить себя острием копья, броситься вниз с обрыва или быть сожженными до того, как жизнь окончательно угасла, женщины не брезговали столь же героическими мерами. В крайности своего горя они, не колеблясь, бросались со склона горы или падали на мечи, которые были подарены им при вступлении в брак, чтобы их тела были сожжены вместе с теми, кого они любили, а их души освобождены, чтобы присоединиться к ним в светлом жилище богов.

Однако дальнейшие ужасы ожидали тех, чья жизнь была преступной или нечистой, эти духи были изгнаны в Настронд, на берег трупов, где они переходили вброд ледяные потоки яда через пещеру, сделанную из плетеных змей, чьи ядовитые клыки были обращены к ним. Претерпев там невыразимые муки, они были смыты в котел Хвергельмир, где змея Нидхуг на мгновение перестала грызть корень дерева Иггдрасиль, чтобы полакомиться их костями.

“Зал, стоящий
Вдали от солнца
In Nâströnd;
Его двери обращены на север,
Падают капли яда

Внутрь через свои отверстия;
Переплетен этот зал
Со змеиными спинами.
Она там увидела вброд
Вялые потоки **Ошибка! Закладка не определена.**
Кровожадные люди
И лжесвидетели,
И тот , кого прельщает слух
Чужой жены.
Там Нидхог отстой
Трупы мертвых”.
"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Мор и голод

Предполагалось, что сама Хель время от времени покидала свое унылое жилище, чтобы возделывать землю верхом на своем трехногом белом коне, а во времена эпидемии мора или голода, если часть жителей округа спасалась бегством, она, как говорили, пользовалась граблями, а когда целые деревни и провинции обезлюдели, как в случае исторической эпидемии Черной смерти, говорили, что она ездила с метлой.

Северные народы также воображали, что духам умерших иногда позволялось возвращаться на землю и являться своим родственникам, чья печаль или радость влияла на них даже после смерти, как рассказывается в датской балладе об Огере и Эльзе, где умерший возлюбленный просит свою возлюбленную улыбнуться, чтобы его гроб был наполнен розами вместо свернувшихся капель крови, образовавшихся от ее слез.

-Послушайте теперь, мой добрый сэр Огер!

Дорогой жених, все, чего я жажду

- Знать, как это происходит с тобой

В этом уединенном месте, в могиле.

“Каждый раз, когда ты радуешься,

И будь счастлив в своих мыслях,

Это тайники моей одинокой могилы

Все украшено листьями роз.’

“Каждый раз, любовь моя, когда ты скорбишь,

И ты пролил соленый поток,

Это тайники моей одинокой могилы

Наполненный черной и отвратительной кровью”.

Баллада об Огере и Эльзе (роман Лонгфелло). **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XX: Эгир

Бог моря

Помимо Ньерда и Мимира, которые оба были океанскими божествами, одно из которых представляло море у побережья, а другое - первозданный океан, из которого, как предполагалось, возникло все сущее, северные расы признавали другого морского правителя, по имени Эгир или Хлер, который обитал либо в прохладных глубинах своего жидкого царства, либо имел обитель на острове Лессо в Каттегате, или Хлесси.

“Под водянистым куполом,

С кристальным великолепием,

В сияющем величии,

Воздвигли дом морского бога.

Ослепительнее пены волн

Все мерцало и переливалось в глубоких пещерах

Сверкающий песок его дна,

Как будто по тихому озеру пошла рябь”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Предполагается, что Эгир (море), как и его братья Кари (воздух) и Локи (огонь), принадлежал к более древней династии богов, поскольку его не ставили ни в один ряд с асами, ванами, великанами, карликами или эльфами, но считали всемогущим в пределах своего царства.

Предполагалось, что он вызывал и утихомиривал великие бури, которые проносились над бездной, и обычно его изображали в виде изможденного старика с длинной белой бородой и волосами и когтистыми пальцами, постоянно судорожно сжимающимися, как будто он жаждал иметь все в пределах своей досягаемости. Всякий раз, когда он появлялся над волнами, это было только для того, чтобы преследовать и переворачивать суда и жадно тащить их на дно моря - занятие, в котором, как считалось, он получал дьявольское наслаждение. **Ошибка! Закладка не определена.**

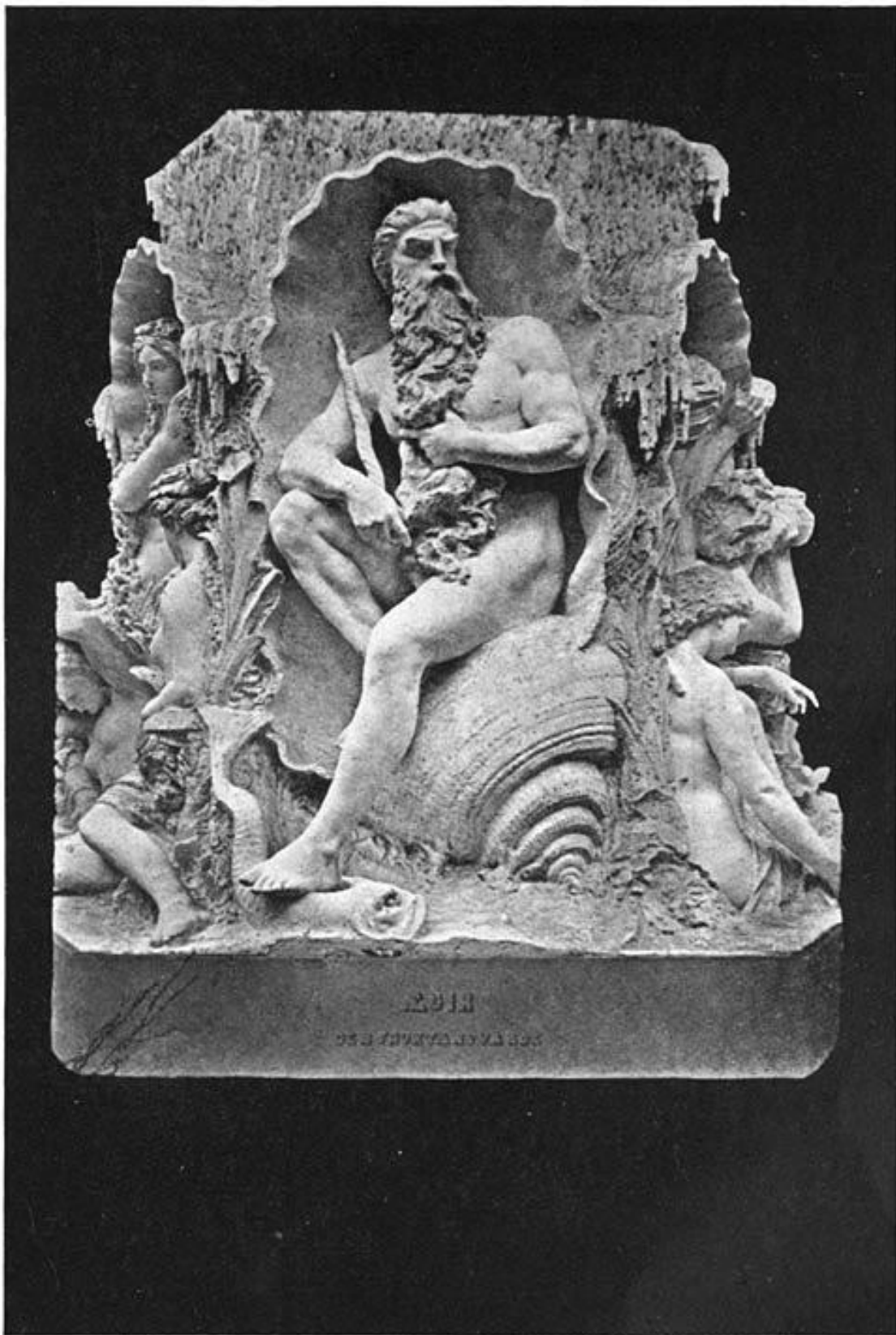
Богиня Убежала

Эгир был женат на своей сестре, богине Ран, чье имя означает “разбойница”, и которая была такой же жестокой, жадной и ненасытной, как и ее муж. Ее любимым занятием было прятаться возле опасных скал, куда она заманивала моряков, и там раскидывала свою сеть, свое самое ценное достояние, когда, запутав людей в ее сетях и разбив их суда об острые утесы, она спокойно затягивала их в свое безрадостное царство.

“В глубоководных пещерах”

У звучащего берега,
В стремительных волнах
Когда ревут дикие бури,
В своих холодных зеленых беседках
В Северных фиордах,
Она прячется и сердито смотрит,
Она хватается и копит,
И она раскидывает свою прочную сеть для своей добычи.

История Зигфрида (Болдуина).

Ægir

Дж . П. Молин

Ран считалась богиней смерти для всех, кто погиб в море, и северные народы воображали, что она принимает утонувших в своих коралловых пещерах, где для их приема были расстелены ее ложа и где мед лился рекой, как в Валгалле. Кроме того, предполагалось, что

богиня питала большую любовь к золоту, которое называлось “пламя моря” и использовалось для освещения ее залов. Это поверье зародилось у моряков и возникло из-за поразительного фосфоресцирующего блеска волн. Чтобы завоевать расположение Рана, северяне старательно прятали при себе немного золота всякий раз, когда какая-либо особая опасность угрожала им на море.

“Золото, в бреду возлюбленной,

Мощно и приятно;

Ошибка! Закладка не определена. Кто уходит с пустыми руками

Вниз, к синему морю, Побежал,

Холодные ее поцелуи поражают, и

Мимолетность ее объятий...

Но мы будем невестой оушена...

Трот из чистейшего золота”.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

Волны

У Эгира и Рана было девять прекрасных дочерей, Волн, или волнистых дев, чьи белоснежные руки и груди, длинные золотистые волосы, темно-синие глаза и гибкие, чувственные формы завораживали до крайности. Эти девушки с удовольствием резвились по обширным владениям своего отца, легко одетые в прозрачные голубые, белые или зеленые вуали. Однако они были очень капризны, меняясь от игривого настроения до угрюмого и апатичного, и временами возбуждали друг друга почти до безумия, рвали на себе волосы и вуали, безрассудно бросались на свои жесткие постели, на камни, гонялись друг за другом с неистовой поспешностью и громко визжали от радости или отчаяния. Но они редко выходили поиграть, если только их брат Ветер не был за границей, и в зависимости от его настроения они были нежными и игривыми или грубыми и неистовыми.

Обычно предполагалось, что волны ходят тройками и, как часто говорили, играют вокруг кораблей викингов, которым они отдавали предпочтение, устраняя все препятствия на их пути и помогая им быстрее достигать своих целей.

“И дочери Эгера в голубых вуалях умирают,

Рулевой поворачивается и подгоняет его к полету.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

Чайник для заварки Эгира

Англосаксам морской бог Эгир был известен под именем по имени Игор, и всякий раз, когда необычайно большая волна с грохотом обрушивалась на берег, моряки обычно кричали, как до сих пор кричат лодочники Трента: “Берегись, Игор приближается!” Среди северных народов он был также известен под именами Хлер (укрывающий) и Гимир (укрывающий), потому что он всегда был готов спрятать вещи в глубинах своего царства, и на него можно было положиться в том, что он не выдаст доверенных его попечению секретов. И поскольку

часто говорили, что морские воды бурлят и шипят, океан часто называли котлом для заваривания пива Эгира.

Двумя главными слугами бога были Эльде и Фунфэн, символы фосфоресцирующего моря; они были известны своей расторопностью и неизменно обслуживали гостей, которых он приглашал на свои пиры в морских глубинах. Эгир иногда покидал свои владения, чтобы навестить асов в Асгарде, где его всегда по-королевски принимали, и он восхищался многочисленными рассказами Браги о приключениях и достижениях богов. Взволнованный этими рассказами, а также сопровождавшим их игристым медом, бог однажды отважился пригласить асов отпраздновать с ним праздник урожая в Хлесси, где он, в свою очередь, пообещал их развлечь.

Тор и Гимир

Удивленный этим приглашением, один из богов осмелился напомнить Эгиру, что они привыкли к изысканной пище; на что бог моря заявил, что в том, что касается еды, им не о чем беспокоиться, поскольку он уверен, что сможет удовлетворить самый привередливый аппетит; но он признался, что не был так уверен в напитках, поскольку его чайник для заварки был довольно маленьким. Услышав это, Тор немедленно вызвался раздобыть подходящий чайник и отправился за ним вместе с Тиром. **Ошибка! Закладка не определена.** Два бога отправились на восток от Эливагара в козьей колеснице Тора и, оставив ее в доме крестьянина Эгиля, отца Тьяльфи, пешком направились к жилищу великана Гимира, который, как было известно, владел котлом глубиной в милю и пропорционально ему шириной.

“Там обитает на востоке

Из Эливагара

Премудрый Гимир,

На краю небес.

Мой повелитель, свирепый в настроении,

Чайник владеет,

Вместительный котел,

Раст в глубину”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Однако дома были только женщины, и Тир узнал в старшей — уродливой старой карге с девятью сотнями голов — свою родную бабушку; в то время как младшая, прекрасная юная великанша, была, как оказалось, его матерью, и она гостеприимно приняла своего сына и его спутницу и напоила их.

Узнав об их поручении, мать Тира велела гостям спрятаться под огромными котлами, которые стояли на балке в конце зала, потому что ее муж Химир был очень торопливым и часто убивал своих потенциальных гостей одним злобным взглядом. Боги быстро последовали ее совету, и не успели они скрыться, как вошел старый великан Гимир. Когда жена сказала ему, что пришли гости, он так зловеще нахмурился и метнул такой гневный взгляд в сторону их

убежища, что балка треснула, чайники с грохотом упали и все, кроме самого большого, разбились вдребезги.

“В дрожь полетел столб

На взгляд йотуна;

Луч был первым

Разломан надвое. **Ошибка! Закладка не определена.**

Упало восемь чайников,

Но только один из них,

Котел с твердым кованым покрытием,

Целиком из колонки”.

"Эдда Семунда" (м. р. Торпа).

Побежал

М. Э. Виндж

Жена великана, однако, убедила своего мужа принять Тира и Тора, и он зарезал трех быков для их угощения; но велико было его смятение, когда бог грома съел двух из них себе на ужин. Пробормотав, что на следующее утро ему придется отправиться на рыбалку пораньше, чтобы раздобыть завтрак для столь прожорливого гостя, великан удалился отдыхать, и когда на рассвете следующего дня он спустился к берегу, к нему присоединился Тор, который сказал, что пришел помочь ему. Великан велел ему самому добыть наживку, после чего Тор хладнокровно убил самого большого быка своего воинства, Химинбриотера (разрушителя небес), и, отрубив ему голову, сел с ним в лодку и поплыл далеко в море. Напрасно Гимир протестовал, говоря, что его обычное место ловли рыбы уже достигнуто, и что они могут

столкнуться с ужасным мидгардским змеем, если рискнут пойти дальше; Тор упорно греб дальше, пока ему не показалось, что они находятся прямо над этим чудовищем.

“На темном дне большого соленого озера,

В заточении лежал гигантский змей,

И ничто не могло нарушить его угрюмый сон”.

Рыбалка Тора, Оленшлегер (пер. Пиготта).

Наживив на свой мощный крючок голову быка, Тор направился к Ермунгандру, а великан тем временем вытащил двух китов, которых, как ему показалось, было достаточно для утреннего ужина. Поэтому он уже собирался предложить вернуться, когда Тор внезапно почувствовал рывок и начал тянуть изо всех сил, ибо по сопротивлению своей жертвы и ужасной буре, вызванной ее бешеными извивами, он понял, что зацепил **Ошибка! Залкада не определена**.Змею Мидгарда. В своих решительных попытках заставить змею подняться на поверхность, Тор так сильно уперся ногами в дно лодки, что прошел сквозь нее и оказался на дне моря.

После неопиcуемой борьбы показалаcь ужасная, дышащая ядом голова чудовища, и Тор, схватив свой молот, собирался уничтожить ее, когда великан, напуганный близостью Ермунганда и опасаясь, что лодка затонет и он станет добычей чудовища, перерезал леску и таким образом позволил змее камнем упасть на дно моря.

“Нож преобладает: далеко внизу, под основным

Змей, измученный тяжелым трудом и болью,

Снова опуcтился на дно”.

Рыбалка Тора, Оленшлегер (пер. Пиготта).

Рассердившись на Гимира за его несвоевременное вмешательство, Тор нанес ему удар своим молотом, который сбросил его за борт; но Гимир, не дрогнув, выбрался на берег и встретил бога, когда тот возвращался на пляж. Затем Гимир взвалил обоих китов, свою морскую добычу, себе на спину, чтобы отнести их в дом; и Тор, желая также показать свою силу, взвалил на плечи лодку, весла и рыболовные снасти и последовал за ним.

Покончив с завтраком, Гимир бросил вызов Тору, чтобы тот доказал свою силу, разбив его мензурку; но хотя бог грома с непреодолимой силой швырнул ее о каменные колонны и стены, она осталась целой и даже не погнулась. Однако, повинаясь шепоту матери Тира, Тор внезапно швырнул сосуд в лоб великана - единственное вещество, более прочное, чем он сам, - и тот, разбившись, упал на землю. Гимир, испытав таким образом мощь Тора, сказал ему, что он может получить котел, за которым пришли два бога, но Тир тщетно пытался поднять его, и Тор смог **Ошибка! Залкада не определена**.поднять его с пола только после того, как натянул свой пояс силы до самого последнего отверстия.

“Тир дважды подвергся анализу

Для перемещения судна,

Но каждый раз

Быстро поставил чайник на огонь.

Затем отец Моуди
Схватил его за край,
И прошел сквозь
Этаж жилого помещения”.

"Сказание о Гимире" (сборник Торпа)

Гаечный ключ, с помощью которого он наконец поднял ее, нанес большой ущерб дому великана, и его ноги проломили пол. Когда Тир и Тор уходили, причем у последнего на голове был огромный горшок вместо шляпы, Химир призвал своих братьев ледяных великанов и предложил им преследовать и убить своего закоренелого врага. Обернувшись, Тор внезапно осознал, что они преследуют его, и, несколько раз метнув Мьелльнир в великанов, он убил их всех, прежде чем они смогли настичь его. Затем Тир и Тор продолжили свой путь обратно в Эгир, неся котел, в котором он должен был варить эль для праздника урожая.

Физическим объяснением этого мифа, конечно же, является гроза (Тор), противостоящая бушующему морю (змея Мидгарда), и раскалывание полярных льдов (кубок и пол Гимира) в разгар летней жары.

Боги облачились в праздничные одежды и радостно отправились на пир Эгира, и с тех пор они имели обыкновение отмечать урожай дома, в его коралловых пещерах.

“Тогда Ваны и Асы, могущественные боги,
Повелители земли и воздуха и Асгарда, —
Продвигаясь вперед с каждой прекрасной богиней,
Блестящая свита, самая редкая,— **Ошибка! Закладка не определена.**
Сопровождающий могучего Одина, сметенный
По изношенному волнами проходу в сияющем марте”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Нелюбимые Божества

Эгир, как мы видели, правил морем с помощью вероломного Рана. Оба этих божества считались жестокими у северных народов, которым приходилось много страдать от моря, которое, окружая их со всех сторон, проникало далеко в сердце их стран через многочисленные фиорды и часто поглощало корабли их викингов со всеми их воинскими экипажами.

Другие морские божества

Помимо этих главных божеств моря, северные народы верили в водяных и русалок, и рассказывается множество историй о русалках, которые на короткое время снимали с себя лебединое оперение или тюленьи одежды, которые они оставляли на берегу, чтобы их нашли смертные, которые таким образом могли заставить прекрасных дев остаться на суше.

“Она плыла по волнам, когда светила прекрасная луна
(Дрейф волны и морская пена);

Она пришла туда, где я гулял по пескам в одиночестве,
С сердцем настолько легким, насколько это вообще возможно”.

Л. Э. Р.

Существовали также злобные морские чудовища, известные как Никоры, от имени которых произошло вошедшее в поговорку Старое название Ник. У многих низших божеств воды были рыбы хвосты; женщин звали Ундинами, а мужчин Стромкарлами, Никси, Нексами или Неккар.

“Там, где в маришах гремит горечь,
Бездушный Никер сидит со своим желудком,
Сидит безутешный, лишенный друзей и врагов,
Оплакивая свою судьбу, Смеется Бездушный”.

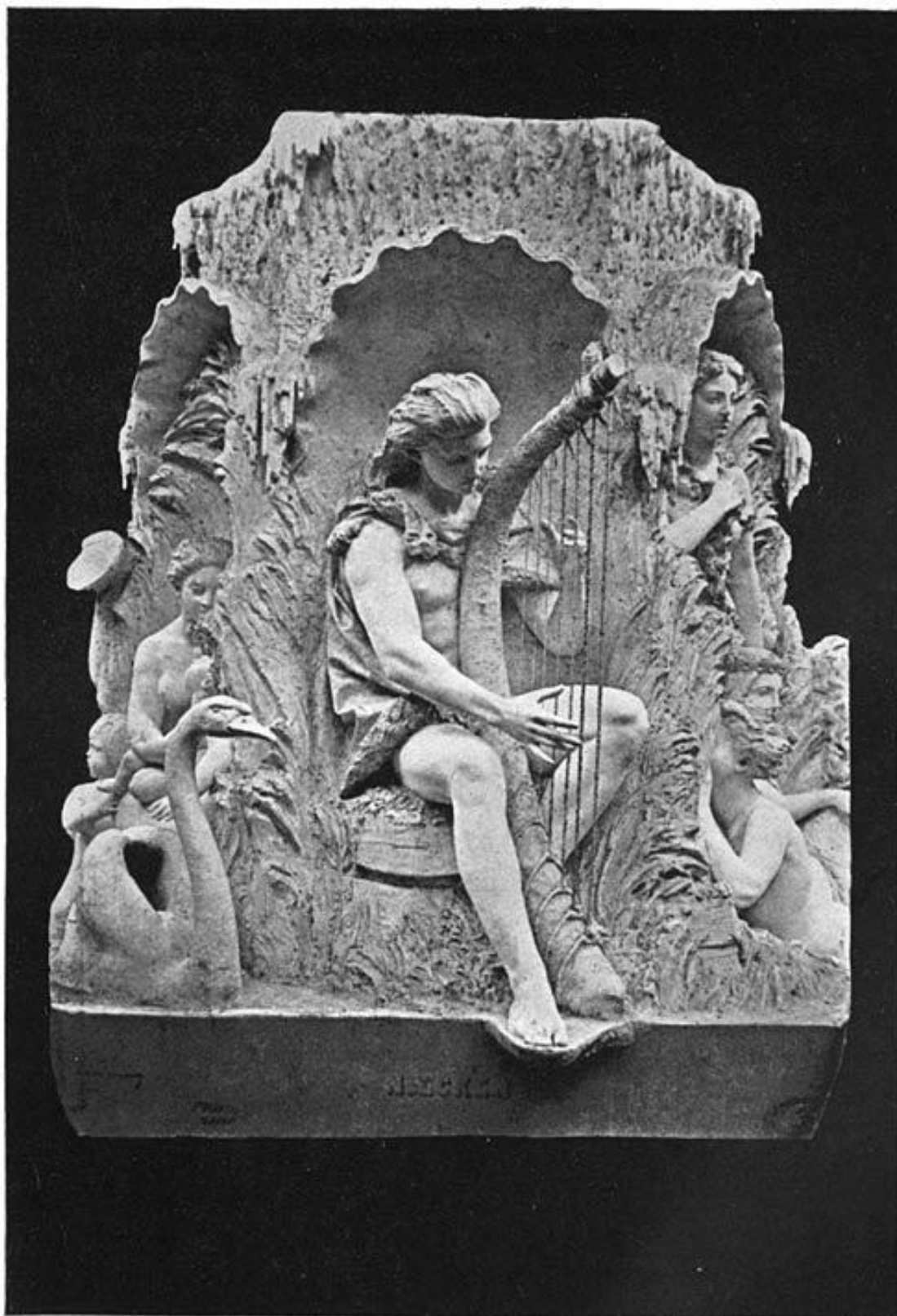
Из рукописи брата Фабиана. Ошибка! Закладка не определена.

Считалось, что в средние века эти водяные духи иногда покидали свои родные ручьи и появлялись на деревенских танцах, где их узнавали по мокрому подолу одежды. Они часто сидели у текущего ручья или реки, играя на арфе или распевая чарующие песни, расчесывая свои длинные золотистые или зеленые волосы.

“На грифе здесь играет его арфа в стеклянном замке,
А русалки всегда расчесывают свои зеленые волосы,
И отбеливают здесь свои сияющие белые одежды”.

Стагнелиус (псевдоним Кейтли).

Никси, ундины и Стромкарлы были особенно нежными и привлекательными существами и очень стремились получить неоднократные заверения в своем окончательном спасении.

Неккан

Дж . П. Молин

Рассказывается много историй о священниках или детях, встречавших их играющими у ручья и насмехавшихся над ними будущим проклятием, и эта угроза неизменно превращала радостную музыку в жалобные вопли. Часто священники или дети, обнаружив свою ошибку и

тронутые агонией своих жертв, спешили обратно к ручью и уверяли зеленозубых водяных эльфов в будущем искуплении, когда те неизменно возобновляли свои счастливые песни.

“Знаешь ли ты Никси, веселых и светловолосых?

У них черные глаза и зеленые волосы...

Они прячутся на заросших осокой берегах.

Матиссон.

Речные нимфы

Помимо Эльфа или Эльб, водяного духа, давшего название реке Эльба в Германии, Некка, от которого Неккар получил свое название, и старого Отца Рейна с его многочисленными дочерьми (притоками), самым известным из всех меньших водных божеств является Лорелея, дева-сирена, восседающая на Лорелее **Ошибка! Закладка не определена.** скала близ Санкт-Гоара , на Рейне, и чья манящая песня соблазнила многих моряков до смерти. Легенд об этой сирене действительно очень много, одна из самых древних заключается в следующем:

Легенды Лорелеи

Лорелея была бессмертной, водной нимфой, дочерью Отца Рейна; днем она обитала в прохладных глубинах русла реки, но поздно ночью появлялась в лунном свете, сидя на вершине скалы, на виду у всех, кто проходил вверх или вниз по течению. Временами вечерний бриз доносил до ушей лодочников некоторые ноты ее песни, когда, забыв о времени и месте, слушая эти чарующие мелодии, они налетали на острые и зазубренные скалы, где неизменно погибали.

“Над девой восседает,

Чудесная форма и прекрасная;

Она заплетает косы, сверкая драгоценными камнями

Ее сияющие золотые волосы:

Золотым гребнем подготавливает его,

Задание с песней выполнено;

Это тяжкое бремя несет на себе —

Эта мелодия такая дикая.

“Лодочник на реке”

Припевы к песне, написанные по буквам;

О! что он должен доставить

От грозящей опасности?

Глубокие воды подхватили их,

И лодка, и лодочник храбры;

Это песня Лорели привела их

Под пенящейся волной”.

Сонг, Гейне (пер. Селчера).

Говорят, что только один человек видел "Лорелею" поблизости. Это был молодой рыбак из Обервезеля, который встречал ее каждый вечер на берегу реки и проводил с ней несколько восхитительных часов, упиваясь ее красотой **Ошибка! Закладка не определена.** и слушая ее чарующую песню. Традиция гласила, что перед тем, как они расстались, Лорелея указала места, где юноша должен завтра закинуть сети, — инструкции, которым он всегда подчинялся и которые неизменно приносили ему успех.

Однажды ночью видели, как молодой рыбак направлялся к реке, но так как он так и не вернулся, его начали искать. Не найдя ни малейшего намека на его местонахождение, доверчивые германцы в конце концов сообщили, что "Лорелея" утащила его в свои коралловые пещеры, чтобы вечно наслаждаться его обществом.

Согласно другой версии, Лорелея своими чарующими звуками, доносящимися из скалистых утесов, заманила столько рыбаков в могилу в глубинах Рейна, что однажды с наступлением темноты были посланы вооруженные силы, чтобы окружить и схватить ее. Но водяная нимфа наложила на капитана и его людей такое сильное заклятие, что они не могли пошевелить ни рукой, ни ногой. Пока они неподвижно стояли вокруг нее, Лорелея сняла свои украшения и бросила их в волны вниз; затем, произнеся заклинание, она заманила воду на вершину скалы, на которой она сидела, и, к изумлению солдат, волны накрыли колесницу цвета морской волны, запряженную белогривыми конями, нимфа легко запрыгнула в нее, и волшебный экипаж мгновенно скрылся из виду. Несколько мгновений спустя Рейн спал до своего обычного уровня, чары были рассеяны, и люди вновь обрели способность двигаться, и отступили, чтобы рассказать, как их усилия были сведены на нет. Однако с тех пор Лорелею никто не видел, и крестьяне заявляют, что она все еще возмущена нанесенным ей оскорблением и никогда больше не покинет свои коралловые пещеры. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XXI: Бальдер

Самый Любимый

Нам говорят, что у Одина и Фригг родились сыновья-близнецы, настолько непохожие по характеру и внешности, насколько это вообще возможно для двух детей. Ходур, бог тьмы, был мрачен, молчалив и слеп, как мрак греха, который он, как предполагалось, символизировал, в то время как его брату Бальдру прекрасному поклонялись как чистому и лучезарному богу невинности и света. От его белоснежного чела и золотистых локонов, казалось, исходили солнечные лучи, которые радовали сердца богов и людей, которые одинаково любили его.

“Из всех двенадцати, окружающих трон Одина,

Болдер, Прекрасный, одинокий,

Бог Солнца, добрый, чистый и яркий,

Был любим всеми, как все любят свет”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Юный Бальдер достиг своего полного роста с поразительной быстротой и рано был допущен в совет богов. Он поселился во дворце Брейдаблик, серебряная крыша которого покоилась на золотых колоннах, и чистота которого была такова, что ничто обычное или нечистое никогда не допускалось в его пределы, и здесь он жил в совершенном единении со своей молодой женой Наной (цветок), дочерью Нип (бутона), прекрасной и очаровательной богини.

Бог света был хорошо сведущ в науке рун, которые были вырезаны у него на языке; он знал различные свойства простых растений, одно из которых, ромашку, называли “лоб Бальдра”, потому что ее цветок был таким же безукоризненно чистым, как и его лоб. Единственное, что было скрыто от сияющих глаз Балдера, - это осознание его собственной окончательной судьбы. **Ошибка! Закладка не определена.**

- В его собственном доме

Брейдаблик, на колоннах которого высечена могила Бальдера

Чары, которые возвращают мертвых к жизни.

Ибо мудр он был и во многих любопытных искусствах,

Положения рун и целебных трав, которые он знал;

Несчастный! но этого искусства он не знал,

Чтобы обезопасить свою собственную жизнь и увидеть солнце.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Мечта Болдера

Поскольку для Бальдра прекрасного было так естественно улыбаться и радоваться, боги были сильно обеспокоены, когда в один прекрасный день они начали замечать перемену в его поведении. Постепенно свет в его голубых глазах погас, на лице появилось озабоченное выражение, а походка стала тяжелой и медленной. Один и Фригг, видя явную подавленность своего любимого сына, нежно умоляли его открыть причину его молчаливого горя. Балдер, уступив, наконец, их тревожным мольбам, признался, что его сны, вместо того чтобы быть мирными и безмятежными, как раньше, в последнее время были странно обеспокоены темными и гнетущими снами, которые, хотя он и не мог ясно вспомнить их, когда просыпался, постоянно преследовали его со смутным чувством страха.

“Этому богу - его сон

Был самым огорчительным;

Его благоприятные сны

Казался ушедшим”.

Рассказ Вертама (т.р. Торпа).

Когда Один и Фригг слышали это, они были очень встревожены, но заявили, что ничто не причинит вреда их всеми любимому сыну. Тем не менее, когда встревоженные родители продолжили обсуждение этого вопроса, они признались, что их тоже угнетали странные предчувствия, и, придя наконец к убеждению, что жизни Болдера действительно угрожает опасность, они приступили к принятию мер, чтобы предотвратить опасность. **Ошибка!**

Закладка не определена.

Фригг разослала своих слуг во все стороны со строгим наказом убедить все живые существа, все растения, металлы, камни - фактически, каждую живую и неодушевленную вещь — дать торжественную клятву не причинять вреда Бальдру. Все творение с готовностью приняло клятву, ибо не было на земле ничего, что не любило бы лучезарного бога. Итак, слуги вернулись к Фригг, сказав ей, что все было должным образом приведено к присяге, кроме омелы, растущей на стволе дуба у ворот Валгаллы, и это, добавили они, было такое ничтожное, безобидное создание, что от него нельзя было опасаться никакого вреда.

“По ходу они постановили:

Что они пошлют

Для каждого существа,

Заверения, которые нужно получить,

Балдеру не причинять вреда.

Все виды выругались

Клянется пощадить его;

Фригг получила все

Их клятвы и соглашения.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Теперь Фригг с большим удовольствием возобновила свое прядение, ибо была уверена, что ребенку, которого она любила больше всего на свете, не причинят вреда.

Пророчество Вала

Тем временем Один решил посоветоваться с одной из мертвых Вал или пророчиц. Оседлав своего восьминогого коня Слейпнира, он проехал по шаткому мосту Бифрест и по утомительной дороге, ведущей в Гиаллар и ко входу в Нифль-хейм, где, пройдя через Хельгейт и пса Гарма, он проник в темную обитель Хель.

“Быстро восстань королем людей,

И оседлал своего угольно-черного скакуна; **Ошибка! Закладка не определена.**

Он скакал вниз по зияющему обрыву,

Это ведет в унылую обитель Хелы.

Нисхождение Одина (Серого).

Один, к своему удивлению, увидел, что в этом темном царстве разыгрывается пир и что лежа были покрыты гобеленами и золотыми кольцами, как будто ожидался какой-то очень

почетный гость. Но он поспешил дальше, не останавливаясь, пока не достиг места, где Вала покоилась нетронутой много лет, когда он начал торжественно произносить магическое заклинание и выводить руны, которые обладали силой воскрешать мертвых.

“Трижды произнесенный с ужасающим акцентом,

Волнующий стих, который будит мертвых:

Возделывать из пустоты землю

Медленно раздался угрюмый звук.

Нисхождение Одина (Серого).

Внезапно гробница открылась, и пророчица медленно поднялась, вопрошая, кто посмел таким образом нарушить ее долгий покой. Один, не желая, чтобы она знала, что он могущественный отец богов и людей, ответил, что он Вегтам, сын Валтама, и что он разбудил ее, чтобы спросить, для кого Хель расстилает свои ложа и готовит праздничную трапезу. Глухим голосом пророчица подтвердила все его опасения, сказав, что ожидаемым гостем был Бальдер, которому суждено было быть убитым Ходуром, его братом, слепым богом тьмы.

“Ходур будет здесь

Своего славного брата пошлите;

Он из Бальдера будет

Быть убийцей,

И сын Одина

О потере жизни.

По принуждению я заговорил;

Теперь я буду молчать”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Несмотря на явное нежелание Вали говорить дальше, **Ошибка! Закладка не определена.** Один все еще не был удовлетворен, и он убедил ее сказать ему, кто отомстит за убитого бога и призовет его убийцу к ответу. Ибо месть и возмездие считались священным долгом народов Севера.

Затем пророчица сказала ему, как уже предсказал Росстиоф, что Ринда, богиня земли, родит Одину сына, и что Вали, как назовут этого ребенка, не умоется и не причесается, пока не отомстит Ходуру за смерть Бальдра.

“В пещерах запада,

Яростными объятиями Одина сжимаю,

Чудесный мальчик родится у Ринды,

Который никогда не расчесывал свои волосы цвета воронова крыла,

И не омыть его лицо в ручье,

И не вижу уходящего луча солнца,
Пока он на теле Ходера не улыбнется
Горит на погребальной куче”.

Нисхождение Одина (Серого).

Когда неохотная Вала произнесла эти слова, Один спросил: “Кто бы отказался оплакать смерть Бальдра?” Этот неосторожный вопрос свидетельствовал о знании будущего, которым не мог обладать ни один смертный, и немедленно раскрыл Вале личность ее посетителя. Поэтому, отказавшись произнести больше ни слова, она снова погрузилась в гробовую тишину, заявив, что никто не сможет выманить ее оттуда снова, пока не наступит конец света.

“Убирайся отсюда и хвались дома,
К этому никогда не придет вопрошающий
Чтобы снова нарушить мой железный сон,
Пока Лок не разорвет свою десятикратную цепь;
Никогда, до глубокой Ночи
Восстановила свое древнее право:
Пока не будет охвачен пламенем, брошен в руины,
Тонет ткань мира”.

Нисхождение Одина (Серого). **Ошибка! Закладка не определена.**

Один, узнав о велениях Орлога (судьбы), которые, как он знал, нельзя было отменить, теперь снова сел на своего коня и печально отправился обратно в Асгард, думая о недалеком времени, когда его любимого сына больше не увидят в небесных обителях, и когда свет его присутствия исчезнет навсегда.

Локи и Ходур

К. Г. Варнстрем

Однако, войдя в Гладсхейм, Один был несколько успокоен известием, быстро переданным ему Фригг, что все сущее под солнцем пообещало, что не причинит вреда Бальдру, и, чувствуя уверенность, что если ничто не убьет их любимого сына, он, несомненно, должен

продолжать радовать богов и людей своим присутствием, он отбросил заботы и предался удовольствиям праздничного стола.

Боги в игре

Игровая площадка богов располагалась на зеленой равнине Ида и называлась Идаволд. Сюда прибегали боги, когда были в спортивном настроении, и их любимой игрой было бросать свои золотые диски, которые они могли метать с большим мастерством. Они вернулись к этому привычному времяпрепровождению с удвоенным рвением с тех пор, как облако, угнетавшее их настроение, рассеялось благодаря предосторожностям Фригг. Однако, в конце концов, устав от привычного вида спорта, они придумали новую игру. Они узнали, что Балдеру не может причинить вреда ни один снаряд, и поэтому развлекались тем, что бросали в него всевозможное оружие, камни и т.д., уверенные, что независимо от того, как ловко они старались и как точно целились, предметы, поклявшиеся не ранить его, либо отскочат в сторону, либо не попадут в цель. Это новое развлечение оказалось настолько увлекательным, что вскоре все боги собрались вокруг Бальдра, приветствуя каждую новую неудачу, причинившую ему боль, продолжительными взрывами смеха. **Ошибка! Залкада не определена.**

Смерть Бальдра

Эти взрывы веселья возбудили любопытство Фригг, которая сидела за прялкой в Фенсалире; и, увидев проходящую мимо ее жилища старуху, она попросила ее остановиться и рассказать, что делают боги, чтобы вызвать такое великое веселье. Старуха была не кто иная, как переодетый Локи, и он ответил Фригг, что боги бросали камни и другие снаряды, тупые и острые, в Бальдра, который стоял улыбающийся и невредимый среди них, бросая им вызов прикоснуться к нему.

Богиня улыбнулась и продолжила свою работу, сказав, что вполне естественно, что ничто не должно причинить вреда Бальдру, поскольку все сущее любит свет, эмблемой которого он был, и торжественно поклялось не причинять ему вреда. Локи, олицетворение огня, был сильно огорчен, услышав это, ибо он ревновал к Бальдру, солнцу, которое так сильно затмевало его и которого все любили, в то время как его боялись и избегали, насколько это было возможно; но он умело скрыл свою досаду и спросил Фригг, уверена ли она, что все объекты присоединились к союзу.

Фригг гордо ответила, что она получила торжественную клятву всего сущего, за исключением маленького безобидного паразита, омелы, которая росла на дубе у ворот Валгаллы, а этот был слишком мал и слаб, чтобы его бояться. Эта информация была всем, чего хотел Локи, и, попрощавшись с Фриггой, он заковылял прочь. Однако, как только он благополучно скрылся из виду, он принял свой обычный облик и поспешил в Валгаллу, где у ворот нашел дуб и омелу, указанные Фригг. Затем, прибегнув к магическим искусствам, он придал паразиту совершенно неестественные для него размер и твердость.

Из полученного таким образом деревянного стержня он ловко **Ошибка! Залкада не определена.** смастерил древко, с помощью которого поспешил обратно в Идаволд, где боги все еще швыряли снаряды в Бальдра, а один Ходур все это время скорбно прислонялся к дереву и не принимал участия в игре. Локи небрежно подошел к слепому богу и, напустив на себя видимость заинтересованности, поинтересовался причиной его меланхолии, в то же время искусно намекнув, что гордость и безразличие мешают ему участвовать в этом виде спорта. В ответ на эти замечания Ходур заявил, что только его слепота удерживает его от участия в новой игре, и когда Локи вложил ему в руку древко омелы и вывел его в середину

круга, указывая направление на новую мишень, Ходур смело метнул свое древко. Но, к его ужасу, вместо громкого смеха, которого он ожидал, до его слуха донесся дрожащий крик ужаса, потому что Бальдер прекрасный упал на землю, пронзенный роковой омелой.

Итак, на полу лежал мертвый Бальдер, а вокруг

Повсюду валялись мечи, топоры, дротики и копья,

Которым праздно швырялись все Боги спорта

На Бальдра, которого не пронзило ни одно оружие;

Но в его груди торчал роковой сук

Из омелы, которую Лок, Обвинитель, дал

К Ходеру, и невольный Ходер бросил—

Только одно это не придавало жизни Болдера никакого очарования”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

В страшной тревоге боги столпились вокруг своего любимого спутника, но увы! жизнь совершенно угасла, и все их попытки оживить павшего бога солнца были тщетны.

Безутешные в своей потере, они теперь гневно набросились на Ходура, которого они убили бы на месте, если бы их не сдерживал закон богов, согласно которому ни один преднамеренный акт насилия не должен осквернять их покой. Звук их громкого плача

Ошибка! Закладка не определена.богини в горячей спешке поспешили к ужасной сцене, и когда Фригг увидела, что ее любимый мертв, она страстно взмолилась богам отправиться в Нифл-хейм и умолять Хель освободить ее жертву, ибо земля не могла бы счастливо существовать без него.

Поручение Хермода

Поскольку дорога была крайне неровной и болезненной, ни один из богов поначалу не вызвался отправиться в путь; но когда Фригг пообещала, что она и Один вознаградят посланника, полюбив его больше всех асов, Хермод выразил свою готовность выполнить поручение. Чтобы дать ему возможность сделать это, Один одолжил ему Слейпнир, и благородный скакун, который не имел обыкновения сажать на спину никого, кроме Одина, без колебаний пустился по темной дороге, которую его копыта уже дважды протоптали.

Тем временем Один приказал перенести тело Бальдра в Брейдаблик и велел богам отправиться в лес и срубить огромные сосны, из которых можно было соорудить достойный погребальный костер.

“Но когда Боги ушли в лес,

Хермод вывел Слейпнира из Валгаллы

И оседлал его; перед этим Слейпнир брук

Нет более злой руки, чем рука Одина на его гриве,

На его широкой спине восседал не меньший всадник;

И все же теперь он послушно стоял рядом с Хермодом,

Выгнув шею и радуясь, что его оседлали,
Зная Бога, которого они отправились искать, как это дорого.
Но Хермод взобрался на него верхом и потерпел печальное поражение
В тишине по темной нехоженой дороге
Который разветвлялся с севера Небес и уходил
Весь день; и дневной свет померк, и наступила ночь.
И всю ту ночь он скакал и ехал так,
Девять дней, девять ночей к северным льдам,
Через долины, глубоко поглощенные ревущими потоками.
И на десятое утро он увидел мост
Который пересекается золотыми арками с ручьем Джалла, **Ошибка! Закладка не определена.**
А на мосту девица наблюдает, вооружившись,
В прямом проходе, в дальнем конце,
Там, где дорога проходит между ограждающими скалами”.
Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Смерть Бальдра

Дороти Харди

Погребальный костер

Пока Хермод мчался по безрадостной дороге, ведущей в Нифль-хейм, боги нарубили и перенесли на берег огромное количество топлива, которое они сложили на палубе корабля-дракона Бальдра "Рингхорн", устроив замысловатый погребальный костер. Согласно обычаю, он был украшен гобеленовыми драпировками, гирляндами цветов, всевозможными сосудами и оружием, золотыми кольцами и бесчисленными ценными предметами, прежде чем на него принесли и возложили непорочное тело, богато одетое.

Один за другим боги приблизились, чтобы в последний раз попрощаться со своим любимым спутником, и когда Нанна склонилась над ним, ее любящее сердце разбилось, и она безжизненно упала рядом с ним. Видя это, боги благоговейно положили ее рядом с мужем, чтобы она могла сопровождать его даже в смерти; и после того, как они убили его коня и собак и обвили костер шипами, эмблемами сна, Один, последний из богов, приблизился.

В знак любви к умершему и скорби о его потере все возложили на его погребальный костер свои самые драгоценные пожитки, и Один, склонившись, теперь добавил к подношениям свое волшебное кольцо Драупнир. Собравшиеся боги заметили, что он что-то шептал на ухо своему мертвому сыну, но никто не был достаточно близко, чтобы услышать, какое слово он произнес.

Эти печальные приготовления закончились, боги приготовились спустить корабль на воду, но обнаружили, что тяжелый груз топлива и сокровищ не поддается их совместным усилиям, и они не могут сдвинуть судно ни на дюйм. Горные великаны, наблюдавшие за происходящим издалека, и **Ошибка! Закладка не определена.** заметив их затруднительное положение, теперь приблизились и сказали, что они знают великаншу по имени Хиррокин, которая жила в Етунхейме и была достаточно сильна, чтобы запустить судно без какой-либо другой помощи. Поэтому боги повелели одному из грозных великанов поспешить за Гиррокин, и вскоре она появилась верхом на гигантском волке, которого она вела под уздцы, сделанные из извивающихся змей. Подъехав к берегу, великанша спешила и надменно выразила готовность оказать необходимую помощь, если тем временем боги позаботятся о ее коне. Один немедленно отправил четырех своих самых безумных берсеркеров удерживать волка; но, несмотря на их феноменальную силу, они не могли сдержать чудовищное существо, пока великанша не бросила его на землю и крепко не связала.

Гиррокин, видя, что теперь они смогут справиться с ее упрямым конем, зашагала вдоль берега туда, где высоко у кромки воды стоял могучий корабль Бальдера "Рингхорн".

-Семьдесят локтей и четыре удлинённых

На траве киль судна;

Высоко над ним, позолоченный и великолепный,

Поднялась свирепая фигура с головой

Со стальным гребнем.

Сага о короле Олафе (Лонгфелло).

Упершись плечом в его корму, она невероятным усилием отправила его рывком в воду. Однако вес этой массы и быстрота, с которой она обрушилась в море, были таковы, что земля содрогнулась, словно от землетрясения, а ролики, по которым скользил корабль, загорелись от трения. Неожиданный удар чуть не заставил богов потерять равновесие, и это

так разозлило Тора, что он поднял свой молот и убил бы великаншу, если бы его не удержали товарищи. Легко успокоенный, поскольку **Ошибка! Закладка не определена.**обычно — поскольку гнев Тора, хотя и быстро вспыхивал, был недолговечен — он теперь снова поднялся на борт корабля, чтобы освятить погребальный костер своим священным молотом. Когда он совершал эту церемонию, гном Лит провокационно встал у него на пути, после чего Тор, к которому еще не полностью вернулось самообладание, пнул его в огонь, который он только что разжег шипом, и гном сгорел дотла вместе с телами божественной пары.

Теперь огромный корабль дрейфовал в море, и пламя погребального костра представляло собой великолепное зрелище, которое с каждым мгновением приобретало все большую славу, пока, когда судно приблизилось к западному горизонту, не показалось, что море и небо объаты пламенем. С грустью боги наблюдали за сияющим кораблем и его драгоценным грузом, пока он внезапно не погрузился в волны и не исчез; и они не свернули в сторону и не вернулись в Асгард до тех пор, пока не исчезла последняя искра света, и мир, в знак траура по Бальдру доброму, не был окутан покровом тьмы.

Вскоре с ревом поднялся могучий огонь,

И свая затрещала; и между бревнами

Острые дрожащие языки пламени вырвались наружу и запрыгали

Изгибаясь и устремляясь все выше, пока они не облизнут

Вершина кучи, мертвецы, мачта,

И съели сморщивающиеся паруса; но корабль все еще оставался

Поехал дальше, пылая над корпусом огнем.

И боги стояли на берегу и смотрели;

И пока они смотрели, солнце зловеще закатилось

В окутанное дымом море, и наступила ночь.

Затем с наступлением ночи ветер стих, и наступил штиль;

Но сквозь темноту они наблюдают за горящим кораблем

Все еще несется по далеким водам, на

Все дальше и дальше, как огненный глаз.

Так виднелась в далекой темноте груда Болдера;

Но по мере того, как звезды поднимались все выше, он разгорался все слабее;

Тела были сожжены, куча засыпана пеплом.

И как в затухающем зимнем пожаре, **Ошибка! Закладка не определена.**

Обугленное бревно, падая, рассыпает сноп искр—

Итак, сноп искр обрушился внутрь,

Покраснело море вокруг; и все погрузилось во тьму”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Поиски Хермода

С грустью боги вошли в Асгард, где не было слышно ни звуков веселья, ни пира, ибо все сердца были наполнены тревожным беспокойством о конце всего сущего, который, как считалось, был неминуем. И действительно, мысль об ужасной зиме Фимбул, которая должна была предвещать их гибель, была рассчитана на то, чтобы встревожить богов.

Одна только Фригг лелеяла надежду, и она с тревогой ожидала возвращения своего посланца, Хермода быстрого, который тем временем проехал по шаткому мосту и по темной Дороге Ада, пока на десятую ночь не пересек стремительный прилив реки Гилль. Здесь ему бросил вызов Модгуд, который поинтересовался, почему мост Джаллар дрожит сильнее под поступью его лошади, чем когда проезжает целая армия, и спросил, почему он, живой всадник, пытается проникнуть в страшное царство Хель.

“Кто ты на своем черном и огненном коне,

Под чьими копытами рухнул мост над ручьем Гиалл

Грохочет и трясется? Расскажи мне о своей расе и доме.

Но вчера мимо прошли пять отрядов мертвецов,

Направляясь вниз, в царство Хелы,

Никто не сотрясал мост так сильно, как ты один.

И у тебя есть плоть и румянец на щеках,

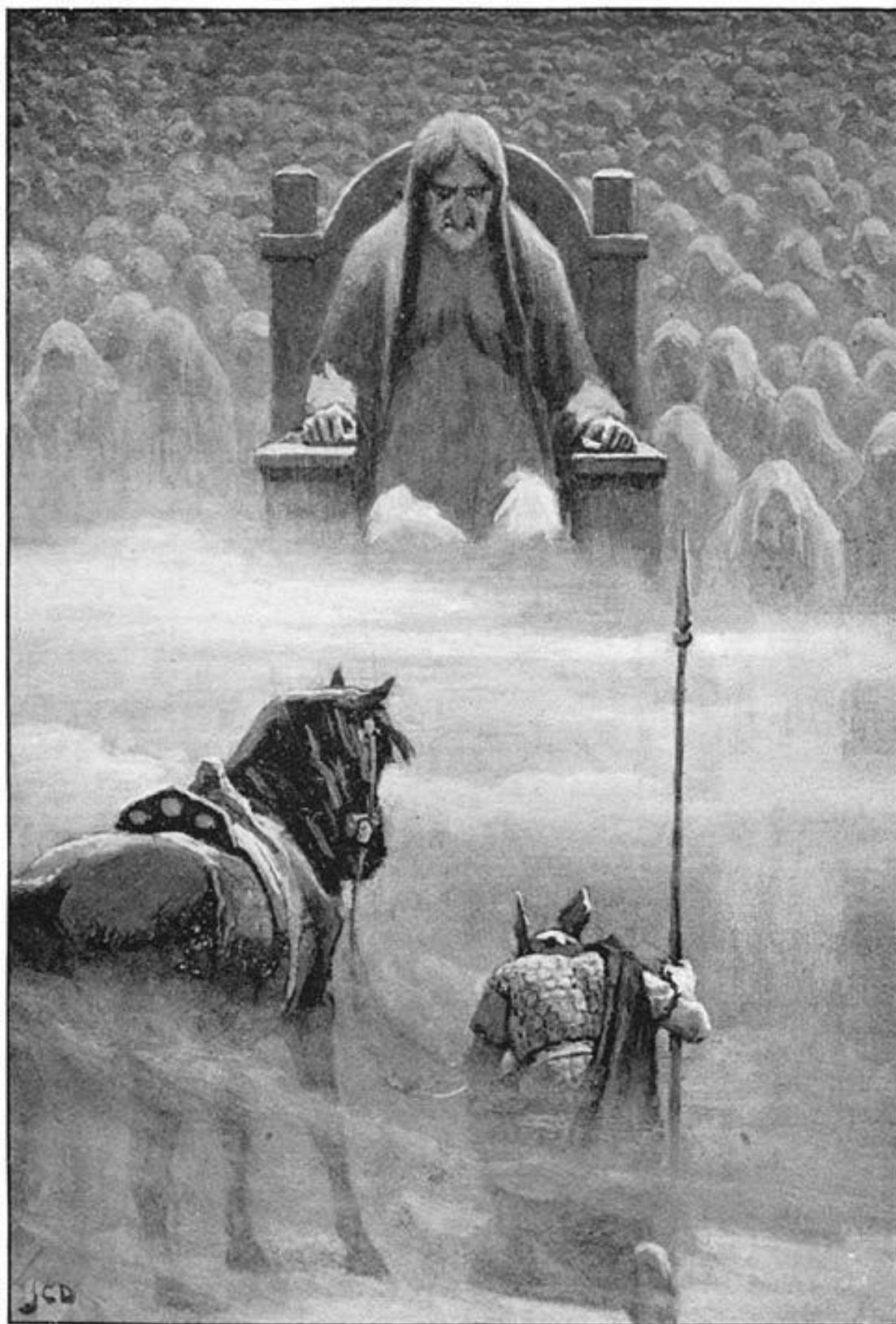
Как люди, которые живут и вдыхают жизненный воздух;

И не выглядишь ты бледным и изможденным, как человек умерший,

Души, связанные внизу, мои ежедневные прохожие здесь”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Хермод объяснил Модгуду причину своего прихода и, убедившись, что Балдер и Нанна **Ошибка! Закладка не определена.** проехали по мосту раньше него, он поспешил дальше, пока не подошел к воротам, которые угрожающе возвышались перед ним.

Гермод перед Хелой

Дж . Си Доллман

Ничуть не обескураженный этим препятствием, Хермод спешил на гладком льду, затянул подпруги седла, снова вскочил в седло и, глубоко вонзив шпоры в гладкие бока Слейпнира,

заставил его совершить потрясающий прыжок, который благополучно доставил их по другую сторону врат Ада.

“Оттуда он отправился в путешествие по ледяным полям

Все еще на север, пока не наткнулся на тянущуюся стену

Преграждает ему путь, а в стене - решетка.

Затем он спешил и туго затянул подпруги,

На гладком льду Слейпнира, коня Одина,

И заставил его перепрыгнуть через решетку и войти внутрь.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Продолжая скакать, Хермод, наконец, прибыл в банкетный зал Хель, где обнаружил Бальдра, бледного и удрученного, лежащим на ложе, рядом с ним его жена Нанна, пристально смотревшая в кубок с медом, который, по-видимому, у него не хватало духу выпить.

Условие освобождения Болдера

Напрасно Хермод сообщил своему брату, что пришел искупить его вину; Бальдер печально покачал головой, сказав, что знает, что должен оставаться в своей унылой обители до наступления последнего дня, но он умолял Хермода забрать Нанну с собой, поскольку дом теней - неподходящее место для такого яркого и прекрасного создания. Но когда Нанна услышала эту просьбу, она еще крепче прижалась к своему мужу, поклявшись, что ничто и никогда не заставит ее расстаться с ним и что она останется с ним навсегда, даже в Нифльхейме.

Долгая ночь прошла в тесной беседе, прежде чем Хермод разыскал Хель и умолял ее освободить Бальдра. Грубая богиня молча выслушала его просьбу, **Ошибка! Закладка не определена.**и, наконец, объявила, что позволит своей жертве уйти при условии, что все живые и неодушевленные предметы выразят свою скорбь о его потере, пролив слезы.

“Ну же! если бы Болдер был таким дорогим, любимым,

И это правда, и такая потеря для Небес...

Услышь, как на Небесах может быть восстановлен Балдер.

Покажи мне во всем мире признаки горя!

Печалиться приходится только об одном - здесь Балдер останавливается!

Пусть все, что живет и движется на земле

Оплачь его, и все, что без жизни, оплатит;

Пусть боги, люди, звери оплакивают его; растения и камни.

Так я узнаю, что потерянное действительно было дорого,

И преклони мое сердце, и верни его на Небеса”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Этот ответ был полон ободрения, ибо вся Природа оплакивала потерю Бальдра, и, конечно, во всем творении не было ничего, что удержало бы дань в виде слез. Итак, Хермод бодро покинул темное царство Хель, унося с собой кольцо Драупнир, которое Бальдр отправил обратно Одину, вышитый ковер от Нанны для Фригг и кольцо для Фуллы.

Возвращение Хермода

Собравшиеся боги с тревогой столпились вокруг Хермода, как только он вернулся, и когда он доставил свои послания и дары, асы разослали вестников во все концы света, чтобы призвать все живое и неодушевленное оплакивать Бальдра.

“Идите скорее по всему миру и молитесь

Все живое и неживое должно плакать

Балдер, если, может быть, его удастся таким образом победить!”

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

На север, юг, Восток и Запад ехали герольды, и, когда они проезжали, слезы падали с каждого растения и дерева, так что **Ошибка! Закладка не определена.** что земля была пропитана влагой, а металлы и камни, несмотря на их ожесточенные сердца, тоже плакали.

Наконец дорога привела обратно в Асгард, и у обочины дороги была темная пещера, в которой посланцы увидели скорчившуюся великаншу по имени Ток, которую некоторые мифологи принимают за переодетого Локи. Когда ее попросили пролить слезу, она насмеялась над герольдами и, убежав в темные глубины своей пещеры, заявила, что ни одна слеза не должна упасть с ее глаз и что, несмотря ни на что, Хель может навсегда сохранить свою добычу.

“Как она плачет

С высохшими слезами

За смерть Болдера—

Ни в жизни, ни тем более в смерти,

Подарил он мне радость.

Позволь Хель сохранить свою добычу.

"Старшая Эдда" (версия Хауитта).

Как только возвращающиеся посланцы прибыли в Асгард, боги столпились вокруг них, чтобы узнать результат их миссии; но их лица, светившиеся радостью предвкушения, потемнели от отчаяния, когда они услышали, что одно существо отказалось от подношения слез, а потому они больше не увидят Бальдра в Асгарде.

“Бальдер, Красавец, никогда не вернется

Из Ада возвращайтесь на верхние этажи!

Преданный Локи, дважды преданный,

Узник Смерти заключен;

Никогда ему не сбежать с места гибели

Пока не наступит роковой Рагнарек!”

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Вали - Мститель

Предначертания судьбы еще не были полностью выполнены, и остается вкратце изложить заключительный акт трагедии. **Ошибка! Закладка не определена.**

Мы уже видели, как Одину после многих отказов удалось заручиться согласием Ринды на их союз, и что сыну, рожденному от этого брака, было суждено отомстить за смерть Бальдра. Появление этого чудесного младенца состоялось, и Вали Мститель, как его называли, вошел в Асгард в день своего рождения, и в тот же самый день он убил Ходура стрелой из свертка, который тот, по-видимому, носил с собой специально для этой цели. Таким образом, убийца Бальдра, хотя и был невольным орудием, искупил преступление своей кровью, согласно кодексу истинного норвежца.

Значение истории

Физическое объяснение этого мифа следует искать либо в ежедневном заходе солнца (Бальдер), которое опускается за западные волны, уносимое тьмой (Ходур), либо в окончании короткого северного лета и долгом правлении зимнего сезона. “Бальдер олицетворяет яркое и ясное лето, когда сумерки и дневной свет целуют друг друга и идут рука об руку в этих северных широтах”.

“Погребальный костер Бальдра, след солнца,

Священный очаг окрашивается в красный цвет;

Однако вскоре гаснет его последняя слабая искра,

Тогда мрачно правит Ходер”.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

“Его смерть от Ходура - это победа тьмы над светом, зимней тьмы над летним светом; а месть Вали - это прорыв нового света после зимней тьмы”.

Локи, огонь, завидует Бальдру, чистому свету небес, который единственный среди северных богов никогда не сражался, но всегда был готов произнести слова примирения и мира.

Ошибка! Закладка не определена.

“Но из твоих уст, о Бальдер, ни ночью, ни днем,

Не слышал ни от кого ни единого обидного слова

К Богу или Герою, но ты вернулся

Остальные, пытающиеся унять свои потасовки.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Слезы, пролитые всеми существами по возлюбленному богу, символизируют весеннюю оттепель, наступающую после суровой и холодной зимы, когда каждое дерево, веточка и

даже камни пропитаны влагой; Одна Ток (уголь) не проявляет никаких признаков нежности, поскольку она похоронена глубоко в темной земле и не нуждается в солнечном свете.

“И как зимой, когда разойдутся морозы,
В конце зимы, перед началом весны,
И дует теплый западный ветер, и наступает оттепель —
Через час слышен звук капающей воды
Во всех лесах и на мягком снегу
Под деревьями полно ям,
И с ветвей, шаркая, сыплется снег;
И в полях, склоняющихся к югу, темные участки
Травинки выглядывают из-под окружающего снега,
И расширяются, и крестьянское сердце радуется —
Так по всему миру разнесся шум капель
Из всего, что оплакивает возвращение Болдера;
И Боги возрадовались, услышав это”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Из глубин своей подземной тюрьмы солнце (Бальдер) и растительность (Нанна) пытаются подбодрить небеса (Одина) и землю (Фригг), посылая им кольцо Драупнир, эмблему плодородия, и цветочный гобелен, символизирующий зеленый ковер, который снова украсит землю и усилит ее очарование своей красотой.

Этическое значение мифа не менее прекрасно, поскольку Бальдер и Ходур являются символами конфликтующих сил добра и зла, в то время как Локи олицетворяет искусителя.

Ошибка! Закладка не определена.

“Но в каждой человеческой душе мы находим
В ту ночь темный Ходер, слепой брат Бальдра,
Рождается и становится таким же сильным, как он;
Ибо слепым рождается всякое зло, как рождаются медвежата,
Ночь - это покров зла, но все хорошее
Когда-либо облаченный в сияющие одежды, стоял.
Деловитый Локи, искуситель из древности,
По-прежнему непрестанно движется вперед и удерживает
Убийственная рука слепого, чье быстро пущенное копье
Пронзает грудь юного Бальдра, этого солнца сферы Валхала!”

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

Поклонение Бальдру

Один из самых важных праздников проводился в день летнего солнцестояния, или в канун летнего солнцестояния, в честь Бальдра доброго, поскольку считался годовщиной его смерти и сошествия в нижний мир. В этот день, самый длинный в году, люди собирались на улице, разводили большие костры и смотрели на солнце, которое в крайних северных широтах едва опускается за горизонт, прежде чем взойти на новый день. С середины лета дни постепенно становятся короче, а солнечные лучи менее теплыми, вплоть до зимнего солнцестояния, которое называли "Материнской ночью", поскольку это была самая длинная ночь в году. Канун Летнего солнцестояния, когда-то отмечавшийся в честь Бальдра, теперь называется днем святого Иоанна, поскольку этот святой полностью вытеснил Бальдра доброго. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XXII: Локи

Дух зла

Помимо отвратительного великана Утгарда-Локи, олицетворения озорства и зла, которого Тор и его спутники посетили в Етунхейме, у древних северных народов был еще один тип греха, которого они также называли Локи, и которого мы уже видели во многих различных аспектах.

Вначале Локи был просто олицетворением огня домашнего очага и духа жизни. Поначалу он был богом, но постепенно становится "богом и дьяволом вместе взятыми" и в конце концов вызывает всеобщее отвращение как точная копия средневекового Люцифера, князя лжи, "зачинщика обмана и злословца" асов.

Некоторые авторитетные источники утверждают, что Локи был братом Одина, но другие утверждают, что эти двое не были родственниками, а просто приняли форму клятвы кровного братства, распространенную на Севере.

"Один! помнишь ли ты

Когда мы в первые дни

Смешал нашу кровь воедино?

Когда пробовать пиво

Ты постоянно отказывался

Разве это не предлагалось обоим?"

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Персонаж Локи

В то время как Тор является воплощением северной активности, Локи олицетворяет отдых, и тесные дружеские отношения, рано установившиеся между этими двумя богами, очень ясно показывают, как скоро наши предки поняли, что оба они необходимы для благополучия человечества. Тор всегда занят и всегда серьезен, но Локи высмеивает **Ошибка! Закладка**

не определена. все, пока, наконец, его любовь к озорству не сбивает его с пути истинного, и он теряет всякую любовь к добру и становится крайне эгоистичным и злобным.

Он олицетворяет зло в соблазнительной и, казалось бы, прекрасной форме, в которой оно разгуливает по миру. Из-за этой обманчивой внешности боги поначалу не избегали его, но относились к нему как к одному из них, по-дружески, беря его с собой, куда бы они ни пошли, и допуская его не только на свои веселья, но и в свой зал совета, где, к сожалению, они слишком часто прислушивались к его советам.

Как мы уже видели, Локи сыграл заметную роль в сотворении человека, наделив его способностью двигаться и заставив кровь свободно циркулировать по его венам, благодаря чему он был вдохновлен страстями. Как олицетворение огня, а также зла, Локи (молнию) часто видят с Тором (громом), которого он сопровождает в Етун-хейм, чтобы вернуть свой молот, в Утгард-замок Локи и в дом Гейрреда. Именно он крадет ожерелье Фрейи и волосы Сиф и отдает Идун во власть Тиасси; и хотя иногда он дает богам хорошие советы и оказывает им реальную помощь, это делается только для того, чтобы вытащить их из затруднительного положения, в которое он опрометчиво втянул их.

Некоторые авторитетные источники заявляют, что вместо того, чтобы составлять часть творческой трилогии (Один, Хенир и Лодур или Локи), этот бог изначально принадлежал к доодиновой расе божеств и был сыном великого великана Форньотна (Имира), его братьями были Кари (воздух) и Хлер (вода), а его сестрой была Ран, ужасная богиня моря. Другие мифологи, однако, делают его сыном великана Фарбаути, которого отождествляют с Бергельмиром, единственным выжившим после потопа, и его матери Лауфеи (покрытый листвою остров) или Наль (сосуд), таким образом заявляя, что его связь **Ошибка! Закладка не определена.** с Одним была только клятвой Северного братства.

Локи (огонь) сначала женился на Глут (зареве), которая родила ему двух дочерей, Эйсу (тлеющие угли) и Эйнмирию (пепел); поэтому совершенно очевидно, что скандинавы считали его символом домашнего очага, и когда пылающие дрова потрескивают в очаге, добрые жены Севера до сих пор говорят, что Локи избивает своих детей. Говорят, что помимо этой жены Локи также женился на великанше Ангур-бодэ (приносящей страдания), которая жила в Етунхейме и которая, как мы уже видели, родила ему трех чудовищ: Хель, богиню смерти, змея Мидгарда Ермунганда и мрачного волка Фенриса.

“ Локи породил волка

С Ангур-бодой.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Сигын

Третьим браком Локи была Сигюн, которая оказалась самой любящей и преданной женой и родила ему двух сыновей, Нарве и Вали, последний был тезкой бога, отомстившего за Бальдра. Сигюн всегда была верна своему мужу и не оставила его даже после того, как он был окончательно изгнан из Асгарда и заточен в недрах земли.

Поскольку Локи был воплощением зла в умах северных народов, они не испытывали перед ним ничего, кроме страха, не строили храмов в его честь, не приносили ему жертвоприношений и называли его именем самые вредные сорняки. Дрожащая, перегретая атмосфера лета, как предполагалось, свидетельствовала о его присутствии, поскольку люди

тогда имели обыкновение отмечать, что Локи сеял свой дикий овес, а когда казалось, что солнце набирает воду, они говорили, что Локи пьет.

История Локи настолько неразрывно связана с этой **Ошибка! Закладка не определена.** о других богах, что большинство мифов, связанных с ним, уже рассказано, и осталось рассказать только два эпизода из его жизни, один из которых показывает его лучшую сторону до того, как он выродился в главного обманщика, а другой иллюстрирует, как он в конце концов побудил богов осквернить их покой умышленными действиями. убийство.

Скримсли и Крестьянский ребенок

Однажды великан и крестьянин играли вместе в игру (вероятно, в шахматы, которые были любимым зимним развлечением северных викингов). Они, конечно, решили сыграть по определенным ставкам, и великан, одержав победу, выиграл единственного сына крестьянина, за которым, по его словам, он придет и заберет его завтра, если только родителям не удастся спрятать его так ловко, что его невозможно будет найти.

Зная, что такой подвиг им будет не по силам, родители горячо молили Одина помочь им, и в ответ на их мольбы бог спустился на землю и превратил мальчика в крошечное пшеничное зернышко, которое спрятал в колосе посреди большого поля, заявив, что великан не сможет его найти. Великан Скримсли, однако, обладал мудростью, намного превосходящей то, что представлял Один, и, не найдя ребенка дома, он немедленно отправился в поле со своей косой и, скосив пшеницу, выбрал именно тот колос, где был спрятан мальчик. Пересчитав пшеничные зерна, он уже собирался положить руку на нужное, когда Один, услышав крик отчаяния ребенка, выхватил зернышко из рук великана и вернул мальчика его родителям, сказав им, что он сделал все, что было в его силах, чтобы помочь им. Но поскольку великан поклялся, что его обманули, и завтра он снова заберет мальчика, если родителям не удастся его перехитрить, несчастный **Ошибка! Закладка не определена.** крестьяне теперь обратились за помощью к Хениру. Бог милостиво услышал их и превратил мальчика в пушинку, которую спрятал в груди лебедя, плавающего в пруду неподалеку. Теперь, когда несколько минут спустя подошел Скримсли, он догадался, что произошло, и, схватив лебедя, откусил ему шею и проглотил бы пух, если бы Хенир не отнял его от своих губ и не отодвинул вне досягаемости, вернув мальчика в целостности и сохранности его родителям, но сказав им, что больше ничем не может им помочь.

Скримсли предупредил родителей, что предпримет третью попытку спасти ребенка, после чего они в отчаянии обратились к Локи, который унес мальчика в море и спрятал его в виде крошечного яйца в икре камбалы. Возвращаясь из своей экспедиции, Локи встретил великана недалеко от берега и, видя, что тот настроен на рыбалку, настоял на том, чтобы сопровождать его. Он чувствовал себя несколько неловко, опасаясь, что ужасный великан раскусил его устройство, и поэтому подумал, что было бы неплохо, если бы он был на месте в случае необходимости. Скримсли насадил наживку на крючок и более или менее успешно удил, как вдруг вытащил точно такую же камбалу, в которой Локи спрятал свой маленький заряд. Развернув рыбу у себя на колене, великан принялся внимательно изучать икру, пока не нашел яйцо, которое искал.

Положение мальчика, безусловно, было опасным, но Локи, воспользовавшись случаем, выхватил яйцо из рук великана и, снова превратив его в ребенка, велел ему тайно бежать домой, по пути пройдя через лодочный сарай и закрыв за собой дверь. Перепуганный мальчик сделал, как ему сказали, сразу же, как очутился на суше, и великан, быстро заметивший его бегство, бросился за ним в лодочный сарай. Теперь Локи хитро разместил

острый шип в таком положении **Ошибка! Закладка не определена.** что огромная голова гиганта налетела на него во весь опор, и он со стоном рухнул на землю, после чего Локи, видя его беспомощность, отрубил ему одну из ног. Однако представьте себе смятение бога, когда он увидел, как части соединяются и тут же срастаются воедино. Но Локи был мастером коварства, и, распознав в этом действие магии, он отрезал вторую ногу, быстро бросив кремень и сталь между отрубленной конечностью и туловищем и тем самым воспрепятствовав любому дальнейшему колдовству. Крестьяне испытали огромное облегчение, обнаружив, что их враг был убит, и с тех пор они всегда считали Локи самым могущественным из всего небесного совета, ибо он успешно избавил их от врага, в то время как другие боги оказали им лишь временную помощь.

Гигантский Архитектор

Несмотря на их чудесный мост Бифрест, трепетный путь и бдительность Хеймдалля, боги не могли чувствовать себя в полной безопасности в Асгарде и часто опасались, что ледяные великаны проберутся в Асгард. Чтобы исключить такую возможность, они, наконец, решили построить неприступную крепость; и пока они планировали, как это можно было бы сделать, пришел неизвестный архитектор с предложением взяться за строительство при условии, что боги дадут ему в награду солнце, луну и Фрейю, богиню молодости и красоты. Боги разгневались на столь самонадеянное предложение, но когда они хотели с негодованием прогнать незнакомца от себя, Локи убедил их заключить сделку, которую незнакомец не смог бы выполнить, и поэтому они, наконец, сказали архитектору, что гердон будет принадлежать ему, при условии, что крепость будет закончена в течение одной зимы, и что он выполнит эту работу только с помощью своего коня Свадильфаре. **Ошибка! Закладка не определена.**

“В Асгард прибыл архитектор,

И замок предлагали возвести,—

Высокий замок

Который должен бросать вызов

Глубокое коварство йотунов и набег гигантов;

И это самое хитрое соглашение заключено:

Прекрасная Фрейя, с Луной и Солнцем,

В качестве платы за строительство крепости”.

Валгалла (Дж.К. Джонс).

Локи и Свадильфари

Дороти Харди

Неизвестный архитектор согласился на эти, казалось бы, невыполнимые условия и немедленно приступил к работе, таская тяжелые каменные блоки ночью, строя днем и продвигаясь так быстро, что боги начали испытывать некоторое беспокойство. Вскоре они заметили, что более половины работ было выполнено чудесным скакуном Свадильфаре, и когда ближе к концу зимы они увидели, что работа была закончена, за исключением только одного портала, который, как они знали, архитектор мог легко установить за ночь:

“Ужас и трепет обуревают богов;

Закончили, почти замок устоял!

Еще через три дня

Работа будет выполнена;

Тогда они должны выполнить свой контракт в срок,

И выплатить ужасный долг”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

В ужасе от того, что им придется расстаться не только с солнцем и луной, но и с Фрейей, олицетворением юности и красоты мира, боги обратились к Локи и пригрозили убить его, если он не изобретет какого-нибудь средства помешать архитектору завершить работу в указанный срок.

Хитрость Локи в очередной раз оправдала сложившуюся ситуацию. Он дождался наступления темноты последнего дня, когда, когда Свадильфаре проезжал опушку леса, с трудом волоча один из огромных каменных блоков, необходимых для **Ошибка! Закладка не**

определена.окончания работ, он выбежал с темной поляны в обличье кобылы и заржал так призывно, что лошадь в мгновение ока освободилась от упряжи и побежала за ним. кобыла, преследуемая своим разгневанным хозяином. Кобыла быстро скакала дальше, искусно заманивая лошадь и хозяина все глубже и глубже в лесные тени, пока ночь почти не сошла на нет, и закончить работу было уже невозможно. Архитектором был не кто иной, как переодетый грозный Хрим-турс, и теперь он вернулся в Асгард в сильнейшей ярости из-за обмана, который был совершен с ним. Приняв свои обычные размеры, он уничтожил бы богов, если бы Тор внезапно не вернулся из путешествия и не сразил его своим волшебным молотом Мьелльниром, который он со страшной силой швырнул ему прямо в лицо.

Боги спаслись в этом случае только обманом и жестоким поступком Тора, и им было суждено навлечь на них великое горе и, в конечном счете, обеспечить их падение и ускорить наступление Рагнарека. Локи, однако, не испытывал угрызений совести по этому поводу, и в свое время, как говорят, он стал родителем восьмифутового коня по имени Слейпнир, который, как мы видели, был любимым ездовым животным Одина.

- Но Слейпнира он породил

Со Свадильфари”.

История Хиндлы (tr.Торпа).

За свою карьеру Локи совершил так много злодеяний, что вполне заслужил титул “главного обманщика”, который ему присвоили. Обычно его ненавидели за его изощренное коварство и за закоренелую привычку увливать, которая также принесла ему титул “принца лжи”.

Последнее преступление Локи

Последнее преступление Локи, и то, которое пополнило его чашу весов **Ошибка! Закладка не определена.**беззакония, заключалось в том, чтобы побудить Ходура бросить роковую омелу в Бальдра, которого он ненавидел просто из-за его безупречной чистоты. Возможно, даже этому преступлению можно было бы простить, если бы не его упрямство, когда, переодевшись старухой Ток, он был призван пролить слезу по Бальдру. Его поступок в этом случае убедил богов, что в нем не осталось ничего, кроме зла, и они единогласно вынесли ему приговор о вечном изгнании из Асгарда.

Пир Эгира

Чтобы развеять печаль богов и заставить их на короткое время забыть о предательстве Локи и потере Бальдра, Эгир, бог моря, пригласил их на пир в свои коралловые пещеры на дне моря.

- А теперь, чтобы утешить скорбь высших богов

И принести некоторое облегчение их скорби,

Из коралловых пещер

Под океанскими волнами,

Могущественный король Эгир

Пригласил асов

На фестиваль

В холле Хлесси;
Это, хотя для Бальдра каждый гость
Все еще горевал,
Он может забыть
Скрасьте его горе дружеским пиршеством”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Боги с радостью приняли приглашение и, одетые в свои самые богатые одежды, с праздничными улыбками появились в коралловых пещерах в назначенное время. Никто не отсутствовал, кроме лучезарного Бальдра, по которому было вздохнуто много сожалений, и злого Локи, о котором никто не мог пожалеть. Однако во время пира этот бог с последним именем появился среди них, как темная **Ошибка! Закладка не определена.** тень, и когда ему приказали удалиться, он дал волю своим злым страстям в потоке оскорблений в адрес богов.

“Об асах и альфах
Которые находятся здесь, внутри
Ни у кого нет для тебя дружеского слова.

Компот Эгира, или Ссора Локи (пер. Торпа).

Затем, завидуя похвалам, которые Фунфэн, слуга Эгира, заслужил за ловкость, с которой он обслуживал гостей своего господина, Локи внезапно набросился на него и убил. После этого бессмысленного преступления боги в яростном гневе снова прогнали Локи, пригрозив ему страшным наказанием, если он когда-нибудь снова появится перед ними.

Едва асы оправились от этого неприятного перерыва в их пиршестве и заняли свои места за столом, как Локи прокрался еще раз, возобновляя свою клевету ядовитым языком и насмехаясь над богами за их слабости или недостатки, злобно останавливаясь на их физических несовершенствах и высмеивая их за их ошибки. Напрасно боги пытались остановить его оскорбления; его голос становился все громче и громче, и он как раз произносил какую-то низменную клевету о Сив, когда его внезапно прервал вид молота Тора, гневно размахиваемого рукой, силу которой он прекрасно знал, и он тут же убежал.

“Замолчи, нечистое существо!

Мой могучий молот, Мельнир,
Прекратим твою болтовню.

Я завещаю тебе голову
От удара по твоей шее;
Тогда твоя жизнь оборвется”.

Компот Эгира, или Ссора Локи (пер. Торпа).

Погоня за Локи

Зная, что теперь у него не может быть надежды быть **Ошибка! Залладка не определена.**, и что рано или поздно боги, видя последствия его злодеяний, пожалеют о том, что позволили ему скитаться по миру, и попытаются либо связать, либо убить его, Локи удалился в горы, где построил себе хижину с четырьмя дверями, которые он всегда оставлял широко открытыми, чтобы впустить поспешное бегство. Тщательно составляя свои планы, он решил, что, если боги придут на его поиски, он бросится вниз к соседнему водопаду, согласно традиции, силе Фраанангер, или ручью, и, превратившись в лосося, таким образом ускользнет от своих преследователей. Однако он рассудил, что, хотя он мог бы легко избежать любого крючка, ему было бы трудно спастись, если бы боги соорудили сеть, подобную сети морской богини Ран.

Преследуемый этим страхом, он решил проверить возможность изготовления такой сетки и начал делать ее из шпагата. Он все еще был занят этим заданием, когда вдалеке внезапно появились Один, Квасир и Тор; и, зная, что они обнаружили его убежище, Локи бросил свою наполовину законченную сеть в огонь и, выбежав через одну из своих вечно открытых дверей, прыгнул в водопад, где, приняв облик лосося, спрятался среди камней в русле ручья.

Боги, обнаружив, что хижина пуста, собирались уходить, когда Квасир заметил остатки сгоревшей сети в очаге. После некоторых размышлений к нему пришло вдохновение, и он посоветовал богам сплести подобное орудие и использовать его для поиска своего врага в соседнем ручье, поскольку это было бы похоже на Локи - выбрать такой метод, чтобы сбить их с толку. Этот совет показался хорошим, и ему немедленно последовали, и, когда сеть была готова, боги продолжили тащить ручей. Локи ускользнул из сети при первом забросе **Ошибка! Залладка не определена.**, спрятавшись на дне реки между двумя камнями; и когда боги натянули сеть и попытались во второй раз, он совершил побег, прыгнув вверх по течению. Однако третья попытка схватить его оказалась успешной, поскольку, когда он еще раз попытался убежать внезапным прыжком, Тор поймал его в воздухе и держал так крепко, что он не смог убежать. Лосось, чья скользкость вошла в поговорку на Севере, известен своим удивительно тонким хвостом, и скандинавы приписывают это крепкой хватке Тора за своего врага.

Наказание Локи

Локи теперь угрюмо принял свой привычный облик, и его похитители потащили его вниз, в пещеру, где привязали, используя в качестве уз внутренности его сына Нарве, который был разорван на куски Вали, его братом, которого боги для этой цели превратили в волка. Одни из этих оков были пропущены под плечами Локи, а другие - под его поясницей, тем самым надежно связав его по рукам и ногам; но боги, не будучи вполне удовлетворены тем, что полосы, какими бы прочными и долговечными они ни были, не поддаются, заменили их адамантом или железом.

“Ты, на острие скалы,

С внутренностями твоего ледяного сына,

Боги свяжут.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Скади, великанша, олицетворение холодного горного потока, которая радостно наблюдала за заковыванием своего врага (подземного огня), теперь привязала змею прямо над его

головой, так что ее яд капля за каплей падал на его запрокинутое лицо. Но Сигюн, верная жена Локи, поспешила с чашей к нему, и до дня Рагнарека она оставалась рядом с ним, ловя капли по мере их падения и никогда не покидая своего поста **Ошибка! Закладка не определена.** за исключением тех случаев, когда ее сосуд был полон, и она была вынуждена его опорожнить. Только во время ее короткого отсутствия капли яда могли упасть на лицо Локи, и тогда они причиняли такую сильную боль, что он корчился от тоски, его попытки освободиться сотрясали землю и вызывали землетрясения, которые так пугают смертных.

“Прежде чем они оставили его в его муках,

Над его коварным челом, неблагодарный,

Скади повесила ненавистного змея,

Капли с ядом для последующей дистилляции,

Каждый нерв наполняется мукой;

Так он будет томиться в ужасе.

Рядом с ним, все еще неутомимо стоящим на коленях,

Сигюн рядом с ним, измученная,—

Верная жена! с кражей мензурки

Капли яда, когда они падают,—

Мучительный яд для всех!

Бессонный, неизменный, вечно действующий

Утешение, она все еще будет жить;

Только когда чаша переполнится

Должно вызывать новую боль и жжение,

Стремительный, чтобы опорожнить мензурку, идущий,

Выдержит ли она паузу в наблюдении?

Тогда Локи

Громко плакать;

Крики ужаса,

Стоны ужаса,

Раздаются раскаты грома

От его испуганных корчей Земля шатается.

Дрожа и сотрясаясь,

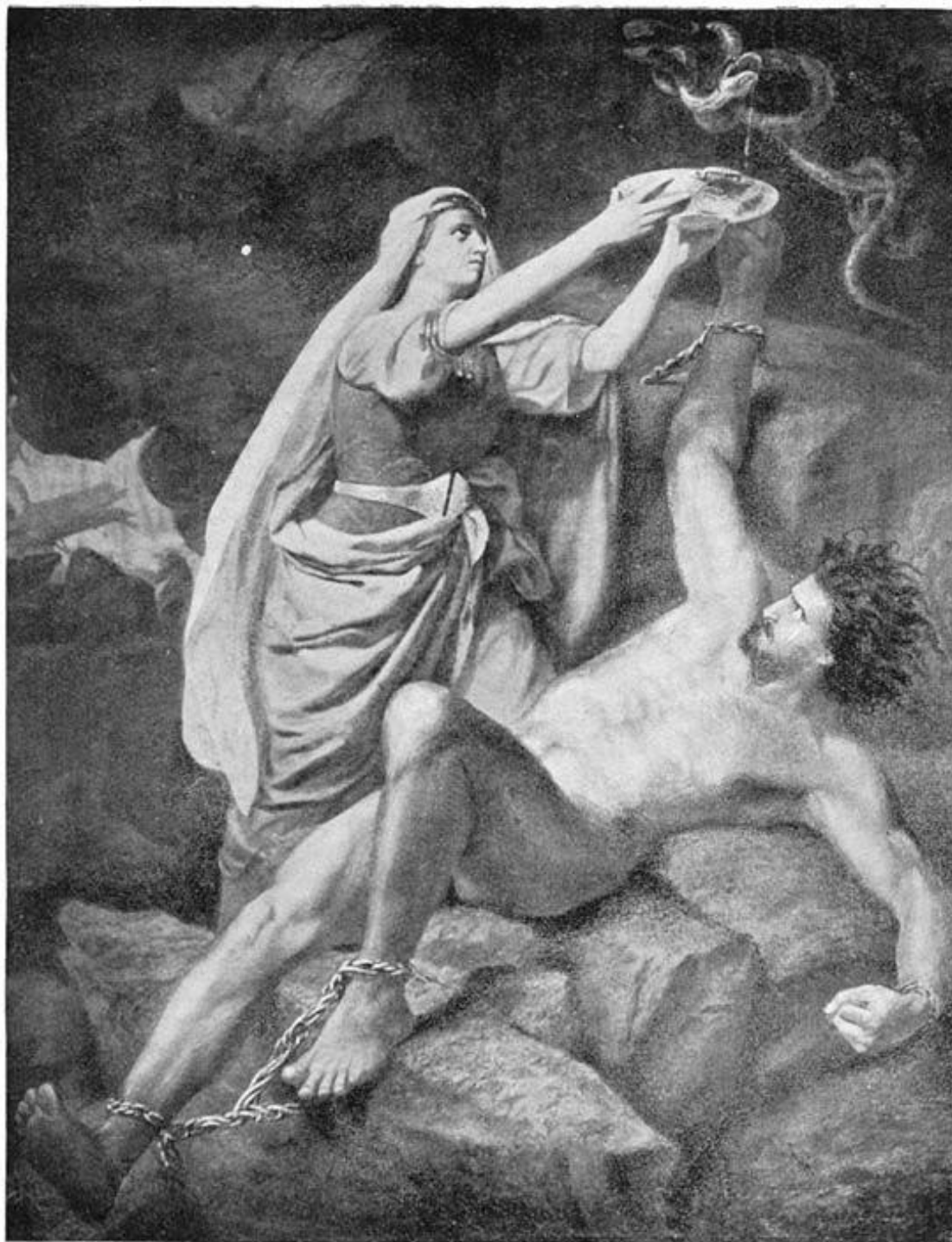
Ты весь трясешься!

Так изнуряет он свою ужасную участь,

Пока не наступит страшный Рагнарек”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

В этом болезненном положении Локи было суждено оставаться до сумерек богов, когда его путы будут ослаблены, и он примет участие в фатальном конфликте на поле битвы при Вигрид, пав, наконец, от руки Хеймдалля, который будет убит в то же время.

Локи и Сигюн

М. Э. Виндж

Ошибка! Закладка не определена.

Как мы видели, ядовитая змея в этом мифе - холодный горный поток, воды которого, время от времени попадая в подземный огонь, испаряются в виде пара, который выходит через трещины и вызывает землетрясения и гейзеры - явления, с которыми, например, были хорошо знакомы жители Исландии.

День Локи

Когда боги были низведены до ранга демонов введением христианства, Локи был смешан с Сатурном, который также был лишен своих божественных атрибутов, и оба считались прототипами сатаны. Последний день недели, который считался священным для Локи, был известен в скандинавии как Лаугардаг, или день стирки, но в английском языке он был изменен на субботу и, как говорили, получил свое название не в честь Сатурна, а в честь Сатаэра, вора в засаде и тевтонского бога земледелия, который, как предполагается, является всего лишь еще одним олицетворением Локи. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XXIII: Гиганты

Jötun-heim

Как мы уже видели, северные народы воображали, что гиганты были первыми существами, которые ожили среди айсбергов, заполнивших огромную пропасть Гиннунга-гэп. Эти гиганты с самого начала были противниками богов, и поскольку последние были олицетворением всего хорошего и прелестного, первые были представителями всего уродливого и злого.

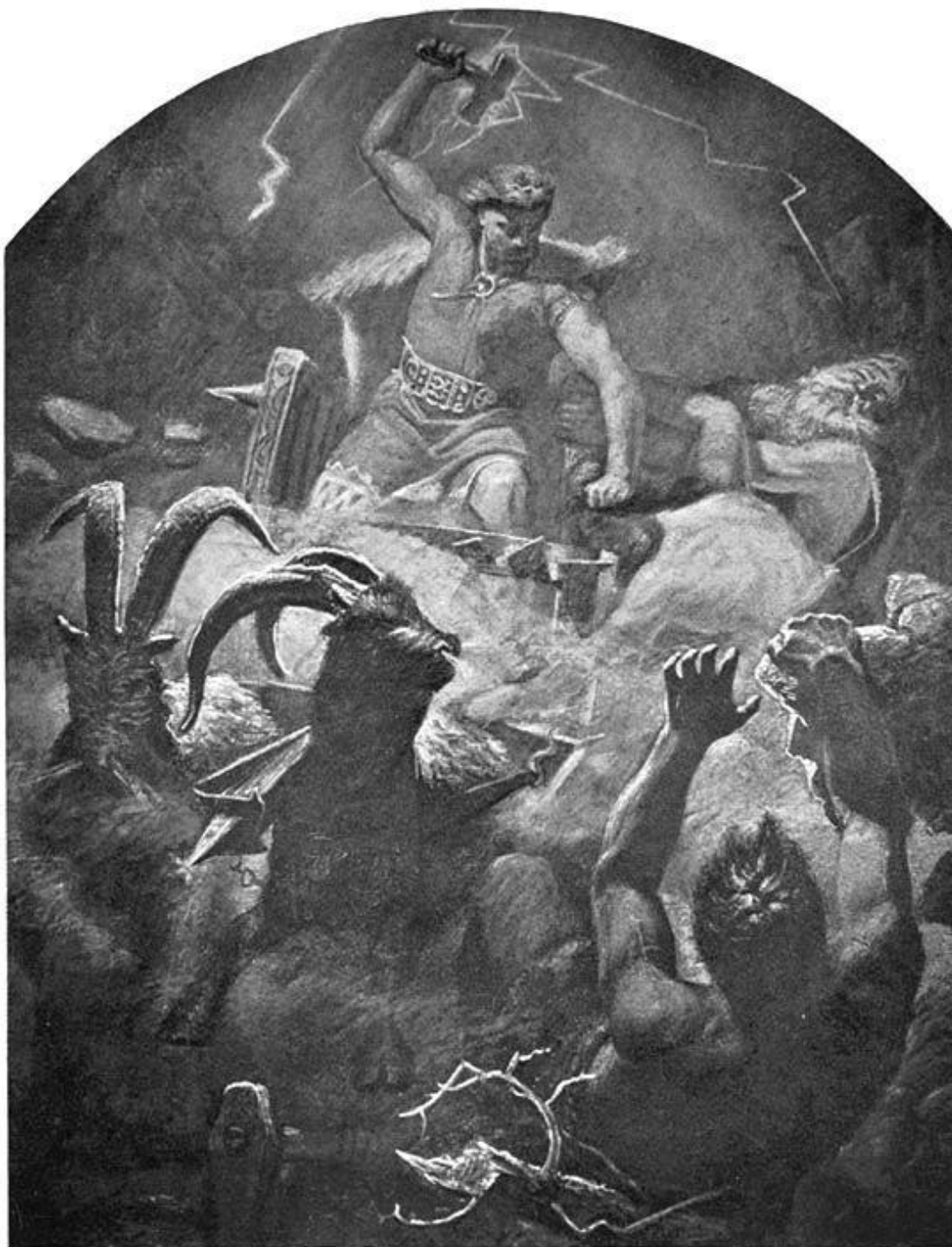
“ Он идет— он идет, Дух Мороза идет! несущийся северный ветер,

И темные норвежские сосны склонились, когда его страшное дыхание пронеслось мимо.

С неподожженным крылом он поспешил дальше, туда, где пылают костры на Гекле

На мрачно-прекрасное небо вверху и древний лед внизу”.

Дж. Дж. Уиттиер.

Тор и Великаны

М. Э. Виндж

Когда Имир, первый великан, бездыханным упал на лед, сраженный богами, его потомство утонуло в его крови. Только одна пара, Бергельмир и его жена, совершили побег в Етун-хейм, где поселились и стали родителями всей расы великанов. На Севере гигантов называли разными именами, каждое из которых имело особое значение. Йотун, например, означало “великий едок”, поскольку гиганты славились своим огромным аппетитом, а также необычными размерами. Они любили пить так же, как и есть, поэтому их также называли турсами, слово, которое, как утверждают некоторые авторы, имело то же значение, что и жажда; но другие думают, что они были обязаны этим названием высоким башням

(“турсеи”), которые, как предполагалось, они построили. Поскольку гиганты были антагонистами богов, последние всегда стремились заставить их остаться в Етун-хейме, **Ошибка! Закладка не определена.** который находился в холодных регионах Полюса. Гиганты почти неизменно терпели поражение в своих столкновениях с богами, поскольку были тяжеловесны и неповоротливы, и у них не было ничего, кроме каменного оружия, которое можно было противопоставить бронзовому оружию асов. Однако, несмотря на это неравенство, боги иногда сильно завидовали им, поскольку они были досконально знакомы со всеми знаниями, относящимися к прошлому. Даже Один позавидовал этому свойству, и как только он заполучил его, напившись из источника Мимира, он поспешил в Етун-хейм, чтобы помериться силами с Вафтрудниром, самым ученым из племени великанов. Но ему, возможно, никогда бы не удалось победить своего противника в этой странной встрече, если бы он не перестал расспрашивать о прошлом и не задал вопрос, касающийся будущего.

Из всех богов етуны больше всего боялись Тора, поскольку он постоянно вел войну с морозом и горными великанами, которые хотели бы навсегда сковать землю своими жесткими оковами, не позволяя людям возделывать землю. Сражаясь с ними, Тор, как мы уже видели, обычно прибегал к своему ужасному молоту Мьелльниру.

Происхождение гор

Согласно немецким легендам, неровная поверхность земли возникла из-за великанов, которые испортили ее гладкость, наступив на нее, когда она была еще мягкой и только что созданной, в то время как ручьи образовались из обильных слез, пролитых великаншами при виде долин, оставленных огромными следами их мужей. Поскольку такова была тевтонская вера, люди воображали, что гиганты, олицетворявшие для них горы, были огромными неотесанными существами, которые могли передвигаться только в темноте или тумане и окаменевали, как только **Ошибка! Закладка не определена.** когда первые лучи солнечного света пробивались сквозь мрак или рассеивали облака.

Эта вера привела их к названию одной из своих главных горных цепей Ризенгебирге (гигантские горы). Скандинавы также разделяли эту веру, и по сей день исландцы называют свои самые высокие горные вершины именем Йокул, модификацией слова “Йотун”. В Швейцарии, где вечные снега лежат на высоких горных вершинах, люди до сих пор рассказывают старые истории о том времени, когда великаны бродили по окрестностям; и когда лавина обрушилась со склона горы, они говорят, что великаны беспокойно стряхнули часть ледяного груза со своих лбов и плеч.

Первые Боги

Поскольку гиганты также были олицетворениями снега, льда, холода, камня и подземного огня, считалось, что они произошли от первобытного Форньотна, которого некоторые авторитетные источники отождествляют с Имиром. Согласно этой версии мифа, у Форньотна было три сына: Хлер, море; Кари, воздух; и Локи, огонь. Эти три божества, первые боги, составляли древнейшую троицу, и их соответствующими потомками были морские гиганты Мимир, Гимир и Грендель, штормовые гиганты Тиасси, Трим и Бели, а также гиганты огня и смерти, такие как волк Фенрис и Хель.

Поскольку все королевские династии утверждали, что происходят от какого-то мифического существа, Меровинги утверждали, что их первым прародителем был морской великан, который поднялся из волн в виде быка и застал королеву врасплох, когда она в одиночестве прогуливалась по морскому берегу, вынудив ее стать его женой. Она родила сына по имени

Меровей, основателя первой династии франкских королей. **Ошибка! Закладка не определена.**

Уже было рассказано много историй о самых важных гигантах. Они вновь появляются во многих более поздних мифах и сказках и проявляют, после введения христианства, особую неприязнь к звону церковных колоколов и пению монахов и монахинь.

Влюбленный великан

Скандинавы рассказывают в этой связи, что во времена Олафа Святого на острове Сеньен жил великан по имени Сеньеманд, и он был сильно разгневан тем, что монахиня с острова Грипто ежедневно пела свой утренний гимн. Этот великан влюбился в прекрасную девушку по имени Ютерна-джеста, и прошло много времени, прежде чем он набрался смелости сделать ей предложение. Когда, наконец, он обратился со своей нерешительной просьбой, прекрасная девица презрительно отвергла его, заявив, что он слишком стар и уродлив на ее вкус.

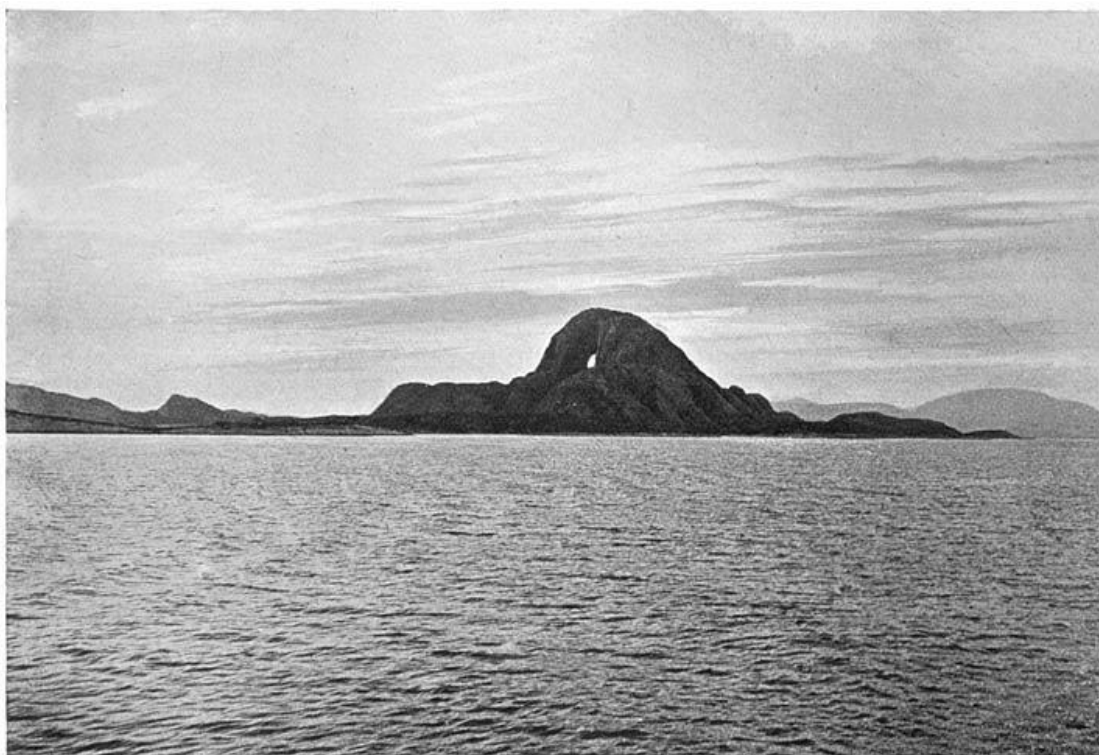
“Несчастный Сенджеман — уродливый и серый!

Ты завоюешь деву Кведфьорда!

Нет, ты — деревенщина и всегда ею останешься”.

Баллада (пер. Брейса).

Разгневанный таким пренебрежительным отказом, великан поклялся отомстить и вскоре после этого выпустил из своего лука огромную кремневую стрелу в девушку, жившую в восьмидесяти милях отсюда. Другой любовник, Тордж, тоже великан, видя, что ей грозит опасность, и желая защитить ее, бросил свою шляпу в летящую стрелу. Эта шляпа была высотой в тысячу футов, пропорционально широкой и толстой, тем не менее стрела пробила головной убор, не попав, однако, в цель. Сенджеманд, видя, что потерпел неудачу, и опасаясь гнева Торджа, вскочил на своего коня и приготовился ускакать как можно быстрее; но солнце, поднявшееся как раз в этот момент над **Ошибка! Закладка не определена.**, превратило его в камень вместе со стрелой и шляпой Торджа, и огромная гряда, известная как гора Торгхаттен. Люди до сих пор указывают на обелиск, который, по их словам, является каменной стрелой; на отверстие в горе высотой 289 футов и шириной 88 футов, которое, по их словам, является отверстием, проделанным стрелой при пролете сквозь шляпу; и на всадника на острове Сенджен, который, по-видимому, восседает на колоссальном коне и плотно запахивает складки своего широкого кавалерийского плаща. Что же касается монахини, чье пение так взволновало Сенджеманда, то она тоже окаменела и больше никого не беспокоила своим псалмопением.

Торгаттен

С фотографии С. Дж. Беккета, F.R.P.S.

Великан и церковные колокола

Другая легенда гласит, что один из горных великанов, раздраженный звоном церковных колоколов на расстоянии более пятидесяти миль, однажды подхватил огромный камень, которым швырнул в священное сооружение. К счастью, он не долетел и разломился надвое. С тех пор крестьяне говорят, что тролли приходят в канун Рождества, чтобы водрузить самый большой кусок камня на золотые колонны и танцевать и пировать под ним. Одна дама, желая узнать, правдива ли эта история, однажды послала туда своего жениха. Тролли вышли вперед и гостеприимно предложили ему выпить из рога, оправленного в золото и украшенного рунами. Схватив рог, конюх выплеснул его содержимое и умчался с ним бешеным галопом, преследуемый троллями, от которых ему удалось спастись, только пройдя через скошенное поле и проточную воду. На следующий день кое-кто из их числа посетил леди, чтобы забрать этот рог, и когда она отказалась расстаться с ним, они наложили на нее проклятие, заявив, что ее замок будет сожжен дотла каждый раз, когда рог будет извлечен. Предсказание трижды сбылось, и теперь семья с суеверной бережностью хранит **Ошибка! Закладка не определена.** реликвию. Похожий сосуд для питья, полученный почти таким же способом семьей Ольденбург, выставлен в коллекции короля Дании.

Предполагалось, что гиганты не должны были оставаться неподвижными, но, как говорили, передвигались в темноте, иногда перенося массы земли и песка, которые они разбрасывали тут и там. Предполагалось, что песчаные холмы на севере Германии и Дании образовались таким образом.

Корабль гигантов

Северо-фризская традиция гласит, что гиганты владели колоссальным кораблем под названием Маннигфуал, который постоянно курсировал по Атлантическому океану. Размеры

этого судна были таковы, что капитан, как говорили, патрулировал палубу верхом на лошади, в то время как такелаж был таким обширным, а мачты такими высокими, что матросы, которые поднимались наверх юношей, спускались вниз седовласыми мужчинами, отдохнувшими и подкрепившимися в специально оборудованных для этой цели помещениях в огромных блоках и блоках.

По какой-то случайности случилось так, что лоцман однажды направил огромное судно в Северное море и, желая как можно скорее вернуться в Атлантику, но не решаясь повернуть на таком маленьком пространстве, направился в Ла-Манш. Представьте себе смятение всех на борту, когда они увидели, что по мере того, как они продвигались дальше, проход становился все уже и меньше. Когда они подошли к самому узкому месту, между Кале и Дувром, казалось едва ли возможным, что судно, дрейфующее по течению, сможет пробиться сквозь него. Капитан, проявив похвальное присутствие духа, быстро приказал своим людям вымыть борта корабля мылом и нанести особо толстый слой по правому борту, где угрожающе возвышались скалистые обрывы **Ошибка! Залкада не определена.**Дувр. Не успел этот приказ быть выполнен, как судно вошло в узкое пространство и, благодаря предосторожности капитана, благополучно проскользнуло внутрь. Однако со скал Дувра соскребли столько мыла, что с тех пор они стали особенно белыми, а волны, разбивающиеся о них, до сих пор имеют необычно пенистый вид.

Этот захватывающий опыт был не единственным, через который прошел Mannigfual, поскольку нам рассказывают, что однажды он, никто не знает как, проник в Балтийское море, где вода была недостаточно глубокой, чтобы удержать судно на плаву, и капитан приказал выбросить весь балласт за борт. Материал, выброшенный таким образом по обе стороны судна в море, образовал два острова Борнхольм и Кристиансое.

Принцесса Ильза

В Тюрингии и в Шварцвальде легион историй о великанах, и одна из любимых у крестьян - история об Ильзе, прелестной дочери великана из Ильзенштайна. Она была настолько очаровательна, что повсюду была известна как Прекрасная принцесса Ильзе, и за ней ухаживали многие рыцари, из которых она предпочла лорда Вестербурга. Но ее отец вовсе не одобрял ее общения с простым смертным и запретил ей видаться со своим возлюбленным. Однако принцесса Ильза была своенравна и, несмотря на запрет своего отца, ежедневно навещала своего возлюбленного. Великан, выведенный из себя ее настойчивостью и непослушанием, наконец протянул свои огромные руки и, схватившись за скалы, прорвал огромную пропасть между высотой, на которой он жил, и замком Вестербург. После этого принцесса Ильзе, подойдя к расщелине, разделявшей ее с возлюбленным, безрассудно бросилась с обрыва в бушующий внизу поток и там превратилась в **Ошибка! Залкада не определена.**чарующую ундицу. Она обитала в прозрачных водах много лет, появляясь время от времени, чтобы проявлять свое очарование к смертным, и даже, как говорят, завоевала расположение императора Генриха, который часто посещал ее водопад. Согласно распространенному поверью, в последний раз она появлялась в день Пятидесятницы, сто лет назад; и местные жители до сих пор не перестали искать прекрасную принцессу, которая, как говорят, до сих пор обитает в ручье и машет своими белыми руками, заманивая путешественников в прохладные струи водопада.

- Я принцесса Ильза,

И я живу в Ильзенштейне;

Пойдем со мной в мой замок,

И блаженство будет моим и твоим.

“Прохладой моих стеклянно-чистых вод”

Я буду лелеять твоё чело и твои локоны;

И ты больше не будешь думать о своих печалях,

Несмотря на то, что ты выглядишь таким серьезным.

“Обвив тебя своими белыми руками,

И припал к моей груди, такой белой,

Ты будешь лежать и видеть сны о стране эльфов-

Его любовь и дикий восторг”.

Гейне (тр.Мартина).

Игрушка Великанши

Гиганты населяли всю землю до того, как она была отдана человечеству, и лишь с неохотой уступили место человеческой расе и удалились в пустынные и бесплодные районы страны, где воспитывали свои семьи в строгом уединении. Невежество их отпрысков было таково, что юная великанша, удалившись из дома, однажды попала в обитаемую долину, где впервые в жизни увидела фермера, пахавшего на склоне холма. Посчитав его милой игрушкой, она подхватила его вместе с его командой, **Ошибка! Закладка не определена.**и, засунув их в свой фартук, радостно отнесла домой, чтобы показать отцу. Но великан немедленно велел ей отнести крестьян и лошадей обратно к тому месту, где она их нашла, и когда она сделала это, он печально объяснил, что существа, которых она принимала всего лишь за игрушки, в конце концов прогонят народ великанов и станут хозяевами земли.

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XXIV: Гномы

Маленькие человечки

В первой главе мы видели, как черные эльфы, гномы или Сварт-альфары, размножались подобно личинкам в плоти убитого великана Имира. Боги, видя этих крошечных, бесформенных существ, ползающих туда-сюда, придали им форму и черты лица, и они стали известны как темные эльфы из-за их смуглого цвета лица. Эти маленькие существа были такими невзрачными, с их темной кожей, зелеными глазами, большими головами, короткими ногами и гусиными лапками, что им было приказано прятаться под землей и никогда не показываться днем, чтобы не превратиться в камень. Хотя они были менее могущественны, чем боги, они были намного умнее людей, и поскольку их знания были безграничны и простирались даже на будущее, боги и люди в равной степени стремились задать им вопросы.

Гномы были также известны как тролли, кобольды, брауни, гоблины, паки или народ хульдра, в зависимости от страны, где они жили.

- Ты серый, серый Тролль,

С огромными зелеными глазами,

Но я люблю тебя, серый, серый Тролль...

Ты такой мудрый!

“Расскажи мне в это прекрасное утро,

Расскажи мне все, что ты знаешь —

Скажи мне, я родился?

Скажи мне, я вырос?”

Легенда о маленькой Фэй (Бьюкенен).

Тарнкаппе

Эти маленькие существа могли с удивительной быстротой перемещаться из одного места в другое и любили прятаться за скалами, когда они **Ошибка! Закладка не определена.** озорно повторяли последние слова разговоров, подслушанных из таких укрытий. Из-за этого хорошо известного трюка эхо называлось разговором гномов, и люди воображали, что причина, по которой создателей таких звуков никогда не видели, заключалась в том, что каждый гном был гордым обладателем крошечной красной шапочки, которая делала владельца невидимым. Эта шапка называлась Тарнкаппе, и без нее гномы не осмеливались появляться над поверхностью земли после восхода солнца из страха окаменеть. Надевая его, они были в безопасности от этой опасности.

Прочь! пусть солнце не видит меня —

Я не смею больше оставаться;

Дитя Эльфа, ты хотел бы, чтобы я увидел,

Чтобы камень повернулся к его лучу”.

La Motte-Fouqué.

Легенда о Каллундборге

Хельву, дочь лорда Несвека, любил Эсберн Силок, чье ухаживание, однако, было отвергнуто гордым отцом с презрительными словами: “Когда ты построишь в Каллундборге величественную церковь, тогда я отдам тебе Хельву в жены”.

Теперь Эсберн, хотя и был низкого происхождения, в душе был горд, даже как лорд, и он решил, во что бы то ни стало, найти способ завоевать свою желанную невесту. Итак, он отправился к троллю на Улшой-Хилл и заключил сделку, по которой тролль обязался построить прекрасную церковь, по завершении которой Эсберн должен был назвать имя строителя или лишиться своих глаз и сердца.

День и ночь тролль трудился, и по мере того, как здание обретало форму, Эсберн Силок становился все печальнее. Он прислушивался в расщелинах холма ночью; он наблюдал днем; он превратил себя в тень из-за тревожных мыслей; он умолял эльфов помочь ему. Все напрасно. Ни единого звука он не услышал, ничего не увидел, что могло бы подсказать имя строителя. **Ошибка! Закладка не определена.**

Тем временем поползли слухи, и прекрасная Хельва, услышав о злом договоре, помолилась за душу несчастного.

Время шло, пока однажды в церкви не осталось всего одной колонны, и, измученный черным отчаянием, Эсберн в изнеможении опустился на берег, откуда услышал, как тролль забивает последний камень в подземной каменоломне. “Каким бы глупцом я ни был, - сказал он с горечью, - я построил себе могилу”.

В этот момент он услышал легкие шаги и, подняв глаза, увидел свою возлюбленную. “Хотела бы я умереть вместо тебя”, - сказала она сквозь слезы, и с этими словами Эсберн признался, что из-за любви к ней он подверг опасности глаза, сердце и душу.

Затем быстро, с той скоростью, с какой тролль забился под землей, Хельва помолилась рядом со своим возлюбленным, и молитвы девушки возобладали над чарами тролля, ибо внезапно Эсберн уловил звуки песни жены-троллихи своему младенцу, умоляющей утешить его, ибо завтра *отец Файн* вернется, неся глаза и сердце смертного.

Уверенный в своей жертве, тролль поспешил к Каллундборгу с последним камнем. “Слишком поздно, прекрасно!” - сказал Эсберн, и при этих словах тролль исчез вместе со своим камнем, и говорят, что крестьяне слышали по ночам рыдания женщины под землей и обвиняющий голос тролля.

“ О Тролле из Церкви они поют руну

У Северного моря в полнолуние;

И рыбаки Зеландии все еще слышат его

Ругает свою жену на холме Ульшей.

“И к морю, над березовыми рощами

До сих пор сохранилась башня церкви Каллундборг,

Где сначала у своего алтаря венчанная пара,

Стояли Хельва Несвекская и Эсберн Силок!”

Дж. Дж. Уиттиер **Ошибка! Закладка не определена.**

Магия гномов

Гномами, так же как и эльфами, правил король, который в различных странах северной Европы был известен как Андвари, Альберих, Эльбегаст, Гондемар, Лауринь или Оберон. Он жил в великолепном подземном дворце, усыпанном драгоценными камнями, которые его подданные добывали из недр земли, и, помимо несметных богатств и Тарнкаппе, владел волшебным кольцом, непобедимым мечом и поясом силы. По его приказу маленькие человечки, которые были очень искусными кузнецами, изготавливали чудесные драгоценности или оружие, которые их правитель дарил любимым смертным.

Мы уже видели, как гномы вылепили золотые волосы Сив, корабль Скидбладнир, наконечник копья Одина Гунгнир, кольцо Драупнир, покрытого золотой щетиной вепря Гуллин-бурсти, молот Мьелльнир и золотое ожерелье Фрейи Брисинга-мен. Говорят также, что они изготовили волшебный пояс, который Спенсер описывает в своей поэме “Королева фей”, — пояс, который, как говорили, обладал способностью показывать, добродетелен его владелец или лицемерен.

“ Этот пояс давал добродетель целомудренной любви

И быть верной жене во всем, что она несла;
Но всякий , кто доказывает обратное ,
Возможно, то же самое относится и к ее средней одежде
Но она ослабнет или разорвется на части.

Королева фей (Спенсер).

Гномы также изготовили мифический меч Тирфинг, который мог рассекать железо и камень, и который они подарили Ангантайру. Этот меч, как и меч Фрея, сражался сам по себе, и его нельзя было вложить в ножны после того, как он был однажды извлечен, пока он не попробовал крови. Ангантюр так гордился этим оружием, что приказал похоронить его вместе с собой; но его дочь Херворд посетила его **Ошибка! Закладка не определена.** в полночь, произнесла магические заклинания и заставила его подняться из могилы, чтобы отдать ей драгоценный клинок. Она храбро орудовала им, и в конце концов оно перешло в собственность другого северного героя.

Другим известным оружием, которое, согласно традиции, было выковано гномами в восточных землях, был меч Ангурвадель, который Фритьоф получил в наследство от своих отцов. Рукоять его была из чеканного золота, а на лезвии были начертаны руны, которые были тусклыми, пока им не размахивали на войне, когда они вспыхивали красным, как гребень боевого петуха.

“Этот герой быстро погиб

Встретив в ночи битвы этот пылающий рунами клинок.

Широко известен был этот меч, один из самых отборных мечей в Северных Землях”.

Фритьоф Тегнера (пер. Г. Стивенса).

Уход гномов

Гномы, как правило, были добрыми и услужливыми; иногда они месили хлеб, мололи муку, варили пиво, выполняли бесчисленные домашние работы, собирали и обмолачивали зерно для фермеров. Однако, если с ними плохо обращались или подвергали насмешкам, эти маленькие создания покидали дом и никогда больше не возвращались. Когда в Северных землях перестали поклоняться старым богам, гномы полностью покинули страну, и паромщик рассказал, как однажды ночью таинственный персонаж нанял его курсировать на лодке взад и вперед по реке, и при каждой поездке его судно было так тяжело нагружено невидимыми пассажирами, что чуть не тонULO. Когда его ночная работа была закончена, он получил богатое вознаграждение, и его наниматель сообщил ему, что он перевез гномов через реку, поскольку они навсегда покидали страну из-за неверия людей. **Ошибка! Закладка не определена.**

Подменыши

Согласно распространенному суеверию, карлики, завидуя более высокому росту человека, часто пытались улучшить свою расу, завоевывая человеческих жен или крадя некрещенных детей и подменяя своих собственных отпрысков человеческой матерью для вскармливания. Эти младенцы-карлики были известны как подменыши, и их можно было узнать по их тщедушным и сморщенным формам. Чтобы вернуть себе собственного ребенка и избавиться

от подменыша, женщина была вынуждена либо варить пиво в яичной скорлупе, либо смазывать подошвы ног ребенка жиром и держать их так близко к огню, чтобы родители-гномы, привлеченные жалобными криками своих отпрысков, поспешили заявить права на свое собственное и вернуть украденное дитя.

Тролдиндерне, Ромсдал

С фотографии С. Дж. Беккета, F.R.P.S.

Говорили, что женщины-тролли обладают способностью превращаться в Мара, или кошмары, и мучить любого, кого им заблагорассудится; но если жертве удавалось заткнуть дыру, через которую Мара проникала в его комнату, она была полностью в его власти, и он мог даже заставить ее выйти за него замуж, если бы захотел. Полученная таким образом жена, несомненно, оставалась там до тех пор, пока отверстие, через которое она вошла в дом, было закрыто, но если пробку вынимали, случайно или намеренно, она немедленно совершала побег и никогда не возвращалась.

Вершины троллей

Естественно, традиции маленького народца распространены повсюду на Севере, и многие места связаны с их памятью. Говорят, что хорошо известные вершины Троллей (Trolld-Tindterne) в Норвегии были ареной конфликта между двумя бандами троллей, **Ошибка! Закладка не определена.**которые в пылу сражения не заметили приближения восхода солнца, в результате чего они превратились в небольшие скальные выступы, которые заметно выделяются на гребнях гор.

Предположение

Некоторые авторы высказали предположение, что гномы, столь часто упоминаемые в древних сагах и сказках, были реальными существами, вероятно, финикийскими рудокопами, которые, работая на угольных, железных, медных, золотых и оловянных

рудниках Англии, Норвегии, Швеции и т.д., воспользовались простотой и доверчивостью первых жителей, чтобы заставить их поверить, что они принадлежат к сверхъестественной расе и всегда обитали под землей, в регионе, который назывался Сварт-альфа-хейм, или дом черных эльфов. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XXV: Эльфы

Царство фей

Помимо гномов существовал еще один многочисленный класс крошечных существ, называемых Лайос-альфар, светлые или белые эльфы, которые населяли воздушные царства между небом и землей и мягко управлялись добродушным богом Фреем из его дворца в Альф-хейме. Это были прекрасные, благодетельные существа, настолько чистые и невинные, что, по мнению некоторых авторитетных источников, их название произошло от того же корня, что и латинское слово “белый” (*albus*), которое в измененной форме было дано заснеженным Альпам и Альбиону (Англия) из-за его белых меловых утесов, видневшихся издалика.

Танец эльфов

Н . Дж . О. Бломмер

Эльфы были такими маленькими, что могли порхать незамеченными, ухаживая за цветами, птицами и бабочками; а поскольку они страстно любили танцевать, то часто спускались на землю в лунном луче, чтобы потанцевать на зелени. Держа друг друга за руки, они танцевали кругами, образуя таким образом “волшебные кольца”, которые можно было различить по более глубокой зелени и большей роскоши травы, которую приминали их маленькие ножки.

“Веселые эльфы, их моррис расхаживает взад-вперед

За арийских менестрелей,
Изумрудные кольца на коричневом вереске,
Управляй им ловко и весело”.

Сэр Вальтер Скотт.

Если бы какой-нибудь смертный встал в центре одного из этих волшебных колец, он мог бы, согласно распространенному в Англии поверью, увидеть фей и насладиться их благосклонностью; но скандинавы и германцы поклялись, что несчастный человек должен умереть. В качестве иллюстрации этого суеверия рассказывается история о том, как сэр Олаф, отправляясь верхом на свою **Ошибка! Закладка не определена.**, был заманен феями в их кольцо. На следующий день, вместо веселой свадьбы, его друзья стали свидетелями тройных похорон, потому что его мать и невеста тоже умерли, когда увидели его бездыханный труп.

Мастер Улоф выехал еще до рассвета

И пришел туда, где эльфийский народ танцевал вдали.

Танец такой веселый,

Так весело в зеленом лесу.

А на следующее утро, еще до того, как день стал красным,

В доме мастера Улофа лежали три мертвых тела.

Танец такой веселый,

Так весело в зеленом лесу.

“Сначала мастер Улоф, а затем его юная невеста,

И третья его старая мать —от горя она умерла.

Танец такой веселый,

Так весело в зеленом лесу”.

Мастер Улоф на танце эльфов (пер. Ховитта).

Танец эльфов

Эти эльфы, которых в Англии называли феями или фейри, были также увлеченными музыкантами, и им особенно нравился определенный стиль, известный как танец эльфов, который был настолько неотразимым, что никто, услышав его, не мог удержаться от танца. Если смертный, услышав мелодию, отваживался воспроизвести ее, он внезапно оказывался неспособным остановиться и был вынужден играть снова и снова, пока не умирал от истощения, если только он не был достаточно ловок, чтобы воспроизвести мелодию задом наперед, или кто-нибудь милосердно не перерезал струны его скрипки. Его слушатели, которые были вынуждены танцевать до тех пор, пока звучали звуки, могли остановиться только тогда, когда они смолкали.

Блуждающие огоньки

В средневековые времена блуждающие огоньки были известны на Севере как эльфийские огоньки, поскольку эти крошечные эльфы были **Ошибка! Закладка не определена.** предполагалось, что блуждающие огоньки вводят путешественников в заблуждение; а популярное суеверие гласило, что блуждающие огоньки были беспокойными духами убийц, вынужденных против своей воли вернуться на место своих преступлений. Говорят, что по ночам, направляясь туда, они на каждом шагу упрямо повторяли: “Это правильно”, но, возвращаясь, печально повторяли: “Это неправильно”.

Белые Эльфы

Ч. П. Сейнтон, Р.И.

С разрешения Художника. Все права защищены

Оберон и Титания

В более поздние времена говорили, что феями или эльфами правил король гномов, который, будучи подземным духом, считался демоном, и ему позволялось сохранять магическую силу, которую миссионеры отняли у бога Фрея. В Англии и Франции король фей был известен под именем Оберон; он правил волшебной страной вместе со своей королевой Титанией, и самые грандиозные пирушки на земле устраивались в Летнюю ночь. Именно тогда все феи собрались вокруг него и весело заплясали.

“Каждый эльф и сказочная фея”

Прыгай легко, как птичка из шиповника;

И эта песенка после меня

Пойте и зажигательно танцуйте”.

Сон в летнюю ночь (Шекспир).

Предполагалось, что эти эльфы, подобно брауни, халдрам, кобольдам и т.д., также посещали человеческие жилища, и говорили, что они получали озорное удовольствие, запутывая гривы и хвосты лошадей. Эти заросли были известны как эльфийские локоны, и всякий раз, когда фермер замечал их, он заявлял, что ночью на его лошадях ездили эльфы.

Альфа-клякса

В Скандинавии и Германии эльфам приносились жертвы, чтобы сделать их благосклонными. Эти жертвоприношения состояли из какого-нибудь маленького животного или чаши с медом и молоком и были известны как Альф-блот. Они были довольно распространены, пока миссионеры не научили людей, что эльфы - всего лишь демоны, когда их перевели к ангелам, которых долго умоляли подружиться со смертными и умиловить теми же дарами.

Предполагалось, что многие эльфы жили и умирали вместе с деревьями и растениями, за которыми они ухаживали, но эти моховые, древесные или древесные девы, хотя и были удивительно красивы, если смотреть спереди, были полыми, как впадина, если смотреть сзади. Они появляются во многих популярных сказках, но почти всегда как доброжелательные и помогающие духи, поскольку стремились делать добро смертным и развивать с ними дружеские отношения.

Изображения на дверных косяках

В Скандинавии эльфам, как светлым, так и темным, поклонялись как домашним божествам, и их изображения были вырезаны на дверных косяках. Скандинавы, изгнанные из дома тиранией Харальда Харфагера в 874 году, забрали свои резные дверные косяки с собой на свои корабли. Подобная резьба, включая изображения богов и героев, украшала колонны их высоких сидений, которые они также унесли. Изгнанники продемонстрировали свою веру в своих богов, выбросив эти деревянные изображения за борт, когда приблизились к исландским берегам, и поселившись там, где волны несли столбы, даже если это место едва ли казалось самым желанным. “Таким образом, они принесли с собой религию, поэзию и законы своей расы, и на этом пустынном вулканическом острове они сохраняли эти записи неизменными в течение сотен лет, в то время как другие тевтонские народы постепенно подвергались влиянию римского и византийского христианства”. Эти записи, тщательно собранные Семундом Ученым, образуют **Ошибка! Закладка не определена.** “Старшая

Эдда", самая ценная реликвия древней северной литературы, без которой мы бы сравнительно мало знали о религии наших предков.

Старые дома с резными столбами

В сагах рассказывается, что первые поселения в Гренландии и Винланде были основаны таким же образом — норвежцы благочестиво высаживались там, где их домашних богов выносило на берег. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XXVI: Сага о Сигурде

Начало истории

В то время как первая часть "Старшей Эдды" состоит из сборника аллитеративных стихотворений, описывающих сотворение мира, приключения богов, их возможное падение, и дает полное изложение этического кодекса северян, вторая часть включает серию героических рассказов, описывающих подвиги семьи Вельсунг, и особенно их главного представителя, Сигурда, любимого героя Севера.

Сага о Вельсунгах

Эти записи легли в основу великого скандинавского эпоса "Сага о Вельсунгах" и послужили материалом не только для немецкого эпоса "Дети Нибелунгов" и бесчисленных народных сказок, но и для знаменитых опер Вагнера "Золото Рейна", "Валькирия", "Зигфрид" и "Сумерки богов". В Англии Уильям Моррис придал им форму, которую они, вероятно, сохраняют в нашей литературе, и она взята из его великой эпической поэмы с вежливого

разрешения его попечителей и его издателей, господ Дж. Лонгманс, Грин и Ко., что почти все цитаты в этом разделе взяты предпочтительнее выдержек из "Эдды".

Sigi

История вельсунгов начинается с Зиги, сына Одина, могущественного человека, которого все уважали, пока он не убил человека из мотивов ревности, поскольку последний убил больше дичи, когда они вместе охотились. В результате этого преступления Зиги был изгнан со своей земли и объявлен вне закона. Но, похоже, он не полностью утратил благосклонность Одина, **Ошибка! Залкада не определена.** потому что бог теперь предоставил ему хорошо оснащенное судно вместе с несколькими храбрыми последователями и пообещал, что победа когда-нибудь придет к нему.

Таким образом, с помощью Одина набег Зиги стали наводить ужас на его врагов, и в конце концов он завоевал славную империю гуннов и много лет правил как могущественный монарх. Но в глубокой старости судьба изменила ему, Один оставил его, родственники его жены напали на него, и он был убит в предательской схватке.

Перезапуск

Однако вскоре его смерть была отомщена, поскольку Рерир, его сын, вернувшись из экспедиции, во время которой он отсутствовал в стране в то время, казнил убийц в качестве своего первого действия после восшествия на трон. Правление Рерира было отмечено всеми признаками процветания, но его самое заветное желание - чтобы ему наследовал сын - оставалось невыполненным в течение многих лет. В конце концов, однако, Фригг решила исполнить его постоянную молитву и даровать наследника, о котором он мечтал. Соответственно, она отправила своего быстрого гонца Гна, или Лиода, с чудесным яблоком, которое уронила ему на колени, когда он сидел один на склоне холма. Взглянув вверх, Рерир узнал посланника богини и радостно поспешил домой, чтобы отведаать яблока вместе со своей женой. Ребенок, который в свое время родился под этим благоприятным покровительством, был красивым маленьким мальчиком. Родители назвали его Вельсунг, и когда он был еще совсем младенцем, они оба умерли, и ребенок стал правителем страны.

Вольсунг

Шли годы, а богатство и могущество Вельсунга все увеличивались. Он был самым смелым лидером и сплотил вокруг себя многих **Ошибка! Залкада не определена.** храбрых воинов. Они часто пили его мед под Бранстоком, могучим дубом, который, возвышаясь посреди его зала, пробивал крышу и осенял весь дом.

“И, как и во всем остальном, это была корона всех земных домов,

И наименьший из его настенных щитов имел мировую боевую известность,

Таким образом, это было чудо и великолепное зрелище,

Ибо посреди пола самого среднего зала выросло могучее дерево,

Который воздвиг свои благословения к крыше и обвил дерево-крышу дорогим венком

С великолепием лета и гирляндой года”.

У Вельсунга родились десять крепких сыновей, и одна дочь, Сигню, стала украшением его дома. Эта девушка была так прекрасна, что, когда она достигла брачного возраста, многие

женихи просили ее руки, среди которых был Сиггейр, король готов, который в конце концов получил согласие Вельсунга, хотя Сигню никогда его не видела.

Свадьба Сигни

Когда настал день свадьбы и невеста увидела своего суженого, она в ужасе съежилась, потому что его тщедушная фигура и опущенный взгляд печально контрастировали с крепким телосложением и открытыми лицами ее братьев. Но отступать было слишком поздно — на карту была поставлена честь семьи, — и Сигню так успешно скрывала свою неприязнь, что никто, кроме ее брата-близнеца Зигмунда, не подозревал, с какой неохотой она стала женой Сиггейра.

Меч в Древке

В разгар свадебного пира, когда веселье было в самом разгаре, вход в зал внезапно заслонила высокая фигура одноглазого мужчины, плотно закутанного в облачно-голубую мантию. Не удостоив никого из собравшихся ни словом, ни взглядом, незнакомец шагнул к Бранштоку и **Ошибка! Закладка не определена.** воткнул сверкающий меч по самую рукоять в его огромное древко. Затем, медленно повернувшись, он повернулся лицом к пораженному благоговейным страхом безмолвному собранию и объявил, что это оружие достанется тому воину, который сумеет вытащить его из дубовых ножен, и что оно обеспечит ему победу в каждом сражении. Слова закончились, затем он вышел так же, как вошел, и исчез, оставив в умах всех убеждение, что Один, царь богов, был среди них.

“Так сладко звучала его речь, так мудро казались его слова,

Что все люди неподвижно сидели там, как в счастливом сне

Мы не шевелились, чтобы не проснуться; но на этом его речь закончилась

И медленно пошел он по коридору, и наружу;

И никто не стал бы задавать ему вопросов или следовать его путями,

Ибо они знали, что это дар Одина - меч, который восхвалит весь мир”.

Вельсунг был первым, к кому вернулся дар речи, и, отказавшись от своего права первым описать подвиг, он предложил Сиггейру сделать первую попытку извлечь божественное оружие из ствола дерева. Жених с тревогой потянул и напрягся, но меч прочно вонзился в дуб, и он с огорченным видом вернулся на свое место. Тогда Вельсунг попробовал, с тем же результатом. Оружие, очевидно, не предназначалось ни для одного из них, и в следующий раз юным принцам Вельсунгов предложили испытать свои силы.

“Сыновья, которых я приобрел и лелеял, теперь выступите вперед и попробуйте;

Чтобы Один не рассказал в доме Бога, как он сбился с пути,

И как бы мужчине он не отдал свой клинок.

Зигмунд

Девять старших сыновей также потерпели неудачу; но когда Зигмунд, десятый и младший, положил свою твердую молодую руку на рукоять, меч легко поддался **Ошибка! Закладка не определена.** его прикосновению, и он торжествующе извлек его, как будто он был просто вложен в ножны.

Наконец рядом с Бранстоком встал Зигмунд Вельсунг,
И правой рукой мудрой в бою драгоценную рукоять меча поймал,
Но все же небрежно, поскольку считал все это напрасным;
Когда, о чудо, от пола до стропил поднялся оглушительный крик:
Ибо в поднятой руке Зигмунда сверкнул обнаженный клинок
Как можно выше подняв голову, он потряс ею, потому что меч исчез
Вывалось из тисков сердца Бранстока, как будто все оно было ослаблено”.

Почти все присутствующие были довольны успехом молодого принца; но сердце Сиггейра было переполнено завистью, и он возжелал завладеть оружием. Он предложил купить его у своего молодого шурина, но Зигмунд отказался расстаться с ним ни за какую цену, заявив, что совершенно ясно, что это оружие предназначалось для него. Этот отказ так оскорбил Сиггейра, что он тайне решил истребить гордых вельсунгов и завладеть божественным мечом, одновременно потворствуя своей ненависти к своим новым родственникам.

Однако, скрывая свое огорчение, он обратился к Вельсунгу и сердечно пригласил его посетить его двор месяц спустя вместе со своими сыновьями и родственниками. Приглашение было немедленно принято, и хотя Сигню, подозревая недоброе, тайно разыскала своего отца, пока ее муж спал, и умоляла его отказаться от своего обещания и остаться дома, он не согласился отказаться от данного слова и таким образом выказать страх.

Предательство Сиггейра

Таким образом, через несколько недель после возвращения молодоженов хорошо укомплектованные корабли Вельсунга прибыли в пределах видимости берегов Сиггейра. Сигню с тревогой наблюдала за ними, и когда она заметила их, то поспешила **Ошибка! Залка не определена.**на пляж, чтобы умолять своих родственников не высаживаться, предупредив их, что ее муж вероломно спланировал засаду, из которой они не смогут выбраться живыми. Но Вельсунг и его сыновья, которых не могла смутить никакая опасность, спокойно приказали ей возвращаться во дворец ее мужа и, взявшись за оружие, смело ступили на берег.

Тогда Вельсунг нежно поцеловал ее: “Горе мне из-за тебя,
Но Земля услышала слово, которое еще не рожденный Я изрек;
Как я никогда не отвернусь от меча или огня бейла;
— Я держал это слово до сегодняшнего дня, и должен ли я сегодня изменить рассказ?
И посмотри на этих твоих братьев, насколько они хороши и велики,
Неужели ты хочешь, чтобы девушки насмехались над ними, когда эта боль пройдет
И они сидят на пиру после смерти, потому что боялись смертельного удара?
Давайте ловко выполнять работу нашего дня во славу народа;
И если норны захотят, чтобы род Вельсунгов потерпел неудачу,

И все же я знаю о деянии, которое не умирает, и о имени, которое будет звучать вечно”.

Все случилось так, как сказала Сигни, ибо по пути во дворец храбрый маленький отряд попал в засаду Сиггейра, и, хотя они сражались с героической отвагой, превосходящие числом их враги настолько сбили их с ног, что Вельсунг был убит, а все его сыновья взяты в плен. Юношей привели связанными к трусливому Сиггейру, который не принимал участия в битве, и Сигмунд был вынужден отдать свой драгоценный меч, после чего он и его братья были приговорены к смерти.

Сигню, услышав жестокий приговор, тщетно ходатайствовала за своих братьев: все, чего она могла добиться своими молитвами, - это чтобы их приковали к поваленному дубу в лесу и они погибли бы от голода и жажды, если бы дикие звери пощадили их. Затем, чтобы она не **Ошибка! Закладка не определена.** должна была навестить своих братьев и помочь им, Сиггейр запер свою жену во дворце, где ее тщательно охраняли днем и ночью.

Каждое утро рано утром Сиггейр сам отправлял гонца в лес посмотреть, живы ли еще вельсунги, и каждое утро человек возвращался и говорил, что ночью приходило чудовище и сожрало одного из принцев, не оставив ничего, кроме его костей. Наконец, когда в живых не осталось никого, кроме Зигмунда, Сигню придумала план и уговорила одного из своих слуг отнести немного меда в лес и намазать им лицо и рот ее брата.

Когда в ту ночь пришел дикий зверь, привлеченный запахом меда, он лизнул Зигмунда в лицо и даже засунул свой язык ему в рот. Вцепившись в него зубами, Зигмунд, каким бы слабым и израненным он ни был, держал животное, и в его отчаянных попытках освободиться путы ослабли, и ему удалось убить крадущегося зверя, который пожрал его братьев. Затем он исчез в лесу, где прятался до тех пор, пока, как обычно, не явился королевский гонец и пока Сигню, освобожденная из плена, не примчалась в лес, чтобы поплакать над останками своих родственников.

Видя ее сильное горе и зная, что она не участвовала в жестокости Сиггейра, Зигмунд выскользнул из своего укрытия и утешал ее, как мог. Затем они вместе похоронили белеющие кости, и Зигмунд торжественно поклялся отомстить за обиды, причиненные его семье. Эта клятва была полностью одобрена Сигню, которая, однако, попросила своего брата выждать благоприятное время, пообещав прислать ему помощь. Затем брат и сестра печально расстались: она вернулась в свой унылый дом-дворец, а он - в отдаленную часть леса, где построил крошечную хижину и занялся ремеслом кузнеца. **Ошибка! Закладка не определена.**

- А люди говорят, что Сигню плакала

Когда она покинула последнего из своих сородичей, она больше никогда не плакала

Среди графов Сиггейра, и такая же прекрасная, как прежде

Было ее лицом по мнению всех мужчин, и для руфи оно ничуть не изменилось,

Ни от страха, ни от какой-либо тоски; и никто не говорил об утешении

Что с тех пор она никогда не смеялась, пока не настал день ее смерти”.

Сыновья Сигни

Теперь Сиггейр вступил во владение королевством Вельсунг, и в течение следующих нескольких лет он с гордостью наблюдал за ростом своего старшего сына, которого Сигню

тайно отправила к своему брату, когда ему было десять лет, чтобы Зигмунд воспитал ребенка и помог ему отомстить, если тот окажется достойным. Зигмунд неохотно принял обвинение, но как только он проверил мальчика, то обнаружил, что ему не хватает физической храбрости, поэтому он либо отправил его обратно к матери, либо, как рассказывают некоторые версии, убил его.

Через некоторое время после этого второго сына Сигню отправили в лес с той же целью, но Зигмунд обнаружил, что ему в равной степени не хватает храбрости. Очевидно, никто, кроме чистокровного вельсунга, не справился бы с мрачным делом мести, и Сигню, понимая это, решилась на преступление.

И однажды в темноте она пробормотала: “Где же тогда была древняя песня

Что Боги всего лишь однажды родились близнецами и не сочли в этом ничего плохого

Смешаться ради блага мира, откуда родились асы,

И ваны, и гномы, и весь народ земли?

Приняв решение, она призвала красивую молодую ведьму и, обменявшись с ней обличьями, отправилась в глубь темного леса и укрылась в хижине Зигмунда. Вельсунг не смог проникнуть под личину своей сестры. Он считал ее никем иным, как **Ошибка! Закладка не определена.**она казалась цыганкой, и, вскоре покоренный ее кокетством, он сделал ее своей женой. Три дня спустя она исчезла из хижины и, вернувшись во дворец, приняла свой прежний облик, и когда в следующий раз у нее родился сын, она обрадовалась, увидев в его смелом взгляде и крепком телосложении обещание настоящего героя вельсунгов.

Синфиотли

Когда Синфиотли, как звали ребенка, исполнилось десять лет, она сама устроила предварительное испытание его храбрости, пришив одежду к его коже, а затем внезапно сорвав ее, и поскольку храбрый мальчик даже не поморщился, а громко рассмеялся, она уверенно отправила его в лесную хижину. Зигмунд быстро приготовил свое обычное тесто и однажды, прежде чем выйти из хижины, велел Синфиотли достать муку из определенного мешка, замесить ее и испечь немного хлеба. Вернувшись домой, Зигмунд спросил, были ли выполнены его приказы. Юноша в ответ показал хлеб, и когда его подробно расспросили, он простодушно признался, что ему пришлось замесить в буханку большую гадюку, которая была спрятана в муке. Довольный тем, что мальчик, к которому он испытывал странную привязанность, успешно выдержал испытание, повергшее в ужас его братьев, Зигмунд запретил ему есть хлеб, потому что, хотя он и был защищен от укуса рептилии, он не мог, подобно своему наставнику, попробовать яд невредимым.

“Ибо здесь повесть о старцах делает людей настоящим чудом, а именно,

Что таков был образ Зигмунда среди всех земных королей,

Что невредимый он справлялся с гадюками и другими смертоносными тварями,

И мог бы пить, не пострадав от яда: но Синфиотли был так коварен

Чтобы никакие укусы ползучих тварей не причинили никакого вреда его телу”.

Оборотни

Теперь Зигмунд начал терпеливо обучать Синфиотли всему, и вскоре эти двое стали неразлучными товарищами. Однажды, бродя вместе по лесу, они набрали на хижину, где обнаружили двух крепко спящих мужчин. Рядом висели две волчьи шкуры, что сразу наводило на мысль о том, что незнакомцы были оборотнями, которым жестокое заклятие не позволяло принимать свой естественный облик, за исключением короткого промежутка времени. Движимые любопытством, Зигмунд и Синфиотли надели волчьи шкуры, и вскоре они в обличье волков мчались по лесу, убивая и пожирая все, что попадалось им на пути.

Оборотни

Дж . Си Доллман

Их волчьи страсти были таковы, что вскоре они набросились друг на друга, и после ожесточенной борьбы Синфиотли, младший и более слабый, пал замертво. Эта катастрофа привела Зигмунда в чувство, и он в отчаянии склонился над своим убитым товарищем. Занимаясь этим, он увидел, как две ласки вышли из леса и яростно атаковали друг друга, пока одна не упала замертво. Затем победитель прыгнул в чащу и вернулся с листом, который положил на грудь своему товарищу. Затем было замечено чудесное явление, ибо от прикосновения волшебной травы мертвый зверь ожил. Мгновение спустя пролетавший над головой ворон уронил такой же лист к ногам Зигмунда, и он, поняв, что боги желают помочь ему, возложил его на Синфиотли, который сразу же вернулся к жизни.

В ужасном страхе, что они могут причинить друг другу еще больше зла, Зигмунд и Синфиотли теперь прокрались домой и терпеливо ждали, когда придет время их освобождения. К их великому облегчению, шкуры упали на девятую ночь, и они поспешно бросили их в огонь, где они полностью сгорели, и чары рассеялись навсегда. **Ошибка! Закладка не определена.**

Сигмунд и Синфиотли захвачены Сиггейром

Теперь Зигмунд поведал историю своих обид Синфиотли, который поклялся, что, хотя Сиггейр и был его отцом (поскольку ни он, ни Зигмунд не знали тайны его рождения), он поможет ему отомстить. Поэтому с наступлением темноты он проводил Зигмунда в королевский зал, и они вошли незамеченными, спрятавшись в подвале за огромными чанами с пивом. Здесь их обнаружили двое младших детей Сигню, которые, играя с золотыми кольцами, закатившимися в подвал, внезапно наткнулись на мужчин, сидевших в засаде.

Они громко объявили о своем открытии отцу и его гостям, но прежде чем Сиггейр и его люди успели взяться за оружие, Сигню схватила обоих детей и, затащив их в подвал, приказала своему брату убить маленьких предателей. Этого Зигмунд категорически отказался делать, но Синфиотли отрубил им головы, прежде чем повернулся, чтобы сразиться с нападавшими, которые теперь приближались к ним.

Несмотря на все усилия, Зигмунд и его храбрый юный спутник вскоре попали в руки готов, после чего Сиггейр приговорил их к погребению заживо в одном кургане, с каменной перегородкой между ними, чтобы они не могли ни видеть, ни прикасаться друг к другу. Пленники были соответственно заключены в свою живую могилу, и их враги собирались положить последние камни на крышу, когда подошла Сигню с охапкой соломы, которую ей разрешили бросить к ногам Синфиотли, поскольку готы полагали, что в ней было всего несколько припасов, которые могли продлить его агонию, не помогая ему сбежать.

Когда все стихло, Синфиотли развернул сноп, и велика была его радость, когда вместо хлеба он обнаружил меч, который Один подарил Зигмунду. Зная <C:\Users\James Bond\Desktop\К - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\h - X6a8a0785cfab049fadb3ea541f945fa749f9195>, что ничто не может притупить или сломать острое лезвие этого прекрасного оружия, Синфиотли просунул его сквозь каменную перегородку, и с помощью Зигмунда ему удалось прорезать отверстие, и в конце концов обоим удалось сбежать через крышу.

“Тогда во тьме могильного холма встал король Зигмунд,

И к этому орудию битвы он приложил свою обнаженную руку;

И крепко прижимали они дар Одина к своей груди;

Пилил Зигмунда, пилил Синфиотли, пока камень не раскололся надвое,

И они встретились и поцеловались вместе; затем они рубили и вздымали изо всех сил

Пока, о чудо, сквозь лопнувшие стропила не проступили зимние небеса!

И они выскакивают оттуда с веселым сердцем; да и нет нужды говорить

Много слов было сказано между ними о том, куда был путь.

Месть Зигмунда

Как только они оказались на свободе, Зигмунд и Синфиотли вернулись в королевский зал и, сложив вокруг него горючие материалы, подожгли мессу. Затем, расположившись по обе стороны от входа, они преградили путь всем, кроме женщин. Они громко заклинали Сигню сбежать, пока не стало слишком поздно, но она не хотела жить, и поэтому, подойдя ко входу

для последнего объятия, она нашла возможность прошептать тайну рождения Синфиотли, после чего прыгнула обратно в пламя и погибла вместе с остальными.

“И тогда дерево на крыше дома короля Сиггейра накренилось, готовясь к сильному падению, И его огромные стены сталкивались друг с другом, и его низкие вещи

Огонь смерти смешивался со знаками отличия королей”.

Хельги

Таким образом, давно запланированная месть за резню вельсунгов была осуществлена, и Зигмунд, чувствуя, что теперь ничто не удерживает его в стране **Ошибка! Закладка не определена.**готы отплыли с Синфиотли и вернулись в Хуналенд, где его тепло приветствовали в резиденции власти под сенью его родового дерева, могучего Бранстока. Когда его власть полностью утвердилась, Зигмунд женился на Боргхильд, прекрасной принцессе, которая родила ему двух сыновей, Хамонда и Хельги. Последнего посетили Норны, когда он лежал в колыбели, и они пообещали ему роскошные развлечения в Валгалле, когда его земной путь завершится.

“И женщина была прекрасна и миловидна и родила ему славных сыновей;

Люди звали их Хамонд и Хельги, и когда Хельги впервые увидел свет,

К его колыбели пришли Норны и подарили ему полную яркую жизнь,

И назвали его Залитым Солнцем Холмом, Острым Мечом и Страной Колец,

И пожелал ему быть прекрасным и великим, и стать радостью в сказке о королях”.

Северные короли обычно поручали воспитание своих сыновей чужакам, поскольку думали, что так к ним будут относиться с меньшим снисхождением, чем дома. Соответственно, Хельги был воспитан Хагалом, и под его опекой юный принц стал настолько бесстрашным, что в возрасте пятнадцати лет отважился в одиночку войти в зал Хундингов, с расой которых его семья враждовала. Беспрепятственно пройдя через зал и оставшись неузнанным, он оставил дерзкое послание, которое так разозлило Хандинга, что он немедленно отправился в погоню за смелым молодым принцем, за которым последовал в жилище Хагала. Тогда Хельги был бы обеспечен, но тем временем он переоделся служанкой и был занят перемалыванием зерна, как будто это было его обычным занятием. Захватчики несколько удивились высокому росту девушки и мускулистым рукам, тем не менее они ушли, не подозревая, что были так близко от героя, которого искали.

Таким образом, хитро сбежав, Хельги присоединился к Синфиотли, **Ошибка! Закладка не определена.**и, собрав армию, двое молодых людей смело выступили против Хундингов, с которыми они сразились в великой битве, над которой парили Валькирии, ожидая, чтобы доставить убитых в Валгаллу. Гудрун, одна из воительниц, была так поражена мужеством, проявленным Хельги, что открыто искала его и пообещала стать его женой. Только один представитель расы Хундингов, Даг, остался в живых, и ему разрешили выйти на свободу после обещания не пытаться отомстить за смерть своих сородичей. Однако это обещание не было выполнено, и Даг, завладев копьем Одина Гунгнир, предательски убил им Хельги. Гудрун, которая тем временем выполнила свое обещание стать его женой, пролила много слез по поводу его смерти и наложила торжественное проклятие на его убийцу; затем, услышав от одной из своих служанок, что ее убитый муж продолжает звать ее из глубин могилы, она бесстрашно вошла ночью в курган и нежно спросила, почему он звал и почему

его раны продолжают кровоточить после смерти. Хельги ответил, что не может успокоиться из-за ее горя, и заявил, что за каждую пролитую ею слезу должна пролиться капля его крови.

“Ты плачешь, украшенный золотом!

Жестокие слезы,

Яркая, как Солнце, дочь юга!

Прежде чем ты отправишься спать;

Каждый падает окровавленным

На груди принца,

Мокрый, холодный и пронизывающий,

С большой печалью”.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Чтобы успокоить дух своего любимого мужа, Гудрун с того времени перестала плакать, но они недолго оставались в разлуке; ибо вскоре после того, как дух Хельги пролетел над Бифрестом и вошел в Валгаллу, **Ошибка! Закладка не определена.** чтобы стать лидером Эйнхериев, к нему присоединилась Гудрун, которая, снова став Валькирией, возобновила свою любящую заботу о нем. Когда по приказу Одина она покинула его ради сцен человеческих раздоров, это было сделано для поиска новых рекрутов для армии, которую ее повелитель должен был повести в битву, когда наступит Рагнарек, сумерки богов.

Прощание героя

М. Э. Виндж

Смерть Синфиотли

Синфиотли, старший сын Зигмунда, также рано умер; ибо, убив в ссоре брата Боргхильд, она решила отравить его. Дважды Синфиотли обнаруживал покушение и говорил своему отцу, что в его чашке яд. Дважды Зигмунд, которому не мог повредить никакой яд, осушал чашу; и когда Боргхильд предприняла третью попытку, он велел Синфиотли дать вино потечь по его бороде. Неправильно поняв смысл слов своего отца, Синфиотли немедленно осушил чашу и бездыханным рухнул на землю, ибо яд был самого смертоносного вида.

Произнося это слово, он пил, и тотчас же яд вытек из него

Холод пронзил его сердце, и могучий человек упал

С никогда не произнесенным предсмертным словом и никогда не изменившимся после смерти взглядом,

И пол зала Вельсунгов под его падением содрогнулся.

Тогда поднялся старейшина дней с громким и горьким криком:

И приподнимали головы павших; и никто не осмеливался приблизиться

Прислушаться к словам его скорби, если он вообще что-нибудь сказал

Но такие, какие Отец всех людей мог бы произнести над мертвым Бальдром.

И снова, как перед смертельным ударом, зал Вельсунгов потускнел,

И снова он показался в лесу, где разговаривал только с самим собой”.

Потеряв дар речи от горя, Зигмунд нежно поднял тело сына на руки, вышел из зала и **Ошибка! Закладка не определена.** спустился к берегу, где погрузил свою драгоценную ношу в лодку, которую по его зову привел старый одноглазый лодочник. Он бы тоже с удовольствием ступил на борт, но прежде чем он успел это сделать, лодочник оттолкнулся, и хрупкое суденышко вскоре скрылось из виду. Затем убитый горем отец медленно отправился домой, утешаясь мыслью, что сам Один пришел за юным героем и уплыл с ним “на запад”.

Хиордис

Зигмунд сверг Боргхильд с поста своей жены и королевы в наказание за это преступление, и когда он был очень стар, он добился руки Хиордис, прекрасной юной принцессы, дочери Эглими, короля Островов. У этой юной девушки было много женихов, среди прочих король Лигни из рода Хундинга, но слава Зигмунда была так велика, что она с радостью приняла его и стала его женой. Лигни, отвергнутый поклонник, был так разгневан этим решением, что немедленно собрал большую армию и выступил против своего удачливого соперника, который, хотя и был побежден численным превосходством, сражался с мужеством отчаяния.

Из глубины чащи, господствовавшей над полем битвы, Хиордис и ее служанка с тревогой наблюдали за ходом сражения. Они видели, как Зигмунд складывал вокруг себя мертвых, ибо никто не мог устоять против него, пока, наконец, внезапно не появился высокий одноглазый воин, и гнет битвы отступил перед ужасом его присутствия.

Не теряя ни секунды, новый чемпион нанес Зигмунду яростный удар, который старый герой парировал своим мечом. От удара несравненный клинок разлетелся вдребезги, и хотя

странный противник исчез так же, как и появился, Зигмунд остался беззащитным и вскоре был смертельно ранен своими врагами. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Но вот, сквозь изгородь из боевых валов пробрался могучий человек,

Одноглазый и кажущийся древним, но его лицо сияло, как пламя:

Его юбка была блестяще-серой, а капюшон - мутно-голубым;

И у него был могучий твай-билл, когда он пробирался сквозь боевые снопы,

И встал лицом к лицу с Зигмундом и поднял клюв для удара.

Еще раз вокруг головы свирепого Вельсунга сверкнул свет Бранстока,

Меч, доставшийся от Одина; и снова крик Зигмунда

Раздался до самых небес над шумом войны.

Затем последним ударом Зигмунда пересеклись встречные края,

И дрожащими осколками упал на землю этот страх мирских людей.

Но изменились глаза Зигмунда, и воинственный гнев сошел с его лица;

Ибо этот одетый в серое могущественный помощник исчез, и на его месте

Бросайся на нетронутое древко копья с пустыми руками вельсунга:

И там они сразили Зигмунда, чудо всех земель,

На врагов, на кучу смерти, которую его деяния свалили в тот день”.

Поскольку битва была выиграна, а вся семья Вельсунгов перебита, Лигни поспешил с поля боя, чтобы завладеть королевством и заставить прекрасную Хиордис стать его женой.

Однако, как только он ушел, прекрасная молодая королева выбралась из своего укрытия в чащу и стала искать то место, где лежал Зигмунд, почти мертвый. Она прижала поверженного героя к своей груди в последнем страстном объятии, а затем со слезами на глазах выслушала, как он просил ее собрать обломки его меча и бережно хранить их для их сына, который, по его предсказанию, вскоре должен был родиться и которому суждено было отомстить за смерть своего отца и стать намного более великим, чем он.

“Я действительно работал для Вельсунгов, и все же я прекрасно знал, что такое

Что тот, кто лучше меня, сможет рассказать эту историю:

И для него будут отлиты эти черепки, и он будет моим сыном,

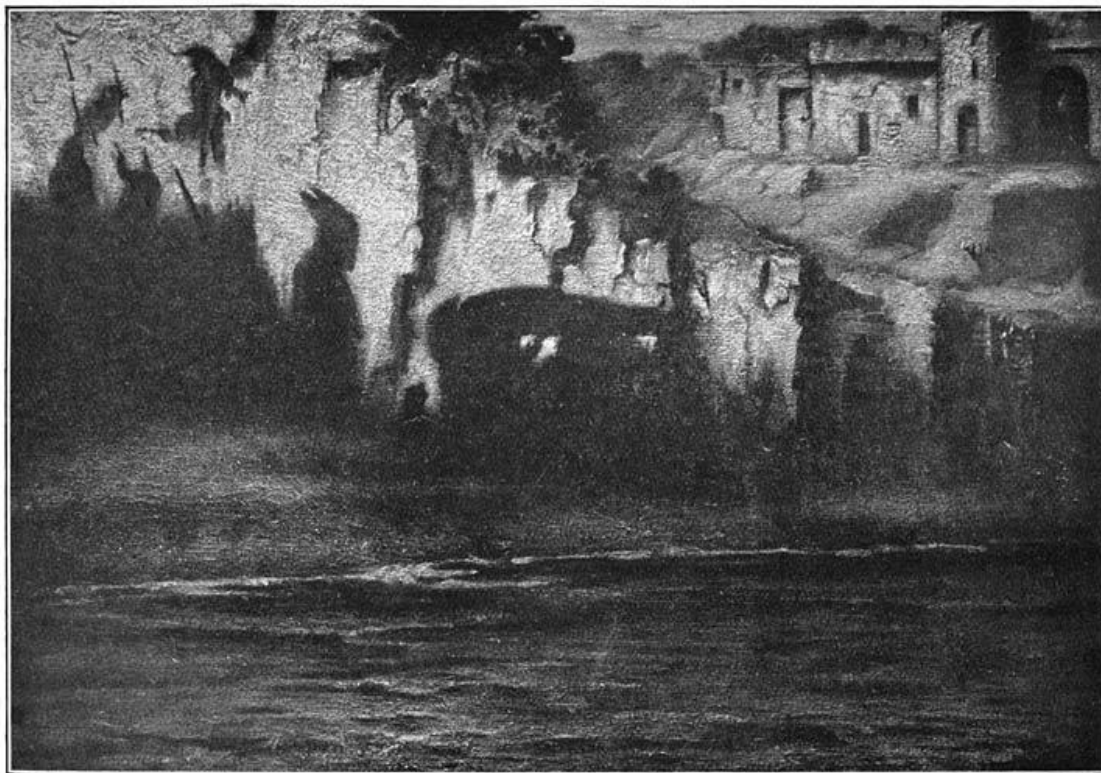
Вспомнить то, что я забыл, и сделать то, что я оставил незавершенным”.

Ошибка! Закладка не определена.

Эльф, викинг

Пока Хиордис оплакивала безжизненное тело Зигмунда, ее служанка внезапно предупредила ее о приближении отряда викингов. Снова отступив в чащу, две женщины обменялись одеждами, после чего Хиордис велела служанке идти первой и изображать королеву, и таким образом они отправились на встречу с эльфом-викингом (Хельфратом или

Гельферих). Эльф любезно принял женщин, и их рассказ о битве настолько возбудил его восхищение Зигмундом, что он приказал почтительно перенести останки убитого героя в подходящее место, где они были похоронены со всеми подобающими церемониями. Затем он предложил королеве и ее служанке безопасное убежище в своем чертоге, и они с радостью сопроводили его за моря.

Похоронная процессия

Х. Хендрич

С разрешения “Illustrante Zeitung” (Й. Й. Вебер, Лейпциг)

Поскольку он с самого начала сомневался в их относительном положении, Эльф воспользовался первой же возможностью после прибытия в свое королевство задать, казалось бы, праздный вопрос, чтобы выяснить правду. Он спросил мнимую королеву, откуда она знает, что наступил час восхода, когда зимние дни были короткими и не было света, возвещающего о наступлении утра, и она ответила, что, поскольку у нее была привычка пить молоко перед тем, как покормить коров, она всегда просыпалась от жажды. Когда тот же вопрос был задан настоящей Хиордис, она, почти не задумываясь, ответила, что знает, что сейчас утро, потому что в этот час золотое кольцо, подаренное ей отцом, остыло у нее на руке.

Рождение Сигурда

Таким образом, подозрения Эльфа подтвердились, и он предложил руку и сердце мнимой служанке Хиордис, пообещав заботиться о ее малолетнем сыне, обещание, которое он благородно сдержал. Когда родился ребенок, Эльф **Ошибка! Закладка не определена.**сам окропил его водой — церемония, которую скрупулезно соблюдали наши языческие предки, - и дал ему имя Сигурд. Когда он вырос, с ним обращались как с родным сыном короля, и его воспитание было доверено Регину, мудрейшему из людей, который знал все, не исключая даже его собственную судьбу, поскольку ему было открыто, что он падет от руки юноши.

“И снова в доме Помощника жил некий человек,
Безбородый и низкого роста, с изможденным лицом:
Регин был так стар, что ни один сын человеческий не мог сказать,
В какой год из прошедших дней он пришел в ту землю, чтобы поселиться:
Но юность короля Эльфов он взрастил, а вместе с ней и юность Помощника,
Да и отца его отца: знания всех людей, которых он знал,
И был искусен во всех хитростях, кроме обращения с мечом:
Так сладок был его язык-вылеплена речь, что люди ловили каждое его слово;
Его рука, перебиравшая струны арфы, была источником восторга
С последними днями скорби; все истории он рассказал верно;
Мастером Мастеров в кузнечном ремесле был он;
И он имел дело с ветром, погодой и успокоением моря;
И никто не смог бы научить его искусству обращения с пиявками, ибо до того, как была
создана эта раса,
И это поколение людей, всю их жизнь он взвешивал”.

Под руководством этого наставника Сигурд с каждым днем возрастал в мудрости, пока немногие не смогли превзойти его. Он овладел ремеслом кузнеца и искусством вырезания всевозможных рун; он изучил языки, музыку и красноречие; и, что не менее важно, он стал отважным воином, которого никто не мог покорить. Когда он достиг зрелости, Реджин подсказала ему попросить у короля боевого коня, просьба была немедленно удовлетворена, и Грипиру, владельцу конезавода, было предложено разрешить ему выбрать **Ошибка!**
Закладка не определена.из королевских конюшен того скакуна, который ему больше всего понравился.

По пути на луг, где паслись лошади, Сигурд встретил одноглазого незнакомца, одетого в серо-голубое, который обратился к молодому человеку и велел ему загнать лошадей в реку и выбрать ту, которая сможет справиться с приливом с наименьшими трудностями.

Сигурд с радостью принял совет и, добравшись до луга, загнал лошадей в ручей, протекавший с одной стороны. Один из них, переправившись, обежал противоположный луг и, снова нырнув в реку, вернулся на свое прежнее пастбище, не выказывая никаких признаков усталости. Поэтому Сигурд без колебаний выбрал этого коня и дал ему имя Грейн, или Грейфелл. Скакун был потомком восьминогого коня Одина Слейпнира и, помимо того, что был необычайно силен и неутомим, был таким же бесстрашным, как и его хозяин.

Однажды зимним днем, когда Регин и его ученик сидели у огня, старик ударил по своей арфе и, по обычаю северных скальдов, спел или продекламировал следующую историю своей жизни:

Сокровище короля гномов

Хрейдмар, король народа гномов, был отцом троих сыновей. Фафнир, старший, был одарен бесстрашной душой и мощной рукой; Выдра, второй, - силками и сетью, а также способностью менять свой облик по желанию; а Регин, младший, - всей мудростью и ловкостью рук. Чтобы угодить алчному Хрейдмару, этот младший сын построил для него дом, отделанный сверкающим золотом и драгоценными камнями, и охранял его Фафнир, с чьими свирепыми взглядами и шлемом Эгиса никто не осмеливался столкнуться. **Ошибка!**
Закладка не определена.

И вот случилось так, что Один, Хенир и Локи однажды пришли в человеческом обличье в одну из своих знаменитых экспедиций, чтобы испытать сердца людей, в страну, где жил Хрейдмар.

“И эти трое были мудрым сердцем Одина, Отца Убитых,

И Локи, Завистник Мира, который делает напрасным любой труд,

И Хенир, Совершенно Непорочный, воплотивший надежду человека,

И его сердце, и самые сокровенные устремления, когда только начиналась работа;—

Бог, который был прежде и которым еще будет в будущем

Когда новый свет, о котором еще никто не мечтал, воссияет над землей и морями”.

Когда боги приблизились к жилищу Хрейдмара, Локи увидел выдру, греющуюся на солнце. Это был не кто иной, как второй сын короля гномов, Оттер, который теперь поддался обычной любви Локи к разрушению. Убив несчастное существо, он закинул его безжизненное тело себе на плечи, думая, что из него получится вкусное блюдо, когда придет время трапезы.

Затем Локи поспешил за своими товарищами и, войдя вместе с ними в дом Хрейдмара, бросил свою ношу на пол. В тот момент, когда взгляд короля гномов упал на кажущуюся выдру, он пришел в неопишемую ярость, и прежде чем они смогли оказать эффективное сопротивление, боги обнаружили, что лежат связанными, и они услышали, как Хрейдмар объявил, что они никогда не вернут себе свободу, пока не смогут удовлетворить его жажду золота, дав ему этого драгоценного вещества столько, чтобы покрыть шкуру выдры изнутри и снаружи.

“Теперь слушайте приговор, который я произнесу! Вы, чужеземцы, будете свободны

Когда ты дашь мне Пламя Вод, собранное Золото Моря,

Что Андвари скрывает радость в тусклом царстве, бледном, как могила;

И Мастер Ловкости заберет это, и рука, которая никогда не подавала, **Ошибка! Закладка не определена.**

И сердце, вечно ропщущее, будет собирать, отдавать и сожалеть.

— Вот, это судьба мудрых, и никакая судьба не будет произнесена заново”.

Поскольку шкура выдры приобрела свойство растягиваться до сказочных размеров, никаких обычных сокровищ не могло хватить, чтобы покрыть ее, и поэтому положение богов было очень тяжелым. Дело, однако, стало немного более обнадеживающим, когда Хрейдмар

согласился освободить одного из них. Выбранным эмиссаром был Локи, который, не теряя времени, отправился к водопаду, где жил карлик Андвари, чтобы заполучить накопленные там сокровища.

“В самой отдаленной части мира есть пустыня ужаса,

Там, где через стену гор перехлестывает могучая вода,

Никто не знает ни скрытой головы, ни того, где она впадает в море;

И эта сила - Сила Андвари, а он - Эльф Тьмы.

В облаке и пустыне он обитает среди той земли один;

И его работа - хранить сокровища в своем каменном доме”.

Однако, несмотря на усердные поиски, Локи не мог найти карлика, пока, заметив лосося, резвящегося в пенящихся водах, ему не пришло в голову, что карлик, возможно, принял такой облик. Позаимствовав сеть у Рана, он вскоре поймал рыбу и узнал, как и подозревал, что это Андвари. Обнаружив, что ничего другого ему не оставалось, гном неохотно достал свое могущественное сокровище и отдал все, включая Шлем Ужаса и золотую кольчугу, оставив себе только кольцо, наделенное чудесной силой, которое, подобно магниту, притягивало драгоценную руду. Но жадный Локи, увидев его, сорвал с пальца гнома и, смеясь, удалился, в то время как его жертва осыпала его гневными проклятиями, заявляя, что кольцо когда-нибудь станет проклятием своего владельца и приведет к смерти многих.

Ошибка! Закладка не определена.

- Это золото

Которым обладал карлик

Отдам двум братьям

Быть причиной смерти,

И восьми принцам,

Из-За разногласий.

Из моего богатства никто не

Из этого выйдет добро”.

Эдда Семунда (т.р. Торпа).

По прибытии в дом Хрейдмара Локи обнаружил, что могущественное сокровище не слишком велико, потому что кожа становилась больше с каждым помещенным на нее предметом, и он был вынужден добавить кольцо Андваранаут (ткацкий станок Андвари), которое он намеревался сохранить, чтобы обеспечить освобождение себе и своим товарищам. Золотое проклятие Андвари вскоре начало действовать. Фафнир и Регин оба жаждали получить свою долю, в то время как Хридмар день и ночь злорадствовал над своим сокровищем и не хотел расставаться ни с чем из него. Фафнир непобедимый, увидев, наконец, что иначе он не может удовлетворить свою похоть, убил своего отца и завладел всеми сокровищами, затем, когда Регин пришел требовать свою долю, он с презрением прогнал его и велел ему самому зарабатывать себе на жизнь.

Изгнанный таким образом, Регин нашел убежище среди людей, которых он обучал искусству сеяния и жатвы. Он показал им, как обрабатывать металлы, плавать по морям, приручать лошадей, запрягать вьючных животных, строить дома, прясть, ткать и шить — короче говоря, все отрасли цивилизованной жизни, которые до сих пор были неизвестны. Прошли годы, и Реджин терпеливо выжидал своего часа, надеясь, что однажды он найдет героя, достаточно сильного, чтобы отомстить за свои обиды Фафниру, которого годы злорадства над его сокровищем превратили в ужасного дракона, ужас Гнитахейда (Сверкающей Пустоши), где он поселился. **Ошибка! Закладка не определена.**

Закончив свой рассказ, Регин внезапно повернулся к внимательному Сигурду, сказав, что знает, что юноша может убить дракона, если захочет, и поинтересовался, готов ли он помочь ему отомстить за причиненные обиды.

И он сказал: ‘Ты слушал, Сигурд? Поможешь ли ты старому человеку

Чтобы отомстить ему за своего отца? Хочешь ли ты выиграть это золотое сокровище

И будешь выше Царей земных? Избавишь ли ты землю от несправедливости

И исцелить горе, которое так долго терпело мое сердце?’

Меч Сигурда

Сигурд немедленно согласился, при условии, однако, что проклятие примет на себя Регин, который также, чтобы должным образом вооружить юношу для предстоящей битвы, должен выковать ему меч, который не сможет сломать ни один удар. Дважды Регин мастерила чудесное оружие, но дважды Сигурд разбивал его вдребезги на наковальне. Тогда Сигурд вспомнил о сломанных обломках оружия Сигмунда, которые хранила его мать, и, отправившись к Хиордис, выпросил их у нее; и либо он, либо Регин выковали из них клинок, такой прочный, что он разделил большую наковальню надвое без единого удара, и характер его был таков, что он аккуратно разрезал кусок шерсти, плавающий в ручье.

Сигурд и Фафнир

К. Дилитц

С разрешения Берлинской фотографической компании, ул. Нью-Бонд, 133, W.

Теперь Сигурд отправился с прощальным визитом к Грипиру, который, зная будущее, предсказал каждое событие в его предстоящей карьере; после чего он попрощался со своей матерью и в сопровождении Регин отплыл в страну своих отцов, поклявшись убить дракона,

когда выполнит свой первый долг, который заключался в том, чтобы отомстить за смерть Сигмунда. **Ошибка! Закладка не определена.**

“Сначала пожелаешь ли ты, принц,

Отомсти за своего отца,

И за обиды Эглыми

Не хочу мстить.

Ты будешь жесток,

Сыновья Хандинга,

Смело залегай на дно:

Ты одержишь победу”.

Сказание Сигурда Фафницида (Книга Торпа).

По пути в страну вельсунгов он увидел самое чудесное зрелище, ибо там появился человек, идущий по водам. Сигурд сразу же взял его на борт своего корабля-дракона, и незнакомец, назвавшийся Фенгом или Фьелльниром, пообещал попутный ветер. Кроме того, он научил Сигурда различать благоприятные предзнаменования. На самом деле стариком был Один или Хникар, повелитель волн, но Сигурд не подозревал, кто это.

Битва с драконом

Сигурд добился полного успеха в своем нападении на Лигни, которого он убил вместе со многими своими последователями. Затем он покинул свое отвоеванное королевство и вернулся с Регином, чтобы убить Фафнира. Вместе они ехали через горы, которые поднимались перед ними все выше и выше, пока не добрались до огромного участка пустыни, который, по словам Регина, был пристанищем Фафнира. Теперь Сигурд ехал один, пока не встретил одноглазого незнакомца, который велел ему вырыть траншеи посреди тропы, по которой дракон ежедневно тащил свое скользкое тело к реке, чтобы утолить жажду, и затаиться в одной из них, пока чудовище не пройдет над ним, тогда он сможет вонзить свой меч прямо ему в сердце.

Сигурд с благодарностью последовал этому совету и был **Ошибка! Закладка не определена.**вознагражден полным успехом, ибо, когда отвратительные складки чудовища взметнулись над головой, он вонзил свой меч ему в левую грудь, и когда он выскочил из траншеи, дракон лежал, задыхаясь в предсмертных судорогах.

Затем все погрузились в молчание, и сын Сигмунда встал

На истерзанной и изрытой бороздами пустыне, у лужи крови Фафнира,

И Змей лежал перед ним, мертвый, холодный, унылый и серый;

И над Сверкающей Вересковой Пустошью сияли солнце и день,

И легкий ветерок последовал за солнцем и подул над роковым местом,

Такой же свежий, как он бороздит морскую равнину или изгибает поверхность акров”.

Реджин благоразумно держался на расстоянии, пока не миновала всякая опасность, но, увидев, что его враг убит, теперь он подошел. Он боялся, что юный герой потребует награды, поэтому начал обвинять его в убийстве своих сородичей, но с притворным великодушием заявил, что вместо того, чтобы требовать жизнь за жизнь, в соответствии с обычаями Севера, он сочтет достаточным искуплением, если Сигурд вырежет сердце чудовища и зажарит его для него на вертеле.

Тогда Регин обратился к Сигурду: “Хочешь ли ты освободиться От этого убийства?

Тогда собери огонь и поджарь сердце для меня,

Чтобы я мог съесть это и остаться в живых, и быть твоим хозяином, и даже больше;

Ибо в этом были мощь и мудрость, а также затаенные и накопленные знания:

— Или же в страхе ступай по своим путям с этой Сверкающей Пустоши”.

Сигурд знал, что настоящий воин никогда не откажет в каком-либо удовлетворении родственникам убитого, поэтому согласился на, казалось бы, незначительное предложение и немедленно приготовился исполнять обязанности повара, в то время как Реджин дремала, пока мясо не было готово. Через некоторое время Сигурд потрогал жаркое, чтобы убедиться, нежное ли оно, **Ошибка! Закладка не определена.**но, сильно обжег пальцы, инстинктивно сунул их в рот, чтобы унять аппетит. Как только кровь Фафнира коснулась его губ, он, к своему крайнему удивлению, обнаружил, что может понимать песни птиц, многие из которых уже собрались вокруг падали. Внимательно слушая, он обнаружил, что они рассказывали о том, как Реджин замышлял зло против него, и как он должен убить старика и забрать золото, которое принадлежало ему по праву завоевания, после чего он должен вкусить сердце и кровь дракона. Поскольку это совпало с его собственными желаниями, он убил злого старика ударом своего меча и продолжил есть и пить, как предложили птицы, приберегая небольшую часть сердца Фафнира для дальнейшего употребления. Затем он отправился на поиски могущественного клада, и, надев Шлем Ужаса, золотую кольчугу, кольцо Андваранавта и нагрузив Грейфелла таким количеством золота, какое тот мог унести, он вскочил в седло и сел, жадно прислушиваясь к пению птиц, чтобы узнать, каким должен быть его дальнейший курс.

Спящая Дева - Воительница

Вскоре он услышал о девушке-воительнице, крепко спящей на горе и окруженной сверкающим барьером из пламени, через который мог пройти только храбрейший из мужчин, чтобы разбудить ее.

“О падении, которое я знаю”

Дева-воительница ложится спать;

Над ее волнами

Проклятие липы:

Игг , пока я застрял

Заноза во сне в мантии

О горничной , которая

Разве герои сделали бы выбор?”

"Легенда о Фафнире" (Книга Торпа.). **Ошибка! Закладка не определена.**

Это приключение было как раз по душе Сигурду, и он сразу же отправился в путь. Путь лежал через бездорожье, и путешествие было долгим и безрадостным, но, наконец, он добрался до Хиндарфиалла во Франкленде, высокой горы, вершина которой, окутанная облаками, казалась окруженной огненным пламенем.

“Долго Сигурд разъезжал по пустоши, когда, вот, утром следующего дня,

Из-за спутанных скалистых стен, среди серого облачного царства,

Поднимается на могучую гору, и кажется, что там горит

Факел среди его облачного венца; и вот Сигурд поворачивается туда,

Ибо он действительно считает, что с его вершины можно смотреть на лучшее на земле;

И Грейфелл ржет под ним, и сердце его полно веселья”.

Сигурд находит Брюнхильд

Дж. Вагрез

Сигурд поднимался по склону горы, и по мере его продвижения свет становился все более и более ярким, пока, когда он приблизился к вершине, перед ним не встал барьер из зловещего пламени. Огонь разгорался с ревом, от которого у любого другого обескуражилось бы сердце, но Сигурд вспомнил слова птиц и, ни секунды не колеблясь, храбро бросился в самую гущу.

Теперь Сигурд поворачивается в седле, и рукоять Гнева он сдвигает,
И затягивает подпругу еще туже; затем он поднимает собранные поводья,
И громко взывает к Грейфеллу, и скачет в сердце дикого огня;
Но белая стена колеблется перед ним, и огненный поток расходится в стороны,
И высоко над его головой поднимается он, и широк и дик его рев
Поскольку это несет великую весть на самый небесный этаж:
Но он мчится сквозь его рев, как воин скачет по ржи,
Когда он склоняется вместе с летним ветром и обнажаются спрятанные копья;
Белое пламя лижет его одежду и пробегает по гриве Грейфелла,
И омывает обе руки Сигурда и рукоять проклятия Фафнира,
И обвивает его боевой шлем и смешивается с его волосами, **Ошибка! Закладка не определена.**
Но ничто не омрачает его одежды и не тускнеет в его сверкающем снаряжении;
Затем все рушится, тускнеет и темнеет, пока не начинает казаться, что все осталось позади,
И рассвет, и пламя поглощаются мраком, суровым и слепым”.

Угрожающее пламя теперь угасло, и Сигурд продолжил свой путь по широкой полосе белого пепла, направляясь к большому замку с увешанными щитами стенами. Огромные ворота были широко открыты, и Сигурд въехал в них, не встреченный ни стражниками, ни воинами. Продвигаясь осторожно, так как опасался какой-нибудь ловушки, он, наконец, вышел в центр двора, где увидел лежащую фигуру, закованную в доспехи. Сигурд спешил со своего коня и нетерпеливо снял шлем, когда вздрогнул от удивления, увидев вместо воина лицо прекраснейшей девушки.

Однако все его попытки разбудить спящую были тщетны, пока он не снял с нее доспехи, и она лежала перед ним в белоснежных льняных одеждах, ее длинные волосы ниспадали золотыми волнами вокруг нее. Затем, когда последняя застежка ее доспехов ослабла, она широко открыла свои прекрасные глаза, встретившие восходящее солнце, и, впервые с восторгом приветствовав великолепное зрелище, повернулась к своему избавителю, и юный герой и девушка полюбили друг друга с первого взгляда.

Затем она повернулась и посмотрела на Сигурда, и ее глаза встретились с глазами Вельсунга.

И могучий и безмерный теперь поднялся прилив его любви,

Ибо их страстное желание встретилось и смешалось, и он знал о ее сердце, которое она любила,

И она не обращалась ни к кому, кроме него, и ее губы шевелились от потока речи”.

Теперь девушка принялась рассказывать Сигурду свою историю. Ее звали Брюнхильд, и, согласно некоторым источникам, она была дочерью земного короля **Ошибка! Закладка не определена.** которую Один возвел в ранг Валькирии. Она долго служила ему верой и

правдой, но однажды осмелилась поставить свои желания выше его, отдав более молодому и, следовательно, более привлекательному противнику победу, которую Один назначил другому.

Один и Брюнхильд

К. Дилитц

С разрешения Берлинской фотографической компании, ул. Нью-Бонд, 133 , W.

В наказание за этот акт неповиновения она была лишена своего поста и сослана на землю, где Всеотец постановил, что она должна выйти замуж, как любая другая представительница своего пола. Это предложение наполнило сердце Брюнхильд тревогой, ибо она очень боялась, что ей суждено стать женой труса, которого она будет презирать. Чтобы развеять эти опасения, Один отвез ее в Хиндарфиалл, или Хиндфелл, и, коснувшись ее Шипом Сна, чтобы она могла в неизменной молодости и красоте ожидать прихода своего суженого, он окружил ее огненным барьером, через который никто, кроме героя, не отважился бы пройти.

С вершины Хиндарфиалля Брюнхильд теперь указала Сигурду на свой бывший дом в Лимдейле или Хуналенде, сказав ему, что он найдет ее там, когда захочет прийти и заявить права на нее как на свою жену; а затем, когда они вместе стояли на одинокой вершине горы, Сигурд надел кольцо Андваранauta ей на палец в знак помолвки, поклявшись любить ее одну до конца жизни.

“Тогда из его руки извлекается древнее Золото Сигурда Андвари;

Над ними нет ничего, кроме неба, которое они скрепляют кольцом,

Бесформенный древний знак, у которого нет ни изменения, ни конца,

Никаких изменений, никакого начала, никакого изъяна, который Бог мог бы исправить:

Тогда Сигурд воскликнул: "О Брюнхильд, теперь слушай, пока я клянусь,

Что солнце умрет в небесах и день больше не будет ясным,

Если я не ищу любви в Лимдейле и доме, который взрастил тебя, **Ошибка! Закладка не определена.**

И земля, где ты проснулся, "между лесом и морем"!

И она воскликнула: "О Сигурд, Сигурд, теперь слушай, пока я клянусь

Чтобы день умер навсегда, а солнце погасло до черноты,

Прежде чем я забуду тебя, Сигурд, лежа между лесом и морем

В маленькой стране Лимдейл и в доме, который меня вырастил!"

Воспитание Аслауг

Согласно некоторым источникам, влюбленные расстались после того, как таким образом поклялись в верности; но другие говорят, что Сигурд вскоре разыскал Брюнхильд и женился на ней, с которой некоторое время жил в совершенном счастье, пока не был вынужден оставить ее и свою малолетнюю дочь Аслауг. Этот ребенок, оставшийся сиротой в трехлетнем возрасте, был взят на воспитание отцом Брюнхильд, который, изгнанный из дома, прятал ее в искусно сделанной арфе, пока, достигнув далекой страны, не был убит крестьянской парой ради золота, которое, как они предполагали, в ней находилось. Их удивление и разочарование были поистине велики, когда, вскрыв инструмент, они обнаружили красивую маленькую девочку, которую сочли немой, так как она не

произносила ни слова. Прошло время, и ребенок, которого они воспитывали как трудягу, вырос в прекрасную девушку, и она завоевала любовь проходившего мимо викинга, Рагнара Лодброга, короля датчан, которому она и рассказала свою историю. Викинг отплыл в другие земли, чтобы выполнить цели своего путешествия, но по прошествии года, за это время он снискал много славы, он вернулся и увез Аслауг в качестве своей невесты.

- Она услышала голос, который показался ей хорошо знакомым,

Долго ждал в унылые часы ушедшего времени

И обхватили ее могучие руки:

Но когда ее дрожащие красные губы коснулись

С небес того дорогого поцелуя,

И их взгляды встретились, она увидела в его **Ошибка! Закладка не определена.**

Свежая гордость, свежая надежда, свежая любовь и пила

Впереди еще тянутся долгие сладкие дни,

Они все еще идут рука об руку,

Как и сейчас, они отправились вниз по стрэнду.

Воспитание Аслауг (Уильям Моррис).

Аслауг

Гертруда Демейн Хэммонд, Р.И.

Однако в продолжении истории Сигурда и Брюнхильд нам рассказывается, что молодой человек отправился на поиски приключений в большой мир, где он поклялся, как истинный герой, исправлять зло и защищать сирот и угнетенных.

Ниблунги

В ходе своих странствий Сигурд пришел в страну Ниблунгов, страну постоянного тумана, где Джуки и Гримхильд были королем и королевой. Последнего особенно следовало опасаться, поскольку она была хорошо сведуща в магических знаниях и могла плести заклинания и стряпать чудесные зелья, которые обладали силой погружать пьющего во временное забытие и заставлять его подчиняться ее воле.

У короля и королевы было трое сыновей, Гуннар, Хегни и Гутторм, которые были храбрыми молодыми людьми, и одна дочь, Гудрун, нежнейшая и прекраснейшая из дев. Все очень тепло приветствовали Сигурда, и Джуки пригласил его ненадолго задержаться. Приглашение было очень приятным после его долгих странствий, и Сигурд был рад остаться и разделить удовольствия и занятия Ниблунгов. Он сопровождал их на войну и так отличился своей доблестью, что завоевал восхищение Гримхильд, и она решила сделать его мужем своей дочери. Поэтому однажды она сварила одно из своих волшебных снадобий, и когда он отведал его из рук Гудрун, он совершенно забыл Брюнхильд и свою клятву верности, и вся его любовь была обращена к дочери королевы. **Ошибка! Закладка не определена.**

Но сердце Сигурда изменилось, как будто этого никогда и не было

Его любовь к Брюнхильд угасла, когда он взглянул на королеву ниблунгов:

Любимое тело Брюнхильд превратилось в опустошенный очаг,

Не нужно больше ни тюков, ни благословений, ни изобилия, ни нехватки”.

Хотя не было недостатка в смутном страхе, что он забыл какое-то событие в прошлом, которое должно было повлиять на его поведение, Сигурд попросил руки Гудрун и получил ее, и их свадьба была отпразднована при ликовании народа, который очень любил юную героиню. Сигурд дал своей невесте съесть немного сердца Фафнира, и в тот момент, когда она попробовала его, ее характер изменился, и она стала холодной и молчаливой по отношению ко всем, кроме него. Чтобы еще больше укрепить свой союз с двумя старшими джукингами (так называли сыновей Джуки), Сигурд вошел с ними в “кольцо судьбы”, и трое молодых людей разрезали дерн, который был положен на щит, под которым они стояли, обнажая и слегка порезав свои правые руки, позволяя своей крови смешаться со свежей землей. Затем, когда они поклялись в вечной дружбе, дерн заменили.

Но хотя Сигурд любил свою жену и испытывал истинно братскую привязанность к ее братьям, он не мог избавиться от навязчивого чувства подавленности, и его редко видели таким лучезарным, как в былые времена. К этому времени Джуки умер, и его старший сын Гуннар правил вместо него. Поскольку молодой король не был женат, Гримхильд, его мать, умоляла его взять жену, предположив, что нет никого более достойного стать королевой Ниблунгов, чем Брюнхильд, которая, как сообщалось, сидела в золотом зале, окруженная пламенем, откуда она заявила, что выйдет замуж только за воина, который осмелится бросить вызов огню ради нее. **Ошибка! Закладка не определена.**

Хитрость Гуннара

Гуннар немедленно приготовился искать эту девушку и, подкрепленный одним из волшебных снадобий своей матери и ободренный Сигурдом, который сопровождал его, почувствовал уверенность в успехе. Но когда, достигнув вершины горы, он хотел броситься в огонь, его конь испуганно попятился, и он не смог заставить его продвинуться ни на шаг. Видя, что конь его товарища не выказывает признаков страха, он спросил его о Сигурде; но хотя Грейфелл

позволил Гуннару сесть в седло, тот не пошевелился, потому что его хозяина не было у него на спине.

Сигурд и Гуннар

Дж . Си Доллман

Теперь, когда Сигурд нес Шлем Ужаса, а Гримхильд дала Гуннару волшебное зелье на случай, если оно понадобится, у спутников появилась возможность поменяться обликами и чертами лица, и, видя, что Гуннар не может пробиться сквозь пылающую стену, Сигурд предложил принять облик Гуннара и посвататься к нему за невесту. Король был сильно разочарован, но так как альтернативы не было, он спешился, и вскоре необходимый обмен был произведен. Затем Сигурд взобрался на Грейфелл в облике своего спутника, и на этот раз конь не выказал ни малейшего колебания, а прыгнул в пламя при первом прикосновении к его уздечке и вскоре доставил своего всадника в замок, где в большом зале сидела Брюнхильд. Ни один из них не узнал другого: Сигурд из-за магических чар, наложенных на него Гримхильд; Брюнхильд из-за изменившейся внешности своего возлюбленного.

Девушка разочарованно отпрянула от темноволосого незваного гостя, ибо считала невозможным, чтобы кто-либо, кроме Сигурда, проехал через пылающий круг. Но она неохотно двинулась навстречу своему посетителю, и когда он заявил, что пришел посвататься к ней, она **Ошибка! Закладка не определена.** разрешила ему занять место мужа рядом с ней, поскольку она была связана торжественным предписанием принять в качестве своей супруги того, кто таким образом будет искать ее сквозь пламя.

Три дня оставался Сигурд с Брюнхильд, и его сверкающий меч лежал обнаженным между ним и его невестой. Это странное поведение возбудило любопытство девушки, поэтому Сигурд сказал ей, что боги повелели ему отпраздновать свою свадьбу таким образом.

“Там они легли вместе в одну постель; но молочный брат лежал

Между ним и телом Брюнхильд его ярко-синий боевой клинок;

И она смотрела и не обращала на это внимания; но, пока лежат мертвецы,

Она лежала, сложив руки на груди, и не обращала внимания на ночь:

И пока еще лежал этот Образ Гуннара, покинутого жизнью,

И, держась за руки, он сложил их в ожидании утра.

Так часто в залитом лунным светом храме вы можете видеть своих отцов

Рядом с древними матерями жди грядущего дня”.

Когда наступило четвертое утро, Сигурд снял кольцо Андваранавут с руки Брюнхильд и, заменив его другим, получил от нее торжественное обещание, что через десять дней она явится ко двору Ниблунгов, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей королевы и верной жены.

“Я благодарю тебя, король, за твое благоволение, и я принимаю твою клятву любви,

Отправляйся с моей помощью к своему народу, но не пройдет и десяти дней, как

Я приду к Сынам Ниблунгов, и тогда мы больше не расстанемся

До того дня, когда изменятся дни нашей жизни, когда призовут Один и Фрейя”.

Выполнив данное обещание, Сигурд снова вышел из дворца по пеплу и присоединился к Гуннару, с которым, после того как тот доложил об успехе своего предприятия, он поспешил еще раз обменяться формулярами. Затем воины повернули своих коней домой, и только Гудрун Сигурд раскрыл тайну сватовства ее брата **Ошибка! Закладка не определена.**, и он подарил ей роковое кольцо, не подозревая о множестве бед, которые ему было суждено вызвать.

Пришествие Брюнхильды

Верная своему обещанию, Брюнхильд появилась через десять дней и, торжественно благословив дом, в который собиралась войти, ласково приветствовала Гуннара и позволила ему проводить себя в большой зал, где сидел Сигурд рядом с Гудрун. В этот момент Вельсунг поднял голову, и когда он встретился с укоризненным взглядом Брюнхильд, чары Гримхильд рассеялись, и прошлое нахлынуло потоком горьких воспоминаний. Однако было слишком поздно: оба были связаны долгом чести, он - с Гудрун, а она - с Гуннаром, за которым она пассивно последовала на возвышение, чтобы сидеть рядом с ним, пока скальды развлекали королевскую чету древними легендами своей земли.

Проходили дни, а Брюнхильд оставалась внешне равнодушной, но сердце ее пылало от гнева, и она часто тайком убегала из дворца мужа в лес, где могла дать выход своему горю в одиночестве.

Тем временем Гуннар заметил холодное безразличие своей жены к его признаниям в любви и начал испытывать ревнивые подозрения, задаваясь вопросом, честно ли Сигурд рассказал правдивую историю ухаживания, и опасаясь, как бы он не воспользовался своим положением, чтобы завоевать любовь Брюнхильд. Один Сигурд продолжал свой ровный путь, не борясь ни с кем, кроме тиранов и угнетателей, и подбадривая всех своими добрыми словами и улыбкой.

Ссора королев

Однажды королевы вместе отправились к Рейну купаться, и, когда они входили в воду, Гудрун заявила о своем превосходстве по праву своего мужа **Ошибка! Закладка не определена.** мужество. Брюнхильд отказалась уступить то, что считала своим правом, и завязалась ссора, в ходе которой Гудрун обвинила свою невестку в том, что она не сдержала своей веры, предъявив кольцо и Варанаут в поддержку своего обвинения. Вид рокового кольца в руке ее соперницы сокрушил Брюнхильд, и она убежала домой и лежала в безмолвном горе день за днем, пока все не подумали, что она должна умереть. Напрасно Гуннар и члены королевской семьи по очереди искали ее и умоляли заговорить; она не произносила ни слова, пока не пришел Сигурд и не поинтересовался причиной ее невыразимого горя. Затем, подобно долго сдерживаемому потоку, ее любовь и гнев вырвались наружу, и она осыпала героя упреками, пока его сердце не наполнилось такой скорбью из-за ее горя, что тугие ремни его прочной брони не поддались.

- Вышел Сигурд

Из того интервью

В зал королей,

Корчась от боли;

Итак, что начало заводиться

Пламенный воин

Тканый из железа сарк

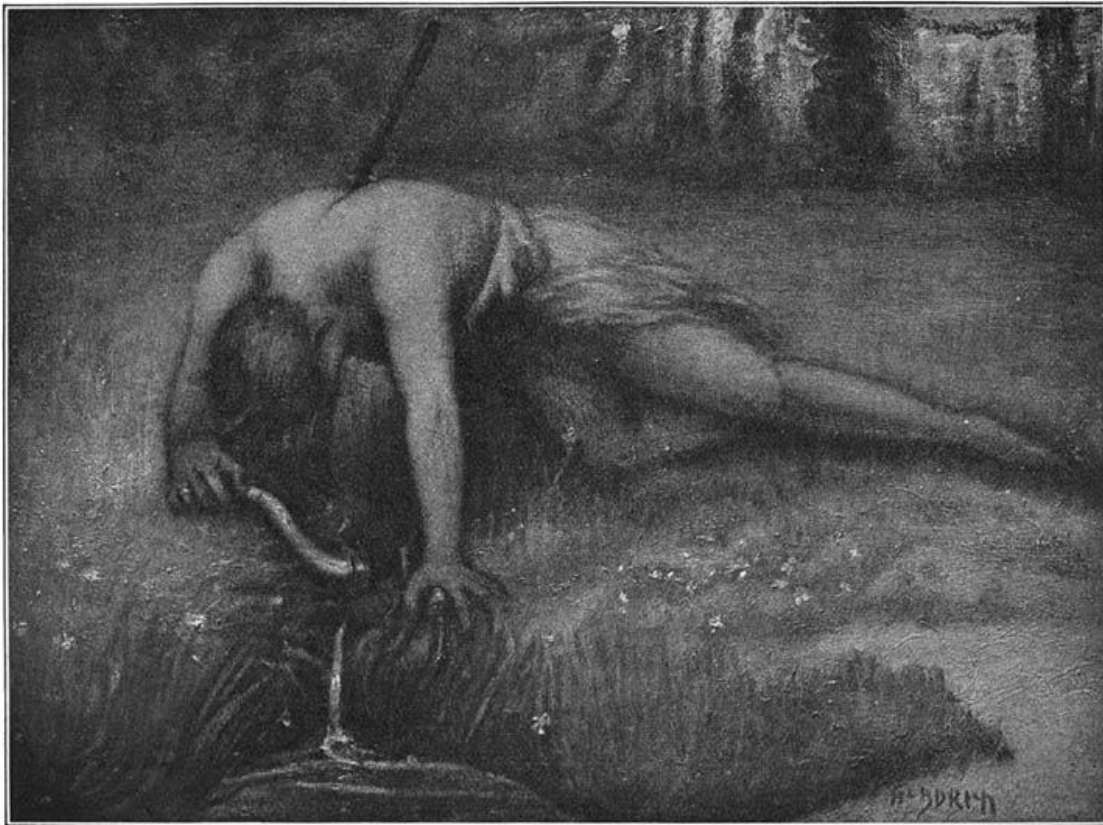
С его боков.

Эдда Семунда (т.р. Торпа).

Слова были бессильны исправить эту прискорбную ситуацию, и Брюнхильд отказалась слушать, когда Сигурд предложил отречься от Гудрун, сказав, когда она отпускала его, что не изменит Гуннару. Мысль о том, что двое живых мужчин называли ее женой, была невыносима для ее гордости, и в следующий раз, когда муж пришел к ней, она умоляла его предать Сигурда смерти, тем самым усиливая его ревность и подозрительность. Однако он отказался жестоко расправиться с Сигурдом из-за их клятвы в добром товариществе, и поэтому она обратилась к Хегни **Ошибка! Закладка не определена.** за помощью. Он тоже не хотел нарушать свою клятву, но с помощью долгих уговоров и одного из снадобий Гримхильд убедил Гутторма совершить этот подлый поступок.

Смерть Сигурда

Соответственно, глубокой ночью Гутторм прокрался в комнату Сигурда с оружием в руке; но когда он склонился над кроватью, то увидел, что блестящие глаза Сигурда устремлены на него, и опрометью убежал. Позже он вернулся, и сцена повторилась; но ближе к утру, прокрадываясь в третий раз, он застал героя спящим и предательски пронзил его спину копьем.

Смерть Зигфрида

Х. Хендрич

С разрешения "Illustrante Zeitung" (Дж. Дж. Вебер. Leipzig)

Несмотря на смертельное ранение, Сигурд приподнялся в постели и, схватив свой знаменитый меч, висевший рядом с ним, изо всех оставшихся сил метнул его в летящего убийцу, разрубив его надвое, когда тот достиг двери. Затем, прошептав последнее "прощай" перепуганной Гудрун, Сигурд откинулся назад и испустил дух.

"Не горюй, о Гудрун, этот удар - последний в моей жизни;

Страх покидает Дом Ниблунгов с наступлением утра;

Да будешь ты жить, о женщина любимая, непрощенная, несчастная!"

- Это дело рук Брюнхильд, - пробормотал он, - и женщины, которая меня очень любит;

Теперь не в чем раскаиваться, и история остается, чтобы ее рассказать.

Я совершил много подвигов за свою жизнь; и все это, как и моя любовь, ложь

В пустой руке Одина, пока не пройдет день мира.

Я сделал и не могу отменить, Я отдал и больше не беру:

Разве ты иной, чем я, Всеотец, неужели ты напрасно собираешь мою славу?"

Малолетний сын Сигурда был убит в то же время, и бедняжка Гудрун оплакивала свою смерть молча, без слез **Ошибка! Закладка не определена.** скорбь; в то время как Брюнхильд

громко смеялась, тем самым навлекая на себя гнев Гуннара, который слишком поздно раскаялся, что не принял мер для предотвращения подлого преступления.

Скорбь Ниблунгов нашла выражение в публичных похоронах, которые вскоре состоялись. Был воздвигнут огромный погребальный костер, на который были принесены драгоценные драпировки, свежие цветы и сверкающее оружие, как это было принято при погребении принца; и пока шли эти печальные приготовления, Гудрун была объектом нежной заботы женщин, которые, опасаясь, что ее сердце разобьется, пытались остановить поток ее слез, рассказывая о самых горьких горестях, которые они знали, рассказывая о том, как она тоже потеряла все, что было ей дорого. Но эти попытки заставить ее заплакать были совершенно тщетны, пока, наконец, они не положили голову ее мужа ей на колени, попросив поцеловать его, как будто он все еще был жив; тогда ее слезы потекли ручьями.

Реакция вскоре коснулась и Брюнхильд; ее негодование было забыто, когда она увидела тело Сигурда, положенное на погребальный костер, одетое, словно для битвы, в начищенные доспехи, со Шлемом Ужаса на голове и в сопровождении его коня, которого должны были сжечь вместе с ним, вместе с несколькими его верными слугами, которые не переживут его потери. Она удалилась в свои покои и, распределив свои пожитки между служанками, надела свой самый богатый наряд и заколола себя, лежа на кровати.

Весть об этом вскоре дошла до Гуннара, который поспешил к своей жене как раз вовремя, чтобы получить ее предсмертное повеление положить ее рядом с героем, которого она любила, со сверкающим обнаженным мечом между ними, как это было, когда он ухаживал за ней по доверенности. Когда она испустила последний вздох, эти желания были исполнены в точности **Ошибка! Закладка не определена.**, и ее тело было сожжено вместе с телом Сигурда под стенания всех Ниблунгов.

Конец Брюнхильды

Дж. Вагрез

В рассказе Рихарда Вагнера “Кольцо” конец Брюнхильды более живописен. Восседая на своем коне, как тогда, когда она вела за собой воительниц по приказу Одина, она въехала в пламя, взметнувшееся к небесам из великого погребального костра, и навсегда скрылась из виду мужчин.

“Они ушли — прекрасные, могущественные, надежда древней Земли:

Он будет трудиться и нести бремя, как до того дня, когда они родились:

Оно будет стонать в своем слепом пребывании в тот день, когда Сигурд ускорился,

И час, который ускорила Брюнхильд, и рассвет, пробуждающий мертвых:

Он будет тосковать, и часто будет холпен, и больше не забудет их деяний,

Пока новое солнце не засияет над Бальдром и счастливым берегом без моря.

Сцена смерти Сигурда (Зигфрида) гораздо более яркая в "Истории Нибелунгов". В тевтонской версии вероломный противник выманивает его с охоты в лес, чтобы утолить жажду у ручья, где пронзает его спину копьем. Оттуда охотники отнесли его тело домой и положили к ногам его жены.

Бегство Гудрун

Гудрун, все еще безутешная и ненавидящая своих сородичей, которые вероломно лишили ее всякой радости в жизни, сбежала из отцовского дома и нашла убежище у Эльфа, приемного отца Сигурда, который после смерти Хиордис женился на Торе, дочери короля Хакона. Две женщины стали большими подругами, и здесь Гудрун прожила несколько лет, занимаясь вышиванием на гобеленах великих деяний Сигурда и наблюдая **Ошибка!**

Закладка не определена.ГИПЕРССЫЛКА \ "X6561231ccbcc40a067fe6b39e4a09143a32ed63" \h

Атли, царь гуннов

Тем временем Атли, брат Брюнхильд, который теперь был королем гуннов, послал к Гуннару потребовать искупления вины за смерть своей сестры; и чтобы удовлетворить его требования, Гуннар пообещал, что, когда пройдут годы ее вдовства, он отдаст ему в жены руку Гудрун. Прошло время, и Атли потребовал исполнения своего обещания, поэтому братья Ниблунги вместе со своей матерью Гримхильд отправились на поиски давно отсутствовавшей принцессы, и с помощью волшебного зелья, приготовленного Гримхильд, им удалось убедить Гудрун оставить маленькую Сванхильд в Дании и стать женой Атли в стране гуннов.

Тем не менее Гудрун втайне ненавидела своего мужа, чьи алчные наклонности были ей крайне противны; и даже рождение двух сыновей, Эрпа и Эйтеля, не утешило ее в связи со смертью ее близких и отсутствием Сванхильд. Ее мысли постоянно были заняты прошлым, и она часто говорила о нем, не подозревая, что ее описания богатств Ниблунгов возбудили жадность Атли и что он втайне планировал какой-нибудь предлог для завладения ими.

Атли, наконец, решил послать Кнефруда или Винги, одного из своих слуг, пригласить принцев Ниблунгов посетить его двор, намереваясь убить их, когда они окажутся в его власти; но Гудрун, разгадав этот замысел, отправила своим братьям руническое послание вместе с кольцом Андваранаут, вокруг которого она обвила волчью шерсть. Однако по дороге посланник частично стер руны, изменив их значение; и когда он предстал перед Ниблунгами, Гуннар **Ошибка! Закладка не определена.**принял приглашение, несмотря на предупреждения Хегни и Гримхильд, а также зловещий сон о Глаумвор, его второй жене.

Захоронение клада Ниблунгов

Однако перед отъездом Гуннара убедили тайно закопать огромный клад Ниблунгов в Рейне, и он опустил его в глубокую яму в русле реки, местонахождение которой было известно

только королевским братьям, которые дали торжественную клятву никогда не разглашать его.

Затем вниз и, вращаясь, наружу выпало красноватое Золото,

Как пламя в тусклом сером утре, вспыхнуло величиной с королевство;

Затем над ним взревели воды, бледная вода и пена

Взлетел над поверхностью каменной стены, когда звенящее Золото упало домой,

Неслыханный, невиданный навсегда, чудо и сказка,

Пока не умрет последний из земных певцов из сынов человеческих”.

Предательство Атли

Затем королевский отряд в боевом порядке выехал из города ниблунгов, который им больше никогда не суждено было увидеть, и после многих приключений они вступили в страну гуннов и прибыли в чертог Атли, где, обнаружив, что попали в подлую ловушку, они убили предателя Кнефруда и приготовились продать свои жизни как можно дороже.

Гудрун поспешила им навстречу с нежными объятиями и, видя, что им предстоит сражаться, схватилась за оружие и преданно помогла им в последовавшей ужасной резне. После первой атаки Гуннар поддерживал боевой дух своих последователей, играя на своей арфе, которую он отложил в сторону только тогда, когда атаки возобновились. Трижды храбрые ниблунги отражали нападение гуннов, пока все, кроме Гуннара и Хегни, **Ошибка! Закладка не определена.**погибли, а король и его брат, раненые, ослабевшие и измученные, попали в руки своих врагов, которые бросили их, надежно связанных, в темницу ожидать смерти.

Атли благоразумно воздержался от какого-либо активного участия в битве, и теперь он по очереди приводил к себе своих зятьев, обещая им свободу, если они выдадут тайник с золотыми сокровищами; но они гордо хранили молчание, и только после долгих пыток Гуннар заговорил, сказав, что он дал торжественную клятву никогда не раскрывать тайну, пока жив Хегни. В то же время он заявил, что поверит в смерть своего брата только тогда, когда ему принесут его сердце на блюде.

Страшным голосом воскликнул Гуннар: “О глупец, ты слышал, как это рассказывали

Кто в прошлый раз выиграл Сокровище и Золотые кольца?

Это был Сигурд, потомок вельсунгов, лучший из лучших:

Он приехал с Севера, с гор, и стал моим летним гостем,

Мой друг и мой брат поклялись: он оседлал Колеблющийся Огонь,

И покорил меня Царице Славы и исполнил мое желание;

Он был похвалой мира, надеждой тех, кто делал несправедные ставки,

Помощь смиренных людей, молот сильных:

Ах, отныне часто в мире будут рассказывать историю об этом деянии,

И я, когда-нибудь, расскажу это в день Нужды Ниблунгов:

Ибо я всю ночь просидел в своих доспехах, и когда свет широко разлился по земле,
Я убил Сигурда, брата моего, и посмотрел на дело рук моих.
И вот, о могучий Атли, я увидел крушение Ниблунга,
И ноги малодушного подлеца наступили на шею Гуннару;
И если всего этого будет недостаточно, и Боги пожалеют мне покоя,
Дай мне увидеть, как сердце Хегни быстро вырвут из его живой груди,
И положили на блюдо передо мной: и тогда я расскажу о Золоте,
И стану твоим слугой, Атли, и моя жизнь будет в твоём распоряжении”.

Ошибка! Закладка не определена.

Побуждаемый жадностью, Атли немедленно приказал принести сердце Хегни; но его слуги, побоявшись поднять руку на такого сурового воина, убили трусливого поваренка Хиалли. Трепещущее сердце этого бедняги вызвало презрительные слова Гуннара, который заявил, что такой пугливый орган никогда не мог принадлежать его бесстрашному брату. Атли снова отдал гневный приказ, и на этот раз непоколебимое сердце Хегни было извлечено на свет, после чего Гуннар, повернувшись к монарху, торжественно поклялся, что, поскольку тайна теперь принадлежит только ему, она никогда не будет раскрыта.

Последний из Ниблунгов

Побагровев от гнева, король приказал своим слугам бросить Гуннара со связанными руками в логово ядовитых змей; но это не устрало безрассудного Ниблунга, и, поскольку в насмешку ему бросили вслед его арфу, он спокойно сидел в яме, играя на арфе пальцами ног и убаюкивая всех рептилий, кроме одной. Говорили, что мать Атли приняла облик этой змеи и что именно она теперь укусила его в бок и навсегда заставила замолчать его победную песнь.

Чтобы отпраздновать свой триумф, Атли устроил большой пир, приказав Гудрун присутствовать и прислуживать ему. На этом пиру он от души ел и пил, почти не подозревая, что его жена убила обоих его сыновей и подала их жареные сердца и кровь, смешанную с вином, в кубках, сделанных из их черепов. Через некоторое время король и его гости опьянели, когда Гудрун, согласно одной из версий этой истории, подожгла дворец, и поскольку пьяные мужчины были разбужены, слишком поздно, чтобы убежать, она раскрыла, что натворила, и, сначала ударив ножом своего мужа, спокойно погибла в огне вместе с гуннами. Другая **Ошибка! Закладка не определена.** версия, однако, гласит, что она убила Атли мечом Сигурда и, поместив его тело на корабль, который она отправила по течению, бросилась в море и утонула.

Произнося это, она раскинула руки и оторвалась от земли

И отрезал ей путь к возвращению, ибо морские волны захлестнули ее,

И отныне их воля - это ее воля, и кто знает морские глубины,

А богатство постели Гудрун и дни, которые еще будут?

Согласно третьей и совсем другой версии, Гудрун не утонула, а была унесена волнами в страну, где царем был Йонакур. Там она стала его женой и матерью троих сыновей: Серли,

Хамдира и Эрпа. Более того, она вернула себе свою любимую дочь Сванхильд, которая тем временем превратилась в прекрасную девушку брачного возраста.

Сванхильд

Сванхильд была помолвлена с Эрменрихом, королем Готланда, который послал своего сына Рандвера и одного из своих слуг Сибица сопроводить невесту в его королевство. Сибиц был предателем, и в рамках плана предотвратить гибель королевской семьи, чтобы он мог претендовать на королевство, он обвинил Рандвера в попытке завоевать расположение своей молодой мачехи. Это обвинение настолько разозлило Эрменриха, что он приказал повесить своего сына, а Сванхильд затоптать до смерти копытами диких лошадей. Однако красота этой дочери Сигурда и Гудрун была такова, что даже диких коней нельзя было заставить причинить ей вред, пока она не была скрыта от их взоров **Ошибка! Закладка не определена.** под большим одеялом, когда они насмерть затоптали ее своими жестокими копытами.

Узнав о судьбе своей любимой дочери, Гудрун призвала к себе троих сыновей и, снабдив их доспехами и оружием, против которых не мог устоять ничто, кроме камня, велела им уйти и отомстить за убитую сестру, после чего умерла от горя и была сожжена на большом погребальном костре.

Трое юношей, Серли, Хамдир и Эрп, отправились в королевство Эрменриха, но прежде чем они встретились со своими врагами, двое старших, посчитав Эрпа слишком юным, чтобы помогать им, насмеялись над его маленьким ростом и в конце концов убили его. Затем Серли и Хамдир напали на Эрменриха, отрубили ему руки и ноги и убили бы его, если бы внезапно не появился одноглазый незнакомец и не приказал прохожим бросать камни в молодых людей. Его приказ был немедленно выполнен, и вскоре Серли и Хамдир пали убитыми под градом камней, которые, как мы видели, одни могли причинить им вред.

“Вы когда-то слышали о Сигурде, о том, как он убивал врагов Бога;

Как из мрачной пустыни извлек он Золото Вод;

Как он пробудил Любовь на Горе и разбудил Брюнхильд Светлую,

И жил на Земле некоторое время, и сиял в глазах всех людей.

Вы слышали об Облачных Людях и угасании дня,

И смятение последнего мира, и Сигурд ушел;

Теперь вы знаете о необходимости Ниблунгов и о конце разбитой троты,

Смерть всех королей и родов и Скорбь Одина-Гота”.

Интерпретация Саги

Некоторые авторитеты предполагают, что эта история о вельсунгах представляет собой серию солнечных мифов, в которых Зиги, Рерир, Вельсунг, Зигмунд и Сигурд, в свою очередь, олицетворяют светящийся шар дня. Все они вооружены **Ошибка! Закладка не определена.** непобедимые мечи, солнечные лучи, и все они путешествуют по миру, сражаясь со своими врагами, демонами холода и тьмы. Сигурд, как и Бальдр, любим всеми; он женится на Брюнхильд, деве рассвета, которую находит посреди пламени, в лучах утреннего солнца, и расстается с ней только для того, чтобы найти ее снова, когда его

карьера закончится. Его тело сжигают на погребальном костре, который, как и тело Бальдра, символизирует либо заходящее солнце, либо последний отблеск лета, прообразом которого он тоже является. Убийство Фафнира символизирует уничтожение демона холода или тьмы, который украл золотые сокровища лета или желтые лучи солнца.

Согласно другим источникам, эта Сага основана на истории. Атти - жестокий Атила, “Бич Божий”, в то время как Гуннар - Гундикий, бургундский монарх, чье королевство было разрушено гуннами и который был убит вместе со своими братьями в 451 году. Гудрун - бургундская принцесса Ильдико, которая, как уже говорилось, убила своего мужа в первую брачную ночь, используя сверкающий клинок, когда-то принадлежавший богу солнца, чтобы отомстить за своих убитых родственников. **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XXVII: История Фритьофа

Епископ Тегнер

Вероятно, ни один писатель девятнадцатого века не сделал так много для пробуждения интереса к литературным сокровищам Скандинавии, как епископ Эсайас Тегнер, которого шведский автор охарактеризовал как “этого могущественного джинна, который организует даже беспорядок”.

“Сага о Фритьофе” Тегнера была переведена по крайней мере по одному разу на все европейские языки и около двадцати раз на английский и немецкий. Гете отзывался об этом произведении с величайшим энтузиазмом, и повесть, дающая непревзойденную картину жизни наших предков-язычников на Севере, вызвала подобную похвалу у Лонгфелло, который считал ее одним из самых замечательных произведений своего века.

Хотя Тегнер выбрал для своей темы только сагу о Фритьофе, мы обнаруживаем, что эта повесть является продолжением более старой, но менее интересной саги о Торстене, о которой мы приводим здесь очень краткий очерк, просто чтобы читатель мог ясно понять каждый намек в более современной поэме.

Как это часто бывает с этими древними сказаниями, история начинается с Халого (Локи), который пришел на север вместе с Одином и стал править северной Норвегией, которая в его честь была названа Халогаландом. Согласно северной мифологии, у этого бога были две прелестные дочери. Их увезли смелые женихи, которые, изгнанные с материка проклятиями и магическими чарами Халоджа, нашли убежище со своими недавно завоеванными женами на соседних островах.

Рождение викинга

Так случилось, что внук Халогге, Викинг, **Ошибка! Закладка не определена.**родился на острове Борнхольм в Балтийском море, где он жил до пятнадцати лет и где стал самым крупным и сильнейшим человеком своего времени. Слухи о его доблести наконец дошли до Хунвор, шведской принцессы, которая была подавлена вниманием огромного поклонника, которого никто не осмеливался прогнать, и она послала за викингом, чтобы тот освободил ее.

Призванный таким образом, юноша удалился, получив от своего отца волшебный меч по имени Ангурвадель, удары которого были смертельны даже для такого великана, как жених Хунвора. “Хольмганг”, как называли дуэль на Севере, начинался сразу же, как только герой появлялся на сцене, и викинг, убив своего противника, мог бы жениться на принцессе, если бы не считалось позорным для северянина жениться до двадцати лет.

Чтобы скрасить время ожидания своей обещанной невесты, викинг отправился в путь на хорошо управляемом корабле-драконе; и, путешествуя по Северным и Южным морям, он столкнулся с бесчисленными приключениями. В это время его особенно преследовали сородичи убитого им великана, которые были адептами магии, и они навлекли на него неисчислимые опасности на суше и на море.

С помощью и подстрекательством своего закадычного друга Хальфдана викинг избежал всех опасностей, убил многих своих врагов и, после спасения Хунвора, которого тем временем враги увезли в Индию, обосновался в Швеции. Его друг, верный как в мирное, так и в военное время, поселился рядом с ним и тоже женился, выбрав в жены Ингеборг, служанку Хунвора.

Теперь сага описывает долгие, мирные зимы, когда воины пировали и слушали рассказы о скальдах, воодушевляясь к энергичным действиям только тогда, когда вернувшаяся весна снова позволила им спустить на воду **Ошибка! Закладка не определена.** их корабли-драконы и снова отправиться в свои пиратские экспедиции.

Тогда Скальд взял свою арфу и запел:

И громко зазвучал сквозь музыку

Звук этого сияющего слова;

И струны арфы зазвенели,

Как будто их ударили лезвием

От меча.

- А берсерки вокруг

Разразился криком

От этого стропила зазвенели:

Они ударили кулаками по доске,

И крикнул: "Да здравствует Меч,

И король!"

"Сага о короле Олафе" Лонгфелло.

В старой истории скальды с большим удовольствием рассказывают о каждой фазе атаки и защиты во время крейсерства и рейда и описывают каждый нанесенный и полученный удар, с удовлетворением останавливаясь на кровавой бойне и зловещем пламени, которые окутывают как врагов, так и корабли, превращая их в руины. Однако ожесточенный бой часто является залогом будущей дружбы, и нам рассказывают, что Хальфдан и Викинг, не сумев победить Ньерфе, отважного противника, вложили свои мечи в ножны после самой упорной борьбы и приняли своего врага как третье звено в их тесных узах дружбы.

Возвращаясь домой из одного из таких обычных набегов, викинг потерял свою любимую жену; и, доверив ее ребенка Ринга заботам приемного отца, после короткого периода траура храбрый воин женился снова. На этот раз его супружеское счастье было более продолжительным, поскольку в саге говорится, что его вторая жена родила ему девять крепких сыновей.

Ньерфе, король Нагорья в Норвегии, также радовался семье из девяти храбрых сыновей. Теперь, хотя их **Ошибка! Закладка не определена.**отцы были объединены узами самой тесной дружбы, поклявшись в кровном братстве в соответствии с истинными северными обрядами, молодые люди завидовали друг другу и были очень склонны к ссорам.

Игра в мяч

Несмотря на эту тлеющую вражду, молодые люди часто встречались; в саге рассказывается, что они вместе играли в мяч, и дается описание самой ранней игры с мячом, зарегистрированной в северных летописях. Сыновья викинга, такие же высокие и сильные, как он, были склонны довольно беззаботно относиться к благополучию своих противников, и, судя по следующему рассказу, переведенному из старой саги, игроки часто оставались в таком же плачевном состоянии, как после современной игры.

На следующее утро братья отправились на игры и, как правило, в течение дня играли с мячом; они толкали мужчин и позволяли им грубо падать, а других избивали. Ночью троим мужчинам сломали руки, и многие были в синяках или покалечены”.

Игра между сыновьями Ньерфе и Викинга завершилась разногласиями, и один из сыновей Ньерфе нанес одному из своих противников опасный и коварный удар. Из-за вмешательства зрителей пострадавший не смог сразу же отомстить, поэтому придумал тривиальный предлог, чтобы вернуться на землю в одиночестве; и, встретив там своего противника, он убил его.

Кровная месть

Когда Викинг услышал, что один из его сыновей убил ребенка его друга, он был очень возмущен и, помня о своей клятве отомстить за все обиды Ньерфе, изгнал юного убийцу. Остальные братья, услышав этот приговор, поклялись, что последуют за изгнанником, и поэтому викинг с грустью попрощался с ними, **Ошибка! Закладка не определена.**отдав свой меч Ангурвадель Торстену, старшему, и предупредив его тихо оставаться на острове в озере Венер, пока не минует опасность возмездия со стороны оставшихся сыновей Ньерфе.

Молодые люди повиновались; но сыновья Ньерфе были полны решимости отомстить за своего брата, и хотя у них не было лодок, чтобы переправить их через озеро, они воспользовались искусством фокусника, чтобы вызвать сильный мороз. Сопровождаемые множеством вооруженных людей, они бесшумно прокрались по льду, чтобы напасть на Торстена и его братьев, и последовала ужасная резня. Только двоим из нападавших удалось спастись, но они оставили, как им казалось, всех своих врагов среди мертвых.

Затем викинг пришел похоронить своих сыновей и обнаружил, что двое из них, Торстен и Торер, все еще живы; после чего он тайно перенес их в подвал под своим домом, и в должное время они оправились от своих ран.

Двое оставшихся в живых сыновей Ньерфе вскоре обнаружили с помощью магии, что их противники живы, и предприняли вторую отчаянную, но тщетную попытку убить их. Викинг понимал, что ссора будет возобновляться постоянно, если его сыновья останутся дома;

поэтому он отправил их к Хальфдану, ко двору которого они добрались после ряда приключений, во многом напоминающих приключения Тесея на пути в Афины.

Когда пришла весна, Торстен отправился в пиратскую экспедицию, в ходе которой он встретил Йокула, старшего сына Ньерфе, который тем временем насильно завладел королевством Согн, убив короля, изгнав его наследника Беле и превратив свою прекрасную дочь Ингеборг в подобие старой ведьмы.

На протяжении всей истории Джокул представлен в некотором роде трусом, поскольку он предпочел прибегнуть к **Ошибка! Закладка не определена.**магии, когда он хотел причинить вред сыновьям викинга. Таким образом, он вызвал сильные бури, и Торстен, дважды потерпевший кораблекрушение, был спасен из волн только кажущейся ведьмой, на которой он пообещал жениться в благодарность за ее добрые услуги. Торстен по совету Ингеборг отправился на поиски Беле, которого он нашел и заменил на его наследственном троне, поклявшись ему в вечной дружбе. После этого зловещие чары были сняты, и Ингеборг, теперь явившая себя во всей своей природной красоте, соединилась с Торстеном и жила с ним во Фрамнесе.

Торстен и Беле

Каждую весну Торстен и Беле вместе отправлялись в путь на своих кораблях; и в одной из таких экспедиций они объединили силы с Ангантайром, врагом, чей характер они должным образом испытали, и вернулись во владение бесценным сокровищем, волшебным кораблем-драконом по имени Эллида, который Эгир, бог моря, когда-то подарил викингу в награду за гостеприимное обращение и который был у него украден.

“Королевский подарок, на который стоит посмотреть, учитывая вздувающиеся доски его каркаса

Были скреплены не гвоздями, как обычно, а *сросшимися*.

Во время плавания он имел форму дракона, но двигался вперед

Его голова гордо поднялась, горло пылало желтым золотом;

Его брюхо было испещрено красными и желтыми пятнами, но сзади, у руля направления

Извивал свой могучий хвост кругами, весь покрытый серебряной чешуей;

Черные крылья с красными краями; когда все были расправлены

Эллида мчалась со свистом бури, но опередила орла.

Когда он был до краев заполнен воинами, он плыл по водам,

Вы бы сочли это плавучей крепостью или воинственной обителью монарха.

Корабль был известен повсюду, и "Из кораблей" был первым на Севере".

Тегнер, Сага о Фритьофе (Труд Сполдинга).

В следующем сезоне Торстен, Беле и Ангантюр завоевали Оркнейские острова, которые были предоставлены в качестве **Ошибка! Закладка не определена.**королевство последнему, он добровольно обязался выплачивать ежегодную дань Беле. Затем Торстен и Беле отправились на поиски волшебного кольца, или браслета, когда-то выкованного Велундом, кузнецом, и украденного Соте, знаменитым пиратом.

Ingeborg

М. Э. Виндж

Этот дерзкий грабитель так боялся, как бы кто-нибудь не завладел волшебным кольцом, что заживо похоронил себя с ним в кургане в Бретланде. Говорили, что здесь его призрак постоянно охранял его, и когда Торстен вошел в свою гробницу, Беле, который ждал

снаружи, услышал звуки наносимых ужасных ударов и вернулся, а также увидел зловещие отблески сверхъестественного огня.

Когда Торстен, наконец, выбрался из кургана, бледный и окровавленный, но торжествующий, он отказывался говорить об ужасах, с которыми ему пришлось столкнуться, чтобы заполучить желанное сокровище, но часто повторял, показывая его: “Я дрожал всего один раз в жизни, и это было, когда я схватил его!”

Рождение Фритьофа и Ингеборг

Таким образом, обладатель трех величайших сокровищ Севера, Торстен вернулся домой во Фрамнес, где Ингеборг родила ему прекрасного мальчика Фритьофа, а у Беле родились двое сыновей, Хальфдан и Хельге. Мальчики играли вместе и были уже довольно взрослыми, когда родилась Ингеборг, маленькая дочь Беле, и некоторое время спустя ребенка доверили заботам Хильдинга, который уже был приемным отцом Фритьофа, поскольку частые отлучки Торстена затрудняли ему заниматься воспитанием своего мальчика.

“Веселые они росли, в простодушном ликовании;

Молодой Фритьоф был молодым деревцем;

В расцветающей красоте рядом с ним,

Милая Ингеборг, гордость сада”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (т.р. Лонгфелло).

Фритьоф вскоре стал выносливым и бесстрашным благодаря своему **Ошибка! Закладка не определена..** Фритьоф быстро развил в себе самые милые черты характера и привлекательность. Оба были счастливее всего, когда были вместе; и по мере того, как они становились старше, их детская привязанность с каждым днем становилась все глубже и сильнее, пока Хильдинг, видя такое положение дел, не напомнил юноше, что он подданный короля и, следовательно, не пара для его единственной дочери.

“Одину, в его звездном небе,

Восходит к своему титулованному происхождению;

Но ты сын Торстена; уступи дорогу!

Ибо, как говорится, ”подобное процветает лучше всего с подобным”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (труд Дж. Стивенса).

Любовь Фритьофа к Ингеборг

Однако эти мудрые наставления пришли слишком поздно, и Фритьоф яростно заявил, что добьется расположения прекрасной Ингеборг в качестве своей невесты, несмотря на все препятствия и свое более скромное происхождение.

Вскоре после этого Беле и Торстен встретились в последний раз возле великолепного святилища Бальдера, где король, чувствуя, что его конец близок, созвал торжественное собрание всех своих главных подданных, чтобы представить народу своих сыновей Хельге и Хальфдана в качестве избранных им преемников. Молодые наследники были очень холодно приняты по этому случаю, потому что Хельге был мрачен и неразговорчив и склонялся к

жизни священника, а Хальфдан был слабым, женоподобным по натуре и отличался любовью к удовольствиям, а не к войне и погоне. Фритьоф, который присутствовал и стоял рядом с ними, был объектом множества восхищенных взглядов толпы.

Но вплотную за ними идет Фритьоф,
Закутанный в свою голубую мантию;
Он стал выше на целую голову
Чем у обоих из них.

Ошибка! Закладка не определена.

Он стоит там между братьями —
Как будто настал зрелый день
Между юным утром, розово-прекрасным,
И ночь в лесу.

Тегнер, Сага о Фритьофе (труд Дж. Стивенса).

Дав последние наставления и советы своим сыновьям и ласково поговорив с Фритьофом, к которому он питал теплое уважение, старый король повернулся к своему пожизненному товарищу Торстену, чтобы попрощаться с ним, но старый воин заявил, что они ненадолго расстанутся. Затем Беле снова обратился к своим сыновьям и велел им воздвигнуть его хоу, или погребальный холм, в пределах видимости от холма Торстена, чтобы их души могли общаться над водами узкого залива, который будет протекать между ними, чтобы они не были разлучены даже после смерти.

Хельге и Хафдан

Эти инструкции были свято выполнены, когда вскоре после этого престарелые товарищи испустили дух; и когда были воздвигнуты большие курганы, братья, Хельге и Хальфдан, начали править своим королевством, в то время как Фритьоф, их бывший товарищ по играм, удалился к себе во Фрамнес, плодородную усадьбу, расположенную в уютной долине, окруженной высокими горами и водами постоянно меняющегося залива Ферт.

“Поля усадьбы простирались на три мили; с трех сторон
Долины, горы и холмы, но с четвертой стороны был океан.
Березовые леса венчали вершины, но по пологим склонам холмов
Цвела золотая кукуруза, и высотой с человека колыхалось ржаное поле”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (Роман Лонгфелло.). **Ошибка! Закладка не определена.**

Но, хотя Фритьоф был окружен верными слугами и наделен большим богатством и обладанием знаменитыми сокровищами своего героя-отца, мечом Ангурвадель, кольцом Велунда и несравненным кораблем-драконом Эллидой, он был несчастлив, потому что больше не мог ежедневно видеть прекрасную Ингеборг. Однако все его прежнее расположение духа возродилось, когда весной по его приглашению оба короля приехали навестить его вместе со своей прекрасной сестрой, и они снова провели долгие часы в

веселом общении. Поскольку они постоянно были вместе, Фритьоф нашел возможность заявить Ингеборге о своей глубокой привязанности и получил в ответ признание в ее любви.

Он сел рядом с ней и пожал ее мягкую руку,

И он почувствовал мягкое давление, отзывчивое и мягкое;

В то время как его сияющий любовью взгляд

Был возвращен, как солнце в безмятежных лучах луны”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (т.р. Лонгфелло).

Иск Фритьофа

Когда визит закончился и гости разошлись, Фритьоф сообщил своему доверенному лицу и главному компаньону Бьерну о своей решимости последовать за ними и открыто просить руки Ингеборг. Его корабль был снят с якоря, и он, как орел, устремился к берегу возле святилища Бальдра, где царственные братья торжественно восседали на могиле Беле, чтобы выслушать прошения своих подданных. Фритьоф немедленно предстал перед ними и мужественно изложил свою просьбу, добавив, что старый король всегда любил его и, несомненно, удовлетворил бы его просьбу.

— Моим отцом не был ни король, ни ярл, даже... это правда;

И все же песни Обжигают память о нем и подвиги возобновляются;

Рунические камни подскажут

На пирамиде с высокими сводами то, что хорошо сделала моя раса.

Ошибка! Закладка не определена.

“Я с легкостью мог бы завоевать себе и империю, и землю; —

Но лучше я останусь на берегу моих предков;

Пока я могу владеть руками —

Я защищу и хижину бедности, и королевский дворец.

“Мы стоим на круглом кургане Беле; каждое слово

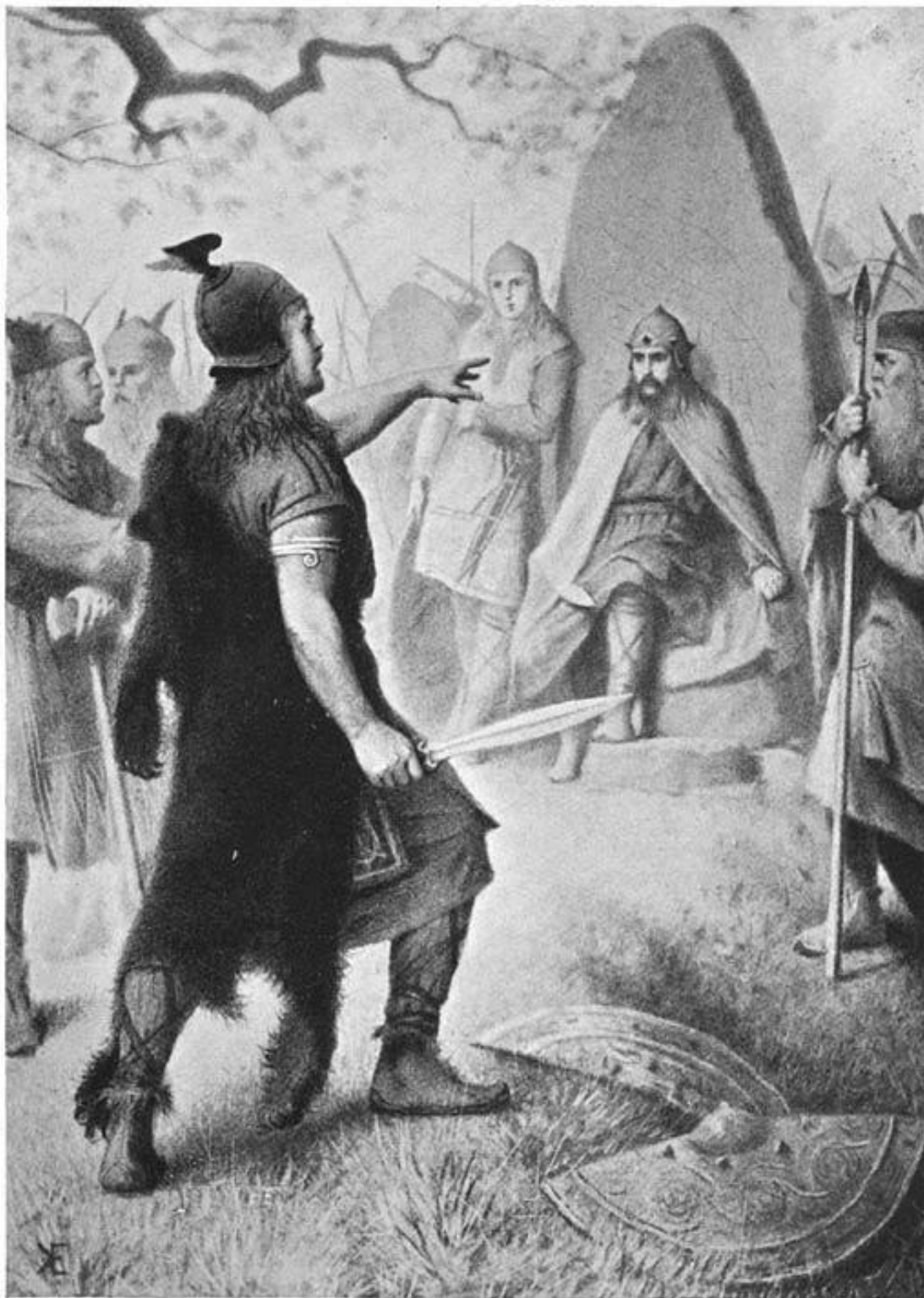
В темных глубинах под нами он слышит и уже слышал;

С мольбами Фритьофа

Старый Вождь в своей пирамиде: подумай! твой ответ требует обдумывания”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (труд Дж. Стивенса).

Затем он пообещал пожизненную верность и службу своей сильной правой рукой в обмен на благо, которого так жаждал.

Фритьоф раскалывает Щит Хельге

Кнут Эквалл

С разрешения Ф. Брукмана, Мюнхен

Когда Фритьоф умолк, король Хельге поднялся и, презрительно посмотрев на молодого человека, сказал: “Наша сестра не для сына крестьянина; гордые вожди Северных Земель могут оспаривать ее руку, но не ты. Что касается твоего высокомерного предложения, знай,

что я могу защитить свое королевство. Но если ты согласишься стать моим мужчиной, то можешь занять место в моем доме.

Взбешенный таким публичным оскорблением, Фритьоф обнажил свой непобедимый меч; но, вспомнив, что он стоит на освященном месте, он ударил только по королевскому щиту, который, ударившись о землю, развалился на две части. Затем, в угрюмом молчании вернувшись на свой корабль, он сел на него и уплыл.

“ И вот! разрубленный надвое одним ударом

Золотой щит короля Хельге упал с дубового столба:

Услышав лязг удара,

Живые начинались наверху, мертвые - внизу”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (т.р. Лонгфелло).

У Сигурда появился Поклонник

После его отъезда прибыли гонцы от Сигурда Ринга, престарелого короля Рингрика в Норвегии, который, потеряв жену, послал к Хельге и Хальфдану просить **Ошибка! Закладка не определена.** Руки Ингеборг. Прежде чем ответить этому царственному поклоннику, Хельге посоветовался с Вала, или пророчицей, и жрецами, которые все заявили, что предзнаменования были не в пользу этого брака. После этого Хельге собрал свой народ, чтобы услышать весть, которую гонцы должны были передать своему повелителю, но, к несчастью, король Хальфдан дал волю своему остроумному юмору и насмешливо сослался на преклонный возраст королевского поклонника. Эти невежливые слова были доведены до сведения короля Ринга и настолько оскорбили его, что он немедленно собрал армию и приготовился выступить против королей Согна, чтобы отомстить за оскорбление своим мечом. Когда слух о его приближении дошел до трусливых братьев, они пришли в ужас и, боясь встретиться с врагом без посторонней помощи, послали Хильдинга к Фритьофу умолять его о помощи.

Хильдинг застал Фритьофа за игрой в шахматы с Бьерном и немедленно сообщил о своем поручении.

“От высокопоставленных наследников Бэйла

Я прихожу с вежливыми словами и молитвами

Печальные вести поднимают храбрых;

На тебя возлагается надежда нации.

В обители Бальдра скорбит самая прекрасная добыча,

Милая Ингборг плачет весь долгий день:

Скажи, могут ли ее слезы пролиться незамеченными,

И не призовет своего защитника на свою сторону?”

Тегнер, Сага о Фритьофе (т.р. Лонгфелло).

Пока старик говорил, Фритьоф продолжал играть, то и дело вставляя загадочные намеки на игру, пока в этот момент не сказал:

“Бьерн, ты напрасно преследуешь мою королеву,

Она с детства самая родная, верная!

Она - самая любимая фигура в моей игре, и

Будь что будет — я спасу свою королеву!”

Тегнер, Сага о Фритьофе (перевод Г. Стивенса.). **Ошибка! Закладка не определена.**

Хильдинг не понял такого способа ответа и в конце концов упрекнул Фритьофа в его безразличии. Тогда Фритьоф встал и, ласково пожав старику руку, велел ему сказать королям, что он слишком глубоко оскорблен, чтобы прислушаться к их мольбам.

Хельге и Хальфдан, вынужденные сражаться без своего самого храброго предводителя, предпочли заключить договор с Сигурдом Кольцом и согласились отдавать ему не только свою сестру Ингеборг, но и ежегодную дань.

В Святилище Бальдра

Пока они сражались таким образом у Согн-Саунда, Фритьоф поспешил в храм Бальдра, куда Ингеборг была отправлена для безопасности и где, как заявил Хильдинг, он нашел ее убитой горем. И хотя для мужчины и женщины считалось святотатством перекинуться парой слов в священном здании, Фритьоф не мог удержаться, чтобы не утешить ее; и, забыв обо всем остальном, он заговорил с ней и утешил ее, развеяв все ее опасения относительно гнева богов, заверив ее, что Бальдр добрый должен смотреть на их невинную страсть одобрительными глазами, ибо такая чистая любовь, как у них, не может осквернить святилища; и в конце концов они поклялись в верности перед святилищем Бальдра.

“Ты шепчешь “Болдер”, больше всего боясь Его гнева;—

У этого кроткого бога весь гнев улетучивается.

Мы поклоняемся здесь Возлюбленному, дорогая!

Любовь наших сердец - это его жертва;

Тот бог, чье чело излучает солнечное сияние,

Чья вера длится вечно, —

Разве это не была его любовь к прекрасной Нанне

Такой же чистый, такой же теплый, как мой для тебя?

“Видишь его образ! —он сам размышляет об этом —

Как мягко, как по-доброму движутся его ясные глаза!

Отступление несу я здесь, перед этим,

Теплое сердце, полное чистейшей любви.**Ошибка! Закладка не определена.**

Подойди, преклони колени рядом со мной! никаких благовоний для алтаря

Душе Бальдра больше благодарности

Больше, чем два сердца, клятвопреступающие в его присутствии

Взаимная вера, такая же истинная, как и у него!”

Тегнер, Сага о Фритьофе (труд Дж. Стивенса).

Успокоенная этим рассуждением, получившим дополнительную силу от голоса, который громко шел из ее собственного сердца, Ингеборг не могла отказаться повидаться с Фритьофом и побеседовать с ним. Во время отсутствия королей молодые влюбленные встречались каждый день и обменивались знаками любви, Фритьоф подарил Ингеборге Велунд кольцо на руку, которое она торжественно пообещала вернуть своему возлюбленному, если будет вынуждена нарушить свое обещание жить только для него. Фритьоф задержался во Фрамнесе до возвращения королей, когда, уступив нежным просьбам Ингеборг Прекрасной, он снова предстал перед ними и поклялся освободить их из рабства у Сигурда Кольца, если они только пересмотрят свое решение и пообещают ему руку своей сестры.

“Война продолжается и наносит удар”

Его сверкающий щит в пределах твоих границ;

Твое королевство, король Хельге, в опасности:

Но отдай свою сестру, и я протяну тебе свою руку

Твоя охрана в битве. Это может сослужить тебе хорошую службу.

Приди! пусть эта обида между нами будет забыта,

Не желаю я терпеть такого "брата гейнста ингборга".

Прислушайся к совету, король! будь справедлив! и спасай немедленно

Твоя золотая корона и сердце твоей прекрасной сестры!

Вот моя рука: клянусь Аса-Тором

Никогда больше это не растянется на примирение!”

Тегнер, Сага о Фритьофе (труд Дж. Стивенса).

Фритьоф изгнан

Но хотя это предложение было встречено собравшимися воинами с одобрением, Хельге презрительно поинтересовался у Фритьофа, разговаривал ли он с Ингеборг и осквернил ли таким образом храм Бальдра.

Крик: “Скажи "нет", Фритьоф! скажи ”нет“!” прервалась **Ошибка! Закладка не определена.** из кольца воинов, но он гордо ответил: “Я бы не солгал, чтобы обрести Валгаллу. Я говорил с твоей сестрой, Хельге, но не нарушил покой Бальдра.

Ингеборг смотрит, как уходит ее возлюбленный

Кнут Эквалл

С разрешения Ф. Брукмана, Мюнхен

При этом признании по рядам прошел ропот ужаса, и когда прозвучал резкий голос Хельге, осуждающего, никто не смог оспорить справедливость приговора.

Это, по-видимому, не было жестоким, но Хельге хорошо знал, что это означало смерть, и он так и думал.

Далеко на западе лежали Оркнейские острова, которыми правил ярл Ангантайр, чья ежегодная дань Беле была удержана теперь, когда старый король лежал в своей пирамиде из камней. Говорили, что он был жесток на руку, и Фритьофу было поручено потребовать дань уважения лицом к лицу.

Однако, прежде чем отправиться на поиски суда, он еще раз разыскал Ингеборг и умолял ее сбежать с ним в дом на солнечном Юге, где ее счастье будет для него законом и где она будет править его подданными как его почтенная жена. Но Ингеборг с прискорбием отказалась сопровождать его, сказав, что, поскольку ее отца больше нет, она обязана беспрекословно повиноваться своим братьям и не может выйти замуж без их согласия.

Пылкий дух Фритьофа поначалу терял терпение из-за крушения его надежд, но в конце концов его благородная натура победила, и после душераздирающей сцены расставания он сел на корабль "Эллида" и печально отплыл из гавани, в то время как Ингеборг сквозь пелену слез смотрела, как парус тает и исчезает вдаль.

Едва судно скрылось из виду, как Хельге послал за двумя ведьмами по имени Хейд и Хэм, приказав им заклинаниями вызвать бурю на море, в которой не смог бы выжить даже богом данный корабль "Эллида", чтобы все на борту погибли. **Ошибка! Закладка не определена.** ведьмы немедленно подчинились; и с помощью Хельге они вскоре вызвали бурю, ярость которой не имеет аналогов в истории.

“Хельге на берегу”

Произносит свое волшебное заклинание,

Способный повелевать

Изверги земли или ада.

Сгущающаяся тьма окутывает небо;

Прислушайтесь, отдаленный раскат грома!

Зловещие молнии, когда они летят,

Испачкать кровью соболиный шест.

Океан, кипящий до самого основания,

Широко разбрасывает свою волну пены;

Вопли, как при самой быстрой погоне,

Морские птицы ищут свой дом на острове”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (т.р. Лонгфелло).

“Тогда буря раскроет свои крылья

Дикий его курс; в пене океана

То он опускает его, то взмахивает вверх,

Кружась к собственному дому Бога:

Управляет каждым духом Ужаса, предупреждая,

Высоко на самой верхней волне —

Из белого, необъятного, зияющего,

Бездонная, непостижимая могила”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (труд Дж. Стивенса).

Буря

Не испуганный бушующими волнами и свистящими взрывами, Фритьоф спел веселую песню, чтобы успокоить свою перепуганную команду; но когда опасность стала настолько велика, что его измученные последователи сочли себя погибшими, он вспомнил о подношении дани богине Ран, которая всегда требует золота от тех, кто хочет упокоиться с миром под океанскими волнами. Взяв свой браслет, он разрубил его мечом и справедливо разделил между своими людьми.

“Кто уходит с пустыми руками

Вниз, к синему морю Побежал?

Холодные ее поцелуи поражают, и

Мимолетны ее объятия”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (Книга Г. Стивенса.). **Ошибка! Закладка не определена.**

Затем он велел Бьорну подержать руль, а сам взобрался на верхушку мачты, чтобы осмотреть горизонт. Сидя там, он заметил кита, на котором две ведьмы боролись со штормом. Обращаясь к своему доброму кораблю, который был одарен силой понимания и мог повиноваться его командам, он теперь уничтожал и китов, и ведьм, и море покраснело от их крови. В то же мгновение ветер стих, волны перестали угрожать, и вскоре на морях снова засияла хорошая погода.

Измученные своими предыдущими сверхчеловеческими усилиями и трудом вытаскивания тюков с затонувшего судна, люди были слишком слабы, чтобы высадиться на берег, когда они наконец достигли Оркнейских островов, и Бьерну и Фритьофу пришлось перенести их на берег, которые осторожно уложили их на песок, предложив отдохнуть и подкрепиться после всех перенесенных ими лишений.

- Еще более усталые, чем их Дракон

Доблестные люди Тоттера Фритьофа;

Хотя каждый опирается на свое оружие,

Тогда они едва держатся на ногах.

Бьерн, на мощном плече, дарет

Четверых отнести на сушу;

Фритьоф, совсем один, восемь родов,—

Так они дополняют бренд upblaz'd.

Нет! вы, бледнолицые, не стыдитесь!

Волны - могучие викинги;

Тяжела неравная борьба—

Служанки океана - наши враги.

Смотрите! вот и рог с медом,

Кольцо для волшебной палочки на ярко-золотой ножке;

Товарищи по кораблю! согрейте озябшие конечности, — и

Выпьем за Ингеборг!”

Тегнер, Сага о Фритьофе (труд Дж. Стивена).

Прибытие Фритьофа и его людей и способ их высадки были замечены сторожем Ангантюра, который немедленно сообщил своему хозяину обо всем, что **Ошибка! Закладка не определена.** Ярл воскликнул, что корабль, выдержавший такой шторм, не мог быть никем иным, как Эллидой, и что его капитаном, несомненно, был Фритьоф, доблестный сын Торстена. При этих словах один из его берсерков, Атле, схватил свое оружие и вышел из зала, поклявшись, что бросит вызов Фритьофу и таким образом убедится в правдивости рассказов, которые он слышал о храбрости молодого героя.

Вызов Атле

Несмотря на то, что Фритьоф все еще был сильно измотан, он немедленно принял вызов Атле, и после острой схватки на мечах, в которой Ангурвадель одержал победу, два чемпиона сцепились в смертельных объятиях. Широко известен этот бойцовский поединок на Севере, и герои были достойны друг друга, но в конце концов Фритьоф поверг своего противника, которого он убил бы на месте, будь его меч в пределах досягаемости. Атле понял его намерение и велел ему отправиться на поиски оружия, пообещав оставаться неподвижным во время его отсутствия. Фритьоф, зная, что обещание такого воина нерушимо, немедленно подчинился; но когда он вернулся со своим мечом и обнаружил, что его противник спокойно ожидает смерти, он смягчился и велел Атле подняться и жить.

“Тогда они пошли на штурм, ничего не добившись,

Как две осенние волны!

И часто со стальным круглым экраном,

Их сотрясающиеся груди яростно бьют.

“Все они борются, как два медведя,

На снежных холмах; и нарисуй

И напрягитесь, каждый, как орел

В разгневанном море идет война.

Твердая скала сопротивлялась

Полный разрыв между ними

И зеленые железные дубы, скрученные книзу

С меньшими натяжками были.

Ошибка! Закладка не определена.

“С каждого широкого лба струится пот;

Их груди холодно вздымаются;

И камни , и холмики, и кусты

Получаю стократные вмятины”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (труд Дж. Стивенса).

Теперь успокоенные воины вместе направились к чертогу Ангантюра, который, как обнаружил Фритьоф, сильно отличался от грубых жилищ его родины. Стены были обиты кожей, богато украшенной позолоченными узорами. Камин был из мрамора, а в оконных рамах были стеклянные панели. Мягкий свет исходил от множества свечей, горевших в серебряных подсвечниках, и столы ломились от самых роскошных яств.

Возвращение Фритьофа во Фрамнес

Кнут Эквалл

С разрешения Ф. Брукмана, Мюнхен

Высоко в серебряном кресле восседал ярл, одетый в золотую кольчугу, поверх которой была наброшена богатая мантия, отороченная горностаем, но когда Фритьоф вошел, он поднялся

со своего места и сердечно протянул руку. “Не один рог опорожнил я с моим старым другом Торстенем, - сказал он, - и его храбрый сын также желанный гость за моим столом”.

Как ни в чем не бывало, Фритьоф уселся рядом с хозяином и, поев и выпив, рассказал о своих приключениях на суше и на море.

Наконец, однако, Фритьоф изложил свое поручение, после чего Ангантюр сказал, что он не обязан платить дань Хельге и не будет ему ничего платить; но что он передаст требуемую сумму в качестве бесплатного подарка сыну своего старого друга, предоставив ему свободу распоряжаться ею по своему усмотрению. Между тем, поскольку время года было неподходящим для обратного путешествия, а на море постоянно бушевали штормы, король пригласил Фритьофа погостить у него зиму; и только когда снова задули нежные весенние бризы, он, наконец, позволил ему уехать. **Ошибка! Закладка не определена.**

Возвращение Фритьофа домой

Простившись со своим добрым хозяином, Фритьоф поднял паруса, и, подгоняемый попутным ветром, герой через шесть дней появился в виду Фрамнеса и обнаружил, что его дом по приказу Хельге превратился в бесформенную кучу пепла. Фритьоф печально шагал по разрушенному месту, где находился дом его детства, и, когда он смотрел на это безлюдное зрелище, его сердце горело в нем. Однако руины не были полностью заброшены, и внезапно Фритьоф почувствовал, как в его руку ткнулось холодное дуло его охотничьей собаки. Несколько мгновений спустя его любимый скакун поскакал рядом со своим хозяином, и верные создания были почти вне себя от восторга. Затем пришел Хильдинг, чтобы поприветствовать его и сообщить, что Ингеборг теперь жена Сигурда Ринга. Когда Фритьоф услышал это, он пришел в неистовую ярость и приказал своим людям затопить суда в гавани, а сам направился к храму в поисках Хельге.

Король стоял в короне среди круга жрецов, некоторые из которых размахивали горящими сосновыми сучьями, в то время как все сжимали жертвенный кремневый нож. Внезапно раздался лязг оружия, и в комнату ворвался Фритьоф, его чело было темным, как осенние бури. Лицо Хельге побледнело, когда он предстал перед разгневанным героем, ибо он знал, что предвещает его приход. “Прими свою дань, король”, - сказал Фритьоф и с этими словами снял с пояса кошелек и швырнул его в лицо Хельге с такой силой, что изо рта у него хлынула кровь, и он упал в обмороке к ногам Бальдра.

Седобородые священники двинулись к месту насилия, но Фритьоф жестом велел им вернуться, и вид у него был такой угрожающий, что они не посмели послушаться.

Затем его взгляд упал на нарукавное кольцо, которое он подарил Ингеборг и которое Хельге поместил на **Ошибка! Закладка не определена.** на руке Бальдра, и, подойдя к деревянному истукану, он сказал: “Прости, великий Бальдр, не для тебя было украдено кольцо из могилы Велунда!” Затем он схватился за кольцо, но, как он ни дергал, оно не поддавалось. Наконец он собрал всю свою силу и внезапным рывком поднял кольцо, и в тот же момент изображение бога ничком упало на огонь алтаря. В следующее мгновение его охватило пламя, и прежде чем можно было что-либо предпринять, весь храм был окутан огнем и дымом.

“Все, все потеряно! Из полуобгоревшего зала

Огненно-красный петух взлетает!-

Сидит на крыше и с пронзительным криком

Порхая, он летит свободным курсом”.

"Сага о Фритьофе" Тегнера (перевод Дж. Стивенса).

Фритьоф в святилище Бальдра

Кнут Эквалл

С разрешения Ф. Брукмана, Мюнхен

Фритьоф, охваченный ужасом от святотатства, которое он невольно совершил, тщетно пытался погасить пламя и спасти дорогостоящее святилище, но, обнаружив, что его усилия тщетны, он сбежал на свой корабль и решил вести утомительную жизнь изгоя и изгнанника.

“Ты не можешь успокоиться,

Ты все еще должен поторопиться,

Эллида! —вон

Вокруг огромный мир.

Да! зажигай! в пути

Соль для вспенивания в середине пены

Мой хороший Дракон!

“Ты вздымаешься смело

Подружись со мной!—Никогда

Я тебя разорву!—

Курган моего отца

Унылые стойки, крепко привязанные,

И такие же всплески

Распевайте неизменные панихиды;

Но синий будет моим

Сквозь пену-сияние потока, **Ошибка! Закладка не определена.**

Плывет среди бурь,

И штормы густо затемняются,

И нарисуй еще мо

Ниже, ниже, ниже.—

Моя жизнь-Отданный Дом,

Ты будешь, далеко заброшенный!

Мой Курган будет...

Ты, свободное широкое море!”

Тегнер, Сага о Фритьофе (труд Дж. Стивенса).

Фритьоф в Изгнании

Хельге пустился в погоню с десятью огромными кораблями-драконами, но едва они тронулись, как начали тонуть, и Бьерн сказал со смехом: “Я верю, что она сохранит то, что Ранд обволакивает”. Даже короля Хельге с трудом вытащили на берег, а выжившие были

вынуждены стоять в беспомощном бездействии, пока огромные паруса Эллиды медленно опускались за горизонт. Именно так Фритьоф с грустью наблюдал, как его родная земля исчезает из виду; и когда она исчезла, он с нежностью попрощался с любимой страной, которую он никогда не ожидал увидеть снова.

Расставшись таким образом со своей родной землей, Фритьоф бороздил моря в качестве пирата или викинга. Его кодекс состоял в том, чтобы никогда нигде не селиться, спать на своем щите, сражаться и не давать и не брать пощады, защищать корабли, которые платили ему дань, и грабить другие, а также раздавать всю добычу своим людям, не оставляя для себя ничего, кроме славы предприятия. Плывая и сражаясь таким образом, Фритьоф посетил много стран и, наконец, добрался до солнечных островов Греции, куда он с радостью привез бы Ингеборг в качестве своей невесты; и увиденное вызвало такой поток печальных воспоминаний, что его почти захлестнула тоска по своей возлюбленной и по родной земле.

Ошибка! Закладка не определена.

При дворе Сигурда Ринга

Прошло три года, и Фритьоф решил вернуться на север и посетить двор Сигурда Ринга. Когда он сообщил о своей цели Бьорну, его верный спутник упрекнул его в опрометчивости, решив отправиться в путешествие в одиночку, но Фритьоф не отступился от своей цели, сказав: “Я никогда не бываю один, пока Ангурвадель рядом со мной”. Проведя Эллиду вверх по реке Вик (основная часть Христианийского фиорда), он поручил ее заботам Бьерна и, завернувшись в медвежью шкуру, которую носил для маскировки, отправился пешком ко двору Сигурда Ринга в одиночестве, прибыв туда в разгар святочных гуляний. Словно всего лишь престарелый нищий, Фритьоф сел на скамью у двери, где быстро стал объектом грубых шуток придворных. Однако, когда один из его мучителей подошел слишком близко, кажущийся нищим схватил его мощной хваткой и поднял высоко над головой.

Фритьоф при дворе Ринга

Кнут Эквалл

С разрешения Ф. Брукмана, Мюнхен

Напуганные этой демонстрацией сверхчеловеческой силы, придворные быстро ретировались из опасной близости, в то время как Сигурд Ринг, чье внимание привлекла

суматоха, строго приказал незнакомому гостю подойти и рассказать, кто таким образом осмелился нарушить покой в его королевском зале.

Фритьоф уклончиво ответил, что его воспитали в покаянии, что он унаследовал нужду и что он произошел от волка; что касается его имени, то это не имеет значения. Король, согласно вежливому обычаю, не стал настаивать на дальнейшем, а пригласил его занять место рядом с ним и королевой и разделить его хорошее настроение. “Но сначала, - сказал он, - сбрось неуклюжее покрывало, которое скрывает, если я не ошибаюсь, надлежащую форму”.

Фритьоф с радостью принял столь радушное приглашение **Ошибка! Закладка не определена.** дано, и когда волосатая шкура упала с его головы и плеч, он предстал обнаженным в юношеской гордости, к большому удивлению собравшихся воинов.

Но, хотя внешность выдавала в нем незнатного человека, никто из придворных не узнал его. Однако с Ингеборг все было иначе. Если бы кто-нибудь из любопытных заметил ее в этот момент, то по изменившемуся цвету лица и быстрому вздыманию груди можно было бы догадаться о ее глубоком волнении.

“Бледные щеки изумленной королевы, как быстро меняются розовые оттенки!” -

Так лежат пурпурные Северные огни, трепещущие, на укрытых снегом лугах;

Как две белые водяные лилии на дикой штормовой волне, которые отдыхают,

Каждое мгновение вздымается, опускается — так вздымается ее трепещущая грудь!”

Тегнер, Сага о Фритьофе (перевод Дж. Стивенса).

Едва Фритьоф занял свое место за столом, как под звуки труб внесли огромного кабана и поставили перед королем. В соответствии со святочным обычаем тех дней старый монарх встал и, прикоснувшись к голове животного, произнес клятву, что с помощью Фрейра, Одина и Тора он победит отважного воина Фритьофа. В следующее мгновение Фритьоф тоже вскочил на ноги и, ударив мечом по большой деревянной скамье, заявил, что Фритьоф - его родственник и он также готов поклясться, что, хотя весь мир устоял, герою не причинят вреда, пока у него есть сила владеть своим мечом.

При этом неожиданном вмешательстве воины быстро поднялись с дубовых скамей, но Сигурд Ринг снисходительно улыбнулся горячности молодого человека и сказал: “Друг, твои слова чрезмерны, но никогда еще гостя не удерживали от высказывания своих мыслей в этом королевском зале”. Затем он повернулся к Ингеборг и велел ей наполнить до краев отборным медом огромный, богато украшенный рог, который стоял перед ней, и преподнести **Ошибка! Закладка не определена.** его гостю. Королева повиновалась, опустив глаза, и из-за дрожи в ее руке жидкость перелилась через край. Двое обычных людей вряд ли смогли бы осушить этот могучий глоток, но Фритьоф поднес его к губам, и когда он убрал рог, в нем не осталось ни капли меда.

Прежде чем банкет закончился, Сигурд Ринг пригласил молодого незнакомца остаться при его дворе до возвращения весны, и, приняв предложенное гостеприимство, Фритьоф стал постоянным спутником королевской четы, которую сопровождал во всех случаях.

Однажды Сигурд Ринг отправился на пир с Ингеборг. Они путешествовали в санях, в то время как Фритьоф, обутый в стальные ботинки, грациозно мчался рядом с ними, вырезая на льду множество мистических символов. Их путь лежал по опасному участку замерзшей поверхности, и Фритьоф предупредил короля, что было бы благоразумнее избегать этого.

Однако он не послушался совета, и внезапно сани провалились в глубокую расщелину, которая грозила поглотить их вместе с королем и королевой. Но, подобно соколу, напавшему на свою добычу, Фритьоф в мгновение ока оказался рядом с ними и без видимых усилий вытащил коня и его ношу на твердый лед. “По правде говоря, - сказал Ринг, - сам Фритьоф не смог бы сделать лучше”.

Долгая зима подошла к концу, и ранней весной король и королева устроили охоту, в которой должен был принять участие весь двор. По ходу охоты преклонные годы Сигурда Ринга сделали для него невозможным угнаться за страстной охотой, и так получилось, что он отстал, пока, наконец, не остался с Фритьофом в качестве своего единственного спутника. Они медленно ехали вместе, пока не достигли приятной лощины, которая пригласила усталого короля отдохнуть, и он объявил, что приляжет на время отдохнуть.

Затем сбросил Фритьоф свою мантию и, распластавшись на зеленой подстилке,

И древний король так доверчиво положил голову на колени Фритьофа;

Спал так же спокойно, как спит герой после тревог войны

На своем щите, спокойный, как младенец, спящий на руках матери”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (тр. Лонгфелло).

Верность Фритьофа

Пока престарелый король так почивал, птица пропела Фритьофу с соседнего дерева, призывая его воспользоваться беспомощностью своего хозяина, убить его и вернуть невесту, которой он был несправедливо лишен. Но хотя горячее юное сердце Фритьофа жаждало своей возлюбленной, он наотрез отказался принять это подлое предложение, но, опасаясь, что его одолеет искушение, несмотря на свой ужас при этой мысли, он импульсивно отбросил свой меч подальше от себя в соседнюю чащу.

Несколько мгновений спустя Сигурд Ринг открыл глаза и сообщил Фритьофу, что тот только притворился спящим; он сказал ему также, что, узнав его с самого начала, он испытал его многими способами и нашел, что его честь равна его храбрости. Теперь его настигла старость, и он чувствовал, что смерть приближается. Таким образом, вскоре Фритьоф мог надеяться осуществить свою самую заветную надежду, и Сигурд Ринг сказал ему, что он умрет счастливым, если останется с ним до конца.

Однако Фритьофа охватило отвращение, и он сказал престарелому королю, что, по его мнению, Ингеборг никогда не сможет принадлежать ему из-за гнева Бальдра. Слишком долго он оставался здесь; теперь он снова отправится в море и будет искать смерти в битве, чтобы таким образом умиловить оскорбленных богов.

Полный решимости, он быстро приготовился к **Ошибка! Закладка не определена.**, но когда он вернулся ко двору, чтобы попрощаться со своими королевскими хозяевами, он обнаружил, что Сигурд Ринг был при смерти. Старый воин подумал, что “соломенной смертью” не снискать благосклонности Одина, и в присутствии Фритьофа и его придворных храбро начертал руны смерти у себя на руке и груди. Затем, обхватив Ингеборг одной рукой, он поднял другую, благословляя Фритьофа и его юного сына, и так с миром прошел в чертоги благословенных.

“Боги все, я приветствую вас!

Сыны Валгаллы!

Земля исчезает; к великому празднику Аса

Гьяллар-хорн просит меня;

Блаженство, подобное

Золотой шлем, кружит вокруг приближающегося гостя!”

Тегнер, Сага о Фритьофе (перевод Дж. Стивенса).

Фритьоф наблюдает за спящим королем

Кнут Эквалл

С разрешения Ф. Брукмана, Мюнхен

Помолвка Фритьофа и Ингеборг

Воины нации теперь торжественно собрались, чтобы выбрать преемника трона. Фритьоф завоевал восторженное восхищение народа, и они были бы рады избрать его королем; но он высоко поднял маленького сына Сигурда Ринга на своем щите, когда услышал крики, приветствовавшие его имя, и представил мальчика собранию как их будущего короля, публично поклявшись поддерживать его, пока он не достигнет возраста, необходимого для защиты королевства. Юноша, уставший от своего стесненного положения, смело спрыгнул на землю, как только речь Фритьофа закончилась, и вскочил на ноги. Этот акт подвижной отваги в столь юном человеке понравился грубым северянам, и раздался громкий крик: “Мы выбираем тебя, дитя со щитом!”

Но юноша сидел на троне, гордый, как король,

На щите высотой с пол;

Так радовался орленок с нависшего над скалой облака,

Солнце выглядывает!

Ошибка! Закладка не определена.

Наконец-то это место нашла его молодая кровь

Слишком скучно, чтобы хранить;

И одним прыжком он добирается до земли —

Королевский прыжок!”

Тегнер, Сага о Фритьофе (перевод Дж. Стивенса).

Согласно некоторым сведениям, теперь Фритьоф начал войну против братьев Ингеборг и, победив их, позволил им сохранить свое королевство при условии, что они будут платить ему ежегодную дань. Затем он и Ингеборг оставались в Рингрике, пока молодой король не смог принять на себя управление страной, после чего они отправились в Хордаланд, королевство, полученное Фритьофом путем завоевания, и которое он оставил своим сыновьям Гунгтиофу и Хунтиофу.

Вывод епископа Тегнера, однако, весьма существенно отличается, и если он кажется менее соответствующим грубому нраву суровых дней морских скитальцев, то его высшие духовные качества делают его более привлекательным. Согласно стихотворению Тегнера, жители Сигурда Ринга убедили Фритьофа жениться на Ингеборг и остаться среди них в качестве хранителя королевства. Но он ответил, что этого не может быть, поскольку гнев Бальдра все еще пылает против него, и никто другой не может одарить его желанной невестой. Он сказал людям, что отправится за море и будет просить прощения у бога, и вскоре после этого он попрощался, и его судно снова понеслось по ветру.

Первый визит Фритьофа был нанесен на могильный холм его отца, где, погружившись в меланхолию от царившего вокруг запустения, он излил свою душу разгневанному богу. Он напомнил ему, что у северян был обычай взимать кровавый штраф за убитых родственников, и, несомненно, благословенные боги были бы не менее снисходительны, чем рожденные на земле. Он страстно умолял Бальдра показать ему, как он может возместить свою **Ошибка!**

Закладка не определена.непреднамеренную ошибку, и внезапно ответ был дарован, и Фритьоф узрел в облаках видение нового храма.

“Затем внезапно, над западными водами,
Появляется Образ, сияющий золотом и пламенем,
Над рощей Бальдера он парит, под ночными облаками,
Как золотая корона, покоящаяся на зеленом ложе.
Наконец—то храм утвердился, прочно обосновался -
Там, где стоял Бальдер, основан еще один храм.

Тегнер, Сага о Фритьофе (перевод Дж. Стивенса).

Герой сразу понял, что боги таким образом указали средство искупления, и он не жалел ни богатства, ни страданий, пока из руин не выросли великолепный храм и роща, которые намного превосходили великолепие старого святилища.

“Храм великого Бальдра устоял!
Вокруг него нет деревянного частокола
Побежал теперь как первый;
Перила прочнее, справедливее первых,
И все из кованого железа — каждый брусок
С золотыми наконечниками и обычные-
Окружает священный Дом Бальдра. Как какая-то длинная очередь
Закованных в сталь чемпионов, чьи яркие боевые копья сверкают
И золотые шлемы вдали —так стояли
Этот сверкающий страж в священном лесу!
Из огромных гранитных блоков, соединенных с удивительной тщательностью
И с дерзким искусством была построена массивная гряда; и там
(Задуманная гигантская работа
Чтобы продержаться до конца времен,)
Он возвышался, как храм Упсала, там, где север
Увидел залы Валгаллы, которые прекрасно представлялись здесь, на земле.
“Гордо стоял он там, на горной круче, своим высоким челом
Спокойно отражается в яркой морской волне.
Но вокруг какой-то пояс, похожий на красивые цветы,
Пошла долина Болдера, со всеми мягкими вздохами ее рощ,

И сладкозвучные песни всех его птиц -Дом Мира”.

Тегнер, Сага о Фритьофе (перевод Г. Стивенса). **Ошибка! Закладка не определена.**

Тем временем, пока рубили бревна, король Хельге отсутствовал, отправившись в набег на финские горы. Однажды случилось так, что его отряд проходил мимо утеса, на котором стояло одинокое святилище какого-то забытого бога, и король Хельге взобрался на скалистую вершину с намерением снести разрушенные стены. Замок держался крепко, и, когда Хельге яростно потянул на себя обветшалую калитку, внезапно скульптурное изображение божества, грубо вызванное из своего древнего сна, выдвинулось из ниши наверху.

Он тяжело опустил на голову незваного гостя, и Хельге растянулся во весь рост на каменистом полу и больше не шевелился.

Когда храм был должным образом освящен для служения Бальдру, Фритьоф стоял у алтаря в ожидании прибытия своей ожидаемой невесты. Но Хафдан первым переступил порог, его неуверенная походка ясно показывала, что он опасается недружелюбного приема. Увидев это, Фритьоф отстегнул свой меч и откровенно шагнул к Хальфдану с протянутой рукой, после чего король, сильно покраснев, сердечно пожал протянутую руку, и с этого момента все их разногласия были забыты. В следующий момент подошла Ингеборг, и возобновившаяся дружба давно разлученных друзей была скреплена рукопожатием невесты, которое Хальфдан вложил в руку своего новоиспеченного брата.

“Теперь Хальфдан переступил медный порог,

С бледным челом

И боязливый порывистый взгляд, продвигающийся медленно

Буксируй вон того, буксируй вечно страшного врага -

И, молчаливый, поодаль стоит,—

Затем Фритьоф проворными руками

Ненавистник корсетов, Ангурвадель, из его бедра

Расстегивает пояс, и золотой круг его яркого щита

Прислонившись к алтарю, так приближается;—

Ошибка! Закладка не определена.

В то время как его трусливый враг

Таким образом, он обращается к нам с приятным достоинством.—

"Самым благородным в этой борьбе будет он "

Кто первый своей правой рукой добр

Предлагает в залог мирного братства!" —

Затем Хафдан, густо покраснев, поспешно одевается

Его железную перчатку и, -сердечно обняв, —

Каждая длинная-длинная отрезанная рука
Приветствуют его друзья-враги, непоколебимые, как подножия гор!
“И в качестве последнего глубокого акцента
Прозвучали слова примирения и благословения;
Lo! Внезапно входит Ингборг, богато украшенная
С свадебными украшениями и вся покрытая глазурью
В великолепном горностае и под присмотром светлоглазых дев
Медленно следуя, как по широкому своду небес,
Сопровождающие звездные поезда охраняют луну-регентшу!-
Но прекрасные глаза молодой невесты,
Эти два голубых неба,
Быстро наполняясь слезами,
И к сердцу брата своего она с трепетом приникает;—
Он, со страхами своей сестры
Глубоко тронутая, ее рука нежно лежит на ремне Фритьофа,
Его бремя перешло на грудь этого героя,
Его испытанная вера подходит для упокоения Ингборг”.
Тегнер, Сага о Фритьофе (перевод Г. Стивенса). **Ошибка! Закладка не определена.**

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XXVIII: Сумерки богов

Закат богов

Одной из отличительных черт северной мифологии является то, что люди всегда верили, что их боги принадлежат к ограниченной расе. У асов было начало; следовательно, считалось, что у них должен быть конец; и поскольку они были рождены из смеси божественных и гигантских элементов, будучи таким образом несовершенными, они несли в себе зародыш смерти и были, подобно людям, обречены на физическую смерть, чтобы достичь духовного бессмертия.

Таким образом, вся схема северной мифологии была драмой, каждый шаг которой постепенно вел к кульминации или трагическому концу, когда с истинной поэтической справедливостью наказание и награда были беспристрастно отмерены. В предыдущих главах был тщательно прослежен постепенный взлет и упадок богов. Мы рассказывали о том, как асы терпели присутствие зла, олицетворяемого Локи, среди них; как они слабо следовали его советам, позволяли ему втягивать их во всевозможные трудности, из которых они могли выпутаться только ценой части своей добродетели или спокойствия, и, наконец,

позволили ему обрести такое господство над ними, что он без колебаний лишил их самого дорогого - чистоты или невинности, олицетворяемой Бальдром добрым.

Слишком поздно боги поняли, насколько злым был этот дух, нашедший среди них пристанище, и слишком поздно они изгнали Локи на землю, где люди, следуя примеру богов, слушали его учения и были развращены его зловещим влиянием.

“Братья убивают братьев;

Дети сестер **Ошибка! Закладка не определена.**

Проливайте кровь друг друга.

Суров этот мир;

Чувственный грех становится огромным.

Есть эпохи мечей, эпохи топоров;

Щиты расколоты надвое;

Эпохабурь, эпоха убийств;

Пока мир не рухнет замертво,

И люди больше не жалеют

Или жалеют друг друга”.

Скандинавская мифология (Р. Б. Андерсон).

Фимбул-зима

Видя, что преступность свирепствует, а все доброе изгнано с земли, боги поняли, что пророчества, изреченные в древности, вот-вот исполнятся, и что тень Рагнарека, сумерек богов, уже нависла над ними. Сол и Мани побледнели от страха и, дрожа, погнали свои колесницы по назначенным им тропам, со страхом оглядываясь на преследующих их волков, которые вскоре настигнут и сожрут их; и когда их улыбки исчезли, земля стала печальной и холодной, и началась ужасная Фимбульская зима. Затем снег выпал сразу с четырех сторон света, с севера налетели пронизывающие ветры, и вся земля покрылась толстым слоем льда.

“Мрачный Фимбул бушевал по всему миру

Бушевали бурные ветры и снежные бури;

Ревущий океан разбивает айсберги о землю,

И разбрасывал вокруг свою застывшую пену,

Поднимись на вершину горной высоты;

Отсутствие согревающего воздуха

Ни сияния прекрасного

Из мягкого заходящего света нежного лета,

Смягчила эту ужасную ледяную ночь”.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Эта суровая зима длилась целых три сезона без перерыва, за ней последовали три другие, не менее суровые, в течение которых с **Ошибка! Закладка не определена.** Преступления людей увеличивались со страшной быстротой, в то время как в общей борьбе за жизнь исчезли последние чувства человечности и сострадания.

Волки Вырвались на Свободу

В темных тайниках Железного Дерева великанша Ярнсакса, или Ангур-бода, усердно кормила волков Хати, Скелля и Манагарма, потомков Фенриса, костным мозгом убийц и прелюбодеев; и таково было распространение этих мерзких преступлений, что почти ненасытные чудовища никогда не скупились на пищу. Они ежедневно набирались сил, чтобы преследовать Сола и Мани, и, наконец, настигли и сожрали их, заливая землю кровью из своих челюстей.

“Она сидела на востоке, эта пожилая женщина, в Ярриде,

И там она вскормила потомство Фенрира;

Он будет самым грозным из всех, он

Который в образе чудовища проглотит луну.

Волуспа (пер. Пфайффера).

При этом ужасном бедствии вся земля задрожала, звезды в ужасе сорвались со своих мест, а Локи, Фенрис и Гарм, возобновив свои усилия, разорвали свои цепи и бросились вперед, чтобы отомстить. В тот же миг дракон Нидхуг прогрыз корень ясеня Иггдрасиль, который задрожал до самой верхней ветви; красный петух Фьялар, восседавший над Валгаллой, громко прокричал тревогу, которой немедленно подхватили Гуллин-камби, петух в Мидгарде, и темно-красная птица Хель в Нифл-хейме.

“Петушок с золотым гребнем”

Боги в Валхале громко взяли за оружие;

Кроваво-красный петух так же пронзительно созывает всех

На земле и под ней”.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон). **Ошибка! Закладка не определена.**

Хеймдалль подает сигнал тревоги

Хеймдалль, заметив эти зловещие предзнаменования и услышав пронзительный крик петуха, немедленно поднес к губам рог Джаллара и протрубил в долгожданный звук, который был слышен по всему миру. При первых звуках этого митинга асы и Эйнхерии вскочили со своих золотых лож и храбро выбежали из большого зала, вооруженные для предстоящей битвы, и, вскочив на своих нетерпеливых коней, поскакали по дрожащему радужному мосту на просторное поле Вигрид, где, как давным-давно предсказал Вафтруднир, должна была состояться последняя битва.

Ужасы моря

Ужасный мидгардский змей Ермунганд был разбужен всеобщим волнением, и с невероятными корчами и переполохом, отчего моря вздымались огромными волнами, какие никогда прежде не тревожили океанские глубины, он выполз на сушу и поспешил присоединиться к ужасной битве, в которой ему предстояло сыграть видную роль.

“В гигантском гневе Змей метнул

В океанских глубинах, пока, свободный от цепи,

Он поднялся на пенящийся берег;

Под ударами его хвоста,

Моря, высотой с гору, вздулись на суше;

Затем, бешено мчась по волнам,

Льется кровавая пена, как град,

Брызжащее отравленным дыханием

Зловонные, смертоносные туманы над всей Землей,

Сквозь грохочущий прилив он искал берег.

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Одна из огромных волн, поднятых борьбой Ермунганда, подняла на плаву Нагилфар, роковой корабль, который был полностью построен из ногтей тех мертвых людей, чьи родственники на протяжении веков не выполняли свой . Как только это судно оказалось на плаву, Локи поднялся на борт вместе с огненным воинством из Муспелльс-хейма и смело повел его по бурным водам к месту конфликта.

Однако это было не единственное судно, направлявшееся в Вигрид, поскольку из густого тумана на север вышел другой корабль, управляемый Хримом, на котором были все ледяные великаны, вооруженные до зубов и жаждущие конфликта с асами, которых они всегда ненавидели.

Ужасы Подземного мира

В то же самое время Хель, богиня смерти, выползла через расщелину в земле из своего подземного жилища, сопровождаемая гончим Гармом, злодеями ее безрадостного царства, и драконом Нидхуг, который пролетел над полем битвы, неся трупы на своих крыльях.

Как только он приземлился, Локи с радостью приветствовал это подкрепление и, встав во главе его, отправился с ними в бой.

Внезапно небеса разорвались на части, и через огненный пролом въехал Суртр со своим пылающим мечом, сопровождаемый своими сыновьями; и когда они проезжали по мосту Бифрест, намереваясь штурмовать Асгард, великолепная арка с треском рухнула под поступью их лошадей.

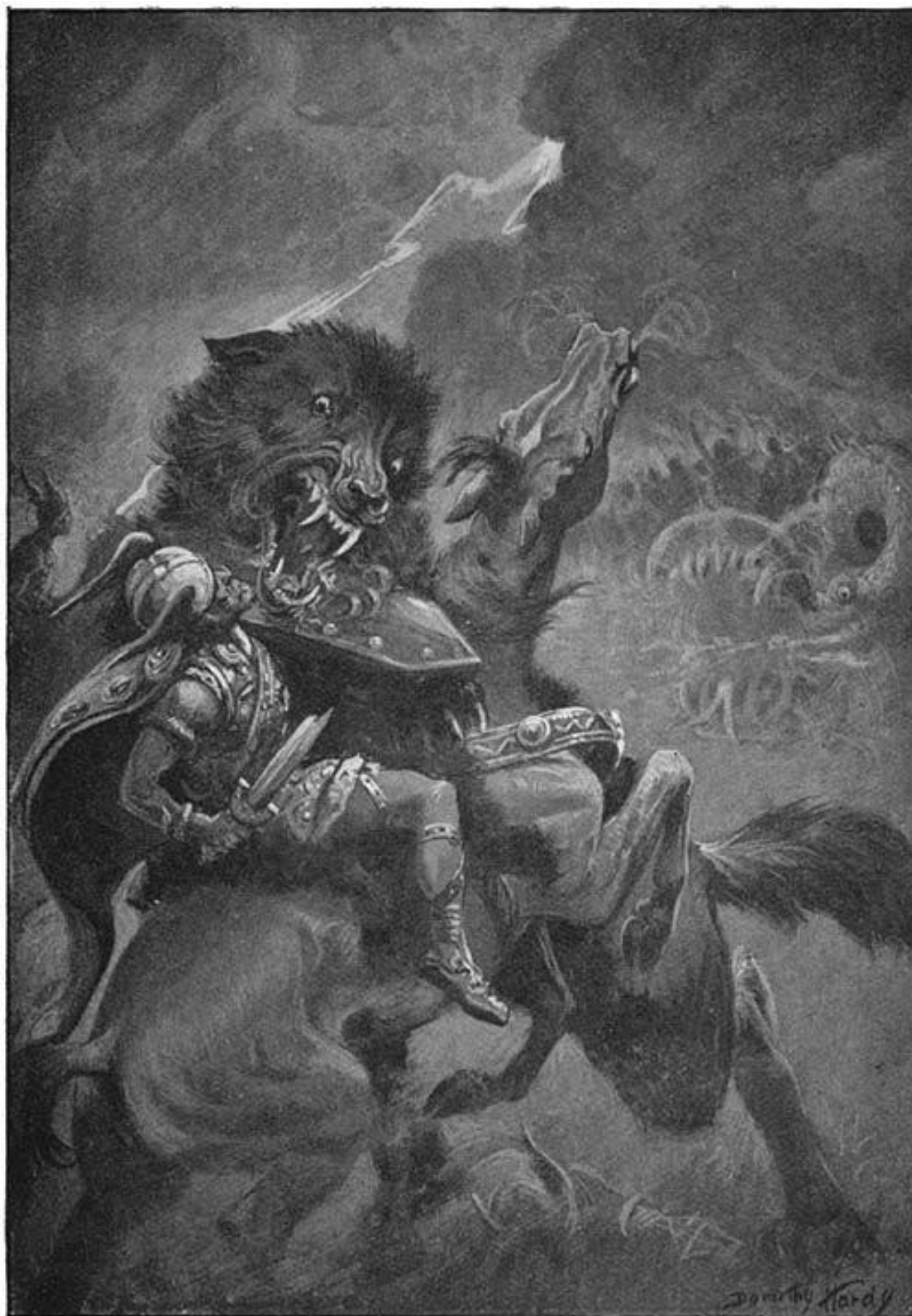
“Вниз по воздушным полям,

В сверкающих прекрасных доспехах,

В боевом порядке ярко,
Они мчались , извергая пламя
Послышался быстрый топот копыт.
Во главе своего сверкающего отряда ехал Суртур,
"Посреди красных рядов бушующего огня".

Валгалла (Дж. К. Джонс).

Боги прекрасно знали, что их конец теперь близок, **Ошибка! Закладка не определена.**и что их слабость и недостаток предусмотрительности поставили их в очень невыгодное положение; ибо у Одина был только один глаз, у Тюра - только одна рука, а у Фрейра не было ничего, кроме оленьего рога, которым он мог защищаться, вместо своего непобедимого меча. Тем не менее, асы не выказывали никаких признаков отчаяния, но, как истинные боги битвы Севера, они облачились в свои самые богатые одежды и весело поскакали на поле боя, полные решимости продать свои жизни как можно дороже.

Один и Фенрис

Дороти Харди

Пока они собирали свои силы, Один снова спустился к источнику Урдар, где под рушащимся Иггдрасилем сидели норны с закрытыми лицами и упрямо молчали, их разорванная паутина лежала у их ног. Отец богов снова прошептал Мимиру таинственное сообщение, после чего снова сел на Слейпнира и присоединился к ожидающей войску.

Великая битва

Сражающиеся теперь собрались на широкой равнине Вигрид. С одной стороны были выстроены суровые, спокойные лица асов, Ванов и Эйнхериев; в то время как с другой стороны собралось пестрое воинство Суртр, мрачные ледяные великаны, бледная армия Хель, а также Локи и его ужасные последователи, Гарм, Фенрис и Ермунганд, двое последних изрыгали огонь и дым и выдыхали облака ядовитых, смертоносных испарений, которые наполняли все небо и землю своим ядовитым дыханием.

“Годы идут,

Поколения сменяются, века растут,

И приблизит нас к последнему дню

Когда с юга двинется огненный отряд

И пересечешь небесный мост с Локом в качестве проводника,

И Фенрис за ним по пятам с разорванной цепью;

В то время как с востока правит гигантский Раймер

Его корабль, и великий змей причаливает к берегу;

И все выстроены на одной пылающей площади

Против Богов, на Небесных равнинах.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд). **Ошибка! Закладка не определена.**

Весь сдерживаемый веками антагонизм теперь вырвался на свободу в виде потока ненависти, каждый член противостоящего воинства сражался с мрачной решимостью, как это делали наши предки в древности, рука об руку и лицом к лицу. С могучим потрясением, слышным на фоне рева битвы, наполнившего вселенную, Один и волк Фенрис вступили в стремительный контакт, в то время как Тор атаковал змею Мидгарда, а Тир сцепился с псом Гармом. Фрей сошелся с Суртом, Хеймдалль с Локи, которого он уже однажды победил, а остальные боги и все Эйнхерии сразились с врагами, столь же достойными их мужества. Но, несмотря на их ежедневные приготовления в небесном граде, воинство Валгаллы было обречено на поражение, и Один был одним из первых сияющих, кто был убит. Даже высокое мужество и могущественные качества Всеотца не могли противостоять приливу зла, олицетворенного в волке Фенрисе. В каждый последующий момент борьбы его колоссальные размеры приобретали все большие размеры, пока, наконец, его широко раскрытые челюсти не охватили все пространство между небом и землей, и отвратительное чудовище в ярости не набросилось на отца богов и поглотило его целиком в своей ужасной пасти.

“Фенрир с нечестивым зубом”

Убей родителя уходящих лет:

Вифар отомстит за свое падение,

И, борясь с косматым волком,

Разрежу его холодные и окровавленные челюсти”.

Вафтрудни-мэл (тр. У. Тейлора).

Ни один из богов не мог протянуть Всеотцу руку помощи в этот критический момент, ибо это было время тяжких испытаний для всех. Фрей прилагал героические усилия, но сверкающий меч Суртра нанес ему смертельный удар. В своей борьбе с заклятым врагом Локи Хеймдаллю повезло больше, но его последняя победа досталась дорогой ценой, поскольку он тоже пал за мертво. Борьба между Тиром и Гармом **Ошибка! Закладка не определена.** имела такой же трагический конец, и Тор, после ужаснейшей встречи со змеем Мидгарда и после того, как убил его ударом Мьелльнира, отшатнулся на девять шагов и утонул в потоке яда, который хлынул из челюстей умирающего монстра.

“Сын Одина уходит

С чудовищем предстоит сразиться;

Веер Мидгарда в его ярости

Убьет червяка;

Пройдет девять футов

Сын Йоргина,

Склоненный змеем

Который не боялся врага.

"Эдда Семунда" (т. р. Торпа).

Теперь Видар примчался из далекой части равнины, чтобы отомстить за смерть своего могучего отца, и предсказанная участь обрушилась на Фенриса, чья нижняя челюсть теперь ощущала отпечаток ботинка, который был припасен для этого дня. В тот же миг Видар схватил руками верхнюю челюсть чудовища и одним страшным рывком разорвал его на части.

Всепожирающий Огонь

Другие боги, принимавшие участие в битве, и все Эйнхерии теперь погибли, Суртр внезапно обрушил свои огненные клейма на небо, землю и девять королевств Хель. Бушующее пламя охватило массивный ствол мирового ясеня Иггдрасиль и достигло золотых дворцов богов, которые были полностью уничтожены. Растительность на земле также была уничтожена, и невыносимая жара заставила все воды бурлить.

“Дыхание огня атакует

Всепитающее дерево,

Вздымающийся огонь играет

Против самих небес”.

"Эдда Семунда" (сборник Торпа). **Ошибка! Закладка не определена.**

Великий пожар свирепствовал до тех пор, пока все не было уничтожено, когда земля, почерневшая и покрытая шрамами, медленно погрузилась под кипящие морские волны. Рагнарек действительно наступил; мировая трагедия закончилась, божественные

действующие лица были убиты, и хаос, казалось, возобновил свое прежнее господство. Но как в пьесе, после того как главные герои убиты и занавес опущен, зрители все еще ждут появления фаворитов, чтобы поклониться им, так и древние северные народы воображали, что, когда все зло сгинет в пламени Суртра, из всеобщей разрухи восстанет добро, чтобы возобновить свое господство над землей, и что некоторые из богов вернутся, чтобы вечно пребывать на небесах.

“Все зло

Умирает там бесконечной смертью, в то время как восходит добро

От этого великого мирового огня, очищенный наконец,

К жизни гораздо более высокой, лучшей, благородной, чем прошлая.

Рассказы северных викингов (Р. Б. Андерсон).

Регенерация

Наши предки полностью верили в возрождение и считали, что через определенный промежуток времени земля, очищенная огнем и погружением в море, восстанет снова во всей своей первозданной красоте и будет озарена солнцем, колесницей которого управляла дочь Солнца, родившаяся до того, как волк пожрал ее мать. Новое дневное светило не было таким несовершенным, каким было первое солнце, и его лучи больше не были такими жгучими, что между ним и землей приходилось ставить щит. Эти более благотворные лучи вскоре заставили землю обновить свой зеленый покров и в изобилии произрастить цветы и фрукты. Два человеческих существа, женщина Лиф и мужчина Лифтрасир, теперь вышли из глубин леса Ходмимира (Mimir's), откуда они бежали в поисках убежища, когда Суртр поджег мир. Там они погрузились в мирный сон, не подозревая о разрушениях вокруг них, и **Ошибка! Закладка не определена.** оставались, возвращенные утренней росой, до тех пор, пока для них не стало безопасно снова странствовать, когда они вступили во владение возрожденной землей, которой были их потомки для людей и над которой они должны были иметь полную власть.

“Мы еще посмотрим”

Из яркого океана у наших ног появляется земля

Более свежий, более зеленый, чем предыдущий, с фруктами

Самопрорастающее и сохраненное семя человека,

Которые тогда будут жить в мире, как тогда на войне”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Новый Рай

Все боги, олицетворявшие развивающиеся силы Природы, были убиты на роковом поле Вигрид, но Вали и Видар, прообразы нетленных сил Природы, вернулись на поле Ида, где их встретили Модри и Магни, сыновья Тора, олицетворения силы и энергичности, которые спасли священный молот своего отца от всеобщего разрушения и унесли его туда с собой.

- Значит, это силы Вифара и Вали

Наследники пустого царства богов;
Сила Моти и могущество Магни
Раскачивает вес массивного молоточка,
Выиграл у Тора, когда Тор должен был пасть”.

Вафтрудни-мэл (тр. У. Тейлора).

Здесь к ним присоединился Хенир, больше не изгнанник среди ванов, которые, как развивающиеся силы, также исчезли навсегда; и из темного подземного мира, где он так долго томился, поднялся лучезарный Бальдр вместе со своим братом Ходуром, с которым он примирился и с которым ему предстояло жить в совершенной дружбе и мире. Прошное ушло навсегда, и выжившие божества могли вспоминать о нем без горечи. Однако память об их бывших товарищах была им, **Ошибка! Закладка не определена.**дорога им, и они часто возвращались в свои старые пристанища, чтобы вспомнить счастливые ассоциации. Так, прогуливаясь однажды в высокой траве на Идаволде, они снова нашли золотые диски, с которыми асы имели обыкновение забавляться.

- Мы еще раз пройдемся по этой хорошо знакомой равнине

Из Иды, и среди травы найдем

Золотые кости, которыми мы играли в былые времена;

И это напомним о прежней жизни

И времяпрепровождение богов, мудрая беседа

Об Одине, о прелестях других дней”.

Мертвый Болдер (Мэтью Арнольд).

Когда небольшая группа богов скорбно повернулась к месту, где когда-то стояли их величественные жилища, они, к своему радостному удивлению, осознали, что Гимли, высочайшая небесная обитель, не сгорела, ибо она сияла перед ними, ее золотая крыша затмевала солнце. Поспешив туда, они обнаружили, к великой своей радости, что это место стало прибежищем для всех добродетельных людей.

“В Гимли возвышенном

Там будут воинства

О добродетельном обиталище,

И во все века

Вкус глубокой радости”.

Литература и романтика Северной Европы (Ховитт).

Слишком Могущественный, чтобы дать Ему Имя

Поскольку скандинавы, поселившиеся в Исландии и благодаря которым наиболее полное изложение веры Одинистов дошло до нас в Эддах и сагах, не были окончательно обращены в христианство до одиннадцатого века, — хотя они вступали в контакт с христианами во

время своих набегов викингов почти шесть столетий назад, — весьма вероятно, что северные скальды почерпнули **Ошибка! Закладка не определена.**некоторое представление о христианских доктринах, и что северные скальды получили некоторое представление о христианских доктринах. это знание в определенной степени повлияло на них и окрасило их описания конца света и возрождения земли. Возможно, именно это смутное знание побудило их добавить к Эдде стих, который обычно считается вставкой, провозглашающий, что другой Бог, слишком могущественный, чтобы назвать его по имени, восстанет, чтобы править Гимли. Со своего небесного престола он будет судить человечество и отделять плохое от хорошего. Первые будут изгнаны в ужасы Настронда, в то время как добрые будут перенесены в блаженные залы Гимли прекрасного.

Затем следует другой,

Еще более могущественный.

Но С Ним я не смею

Рискну назвать.

Несколько дальше можно заглянуть

Чем туда , где Один

Навстречу идет волк”.

Литература и романтика Северной Европы (Ховитт).

Однако были еще два небесных дворца, один из которых предназначался для карликов, а другой - для великанов; поскольку эти существа не обладали свободной волей и лишь слепо исполняли веления судьбы, считалось, что они не несут ответственности за какой-либо причиненный ими вред, и поэтому считались заслуживающими наказания.

Говорили, что гномы, которыми правил Синдри, занимали зал в горах Нида, где пили искрящийся мед, в то время как великаны наслаждались в зале Бриммер, расположенном в области Околнур (не прохладный), поскольку сила холода была полностью уничтожена, и льда больше не было.

Различные мифологи, конечно, пытались объяснить эти мифы, и некоторые, как мы уже заявляли, видят в истории о Рагнареке влияние христианских учений и считают это всего лишь варварской версией конца света и грядущего судного дня, когда возникнут новые небо и земля, и все добрые будут наслаждаться вечным блаженством.

Ошибка! Закладка не определена.

Глава XXIX: Греческая и северная мифологии

Сравнительная мифология

В течение последних пятидесяти лет ученые мужи многих стран изучали филологию и сравнительную мифологию настолько тщательно, что без всяких сомнений установили, “что английский язык, вместе со всеми тевтонскими диалектами Континента, принадлежит к той большой языковой семье, которая включает, помимо тевтонского, латинского, греческого, славянского и кельтского, восточные языки Индии и Персии”. “Также было доказано, что различные племена, отправившиеся с центральной родины открывать Европу на севере и Индию на юге, унесли с собой не только общий язык, но и общую веру и общую мифологию.

Это факты, которые можно игнорировать, но нельзя оспаривать, и две науки - сравнительная грамматика и сравнительная мифология, хотя и имеют недавнее происхождение, покоятся на фундаменте столь же прочном и надежном, как и любая из индуктивных наук”. “Более тысячи лет скандинавские жители Норвегии были отделены по языку от своих тевтонских собратьев на Континенте, и все же оба не только сохранили один и тот же набор популярных историй, но и рассказывают их, в нескольких случаях, почти одними и теми же словами”.

Это сходство, столь сильное в ранней литературе народов, населявших страны с почти одинаковым физическим обликом и климатом, становится не столь заметным, когда мы сравниваем северные мифы с мифами добродушного Юга. Тем не менее, несмотря на контраст между Северной и Южной Европой, где эти мифы постепенно созревали и достигли своего полного расцвета, существует аналогия между **Ошибка! Закладка не определена**. двумя мифологиями, которая показывает, что семена, из которых проросли обе, изначально были одинаковыми.

В предыдущих главах мифологическая система Севера была изложена настолько ясно, насколько это было возможно, и объяснено физическое значение мифов. Теперь мы попытаемся показать сходство северной мифологии с мифологией других арийских народов, сравнив ее с греческой, на которую, однако, она похожа не так близко, как на восточную.

Конечно, в произведении такого характера невозможно сделать больше, чем упомянуть основные моменты сходства в историях, составляющих основу этих религий; но этого будет достаточно, чтобы продемонстрировать даже самым скептически настроенным людям, что они, должно быть, были идентичны в период, слишком отдаленный, чтобы указать сейчас на это с какой-либо уверенностью.

Начало всего

Северные народы, подобно грекам, воображали, что мир возник из хаоса; и в то время как последние описывали его как дымчатую бесформенную массу, первые, находясь под влиянием своего непосредственного окружения, изображали его как хаос огня и льда — сочетание, которое слишком понятно любому, кто посетил Исландию и видел дикий, своеобразный контраст между ее вулканической почвой, бьющими гейзерами и огромными айсбергами, которые окружают ее в течение долгого, темного зимнего сезона.

Из этих противоположных стихий, огня и льда, родились первые божества, которые, подобно первым богам греков, были гигантского роста и неотесанной внешности. Имир, огромный ледяной гигант, и его потомки сравнимы с Титанами, которые также были стихийными силами Природы, олицетворениями подземного огня; и оба, некоторое время владевшие полной властью, были вынуждены уступить большему совершенству. После **Ошибка! Закладка не определена**. ожесточенной борьбы за превосходство все они оказались побежденными и изгнанными в соответствующие отдаленные регионы Тартар и Етун-хейм.

Полет валькирий

Х. Хендрич

С разрешения "Illustrante Zeitung" (Й. Й. Вебер, Лейпциг)

Триада, Один, Вили и Вэ, из северного мифа является точной копией Юпитера, Нептуна и Плутона, которые, превосходя силы Титанов, в свою очередь, безраздельно правят миром. В греческой мифологии боги, которые также все связаны друг с другом, отправляются на Олимп, где строят золотые дворцы для своего использования; а в северной мифологии божественные завоеватели отправляются в Асгард и там строят подобные жилища.

Космогония

Северная космогония мало чем отличалась от греческой, поскольку люди воображали, что земля, Мана-хейм, полностью окружена морем, на дне которого лежит, свернувшись, огромный мидгардский змей, кусающий свой собственный хвост; и было совершенно естественно, что, глядя на разбивающиеся о их берега штормовые волны, они воображали, что они вызваны его конвульсивными корчами. Греки, которые также воображали, что земля круглая и ее омывает могучая река под названием Океан, описывали ее как текущую с "постоянным, ровным течением", поскольку обычно они смотрели на спокойные, залитые солнцем моря. Нифль-хейм, Северный регион вечного холода и туманов, имел свой точный аналог в стране к северу от Гипербореев, где в воздухе постоянно парили перья (снег) и где Геракл загнал керинейского оленя в сугроб, прежде чем смог схватить и крепко связать его.

Небесные явления

Подобно грекам, северные народы верили, что земля была сотворена первой, а сводчатые небеса были созданы позже, чтобы полностью осенять ее. Они **Ошибка! Закладка не определена.** также представляли, что солнце и луну ежедневно возят по небу в колесницах, запряженных огненными конями. Сол, дева-солнце, следовательно, соответствовала Гелиосу, Гипериону, Фебу или Аполлону, в то время как Мани, Луна (из-за особенности северной грамматики, которая делает солнце женским, а луну мужским), была точной копией Фиби, Дианы или Синтии.

Северные скальды, которые думали, что различают гарцующие очертания белогривых коней в летящих облаках и блеск копий в сверкающем свете северного сияния, говорили, что Валькирии, или девы-воительницы, скакали по небу галопом, в то время как греки видели в тех же природных явлениях белые стада Аполлона, охраняемые Фазтозой и Лампетией.

Когда роса падала с облаков, северные поэты утверждали, что она падала с грив коней Валькирий, в то время как греки, заметившие, что она обычно дольше всего сверкала в зарослях, отождествляли ее с Дафной и Прокридой, чьи имена происходят от санскритского слова, означающего "разбрызгивать", и которые были убиты своими возлюбленными, Аполлоном и Кефалом, олицетворениями солнца.

Как на Севере, так и на Юге земля считалась женским божеством, питающей матерью всего сущего; и только из-за климатических различий мифология Севера, где людям ежедневно приходилось отвоевывать право на жизнь рукопашной борьбой с Природой, должна была представлять ее твердой и замороженной, как Ринда, в то время как греки воплощали ее в добродушной богине Церере. Греки верили, что холодные зимние ветры дуют с Севера, а северные расы, в дополнение, добавляли, что они были вызваны взмахом крыльев великого орла Hræ-svelgr.

Гномы, или темные эльфы, порожденные плотью Имира, были **Ошибка! Закладка не определена.** слуги Плутона никогда не покидали своего подземного царства, где они тоже искали драгоценные металлы, из которых изготавливали изящные украшения, подобные тем, что Вулкан даровал богам, и оружие, которое никто не мог ни помять, ни испортить. Что

касается светлых эльфов, которые жили над землей и ухаживали за растениями, деревьями и ручьями, они, очевидно, были северными эквивалентами нимф, дриад, ореад и гамадриад, населявших леса, долины и фонтаны древней Греции.

Юпитер и Один

Юпитер, как и Один, был отцом богов, богом победы и олицетворением вселенной. Хлидскиальф, величественный трон Всеотца, был не менее высок, чем Олимп или Ида, откуда Громовержец мог наблюдать за всем происходящим; а непобедимое копье Одина Гунгнир внушало такой же ужас, как и молнии, которыми размахивал его греческий прототип. Северные божества постоянно пировали медовухой и кабаньим мясом - напитками и заготовками, наиболее подходящими для жителей Северного климата, в то время как боги Олимпа предпочитали нектар и амброзию, которые были их единственной пищей.

Двенадцать асов собрались в зале совета Одина, чтобы обсудить наиболее мудрые меры для управления миром и людьми, и такое же количество богов собралось на облачном пике горы Олимп с аналогичной целью. Золотой век в Греции был периодом идиллического счастья среди вечно цветущих рощ и под ласковым небом, в то время как северный век блаженства был также временем, когда на земле процветали мир и невинность, а зло было еще совершенно неизвестно. **Ошибка! Закладка не определена.**

Сотворение человека

Используя подручные материалы, греки лепили свои первые изображения из глины; поэтому они, естественно, вообразили, что Прометей создал человека из этого вещества, когда ему было поручено создать существо, стоящее ниже только богов. Поскольку северные статуи были вырезаны из дерева, северные расы, как само собой разумеющееся, предположили, что Один, Вили и Ве (которые здесь соответствуют Прометею, Эпиметею и Минерве, трем греческим создателям человека) создали первую человеческую пару, Аска и Эмблу, из деревянных блоков.

Коза Хейдрун, которая поставляла небесный мед, похожа на Амальтею, первую кормилицу Юпитера, а деловитая, красноречивая Рататоск эквивалентна белоснежной вороне из истории о Корониде, которую превратили в черную в наказание за ее болтовню. Орел Юпитера имеет своего двойника в воронах Хугине и Мунине или в волках Гери и Фреки, которые всегда припадают к ногам Одина.

Норны и Судьбы

Близкое сходство между северным Орлогом и греческой Судьбой, богинями, чьи постановления сами боги были обязаны уважать, и столь же могущественными Норнами и Марой слишком очевидно, чтобы нуждаться в указании, в то время как Ваны являются двойниками Нептуна и других божеств океана. Великая ссора между ванами и асами - это всего лишь еще одна версия спора между Юпитером и Нептуном за господство в мире. Точно так же, как Юпитер заставляет своего брата подчиниться его власти, так и асы остаются хозяевами всего, но не отказываются продолжать делиться своей властью со своими побежденными врагами, которые, таким образом, становятся их союзниками и друзьями. **Ошибка! Закладка не определена.**

Как и Юпитер, Один всегда описывается как величественный и немолодой, и оба бога считаются божественными прародителями царственных рас, поскольку, в то время как Гераклиды называли Юпитера своим отцом, инглинги, скиольдинги и т.д. считали, что Один

был основателем их семей. Самые торжественные клятвы приносились копьем Одина, а также скамеечкой для ног Юпитера, и оба бога носят множество имен, описывающих различные аспекты их природы и поклонения.

Один, подобно Юпитеру, часто посещал землю переодетым, чтобы судить о гостеприимных намерениях человечества, как в истории Гейррода и Агнара, которая напоминает историю Филимона и Бавкиды. Целью было поощрить гостеприимство; поэтому в обеих историях те, кто проявил гуманные наклонности, были щедро вознаграждены, а в северном мифе урок подкрепляется наказанием, наложенным на Гейрреда, поскольку скальды верили в поэтическую справедливость и следили за тем, чтобы она была тщательно отмерена.

Состязание в остроумии между Одним и Вафтрудниром имеет параллель с музыкальным соперничеством Аполлона и Марсия или с испытанием мастерства между Минервой и Арахной. Один также напоминал Аполлона в том, что он тоже был богом красноречия и поэзии и мог завоевывать все сердца своим божественным голосом; он был подобен Меркурию в том, что учил смертных пользоваться рунами, в то время как греческий бог ввел алфавит.

Мифы времен года

Исчезновение Одина, солнца или лета, и последующее опустошение Фригги, земли, - это всего лишь другая версия мифов о Прозерпине и Адонисе. Когда Прозерпина и Адонис уходят, земля (Церера или Венера) горько оплакивает их отсутствие и отказывается от всякого утешения. Только когда **Ошибка! Залладка не определена.**они возвращаются из своего изгнания, она сбрасывает траурные одежды и мрачность и снова облачается во все свои драгоценности. Итак, Фригг и Фрейя оплакивают отсутствие своих мужей Одина и Одура и остаются жесткими и холодными до их возвращения. Жена Одина, Сага, богиня истории, которая задержалась у Соквабека, "потока времени и событий", отмечая все, что она видела, подобна Клио, музе истории, которую Аполлон искал у вдохновляющего источника Геликон.

Точно так же, как, согласно Эвгемеру, был исторический Зевс, похороненный на Крите, где его могилу можно увидеть до сих пор, был и исторический Один, чей курган возвышается недалеко от Упсалы, где когда-то стоял величайший Северный храм и где рос могучий дуб, соперничавший со знаменитым деревом Додона.

Фригга и Юнона

Фригга, как и Юнона, была олицетворением атмосферы, покровительницей брака, супружеской и материнской любви, богиней деторождения. Она тоже представлена как красивая, статная женщина, радующаяся своим украшениям; а ее особая служанка, Гна, соперничает с Айрис в быстроте, с которой она выполняет приказы своей госпожи. Юнона полностью контролирует облака, которые она может смахнуть движением руки, а Фригг должна сплести их из нити, которую она намотала на свою украшенную драгоценными камнями прялку.

В греческой мифологии мы находим множество примеров того, как Юнона пытается перехитрить Юпитера. В северных мифах нет недостатка в подобных историях. Юнона овладевает Ио, несмотря на нежелание своего мужа расставаться с ней, а Фригга искусно обеспечивает победу Вайнерам в "Саге о Лангобардене". Гнев Одина из-за кражи золота Фриггой из его статуи **Ошибка! Залладка не определена.**статуя эквивалентна супружескому неудовольствию Юпитера из-за ревности Юноны и вмешательства в ее дела во время Троянской войны. В истории Гефдзон и о том, как ловко она добыла землю у Гильфи для

создания своего королевства Силанд, мы имеем воспроизведение истории Дидоны, которая хитростью заполучила землю, на которой основала свой город Карфаген. В обоих рассказах фигурируют быки, ибо, в то время как в северном мифе эти крепкие животные уводят участок суши далеко в море, в другом бычья шкура, разрезанная на полосы, служит прикрытием для пожалования королевы.

Музыкальные мифы

Гамельнский крысолов, который мог привлечь все живые существа своей музыкой, подобен Орфею или Амфиону, чьи лиры обладали такой же силой; а Один, как предводитель мертвых, является двойником Меркурия Психопомпуса, оба являются олицетворениями ветра, на крыльях которого, как считалось, развоплощенные души уносятся из этой бренной сферы.

Верный Экхардт, который хотел бы спасти Тангейзера и не допустить его возвращения, чтобы подвергнуться чарам колдуньи в Херзельберге, подобен Греческому наставнику, который не только сопровождал Телемаха, но и давал ему хорошие советы и мудрые наставления, и спас бы Улисса из рук Калипсо.

Тор и греческие боги

Тор, северный бог грома, также имеет много общего с Юпитером. Он носит молот Мьелльнир, северную эмблему смертоносной молнии, и, подобно Юпитеру, свободно пользуется им, сражаясь с гигантами. Своим быстрым ростом Тор напоминает Меркурия, ибо, в то время как первый игриво **Ошибка! Закладка не определена.** разбрасывает несколько охапок бычьих шкур через несколько часов после своего рождения, второй крадет быков Аполлона еще до того, как ему исполнится один день. По физической силе Тор напоминает Геракла, который также рано продемонстрировал необычайную силу, задушив змей, посланных убить его в колыбели, и который позже получал удовольствие, нападая на великанов и монстров и побеждая их. Геракл превратился в женщину и начал прясть, чтобы угодить Омфале, лидийской королеве, а Тор переоделся в женское одеяние, чтобы навестить Трима и забрать свой молот, который был зарыт в девяти раст. под землей. Молот, его главный атрибут, использовался для многих священных целей. Он освящал погребальный костер и брачный обряд, а пограничные кольца, вбиваемые молотком, считались у северных народов такими же священными, как Гермы или статуи Меркурия, удаление которых каралось смертью.

Жена Тора, Сиф, с ее роскошными золотыми волосами, является, как мы уже говорили, символом земли, а ее волосы - ее богатой растительности. Кража Локи этих локонов эквивалентна изнасилованию Плутоном Прозерпины. Чтобы вернуть золотые локоны, Локи должен навестить карликов (слуг Плутона), прячущихся в нижних переходах подземного мира; поэтому Меркурий должен искать Прозерпину в Аиде.

Овод, который мешает Юпитеру вернуть власть над Ио после того, как Меркурий убил Аргуса, вновь появляется в северном мифе, чтобы ужалить Брока и попытаться помешать изготовлению волшебного кольца Драупнир, которое является всего лишь копией кос Сиф, поскольку оно также представляет плоды земли. Муха продолжает мучить гнома во время изготовления кабана Фрея с золотой щетиной, прототипа золотой солнечной колесницы Аполлона, и это мешает идеальной форме рукояти молота Тора. **Ошибка! Закладка не определена.**

Волшебный корабль Скидбладнир, также сделанный гномами, подобен быстроходному "Арго", который был олицетворением плывущих над головой облаков; и точно так же, как о

первом говорили, что он достаточно велик, чтобы вместить всех богов, так и второй унес всех греческих героев в далекую страну Колхиду.

Германцы, желая назвать дни недели в честь своих богов, как это делали римляне, дали имя Тора дню Юпитера и, таким образом, сделали его нынешним четвергом.

Борьба Тора против Хрунгнира является параллелью битве между Гераклом и Какусом или Антеем; в то время как Гроа, очевидно, Церера, поскольку она тоже оплакивает своего отсутствующего ребенка Орвандила (Прозерпину) и разражается радостной песней, когда слышит, что он вернется.

Магни, сын Тора, который всего в трехчасовом возрасте проявляет свою удивительную силу, поднимая ногу Хрунгнира со своего лежащего отца, также напоминает нам о младенце Геркулесе; а ненасытный аппетит Тора на свадебном пиру Трима имеет аналогию с первым ужином Меркурия, который состоял из двух целых быков.

Переправа Тором через вздувшийся прилив Веймер напоминает нам о подвиге Ясона, когда он перешел вброд поток, направляясь навестить тирана Пелиаса и вернуть трон своего отца.

Чудесное ожерелье, которое носили Фригг и Фрейя для усиления своего очарования, подобно цесту, или поясу Венеры, который Юнона позаимствовала, чтобы подчинить своего повелителя, и, подобно локонам Сиф и кольцу Драупнир, является эмблемой пышной растительности или прообразом звезд, сияющих на небосводе.

Северный бог меча Тир - это, конечно же, греческий бог войны Арес, на которого он так похож, что его имя было дано дню недели, считающемуся священным для Ареса, который даже сейчас известен как вторник или день Тиу **Ошибка! Закладка не определена..** Подобно Аресу, Тир был шумным и отважным; он наслаждался шумом битвы и всегда был бесстрашен. Он один осмелился бросить вызов волку Фенриру; и южная пословица о Сцилле и Харибде имеет аналог в северной пословице: "вырваться из Лединга и вырваться из Дромы". Волк Фенрис, также олицетворяющий подземный огонь, заключен, как и его прототипы Титаны, в Тартар.

Сходство между нежным, любящим музыку Браги с его арфой и Аполлоном или Орфеем очень велико; так же как и сходство между волшебным напитком Од-хрозир и водами Геликона, которые, как предполагалось, служили источником вдохновения как для смертных, так и для бессмертных поэтов. Один надевает орлиные перья, чтобы унести этот драгоценный мед, а Юпитер принимает похожий облик, чтобы обезопасить своего виночерпия Ганимеда.

Идун, подобно Адонису и Прозерпине, или еще больше подобно Эвридике, также является прекрасным олицетворением весны. Ее уносит жестокий ледяной великан Тиасси, который олицетворяет кабана, убившего Адониса, похитителя Прозерпины, или ядовитую змею, укусившую Эвридику. Идун надолго задерживают в Етун-хейме (Гадесе), где она забывает все свои веселые, игривые манеры и становится печальной и бледной. Она не может вернуться в Асгард одна, и только когда Локи (ныне эмблема южного ветра) приходит, чтобы унести ее в виде ореха или ласточки, она может совершить побег. Она напоминает нам о Прозерпине и Адонисе, которых Меркурий (бог ветра) провожает обратно на землю, или об Эвридике, выманиваемой из Ада сладкими звуками арфы Орфея, которые также символизировали завывание ветров.

Идун и Эвридика

Миф о падении Идун из Иггдрасиля в самые темные глубины Нифль-Хейма, хотя и подлежит той же **Ошибка! Залладка не определена.**объяснению и сравнению, что и вышеприведенная история, все же более тесно связан со сказкой об Орфее и Эвридике, поскольку первый, как и Браги, не может существовать без последней, за которой он следует даже в темное царство смерти; без нее его песни полностью заглушены. Волчья шкура, в которую закутана Идун, типична для сильных снегопадов в северных регионах, которые защищают нежные корни от губительного воздействия экстремальных зимних холодов.

Скади и Диана

Ван Ньерд, бог солнечных летних морей, имеет своего двойника в лице Нептуна и особенно Нерее, олицетворения спокойного и приятного аспекта могучих глубин. Жена Ньерда, Скади, северная охотница; поэтому она похожа на Диану. Как и она, она носит колчан, полный стрел, и лук, с которым она обращается с непревзойденным мастерством. Кроме того, ее короткое платье обеспечивает максимальную свободу движений, и ее тоже обычно сопровождает собака.

История о перенесении глаз Тиасси на небосвод, где они сияют, как яркие звезды, напоминает нам о многих греческих звездных мифах, и особенно о глазах Аргуса, всегда настороже, об Орионе и его украшенном драгоценными камнями поясе, и о его собаке Сириусе, превращенных богами в звезды, чтобы умиловить разгневанных богинь. Выходки Локи, направленные на то, чтобы вызвать улыбку у разгневанной Скади, считаются сродни дрожащим вспышкам молний, которые он олицетворял на Севере, в то время как Стеропес, Циклоп, олицетворял это для греков.

Фрей и Аполлон

Северный бог солнечного света и летних ливней, добродушный Фрей, имеет много общих черт с Аполлоном, поскольку, подобно ему, он красив и молод, ездит верхом на кабана с золотой щетиной, который был северным понятием **Ошибка! Залладка не определена.**из солнечных лучей или разъезжает по небу в золотой колеснице, которая напоминает нам о сверкающей колеснице Аполлона.

Кроме того, Фрей обладает некоторыми чертами нежного Зефируса, поскольку он тоже разбрасывает цветы на своем пути. Его конь Блодуг-хофи мало чем отличается от Пегаса, любимого скакуна Аполлона, поскольку может проходить сквозь огонь и воду с одинаковой легкостью и скоростью.

Фро, подобно Одину и Юпитеру, также отождествляется с человеческим царем, и его курган находится рядом с курганом Одина недалеко от Упсалы. Его правление было настолько счастливым, что его называли Золотым веком, и поэтому он напоминает нам о Сатурне, который, сосланный на землю, правил народом Италии и даровал им такое же процветание.

Фрейя и Венера

Герда, прекрасная девушка, подобна Венере, а также Аталанте; за ней трудно ухаживать и ее трудно завоевать, как быстроногую девушку, но, как и она, она в конце концов уступает и становится счастливой женой. Золотые яблоки, которыми Скирнир пытается подкупить ее, напоминают нам о золотом плоде, который Гиппомен бросил на пути Аталанты и из-за которого она проиграла гонку.

Фрейя, богиня молодости, любви и красоты, подобно Венере, вышла из моря, ибо она дочь морского бога Ньерда. Венера отдавала свои лучшие чувства богу войны и воинственному Анхизу, в то время как Фрейя часто надевает одеяние Валькирии и быстро спускается на землю, чтобы принять участие в смертельной схватке и унести героически убитых на пир в свои чертоги. Подобно Венере, она наслаждается подношениями фруктов и цветов и благосклонно прислушивается к просьбам влюбленных. Фрейя также похожа на Минерву, потому что, как и она, носит шлем и нагрудник, и, как и она, также известна своими прекрасными голубыми глазами. **Ошибка! Закладка не определена.**

Одур и Адонис

Одур, муж Фрейи, подобен Адонису, и когда он покидает ее, она тоже проливает бесчисленные слезы, которые в ее случае превращаются в золото, в то время как слезы Венеры превращаются в анемоны, а слезы Гелиад, оплакивающих Фаэтона, затвердевают до янтаря, который по цвету и консистенции напоминает золото. Точно так же, как Венера радуется возвращению Адониса, и вся Природа расцветает в согласии с ее радостью, так и у Фрейи снова становится беззаботно на сердце, когда она находит своего мужа под цветущими южными миртами. Колесницу Венеры запрягают порхающие голуби, а колесницу Фрейи стремительно несут кошки, которые являются символами чувственной любви, поскольку голуби считались олицетворением самой нежной любви. Фрейя ценит красоту и гневно отказывается выходить замуж за Трима, в то время как Венера презирует Вулкана и в конце концов бросает его, за которого ее вынудили выйти замуж против ее воли.

Греки представляли Правосудие в виде богини с завязанными глазами, с весами в одной руке и мечом в другой, чтобы показать беспристрастность и неизменность ее постановлений. Соответствующим северным божеством был Форсети, который терпеливо выслушивал обе стороны вопроса, прежде чем тоже вынести свой беспристрастный и бесповоротный приговор.

Уллер, бог зимы, напоминает Аполлона и Ориона только своей любовью к охоте, которой он с жаром занимается при любых обстоятельствах. Он лучник с Севера, и его мастерство столь же безошибочно, как и у них.

Хеймдалль, как и Аргус, был одарен изумительной остротой зрения, которая позволяла ему видеть на расстоянии ста миль ночью так же ясно, как и днем. Его рог Джаллар, который был слышен по всему миру, возвещая о переходе богов туда и обратно по дрожащему мосту Биврест, был подобен трубе прославленной богини. Поскольку он был связан с водой <C:\Users\James Bond\Desktop\K - ПЕРЕВЕДЕНО\РАЗНОЕ\ h - X858e94d7d90dac3d090bab4fb8a7669cc36e9ee> божествами по материнской линии, он мог, подобно Протею, принимать любую форму по желанию, и он хорошо использовал эту силу, когда сорвал попытку Локи украсть ожерелье Брисинга-мен.

Хермод, быстрый или проворный, напоминает Меркурия не только своей изумительной быстротой движений. Он тоже был посланником богов и, подобно греческому божеству, мелькал туда-сюда, сопровождаемый не крылатой шапкой и сандалиями, а конем Одина Слейпниром, на котором ему одному было позволено ездить верхом. Вместо Кадуцея он нес жезл Гамбантейн. Он расспросил норнов и волшебника Росстиофа, от которых узнал, что Вали придет, чтобы отомстить за своего брата Бальдра и свергнуть своего отца Одина. Примеры подобных консультаций встречаются в греческой мифологии, где Юпитер охотно женился бы на Фетиде, но воздержался, когда Судьба предсказала, что, если он сделает это, она станет матерью сына, который превзойдет своего отца в славе.

Северный бог безмолвия Видар имеет некоторое сходство с Геркулесом, поскольку, в то время как у последнего нет ничего, кроме дубинки, с помощью которой он защищается от немейского льва, которого он разрывает на части, первый способен растерзать волка Фенрира в Рагнареке благодаря одному большому ботинку.

Ринда и Даная

Ухаживание Одина за Риндой напоминает нам ухаживание Юпитера за Данаей, которая также является символом земли; и если золотой дождь в греческой сказке символизирует оплодотворяющие солнечные лучи, то ванна для ног в северной сказке олицетворяет весеннюю оттепель, которая наступает, когда солнце преодолевает сопротивление замерзшей земли. Персей, дитя этого союза, имеет много общего с Вали, поскольку он тоже, **Ошибка! Закладка не определена.** мститель и убивает врагов своей матери так же верно, как Вали уничтожает Ходура, убийцу Бальдра.

Поездка в Шторм

Гилберт Байес

Предполагалось, что Судьбы управляют рождением в Греции и предсказывают будущее ребенка, как это делали Норны; и история Мелеагра имеет безошибочную параллель с историей Норнагесты. Алтея хранит наполовину сгоревшую головню в сундуке, Норнагеста прячет огарок свечи в своей арфе; и в то время как мать-гречанка вызывает смерть своего сына, бросая головню в огонь, Норнагеста, вынужденный зажечь свой огарок по приказу Олафа, умирает, когда тот шипит и сгорает.

Геба и Валькирии были виночерпиями Олимпа и Асгарда. Все они были олицетворением молодости; и хотя Геба вышла замуж за великого героя и полубога Геркулеса, когда перестала выполнять свои обязанности, Валькирии были освобождены от своих обязанностей, когда объединились с такими героями, как Хельги, Хакон, Велунд или Сигурд.

Критский лабиринт имеет свой аналог в исландском Велундархусе, и Велунд и Дедалус совершают свой побег из лабиринта с помощью хитроумно сконструированной пары крыльев, которые позволяют им безопасно летать над сушей и морем и спастись от тирании своих соответствующих хозяев, Нидуда и Миноса. Велунд похож на Вулкана еще и тем, что он

умный кузнец и использует свои таланты для осуществления своей мести. Вулкан, искалеченный падением с Олимпа и забытый Юноной, с которой он пытался подружиться, посылает ей золотой трон, снабженный хитроумными пружинами для захвата и крепкого удержания ее. Велунд, уязвленный предложением королевы Нидуда, тайно убивает ее сыновей и на их глазах изготавливает чудесные драгоценности, которые она, ничего не подозревая, носит на груди, пока он не раскроет их происхождение. **Ошибка! Закладка не определена.**

Морские мифы

Точно так же, как греки воображали, что бури были следствием гнева Нептуна, так и северные народы приписывали их либо корчам Ермунганда, змеи Мидгарда, либо гневу Эгира, который, подобно Нептуну, был увенчан морскими водорослями и часто посылал своих детей, дев волн (двойников Нереид и Океанид), поиграть на вздымающихся волнах. Нептун жил в коралловых пещерах недалеко от острова Эвба, в то время как Эгир жил в покоем дворце недалеко от Каттегата. Здесь его окружали ниски, ундины и русалки, аналоги греческих водяных нимф, а также речные боги Рейна, Эльбы и Неккара, которые напоминают нам Алфея и Пеней, речных богов греков.

Частота кораблекрушений на северных побережьях заставила людей думать о Ран (эквиваленте греческой морской богини Амфитриты) как о жадной и скуповатой, и они описывали ее как вооруженную прочной сетью, с помощью которой она затягивала все на глубину. Греческие сирены имели параллель в северной Лорелее, которая обладала таким же даром пения и также заманивала моряков на верную смерть; в то время как принцесса Ильза, превратившаяся в фонтан, напоминает нам нимфу Аретузу, претерпевшую аналогичное превращение.

В северной концепции Нифль-хейма мы имеем почти точную копию греческого Аида. Модгуд, страж моста Джаллар (моста смерти), по которому должны проходить все души умерших, взимает дань кровью так же строго, как Харон требует обол с каждой души, которую он переправляет через Ахерон, реку смерти. Свиристый пес Гарм, прячущийся в норе Гнипа и охраняющий врата Хель, подобен **Ошибка! Закладка не определена.** трехглавому чудовищу Церберу; а девять миров Нифлхейма мало чем отличаются от отделов Гадеса, Настронд является адекватной заменой Тартара, где нечестивые были наказаны с равной суровостью.

Обычай сжигать мертвых героев вместе с их оружием и умерщвлять жертвы, таких как лошади и собаки, на погребальном костре, был почти таким же на Севере, как и на Юге; и в то время как Морс или Танатос, греческая Смерть, изображалась с острой косой, Хель изображалась с метлой или граблями, которыми она пользовалась столь же безжалостно и которыми совершала не меньшие казни.

Бальдер и Аполлон

Бальдер, лучезарный бог солнечного света, напоминает нам не только Аполлона и Орфея, но и всех других героев солнечных мифов. Его жена Нанна похожа на Флору и еще больше на Прозерпину, потому что она тоже спускается в подземный мир, где остается на некоторое время. Золотой зал Бальдра в Брейдаблике подобен дворцу Аполлона на востоке; он также наслаждается цветами; все вокруг улыбается при его приближении и охотно обещает не причинять ему вреда. Как Ахилл был уязвим только в пятке, так и Бальдр мог быть убит только безобидной омелой, и его смерть вызвана ревностью Локи точно так же, как Геракл был убит ревностью Деяниры. Погребальный костер Бальдра на Рингхорне напоминает нам о смерти

Геракла на горе Тата, пламя и красноватый отблеск обоих костров символизируют заходящее солнце. Северный бог солнца и лета мог быть освобожден из Нифль-хейма только в том случае, если все живые и неодушевленные предметы проливали слезы; так, Прозерпина могла выйти из Ада только при условии, что она не принимала никакой пищи.

Незначительный отказ Тока пролить хоть слезинку подобен зернышкам граната, которые съела Прозерпина, и результат **Ошибка! Закладка не определена.** одинаково катастрофичен в обоих случаях, поскольку задерживает Бальдра и Прозерпину под землей, и земля (Фригга или Церера) должна продолжать оплакивать их отсутствие.

Через Локи зло вошло в Северный мир; дар огня Прометея навлек то же проклятие на греков. Наказание, налагаемое богами на виновных, мало чем отличается, ибо, в то время как Локи связан адамантиновыми цепями под землей и подвергается пыткам из-за непрерывного капания яда с клыков змеи, закрепленной над его головой, Прометей точно так же прикован к Кавказу, и прожорливый гриф постоянно охотится на его печень. Наказание Локи имеет другой аналог в наказании Тития, связанного в Аиде, и в наказании Энцелада, прикованного цепями под горой Этна, где его корчи вызывали землетрясения, а его проклятия вызывали внезапные извержения вулкана. Локи, далее, напоминает Нептуна тем, что он тоже принял лошадиный облик и был родителем замечательного скакуна, поскольку Слейпнир соперничает с Арионом как в скорости, так и в выносливости.

Фимбул-винтер сравнивали с долгой предварительной битвой под стенами Трои, а Рагнарек, грандиозную заключительную драму северной мифологии, - с сожжением этого знаменитого города. "Тор - это Гектор; волк Фенрис, Пирр, сын Ахилла, убивший Приама (Одина); а Видар, выживший в Рагнареке, - это Эней". Разрушение дворца Приама - это прообраз разрушения золотых чертогов богов; а всепожирающие волки Хати, Скекль и Мангарм, демоны тьмы, являются прототипами Париса и всех других демонов тьмы, которые уносят или пожирают солнечную деву Елену.

Рагнарек и Всемирный Потоп

Однако, согласно другой интерпретации, Рагнарек и последующее за ним затопление мира - это **Ошибка! Закладка не определена.**, но северная версия Всемирного Потопа.

Выжившим, Лиф и Лифтрасир, подобно Девкалиону и Пирре, было суждено вновь заселить мир; и точно так же, как только Дельфийское святилище устояло перед разрушительной силой великого катаклизма, так и Гимли стоял, сияя, чтобы принять выживших богов.

Гиганты и титаны

Мы уже видели, насколько северные гиганты походили на Титанов. Остается только упомянуть, что в то время как греки воображали, что Атлас превратился в гору, северяне верили, что Ризенгебирге в Германии образовался из великанов, и что лавины, сходящие с их высоких высот, были снежным грузом, который эти великаны нетерпеливо стряхивали со своих гребней, когда меняли свое стесненное положение. Явление в образе быка одного из водных великанов, пришедшего свататься к королеве франков, имеет параллель в истории о сватовстве Юпитера к Европе, и Меровея, очевидно, является точной копией Сарпедона. Можно проследить слабое сходство между гигантским кораблем "Маннигфуал" и "Арго", поскольку, хотя предполагается, что первый плавал по Эгейскому и Эвксинскому морям и сделал многие места незабываемыми из-за опасностей, с которыми он там столкнулся, северный корабль плавал по Северному и Балтийскому морям и упоминается в связи с островом Борнхольм и скалами Дувра.

В то время как греки воображали, что кошмары - это злые сны, ускользающие из пещеры Сомна, северная раса воображала, что это женщины-карлики или тролли, которые выползают из темных недр земли, чтобы мучить их. Говорили, что все магическое оружие на Севере было работой гномов, подземных кузнецов, в то время как греческое было **Ошибка! Закладка не определена.**изготовлено Вулканом и Циклопами под горой Этна или на острове Лемнос.

Сага о Вельсунгах

В мифе о Сигурде мы находим Одина одноглазым, как Циклопы, которые, как и он, являются олицетворениями солнца. Сигурда обучает Грипир, дрессировщик лошадей, который напоминает кентавра Хирона. Он не только способен научить молодого героя всему, что ему нужно знать, и дать ему хороший совет относительно его будущего поведения, но и обладает даром пророчества.

Чудесный меч, который становится собственностью Зигмунда и Сигурда, как только они доказывают, что достойны владеть им, и меч Ангурвадель, который Фритьоф унаследовал от своего отца, напоминают нам об оружии, которое Эгей спрятал под скалой и которым завладел Тесей, как только стал мужчиной. Сигурд, подобно Тесею, Персею и Ясону, стремится отомстить за обиды своего отца, прежде чем отправиться на поиски золотого клада, точной копии золотого руна, которое также охраняет дракон, и его очень трудно добыть. Как и у всех греческих богов солнца и героев, у Сигурда золотистые волосы и ярко-голубые глаза. Его борьба с Фафниром напоминает нам борьбу Аполлона с Пифоном, в то время как кольцо Андваранавта можно сравнить с венериным цестом, а проклятие, наложенное на его обладательницу, подобно трагедии Елены, которая принесла бесконечное кровопролитие всем, кто был связан с ней.

Сигурд не смог бы победить Фафнира без волшебного меча, точно так же, как грекам не удалось взять Трои без стрел Филоктета, которые также являются эмблемами всепобеждающих лучей солнца. Возвращение украденного сокровища подобно возвращению Менелая Елены, и это, очевидно, приносит Сигурду так же мало счастья, как его жена-изменница спартанскому царю. **Ошибка! Закладка не определена.**

Брюнхильд

Брюнхильд похожа на Минерву своими воинственными вкусами, внешностью и мудростью; но ее гнев и обида, когда Сигурд забывает ее ради Гудрун, подобны гневу Эноны, которую Парис бросает, чтобы добиться расположения Елены. Гнев Брюнхильд продолжает сопровождать Сигурда по жизни, и она даже пытается предотвратить его смерть, в то время как Нонон, призванная вылечить своего раненого возлюбленного, отказывается сделать это и позволяет ему умереть. Ноне и Брюнхильд испытывают одни и те же угрызения совести, когда их возлюбленные выпускают последний вздох, и обе настаивают на том, чтобы разделить с ними погребальные костры и закончить свою жизнь рядом с теми, кого они любили.

Мифы о Солнце

Содержащая в себе целую серию мифов о солнце, Сага о Вельсунгах повторяется в каждой фазе; и точно так же, как Ариадна, покинутая героем-солнцем Тесеем, в конце концов выходит замуж за Бахуса, так и Гудрун, когда Сигурд уезжает, выходит замуж за Атли, короля гуннов. Он тоже заканчивает свою жизнь в пламени своего горящего дворца или корабля. Гуннар, подобно Орфею или Амфиону, наигрывает на своей арфе такие чудесные звуки, что

убаюкивает даже змей. Согласно некоторым интерпретациям, Атли подобен Фафниру и жаждет завладеть золотом. Следовательно, оба, вероятно, являются олицетворениями “зимнего облака, которое нависает над смертными и скрывает от них золото солнечного света и тепла, пока весной яркое светило не преодолеет силы тьмы и бурь и не рассеет свое золото по лицу земли”.

Сванхильд, дочь Сигурда, является еще одним олицетворением солнца, что видно по ее голубым глазам и золотым волосам; и ее смерть под копытами черных коней **Ошибка! Закладка не определена.**представляет собой заслонение солнца грозовыми тучами или тьмой.

Точно так же, как Кастор и Поллукс спешат спасти свою сестру Елену, когда ее уносит Тесей, братья Сванхильд, Эрп, Хамдир и Серли, спешат отомстить за ее смерть.

Таковы основные моменты сходства мифологий Севера и Юга, и аналогия доказывает, что изначально они были созданы из одних и тех же материалов, а принципиальные различия объясняются местным колоритом, подсознательно привнесенным разными расами.

Ошибка! Закладка не определена.

Ошибка! Закладка не определена.

Ошибка! Закладка не определена.

Рассказано Сквозь века

Каждый том содержит шестнадцать полностраничных иллюстраций ведущих художников

1. Легенды Греции и Рима.

Ву Г. Х. КУПФЕР, М.А., Третье издание, 1907.

2. Любимые греческие мифы.

Автор Л. С. ХАЙД.

3. Истории о Робине Гуде и его веселых разбойниках.

Пересказ Старых баллад Дж. УОКЕРА МАКСПАДДЕНА.

4. Истории о короле Артуре и Его рыцарях.

Пересказано из “Смерти Артура” Мэлори У. У.. КАТЛЕР.

5. Истории из греческой истории.

Пересказано из Геродота Х. Л. ХАВЕЛЛОМ, бакалавром, бывшим стипендиатом Университетского колледжа Оксфорда.

6. *Рассказы Вагнера.*

Пересказано Дж. УОКЕРОМ МАКСПАДДЕНОМ.

7. *Давным-давно в Британии.*

Истории из древнеанглийских и кельтских источников. Пересказано Э. М. Уилмот-Бакстоном.

8. *Истории из истории Шотландии.*

Выбрано из “Рассказов об одном дедушке” Скотта Мадален Эдгар, магистра медицины

9. *Истории из греческой трагедии.*

Пересказано Х. Л. ХАВЕЛЛОМ, Б.А.

10. *Рассказы Диккенса.*

Выбрано Дж. УОКЕРОМ МАКСПАДДЕНОМ.

11. *Истории из Земного рая.*

Пересказ Уильяма Морриса Мадаленом Эдгаром, магистром медицины

12. *Истории из Энеид.*

Пересказано из Вергилия Х. Л. ХАВЕЛЛОМ, Б.А.

13. *Книга Рустема.*

Пересказано из “Шах-наме” Э. М. Уилмот-Бакстоном.

14. *Рассказы Чосера.*

Пересказано Дж. УОКЕРОМ МАКСПАДДЕНОМ.

15. *Истории из Ветхого Завета.*

Пересказано С. ПЛАТТОМ.

16. *Истории из "Одиссеи".*

Пересказано Х. Л. ХАВЕЛЛОМ, Б.А.

17. *Истории из "Илиады".*

Пересказано Х. Л. ХАВЕЛЛОМ, Б.А.

18. *Рассказано северянами.*

Пересказано из Эдд и Саг Э. М. Уилмот-Бакстоном.

19. *Истории из "Дон Кихота".*

Пересказано Х. Л. ХАВЕЛЛОМ, Б.А.

Список цен и т.д. будет отправлен по любому адресу.

Ошибка! Закладка не определена.

Униформа с надписью “Мифы скандинавов”

Мифы Греции и Рима

Их Истории, значение и происхождение

Г. А. ГЕРБЕР

С шестьюдесятью четырьмя изысканными иллюстрациями во всю страницу, включая лучшие работы лорда ЛЕЙТОНА, СЭРА Э. БЕРН-ДЖОНСА, СОЛОМОНА ДЖ. СОЛОМОНА, Г. Ф. УОТТСА, ГЕРБЕРТА ДРЕЙПЕРА, ГЕНРИЕТТЫ РЭЙ, ГАРРИ БЕЙТСА, ДОСТОПОЧТЕННОГО ДЖ. ДЖОН КОЛЛИЕР, СЭРА Э. ДЖ. ПОЙНТЕР, МИКЕЛАНДЖЕЛО, РАФАЭЛЬ, РУБЕНС, КАНОВА, ГВИДО РЕНИ, ФИДИЙ, БЕРНИНИ, ТИЦИАН, БЕЛАСКЕСИ Т.Д. и Т.П.

Дету 8vo, 8½ × 5½ дюйма, 416 стр. Шрифт

Букинист говорит:—

“Это великолепно иллюстрированной книге, в которой Господа. - Португальский и португальский-будет тепло поблагодарил, является одним из самых успешных в своем роде. Это истории, которые мистер Гербер рассказал с изяществом и очарованием, с правильным чувством к классическим периодам; это истории, которые, как мы привыкли верить, никогда нельзя рассказывать слишком часто. Эта книга является подходящим изложением такой темы”.

Нация говорит:—

“Истории хорошо рассказаны, а расположение книги достойно восхищения. Действительно, мы не знаем другой книги, в которой классические мифы трактовались бы с таким сочетанием точной учености, простоты и литературного мастерства ”.

Шотландец говорит:—

“Мистер Гербер вплел классическую мифологию в связную историю и с поразительной свежестью и интересом рассказал знакомые мифы и традиции греческой и римской литературы. Эта книга одновременно является увлекательным рассказом и ценным справочником, и не в последнюю очередь ее привлекательность заключается в прекрасных иллюстрациях, все из которых являются репродукциями известных картин, древних и современных ”.

В новостях об образовании говорится:—

“Это действительно великолепная книга, из-за которой ваш рецензент проводит на ее страницах больше времени, чем он может себе позволить. Нам нужно больше узнать о мифах Греции и Рима ... перед вами именно та книга, которая должна просветить и самой своей красотой внушить читателям понимание того евангелия прекрасного, которое прививают эти древние мифы ”.

"Абердинская свободная пресса" сообщает:—

“Существует много книг по мифологии, но мы не знаем ни одной, полностью похожей на нынешнюю. В нем в удобном виде представлено все, что нужно знать обычному студенту, а истории тщательно классифицированы. Мистер Гербер выпустил книгу, которая восхищает как ум, так и взор ”.

Ошибка! Закладка не определена.

Готов Сентябрь 1909 г.

Соответствует “Мифам Греции и Рима” и “Мифам скандинавов”.

Мифы и легенды средневековья

Автор Х. А. ГЕРБЕР

С шестьюдесятью четырьмя изысканными иллюстрациями во всю страницу из важных произведений великих художников

Дету 8vo, 8^{5⁄8} × 5^{1⁄2} дюйма, 416 стр. Печатными буквами. С полным указателем

Целью данной работы является ознакомление студентов с мифами и легендами, которые составляют основные сюжеты средневековой литературы и влияние которых повсеместно проявляется в последующей истории литературы и искусства. Следуя плану и трактовке предыдущих томов автора этой серии, в связи с различными легендами приводятся соответствующие цитаты из средневековых и современных произведений. Они иллюстрируют стиль стихотворения, в котором они воплощены, или придают дополнительную силу какому-то моменту повествования. Книга включает примечательные иллюстрации и главу, посвященную романской литературе того периода в различных странах Европы.

Содержание

- Содержание
- Список иллюстраций
- Введение
- Глава I: Начало
 - Мифы о сотворении мира
 - Имир и Аудумла
 - Один, Вили и Ве
 - Сотворение Земли
 - Мани и Соль
 - Гномы и эльфы
 - Сотворение человека
 - Дерево Иггдрасиль
 - Мост Бифрест
 - Ваны
- Глава II: Один
 - Отец Богов и Людей
 - Личный облик Одина
 - Валгалла
 - Праздник героев
 - Слейпнир
 - Дикая охота
 - Крысолов
 - Епископ Хатто

- Ирмин
- Мимир здоров
- Один и Вафтруднир
- Изобретение рун
- Гейрред и Агнар
- Первомайские гуляния
- Исторический Один
- Глава III: Фригга
- Царица богов
- Украденное Золото
- Один перехитрил
- Полно
- Гна
- Lofn, Vjofn и Syn
- Гефджон
- Эйра, Вара, Вер и Снотра
- Holda
- Открытие льна
- Tannhäuser
- Эстра, богиня весны
- Берта, Белая леди
- Глава IV: Тор
- Громовержец
- Молот Тора
- Семья Тора
- Сиф, Золотоволосая
- Путешествие Тора в Йотун-хейм
- Утгард-локи
- Тор и Хрунгнир
- Гроа, Колдунья
- Тор и Трим
- Тор и Гейрред
- Поклонение Тору
- Глава V: Тир
- Бог войны
- Меч Тира
- История Фенриса
- Глава VI: Браги
- Происхождение поэзии
- Поиски Сквозняка
- Изнасилование Сквозняком
- Бог музыки
- Поклонение Браги
- Глава VII: Идун

- Яблоки молодости
- История Тиасси
- Возвращение Идун
- Богиня весны
- Идун попадает в Нижний мир
- Глава VIII: Ньерд
 - Заложник у богов
 - Бог лета
 - Скади, богиня Зимы
 - Расставание Ньерда и Скади
 - Поклонение Ньерду
- Глава IX: Фрей
 - Бог Сказочной страны
 - Ухаживание за Гердой
 - Исторический Фрей
 - Поклонение Фрею
 - Святочный праздник
 - Как море стало соленым
- Глава X: Фрейя
 - Богиня любви
 - Королева Валькирий
 - Фрейя и Одур
 - Ожерелье Фрейи
 - История Оттара и Ангантыра
 - Мужья Фрейи
 - Поклонение Фрейе
- Глава XI: Уллер
 - Бог зимы
 - Поклонение Уллеру
- Глава XII: Форсети
 - Бог Справедливости и Истины
 - История Гельгоlanda
- Глава XIII: Хеймдалль
 - Страж богов
 - Хранитель радуги
 - Локи и Фрейя
 - Имена Хеймдалля
- Глава XIV: Хермод
 - Проворный Бог
 - Хермод и Прорицатель
- Глава XV: Видар
 - Безмолвный Бог
 - Башмак Видара
 - Пророчество Норны

- Глава XVI: Вали
 - Ухаживание за Риндой
 - Рождение Вали
 - Поклонение Вали
- Глава XVII: Норны
 - Три Судьбы
 - Паутина норн
 - Другие Духи -Хранители
 - История Норнагесты
 - Вала
- Глава XVIII: Валькирии
 - Боевые Девы
 - Облачные Кони
 - Те , кто выбирает Убитых
 - Их Численность и обязанности
 - Вэйланд и Валькирии
 - Брюнхильд
- Глава XIX: Хель
 - Отпрыск Локи
 - Королевство Хель в Нифль-хейме
 - Представления о будущей Жизни
 - Мор и голод
- Глава XX: Эгир
 - Бог моря
 - Богиня Убежала
 - Волны
 - Чайник для заварки Эгира
 - Тор и Гимир
 - Нелюбимые Божества
 - Другие морские божества
 - Речные нимфы
 - Легенды Лорелеи
- Глава XXI: Бальдер
 - Самый Любимый
 - Мечта Болдера
 - Пророчество Вала
 - Боги в игре
 - Смерть Бальдра
 - Поручение Хермода
 - Погребальный костер
 - Поиски Хермода
 - Условие освобождения Болдера
 - Возвращение Хермода
 - Вали - Мститель

- Значение истории
- Поклонение Бальдру
- Глава XXII: Локи
 - Дух зла
 - Персонаж Локи
 - Сигын
 - Скрымсли и Крестьянский ребенок
 - Гигантский Архитектор
 - Последнее преступление Локи
 - Пир Эгира
 - Погоня за Локи
 - Наказание Локи
 - День Локи
- Глава XXIII: Гиганты
 - Jötun-heim
 - Происхождение гор
 - Первые Боги
 - Влюбленный великан
 - Великан и церковные колокола
 - Корабль гигантов
 - Принцесса Ильза
 - Игрушка Великанши
- Глава XXIV: Гномы
 - Маленькие человечки
 - Тарнкаппе
 - Легенда о Каллундборге
 - Магия гномов
 - Уход гномов
 - Подменыши
 - Вершины троллей
 - Предположение
- Глава XXV: Эльфы
 - Царство фей
 - Танец эльфов
 - Блуждающие огоньки
 - Оберон и Титания
 - Альфа-клякса
 - Изображения на дверных косяках
- Глава XXVI: Сага о Сигурде
 - Начало истории
 - Сага о Вельсунгах
 - Sigi
 - Перезапуск
 - Вольсунг

- Свадьба Сигни
- Меч в Древке
- Зигмунд
- Предательство Сиггейра
- Сыновья Сигни
- Синфиотли
- Обратни
- Сигмунд и Синфиотли захвачены Сиггейром
- Месть Зигмунда
- Хельги
- Смерть Синфиотли
- Хиордис
- Эльф, викинг
- Рождение Сигурда
- Сокровище короля гномов
- Меч Сигурда
- Битва с драконом
- Спящая Дева - Воительница
- Воспитание Аслауг
- Ниблунги
- Хитрость Гуннара
- Пришествие Брюнхильды
- Ссора королев
- Смерть Сигурда
- Бегство Гудрун
- Атли, царь гуннов
- Захоронение клада Ниблунгов
- Предательство Атли
- Последний из Ниблунгов
- Сванхильд
- Интерпретация Саги
- Глава XXVII: История Фритьофа
- Епископ Тегнер
- Рождение викинга
- Игра в мяч
- Кровная месть
- Торстен и Беле
- Рождение Фритьофа и Ингеборг
- Любовь Фритьофа к Ингеборг
- Хельге и Хафдан
- Иск Фритьофа
- У Сигурда появился Поклонник
- В Святилище Бальдра
- Фритьоф изгнан

- Вызов Атле
- Возвращение Фритьофа домой
- Фритьоф в Изгнании
- При дворе Сигурда Ринга
- Верность Фритьофа
- Помолвка Фритьофа и Ингеборг
- Глава XXVIII: Сумерки богов
- Закат богов
- Фимбул-зима
- Волки Вырвались на Свободу
- Хеймдалль подает сигнал тревоги
- Ужасы моря
- Ужасы Подземного мира
- Великая битва
- Всепожирающий Огонь
- Регенерация
- Новый Рай
- Слишком Могущественный, чтобы дать Ему Имя
- Глава XXIX: Греческая и северная мифологии
- Сравнительная мифология
- Начало всего
- Космогония
- Небесные явления
- Юпитер и Один
- Сотворение человека
- Норны и Судьбы
- Мифы времен года
- Фригга и Юнона
- Музыкальные мифы
- Тор и греческие боги
- Идун и Эвридика
- Скади и Диана
- Фрей и Аполлон
- Фрейя и Венера
- Одур и Адонис
- Ринда и Даная
- Морские мифы
- Бальдер и Аполлон
- Рагнарек и Всемирный Потоп
- Гиганты и титаны
- Сага о Вельсунгах
- Брюнхильд
- Мифы о Солнце
- Указатель поэтических цитат

- Глоссарий и указатель

- A
- B
- C
- D
- E
- F
- G
- H
- Я
- J
- K
- L
- M
- N
- O
- P
- Q
- R
- S
- T
- U
- V
- W
- Y
- Z

Колофон

Доступность

Эта электронная книга предназначена для использования кем угодно и где угодно, бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org.

Эта электронная книга подготовлена командой онлайн-корректоров по адресу www.pgdp.net.

66. Hélène Adeline Guerber (1859–1929)

67. Сэр Эдвард Коули Берн-Джонс, 1-й баронет (28 августа 1833-17 июня 1898)

68. Konrad Dielitz (1845–1933)

69. Джон Чарльз Доллман (6 мая 1851-11 декабря 1934)

70. Альберт Густав Аристидис Эдельфельт (21 июля 1854-18 августа 1905)

71. Кнут Эквалл (3 апреля 1843 года в Саби (провинция Смоланд), Швеция –4 апреля 1912 года в Саби)
72. Бенгт Эрланд Фогельберг (также Бенедикт Фогельберг) (8 августа 1786– 22 декабря 1854)
73. Гертруда Демейн Хэммонд (1862-1953)
74. Дороти Харди (1891-1925)
75. Hermann Kaulbach (German, 1846–1909)
76. Johan August Malmström (1829–1901)
77. Jacques Reich (1852–1923)
78. Жак Вагрез (1850-1946)
79. Бернард Эванс Уорд (1857– 3 августа 1933)
80. Оскар Арнольд Вергеланд (1844-1910)
81. Мартен Эскиль Винге (1825-1896)

Соответствующая страница открытого каталога библиотеки: [OL7211656M](#).

Соответствующая страница каталога WorldCat: [186944762](#).

Кодирование

История изменений

82. 2009-03-28 Начато.

Внешние ссылки

Эта электронная книга Project Gutenberg содержит внешние ссылки. Эти ссылки могут вам не подойти.

Исправления

В текст были внесены следующие исправления:

Страница	Исходного	исправления
49	[<i>He в источнике</i>]	.
59	[<i>He в источнике</i>]	.
61	[<i>He в источнике</i>]	.
79	Йотун-хейм	Йотун-хейм
99	или	из
109	из	или
110	‘	“
111	Арнола	Арнольд
123	состояние	состояния
128	говорят	сказать
135	[<i>Нет в источнике</i>]	.
146	[<i>He в источнике</i>]	)
166	;	,
181	Hel shoes	Hel-shoes
184	[<i>He в источнике</i>]	’

224	[Не в источнике]	.
246	lightor	light или
280	[Не в источнике]	133
318	[Не в источнике]	,
321	[Нет в источнике]	”
367	314, 314	314
369	Джаллар-хорн	Джаллар-хорн
377	.	[Удалено]
377	[Нет в источнике]	.
377	.)	).
380	зелье	для
383	Худа	Хульды
383	5 л	51
384	,	[Удалено]
387	[Нет в источнике]	).
388	.	;
391	Нертус с	Нертус
	[Нет в источнике]	.